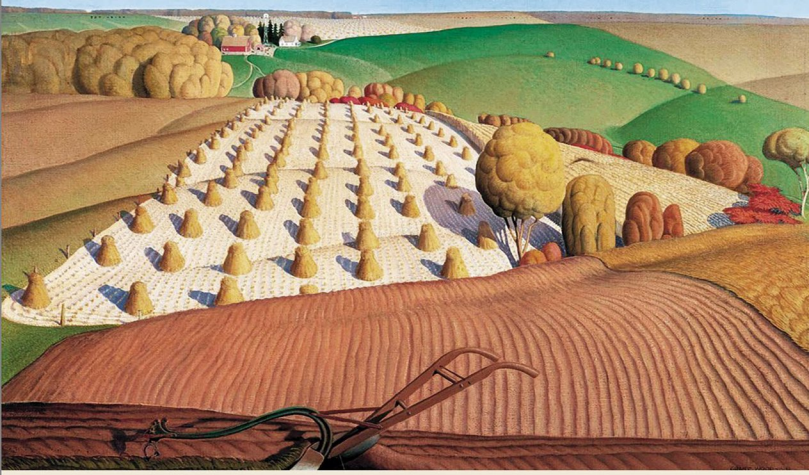

Джон Стейнбек

John Steinbeck

О мышах и людях
Жемчужина
Квартал Тортилья-Флэт
Консервный Ряд

О мышах и людях. Жемчужина. Квартал Тортилья-Флэт. Консервный Ряд

Джон Эрнст Стейнбек

Аннотация
Джон Стейнбек. О мышах и людях. Жемчужина. Квартал Тортилья-Флэт. Консервный Ряд
О мышах и людях
I
II
III
IV
V
VI
Жемчужина
I
II
III
IV
V
VI
Квартал Тортилья-Флэт
Предисловие
Вступление

I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII

Консервный Ряд

I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII

IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX
XX
XXI
XXII
XXIII
XXIV
XXV
XXVI
XXVII
XXVIII
XXIX
XXX
XXXI
XXXII

Аннотация

«О мышах и людях». Крестный путь двух бродяг, колесящих по охваченному Великой депрессией американскому Югу и нашедших пристанище на богатой ферме, где их появлению суждено стать толчком для жестокой истории любви, убийства и страшной, безжалостной мести…

«Жемчужина». Очаровательная и поэтичная притча о загадочной жемчужине, перевернувшей жизнь веселых обитателей бедного квартала приморского городка, – история о человеческой жадности, настоящей дружбе и неизбывной любви к красоте.

«Квартал Тортилья-Флэт» и «Консервный Ряд» – два произведения, посвященные колоритному миру трущоб калифорнийского города Монтерея 1930-х годов. Читателю предстоит знакомство с очень необычными персонажами, потомками индейцев, мексиканцев и американцев, – благородными плутами и самоотверженными хитрецами.

Джон Стейнбек
О мышах и людях. Жемчужина. Квартал Тортилья-Флэт. Консервный Ряд

John Steinbeck
OF MICE AND MEN
THE PEARL
TORTILLA FLAT
CANNERY ROW

© John Steinbeck, 1935, 1937, 1945
© Renewed by John Steinbeck, 1965
© Renewed by Elaine Steinbeck, John Steinbeck IV and Thom Steinbeck, 1973
© Copyright for Tortilla Flat renewed by John Steinbeck, 1963
© Copyright for Cannery Row renewed by Elaine Steinbeck, Thom Steinbeck, and John Steinbeck IV, 1973
© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2020
© Школа перевода В. Баканова, 2020
© Перевод. И. Гурова, наследники, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

О мышах и людях

Перевод с английского *В. Хинкиса*

I

В нескольких милях к югу от Соледада река Салинас подступает вплотную к горам и течет у самых их подножий. Вода здесь глубокая, зеленая и теплая, потому что река эта долго текла по желтым пескам, поблескивая на солнце, прежде чем образовать небольшую заводь. На одном берегу золотистые предгорья круто поднимаются к могучему скалистому хребту Габилан, а на другом, равнинном, берегу растут деревья — ивы, которые покрываются каждую весну молодой зеленью и сохраняют на нижних листьях следы зимнего разлива, и сикоморы с пятнистыми, беловатыми кривыми сучьями и ветвями, которые склоняются над заводью. Земля под деревьями устлана толстым ковром листьев, таких хрустких, что даже ящерица пробежит — и то слышно. По вечерам из кустов вылезают кролики и сидят на песке, а ночью по сырому и ровному берегу снуют еноты да на песке остаются следы широких лап собак с окрестных ранчо и острых раздвоенных копыт оленей, которые приходят в темноте на водопой.

Меж ив и сикоморов вьется тропа, протоптан-

ная мальчишками, прибегающими с ближнего ранчо купаться в глубокой заводи, и бродягами, которые по вечерам, свернув с шоссе, плетутся сюда переночевать у воды. Под низким прямым суком огромного сикомора скопилась куча золы от многого множества костров, а сам сук гладко отшлифован многим множеством людей, сидевших на нем.

К вечеру, после жаркого дня, поднялся ветерок и тихо шелестел в листве. Тени поползли вверх по склонам гор. Кролики сидели на песке недвижно, словно серые камни. А потом со стороны шоссе раздались шаги — кто-то шел по хрустким палым листьям сикоморов. Кролики бесшумно попрятались. Горделивая цапля тяжело поднялась в воздух и полетела над водой к низовьям. На миг все замерло, а потом двое мужчин вышли по тропе на поляну у заводи. Один все время шел позади другого, и здесь, на поляне, он тоже держался позади. Оба были в холстяных штанах и таких же куртках с медными пуговицами. На обоих были черные измятые шляпы, а через плечо перекинуты туго свернутые одеяла. Первый был маленький, живой, смуглолицый, с беспокойными глазами и строгим решительным лицом. Все в нем было выразительно: маленькие сильные

руки, узкие плечи, тонкий прямой нос. А второй, шедший позади, был большой, рослый, с плоским лицом и пустыми глазами; шагал он косолапо, как медведь, тяжело волоча ноги. Руками на ходу не размахивал, они висели вдоль тела.

Первый так резко остановился на поляне, что второй чуть не наскочил на него. Первый снял шляпу, вытер кожаную ленту указательным пальцем и стряхнул капельки пота. Его дюжий спутник сбросил свернутое одеяло, опустился на землю, припал к зеленоватой воде и стал пить; он пил большими глотками, фыркая в воду, как лошадь. Маленький забеспокоился и подошел к нему сзади.

— Ленни! — сказал он. — Ленни, Бога ради, не пей столько.

Ленни продолжал фыркать. Маленький нагнулся и тряхнул его за плечо.

— Ленни, тебе же опять будет плохо, как вчера вечером.

Ленни, окунув голову в реку, уселся на берегу, и струйки воды, стекая со шляпы на голубую куртку, бежали у него по спине.

— Эх, славно, — сказал он. — Попей и ты, Джордж. Вволю попей.

И он блаженно улыбнулся.

Джордж отцепил свой сверток и осторожно положил его на землю.

— Я не уверен, что вода здесь хорошая, — сказал он. — Больно уж много на ней пены.

Ленни шлепнул по воде огромной ручищей и пошевелил пальцами, так что вода пошла мелкой рябью; круги, расширяясь, побежали по заводи к другому берегу и снова назад. Ленни смотрел на них не отрываясь.

— Гляди, Джордж. Гляди, чего я сделал!

Джордж встал на колени и быстро напился, черпая воду горстями.

— На вкус вроде бы ничего, — сказал он. — Только, кажись, здесь она непроточная. Всегда пей только проточную воду, Ленни, — сказал он со вздохом. — А то ведь ты, ежели пить захочешь, хоть из вонючей канавы напьешься.

Плеснув пригоршню воды себе в лицо, он вытер рукой лоб и шею. Потом снова надел шляпу, отошел от воды и сел, обхватив колени руками. Ленни, не сводивший с него глаз, в точности последовал его примеру. Он отошел от воды, обхватил руками колени и поглядел на Джорджа, желая убедиться, что все сделал правильно. После этого он поправил шляпу, слегка надвинув ее на лоб, как у Джорджа.

Джордж, насупившись, глядел на реку. От яркого солнца у него вокруг глаз появились красные ободки. Он сказал сердито:

— Могли бы доехать до самого ранчо, если б этот сукин сын, шофер автобуса, не сбил нас с толку. Это, говорит, в двух шагах, прямо по шоссе, всего в двух шагах. Куда там к черту, ведь получилось добрых четыре мили, не меньше! Просто ему неохота было останавливаться у ранчо, вот и все. Лень ему, видите ли, притормозить. Небось ему и в Соледаде остановиться неохота. Высадил нас и говорит: «Тут в двух шагах по шоссе». А я уверен, что мы прошли даже больше четырех миль. Да еще по такой адской жарище!

Ленни робко посмотрел на него.

— Джордж.

— Ну, чего тебе?

— Куда мы идем, Джордж?

Джордж рывком надвинул шляпу еще ниже на лоб и со злостью оглядел Ленни.

— Стало быть, ты уже все позабыл? Стало быть, начинай тебе все сначала втолковывать? Господи Боже, что за дубина!

— Я позабыл, — тихо сказал Ленни. — Но я старался не позабыть. Ей-богу, старался, Джордж.

— Ну ладно, ладно. Слушай. Ничего не подела-

ешь. Тебе хоть всю жизнь толкуй, ты все одно позабудешь.

— Я старался, очень старался, — сказал Ленни, — да ничего не вышло. Зато я про кроликов помню, Джордж.

— Какие, к черту, кролики! Ты только про кроликов и помнишь. Так вот. Слушай и на этот раз запомни крепко, чтоб у нас не было неприятностей. Помнишь, как мы сидели в этой дыре на Говард-стрит и глядели на черную доску?

Лицо Ленни расплылось в радостной улыбке.

— Конечно, Джордж. Помню… Но… что мы тогда сделали? Я помню, мимо шли какие-то девушки и ты сказал… сказал…

— Плевать, что я там такое сказал. Помнишь, как мы пришли в контору Мэрри и Рэди, где нам дали расчетные книжки и билеты на автобус?

— Конечно, Джордж. Теперь помню. — Он быстро сунул обе руки в карманы. Потом сказал тихо: — Джордж, у меня нет книжки. Я, наверно, ее потерял.

Он в отчаянье потупился.

— У тебя ее и не было, болван. Обе они у меня, вот здесь. Так я и отдам тебе твою книжку, жди. Как бы не так.

Ленни вздохнул с облегчением и улыбнулся.

— А я… я думал, она здесь.

И снова полез в карман.

Джордж подозрительно взглянул на него.

— Что это у тебя в кармане?

— В кармане — ничего, — схитрил Ленни.

— Знаю, что в кармане ничего. Теперь это у тебя в руке. Что у тебя в руке?

— Ничего, Джордж, честное слово.

— А ну, давай сюда.

Ленни спрятал сжатый кулак.

— Это же просто мышь, Джордж.

— Мышь? Живая?

— Ну да, мышь. Дохлая мышь, Джордж. Но я ее не убивал. Честное слово! Я ее нашел. Так и нашел — дохлую.

— Подай сюда! — приказал Джордж.

— Пожалуйста, Джордж, не отбирай ее у меня.

— Подай сюда!

Ленни неохотно разжал кулак. Джордж взял мышь и швырнул ее далеко через заводь, на другой берег, в кусты.

— И на что тебе сдалась дохлая мышь?

— Я гладил ее пальцем, когда мы шли, — ответил Ленни.

— Не смей этого делать, когда ходишь со мной. Так ты запомнил, куда мы идем?

Ленни в растерянности уткнулся лицом в колени.

— Я опять позабыл.

— Вот наказание, — сказал Джордж со смирением. — Слушай же. Мы будем работать на ранчо, как там, на севере, откудова мы пришли.

— На севере?

— В Уиде.

— Ах да. Помню. В Уиде.

— Ранчо вон там, четверть мили отсюда. Мы придем туда и спросим хозяина. Слушай внимательно: я отдам ему наши расчетные книжки, а ты помалкивай. Стой себе и молчи. Ежели он узнает, какой ты полоумный дурак, мы останемся без работы, а ежели увидит, как ты работаешь, прежде чем ты рот откроешь, наше дело в шляпе. Понял?

— Конечно, Джордж. Конечно же понял.

— Ладно. Так вот, стало быть, когда придем к хозяину, что ты должен делать?

— Я… я… — Ленни задумался. Лицо его стало напряженным. — Я… должен молчать. Стоять и молчать.

— Молодец. Очень хорошо. Повтори это раза три, чтобы получше запомнить.

— Я должен молчать… Я должен молчать… Я

должен молчать…

— Ладно, — сказал Джордж. — Да гляди не натвори чего-нибудь, как в Уиде.

На лице Ленни появилось недоумение.

— Как в Уиде?

— Так ты, стало быть, и про это забыл? Ладно уж, не буду тебе напоминать, а то, чего доброго, еще раз такую же штуку выкинешь.

Лицо Ленни вдруг стало осмысленным.

— Нас выгнали из Уида! — выпалил он с торжеством.

— Выгнали, как бы не так! — сказал Джордж с возмущением. — Мы сбежали сами. Нас разыскивали, но — ищи ветра в поле.

Ленни радостно хихикнул.

— Вот видишь, я не позабыл.

Джордж лег навзничь на песок и закинул руки за голову. Ленни тоже лег, подражая ему, потом приподнялся, желая убедиться, что все сделал правильно.

— О Господи! От тебя, Ленни, одни сплошные неприятности, — сказал Джордж. — Я бы горя не знал, ежели б ты не висел у меня на шее. Как бы мне хорошо жилось… И может, у меня была бы девчонка.

Мгновение Ленни лежал молча, потом сказал

робко:

— Мы будем работать на ранчо, Джордж.

— Ладно. Это ты запомнил. А вот ночевать нынче будем здесь, у меня на это свои причины.

Быстро смеркалось. Долина утонула в тени, и лишь вершины гор были освещены солнцем. Водяная змейка скользнула по заводи, выставив голову над водой, словно крошечный перископ. Камыш колыхался, волнуемый течением. Где-то далеко, близ шоссе, послышался мужской голос и ему откликнулся другой. Ветки сикоморов зашелестели под легким порывом ветра, который сразу же стих.

— Джордж, а отчего бы нам не пойти на ранчо сейчас, к ужину? На ранчо ведь дают ужин.

Джордж повернулся на бок.

— Это не твоего ума дело. Мне здесь нравится. А работать начнем завтра. Я видел, как туда везли молотилки. Стало быть, предстоит ссыпать зерно в мешки, надрываться. А нынче я хочу лежать здесь и глядеть в небо. Хочу, и все тут.

Ленни привстал и поглядел на Джорджа.

— Так у нас не будет ужина?

— Нет, будет, ежели ты насобираешь хворосту. У меня есть три банки бобов. Разложим костер. Когда соберешь хворост, я дам тебе спичку. А

потом подогреем бобы и поужинаем.

— Но я люблю бобы с перченым томатным соусом, — сказал Ленни.

— Нет у нас соуса. Собирай хворост. Да пошевеливайся, а то скоро совсем стемнеет.

Ленни неуклюже встал и исчез в кустах. Джордж лежал, тихонько посвистывая. В той стороне, куда ушел Ленни, послышался плеск. Джордж перестал свистеть и прислушался.

— Дурак полоумный, — сказал он тихо и снова засвистал.

Вскоре вернулся Ленни, продираясь сквозь кусты. Он нес в руке одну-единственную ивовую ветку. Джордж сел.

— Ну-ка, — сказал он сурово, — подай мышь сюда!

Ленни с неожиданной смышленостью изобразил на лице недоумение.

— Какую мышь, Джордж? У меня нету никакой мыши.

Джордж протянул руку.

— Подай ее сюда. Меня ведь не проведешь.

Ленни робко попятился и бросил отчаянный взгляд на кусты, словно думал убежать. Джордж сказал сурово:

— Подашь ты мне эту мышь или же хочешь,

чтоб я задал тебе хорошую трепку?

— Что тебе подать, Джордж?

— Ты сам отлично знаешь, черт тебя возьми! Подай мне мышь.

Ленни неохотно полез в карман. Голос его дрогнул.

— А почему мне нельзя оставить ее себе? Она ведь ничья. Я ее не украл. Я просто нашел ее на дороге.

Джордж по-прежнему решительно протягивал руку. Медленно, как собачонка, которая несет хозяину палку, Ленни подошел, потом попятился, потом подошел снова. Джордж нетерпеливо щелкнул пальцами, и Ленни торопливо положил мышь ему в руку.

— Но я ведь ничего плохого не сделал, Джордж. Я просто ее гладил.

Джордж встал и зашвырнул мышь далеко, в темнеющий кустарник, потом подошел к реке и тщательно вымыл руки.

— Дурак полоумный. Неужто ты не понимаешь: я увидал, что у тебя ноги мокрые, ведь ты ж ходил за ней через реку.

Он услышал, что Ленни заскулил, и обернулся.

— Нюни распустил, как маленький? Ох ты, Господи! Такой здоровенный детина, и пла-

чет. — Губы Ленни кривились, глаза были полны слез. — Ну же, Ленни! — Джордж положил руку ему на плечо. — Я отобрал ее у тебя не по злобе. Ведь эта мышь давным-давно уж издохла, Ленни, и кроме того, ты, когда гладил ее, сломал ей хребет. Ну ничего, сыщешь другую мышь, живехонькую, и я, так уж и быть, позволю тебе оставить ее у себя ненадолго.

Ленни сел на землю и понурил голову.

— Я не знаю, где сыскать другую мышь. Помню, одна женщина отдавала мне мышей, как поймает. Но ее ведь здесь нету.

Джордж усмехнулся.

— Одна женщина? И ты не помнишь даже, кто она такая. А ведь это была твоя тетка Клара. Она потом перестала тебе их давать. Ты же всегда их убивал.

Ленни поднял голову и печально поглядел на Джорджа.

— Они были такие малюсенькие, — сказал он виновато. — Я их гладил, а потом они кусали меня за палец, и чуть только их ущипнешь, они сразу дохнут, потому что они такие малюсенькие. Поскорей бы у нас были кролики, Джордж. Они ведь не такие малюсенькие.

— К черту кроликов. Тебе нельзя давать живых

мышей. Тетка Клара купила тебе резиновую мышь, но ее ты не захотел взять.

— Ее не так приятно гладить, — сказал Ленни.

Багрянец заката слинял с горных вершин, и сумерки сползли в долину, а меж ив и сикоморов уже царил полумрак. Крупный карп всплыл на поверхность заводи, глотнул воздуха и снова погрузился в таинственную темную воду, оставив на ее глади разбегающиеся круги. Листва снова зашелестела, и белый пух слетел с ив, опускаясь в воду.

— Приволокешь ты, наконец, хворосту? — спросил Джордж. — Вон у того сикомора целая куча сучьев, река принесла их туда в разлив. Тащи их скорей.

Ленни пошел к дереву и принес охапку сухих сучьев и листьев. Он бросил ее на старое кострище, сходил к дереву еще раз, потом еще. Была уже почти ночь. Над водой с шумом пролетел лесной голубь. Джордж подошел к куче и поджег листья. Сучья затрещали и занялись. Джордж развернул одеяло и вынул три банки бобов. Он поставил их у самого костра, но так, чтобы огонь их не касался.

— Этих бобов хватило бы на четверых, — сказал он.

Ленни смотрел на него, стоя по другую сторону

костра. Он сказал умоляюще:

— Я люблю бобы с соусом.

— Но у нас нет соуса! — рассердился Джордж. — Вечно ты хочешь того, чего нету. Боже праведный, будь я один, я бы и горя не знал. Работал бы себе спокойно. Никаких забот, получал бы каждый месяц свои пятьдесят долларов, ехал в город и покупал чего хотел. А ночь проводил бы с девчонками. И обедал бы где хотел, в гостинице или еще где, и заказывал бы чего только в голову взбредет. Каждый месяц. Брал бы целый галлон виски да играл бы в карты или же на бильярде.

Ленни присел на корточки и глядел поверх костра на рассерженного Джорджа. Лицо у него перекосилось от страха.

— А так что у меня есть? — продолжал Джордж все яростней. — У меня есть ты! Никому-то ты не нужен, и через тебя я все время теряю работу. Через тебя я вечно мыкаюсь по стране. И это еще не самое худшее. Ты то и дело попадаешь в беду. Натворишь чего-нибудь, а я тебя вызволяй. — Голос его возвысился почти до крика. — Ты полоумный сучий сын. Через тебя я все время как на иголках!

И он передразнил Ленни, как передразнивают друг друга маленькие девочки:

— «Я только хотел пощупать ее платье, только хотел погладить его, как мышку...» Но откуда ей, к чертовой матери, знать, что ты хотел только погладить ее платье? Она пробовала вырваться, но ты ухватил ее, как мышь. Она — в крик, и вот пришлось нам спрятаться да сидеть в оросительной канаве цельный день, покуда нас искали, а когда стемнело, мы едва унесли ноги. И так всегда, всегда! Посадить бы тебя в клетку вместе с мильоном этих самых мышей, радуйся тогда сколько влезет!

И вдруг он перестал сердиться. Он глянул поверх костра на страдальческое лицо Ленни, а потом, устыдясь, стал смотреть на огонь.

Было уже совсем темно, но костер освещал стволы и кривые ветки деревьев. Ленни медленно и осторожно пополз на четвереньках вокруг костра, пока не очутился рядом с Джорджем. Он присел на корточки. Джордж повернул банки другим боком к огню. Он делал вид, будто не замечает Ленни.

— Джордж, — окликнул его Ленни едва слышно. Ответа не было. — Джордж.

— Ну чего тебе?

— Я просто пошутил, Джордж. Я не хочу соуса. Я бы не стал есть соуса, даже ежели б он был вот

здесь, прямо передо мной.

— Если б он был, ты мог бы поесть.

— Но я не стал бы, Джордж. Весь отдал бы тебе. Ты залил бы им бобы, а я б к нему и не притронулся.

Джордж все так же угрюмо смотрел в огонь.

— Как подумаю о том, до чего хорошо мне жилось бы без тебя, рехнуться можно. А так у меня нет ни минуты покоя.

Ленни все еще сидел на корточках. Он поглядывал в темную даль за рекой.

— Джордж, ты хочешь, чтобы я ушел?

— Куда ты, на хрен, пойдешь?

— Вон туда, в горы. Найду какую-нибудь пещеру.

— Да? А жрать чего будешь? У тебя ведь не хватит соображения, даже чтоб сыскать себе жратву.

— Я могу что-нибудь сыскать, Джордж. Мне ведь не нужна вкусная еда с соусом. Буду лежать себе на солнышке, и никто меня не тронет. А ежели найду мышь, то оставлю ее себе. И никто ее не отнимет.

Джордж бросил на него быстрый испытующий взгляд.

— Я тебя обидел, да?

— Ежели я тебе не нужен, пойду в горы да сыщу пещеру. Могу хоть сейчас уйти.

— Нет… Послушай, Ленни, я просто пошутил. Конечно же, я хочу, чтоб ты остался со мной. Вся беда в том, что ты всегда давишь этих мышей. — Он помолчал. — Вот что я сделаю, Ленни. При первой возможности подарю тебе щенка. Может, его ты не задавишь. Щенок лучше, чем мышь. И гладить его можно крепче.

Но Ленни не поддался на удочку. Он понимал свое преимущество.

— Ежели я тебе не нужен, ты только скажи, я уйду туда, прямо в горы, и буду жить там один. И никто не отнимет у меня мышь.

Джордж сказал:

— Я хочу, чтоб ты остался со мной, Ленни. Господи, да ведь тебя кто-нибудь подстрелит, приняв за койота, если я тебя брошу. Нет уж, оставайся со мной. Твоя тетка Клара, покойница, огорчилась бы, когда б узнала, что ты остался один.

Ленни сказал лукаво:

— Расскажи мне… как тогда…

— Про что рассказать?

— Про кроликов.

— Не морочь мне голову, — огрызнулся Джордж.

— Ну, Джордж, расскажи. Пожалуйста, Джордж. Как тогда! — взмолился Ленни.

— Стало быть, тебе это нравится? Ну ладно, слушай, а уж потом будем ужинать…

Голос Джорджа потеплел, смягчился. Он произносил слова чуть нараспев, но быстро, — видимо, рассказывал об этом далеко не в первый раз.

— Люди, которые батрачат на чужих ранчо, самые одинокие на свете. У них нет семьи. У них нет дома. Придут они на ранчо, отработают свое, а потом — в город, денежки проматывать, и глядишь, уж снова плетутся куда-нибудь на другое ранчо. И в будущем у них ничего нет.

Ленни ловил каждое слово.

— Во-во, правильно. А теперь расскажи про нас.

Джордж продолжал:

— Но мы совсем не то, что они. У нас есть будущее. И тебе, и мне есть с кем поговорить, о ком позаботиться. Нам незачем сидеть в баре и накачиваться виски только потому, что больше деваться некуда. Иной человек, ежели попадает в тюрьму, может сгнить там, никто и пальцем не шевельнет. Другое дело — мы.

— Другое дело — мы! — подхватил Ленни. — А почему? Да потому… потому, что у меня есть ты,

а у тебя есть я, вот почему. — Он радостно засмеялся. — Говори же, Джордж, говори!

— Но ведь ты и так все знаешь наизусть. Можешь и сам рассказать.

— Нет, расскажи ты. Вдруг я чего-нибудь позабуду. Расскажи, как это будет.

— Ну уж ладно. Когда-нибудь мы сколотим деньжат да купим маленький домик, несколько акров земли, корову, свиней и…

— И будем сами себе хозяева! — воскликнул Ленни. — И заведем кроликов. Говори дальше, Джордж! Расскажи про наш сад, и про кроликов в клетках, и про дожди зимой, и про печь, и про то, какие густые сливки будем снимать с молока, так что их хоть ножом режь. Расскажи про это, Джордж.

— Отчего ты не расскажешь сам? Ведь ты все знаешь.

— Нет… расскажи ты. У меня так не выходит… Говори, Джордж. Про то, как я буду кормить кроликов.

— Так вот, — сказал Джордж. — У нас будет большой огород, и кролики, и цыплята. А зимой, в дождь, мы плюнем на работу, затопим печь, станем сидеть себе около нее да слушать, как дождь стучит по крыше… А, черт! — Он вынул

из кармана перочинный нож. — Дальше некогда рассказывать. — Он вскрыл ножом одну жестянку и передал ее Ленни. Потом вскрыл вторую. Из бокового кармана он достал две ложки и одну дал Ленни.

Они уселись у костра и стали дружно жевать, набивая рты бобами. Несколько бобов выпали у Ленни изо рта.

Джордж ткнул в его сторону ложкой.

— Что ты скажешь завтра, когда хозяин спросит тебя о чем-нибудь?

Ленни перестал жевать и проглотил бобы, которые были у него во рту. Лицо его стало сосредоточенным.

— Я… я… буду молчать.

— Молодец! Вот это хорошо, Ленни. Кажется, ты становишься умнее. Когда у нас будет свое ранчо, я позволю тебе присматривать за кроликами. Особенно если ты все вот так же хорошо будешь помнить.

У Ленни дух захватило от радости.

— Я все буду помнить, — сказал он.

Джордж снова взмахнул ложкой.

— Послушай, Ленни. Оглядись хорошенько вокруг. Можешь ты запомнить это место? Ранчо вот там, в четверти мили отсюда. Нужно все время

идти вдоль реки.

— Конечно, — сказал Ленни. — Я могу запомнить. Разве я не запомнил, что нужно молчать?

— Конечно, запомнил. Так вот, Ленни, если ты чего натворишь, как раньше, сразу же бегом сюда, чтоб спрятаться в кустах.

— Спрятаться в кустах, — медленно повторил Ленни.

— Да, спрятаться в кустах и ждать меня. Можешь это запомнить?

— Конечно, могу, Джордж. Спрятаться в кустах и ждать тебя.

— Но гляди, ничего не натвори, потому что иначе я не позволю тебе кормить кроликов.

Он швырнул пустую жестянку в кусты.

— Я ничего не натворю, Джордж. Я буду молчать.

— Ладно. Тащи свое одеяло к костру. Здесь хорошо спать. Видны небо и листья. Не подбрасывай больше хворосту. Пускай костер помаленьку угасает.

Они расстелили одеяла на песке. Костер догорал, и круг света суживался; кривые ветки исчезли в темноте, и вокруг смутно маячили лишь толстые стволы. Ленни спросил:

— Джордж, ты спишь?

— Нет. Чего тебе?

— Давай заведем всяких кроликов, Джордж, разных мастей.

— Само собой, — отозвался Джордж сонным голосом. — Красных, и синих, и зеленых кроликов, Ленни. Мильоны всяких кроликов.

— И чтоб они были пушистые, Джордж, такие, каких я видел на ярмарке в Сакраменто.

— Да, пушистые, известное дело.

— Но ведь я могу и уйти, Джордж, буду жить в пещере.

— И к черту тоже можешь уйти, — сказал Джордж. — А теперь заткни глотку.

Раскаленные угольня постепенно тускнели. За рекой, в горах, завыл койот, и с другого берега отозвалась собака. Листья сикоморов шелестели под легким ночным ветерком.

II

Барак был длинный, прямоугольником. Стены внутри побеленные, пол некрашеный. В трех стенах были маленькие квадратные оконца, а в четвертой — тяжелая дверь с деревянной щеколдой. По стенам стояли восемь коек, пять из них были застелены одеялами, а на трех валялись лишь холстинные тюфяки. Над каждой койкой был прибит ящик из-под яблок, так что получалась как бы полка для вещей постояльца. И полки эти были завалены всякой всячиной: мылом и пачками талька, бритвами и ковбойскими журналами, которые на ранчо так любят читать, и хотя смеются над ними, но втайне верят каждому слову. А еще на полках были лекарства в пузырьках и гребни; кое-где на гвоздях, вбитых рядом, висели галстуки. В углу была черная чугунная печь, труба ее выходила наружу прямо через потолок. Посреди комнаты стоял большой квадратный стол, на нем валялись истрепанные карты, а вокруг вместо стульев были расставлены ящики.

Около десяти часов утра солнце заглянуло в одно из оконцев, бросив на пол пыльный сноп

света, и в этом свете, словно яркие искры, закружились мухи.

Деревянная щеколда стукнула. Дверь отворилась, и вошел высокий сутулый старик. На нем были синие джинсы, в левой руке он держал большую швабру. За ним вошел Джордж, а за Джорджем Ленни.

— Хозяин ждал вас вчера вечером, — сказал старик. — Он здорово разозлился, когда вы не пришли, хотел поставить вас на работу еще нынче утром.

Он вытянул правую руку, и из рукава высунулась круглая, как палка, культя без кисти.

— Занимайте вон те две, — сказал он, указывая на койки возле печи.

Джордж шагнул вперед и бросил оба одеяла на мешок с соломой, служивший тюфяком. Он оглядел полку и взял с нее маленькую желтую баночку.

— Послушай, а это что такое?

— Не знаю, — ответил старик.

— Здесь написано «Лучшее средство от вшей, тараканов и других паразитов». Куда это ты нас привел? Нам совсем неохота разводить у себя этакую живность.

Старый уборщик сунул швабру под мышку,

протянул руку и взял баночку.

— Вот какое дело, — сказал он, помолчав. — Последним здесь спал один кузнец, славный малый, и такой чистоплотный, каких поискать. Мыл руки даже после еды.

— Так где ж он набрался этой дряни? — Джордж постепенно закипал злобой. Ленни положил свой сверток на соседнюю койку и сел. Он глядел на Джорджа открыв рот.

— Вот какое дело, — сказал старик. — Этот самый кузнец, Уити, был такой чудак, что сыпал порошок, даже ежели клопов не было — просто так, для верности, понимаешь? И еще вот что делал… Всегда чистил за столом вареную картошку и каждое пятнышко с нее соскребал, прежде чем съесть. И ежели на крутом яйце бывали красные пятнышки, он их тоже соскребал. Он и ушел отсюда из-за харчей. Вот он какой был чистоплотный и наряжался каждое воскресенье, даже если никуда не шел, галстук и то наденет, а потом сиднем сидит здесь, в бараке.

— Что-то не верится, — сказал Джордж подозрительно. — Из-за чего, говоришь, он ушел?

Старик положил баночку в карман и потер тыльной стороной ладони свои щетинистые щеки.

— Ну… просто ушел… как все люди уходят… Сказал, что из-за харчей. Наверно, хотел место переменить. Ни об чем другом не сказал, только об харчах. Просто однажды вечером говорит: «Давайте расчет», — как и все люди.

Джордж поднял тюфяк и заглянул под него. Наклонившись, он внимательно осмотрел холстину. Ленни тотчас встал и сделал то же самое. Джордж наконец как будто успокоился. Он развернул свой сверток и положил на полку бритву, кусочек мыла, гребень, пузырек с какими-то пилюлями, мазь и ремень. Потом аккуратно застелил койку одеялом. Старик сказал:

— Хозяин, наверно, сейчас придет. Ну и разозлился же он нынче утром, когда узнал, что вас нет! Мы в ту пору как раз завтракали, а он приходит и говорит: «Где же эти новые, черт бы их взял?» И конюху от него крепко досталось.

Джордж расправил складку на одеяле и сел.

— Конюху досталось? — переспросил он.

— Ну да. Понимаешь, конюх у них негр.

— Негр?

— Ну да. Славный малый. С тех пор как его лошадь лягнула, он стал горбун. Хозяин всегда на нем зло срывает. Но ему на это плевать. Он все читает книжки. У него пропасть этих самых

книжек.

— А ваш хозяин что за человек? — спросил Джордж.

— Славный малый. Иногда, правда, зверь зверем, а так ничего, славный малый. Знаешь, что он сделал на Рождество? Принес галлон виски и говорит: «Пей, ребята, вволю. Рождество бывает раз в году».

— Вот это здорово! Цельный галлон?

— Да, брат. Ну и потеха пошла. Негра тоже сюда позвали. Хилый погонщик, Кузнечик по прозванию, стал приставать к негру. Вот дело было! Ребята не позволили ему бить ногами, и негр кое-как уцелел. Кузнечик говорит, что убил бы негра, ежели б ему позволили бить ногами. Но ребята сказали, что, раз негр горбатый, ногами бить нельзя. — Он замолчал, припоминая. — А потом они поехали в Соледад и здорово там нашумели. Я не поехал. Где уж мне на старости лет.

Ленни тем временем застелил свою койку. Деревянная щеколда поднялась, и дверь отворилась. Вошел маленький, коренастый человек и остановился на пороге. На нем были синие джинсы, фланелевая рубашка, черный незастегнутый жилет и такой же черный пиджак. Большие пальцы он заткнул за пояс по обе стороны от

квадратной стальной пряжки. На голове у него была засаленная широкополая шляпа, на ногах — башмаки на высоких каблуках и со шпорами, которые он носил, чтобы показать, что он не бездельничает.

Старик, увидев его, сразу попятился к двери, шаркая ногами и потирая на ходу щеку.

— Эти двое только что пришли, — сказал он и проскользнул мимо хозяина за дверь.

Хозяин вошел в комнату, мелко шагая толстыми ногами.

— Я написал Мэрри и Рэди, что мне нужны два человека сегодня с утра. Документы при вас?

Джордж полез в карман, достал два листка и протянул их хозяину.

— Выходит, Мэрри и Рэди ни при чем. Здесь написано, что вы должны выйти на работу сегодня с утра.

Джордж глядел себе под ноги.

— Шофер автобуса завез нас не в ту сторону, — сказал он. — Пришлось тащиться пешком десять миль. Он сказал, что это рядом, а оказывается, вон как далеко. И попутных машин все утро не было.

Хозяин прищурил глаза.

— Пришлось послать в поле на двух человек меньше. Теперь уж до обеда вам нету смысла

идти.

Он достал из кармана записную книжку и открыл ее там, где она была заложена карандашом. Джордж бросил на Ленни многозначительный взгляд, и Ленни кивнул, показывая, что понял. Хозяин послюнил карандаш.

— Имя, фамилия?

— Джордж Милтон.

— А ты?

— Он — Ленни Малыш.

Хозяин записал обоих в книжку.

— Так вот, сегодня у нас двадцатое число, полдень. — Он закрыл книжку. — А раньше вы где работали?

— Неподалеку от Уида.

— И ты тоже? — спросил хозяин, обращаясь к Ленни.

— Да, и он тоже, — сказал Джордж.

Хозяин с усмешкой указал на Ленни:

— Он, кажется, не очень-то разговорчивый?

— Не очень, зато работящий. И силен как бык.

Ленни улыбнулся.

— Силен как бык, — повторил он.

Джордж бросил на него свирепый взгляд, и Ленни, пристыженный, понурил голову.

Вдруг хозяин сказал:

— Послушай-ка, Малыш. — Ленни поднял голову. — Что ты умеешь делать?

Ленни испуганно поглядел на Джорджа, ожидая помощи.

— Он умеет делать все, что ему велят, — сказал Джордж. — Хорошо управляется с лошадьми. Может ссыпать зерно в мешки, пахать и боронить землю. Словом, он все умеет. Вы его только испробуйте.

Хозяин повернулся к Джорджу.

— Так чего ж ты ему не даешь самому сказать? Голову мне морочишь?..

Джордж громко перебил его:

— Я же не говорю, что у него ума палата. Нет. Я говорю только, что он работник, каких днем с огнем не сыщешь. Может поднять кипу хлопка весом в добрых четыреста фунтов.

Хозяин тщательно спрятал записную книжку в карман. Он засунул большие пальцы рук за пояс и прищурил один глаз.

— Слышь, чего это ради ты его расхваливаешь?

— А?

— Я спрашиваю, что тебе за дело до этого малого. Ты небось прикарманиваешь его денежки?

— Да нет же, что вы. С чего вы взяли, что я его расхваливаю?

— Сроду не видал, чтоб кто-нибудь из вашего брата так заботился о другом. Я просто хочу знать, какая тебе от этого выгода?

— Он мой… мой двоюродный брат, — сказал Джордж. — Я обещал его мамаше за ним присматривать. Его в детстве лошадь лягнула в голову. Но он малый ничего, хоть и глуп. Может делать все, что ему велят.

Хозяин уже повернулся к двери.

— Ну что ж, видит Бог, не надобно большого ума, чтоб ссыпать ячмень в мешки. Но смотри, не вздумай морочить меня, Милтон. Я вижу, за тобой нужен глаз да глаз. Отчего вы ушли из Уида?

— Работа кончилась, — поспешно ответил Джордж.

— Какая работа?

— Мы… мы рыли сточную яму.

— Ладно. Только не вздумай меня морочить, тебе это даром не пройдет. Видывал я таких умников. После обеда выйдете на работу вместе со всеми, будете ссыпать ячмень в мешки у молотилки. Под началом у Рослого.

— У Рослого?

— Да. Такой высокий, здоровенный детина. Увидите его за обедом.

Он снова повернулся и пошел к двери, но,

прежде чем выйти, оглянулся и долго смотрел на обоих.

Когда его шаги замерли в отдалении, Джордж напустился на Ленни:

— Ты должен был молчать! Не разевать свою пасть и предоставить мне разговаривать. Через тебя мы чуть работу не потеряли!

Ленни уныло смотрел в пол.

— Я позабыл, Джордж.

— Позабыл! Ты всегда все забываешь, а я должен тебя вызволять. — Джордж тяжело плюхнулся на койку. — А теперь он будет за нами присматривать! Теперь надо глядеть в оба, не дай Бог промашку сделать. Теперь уж не смей и рта раскрыть.

Он угрюмо умолк.

— Джордж…

— Ну, чего тебе еще?

— Но ведь лошадь не лягнула меня в голову, правда, Джордж?

— И очень жаль, — сказал Джордж со злостью. — Это всех избавило бы от хлопот.

— А еще ты сказал, что я твой двоюродный брат, Джордж.

— Конечно, это неправда. К моему счастью. Будь я твоим родичем, я давно пустил бы себе пу-

лю в лоб. — Он вдруг замолчал, быстро подошел к двери и выглянул наружу. — А ты какого дьявола здесь подслушиваешь?

Старик медленно вошел в барак. В руке он держал швабру. Следом за ним, ковыляя, вошла овчарка с седой мордой и блеклыми, ослепшими от старости глазами. Овчарка добрела до стены и улеглась, тихо ворча и вылизывая свою седую, изъеденную блохами шкуру. Старик глядел на нее, пока она не улеглась.

— Я не подслушивал. Просто остановился на минутку в тени и погладил собаку. Я только что кончил прибирать в умывальной.

— Нечего совать нос в наши дела, — сказал Джордж. — Терпеть не могу любопытных.

Старик забеспокоился, перевел взгляд с Джорджа на Ленни, потом снова на Джорджа.

— Я только что подошел, — сказал он. — Не слышал ни слова, об чем вы тут говорили. Меня это вовсе не интересует. У нас на ранчо никогда не подслушивают и не задают вопросов.

— И хорошо делают, — сказал Джордж, смягчившись. — А не то и вылететь недолго.

Но старик снова заверил его, что и не думал подслушивать.

— Сядь, посиди с нами, — сказал Джордж. — Ка-

кая старая у тебя собака.

— Да. Я взял ее еще щенком. Хорошая была овчарка.

Он поставил швабру у стены и тыльной стороной ладони потер белую щетину на щеке.

— Ну, как вам показался хозяин? — спросил он.

— Ничего. Хороший человек.

— Славный малый, — согласился старик. — Он только с виду такой сердитый.

В барак вошел молодой мужчина; он был худощав, смуглолиц, с карими глазами и густыми вьющимися волосами. На левой руке у него была рукавица, а на ногах, как и у хозяина, — башмаки с высокими каблуками.

— Не видали моего старика? — спросил он.

— Он только что был здесь, Кудряш, — сказал уборщик. — Наверно, пошел на кухню.

— Пойду догоню его, — сказал Кудряш.

Но тут он заметил незнакомых людей и остановился. Он злобно поглядел на Джорджа, потом на Ленни. Руки его медленно согнулись в локтях, кулаки сжались. Он весь напрягся и слегка присел. Теперь он бросил на них одновременно оценивающий и вызывающий взгляд. Ленни съежился под этим взглядом и робко переминался с ноги на ногу. Кудряш с опаской подошел к нему

поближе.

— Вы, стало быть, и есть те новенькие, которых ждал мой старик?

— Мы только что пришли.

— Пусть говорит вот этот верзила.

Ленни в растерянности съежился еще больше.

— А если он не хочет говорить? — сказал Джордж.

Кудряш резко повернулся к нему.

— Богом клянусь, я заставлю этого верзилу отвечать, когда его спрашивают. А ты-то чего суешься?

— Мы с ним вместе работаем, — сказал Джордж угрюмо.

— Вот как!

Джордж весь напрягся, но не двинулся с места.

— Да, вот так.

Ленни беспомощно поглядел на Джорджа, не зная, что делать.

— И ты не позволяешь ему говорить, что ли?

— Пускай говорит, если хочет чего сказать.

— Мы только что пришли, — тихо сказал Ленни.

Кудряш, сразу успокоившись, поглядел на него.

— Так вот, в другой раз отвечай, когда тебя

спрашивают.

Он повернулся и вышел. Руки его все еще были слегка согнуты в локтях.

Джордж проводил его взглядом, потом посмотрел на старика.

— Слушай, какого черта ему надо? Ленни ему ничего не сделал.

Старик опасливо покосился на дверь, чтобы убедиться, не подслушивает ли кто.

— Это хозяйский сын, — сказал он тихо. — Ловко дерется. Боксом занимался. Выступал в легком весе, лихо дрался.

— Ну и пусть, — сказал Джордж. — Нечего ему приставать к Ленни. Ленни ему ничего не сделал. Что он имеет против него?

Старик подумал немного.

— Ну… вот какое дело… Кудряш, как и многие, которые малы ростом, терпеть не может здоровых парней. Так и лезет в драку. Видно, они его бесят, потому что сам он низкорослый. Ты, наверно, не раз видел таких. Все время задираются.

— Конечно, — сказал Джордж. — Я много перевидал такой мелюзги. Но этот Кудряш пусть лучше не думает, что Ленни ему спустит. Ленни не очень-то ловкий, но этому сопляку крепко достанется, ежели он ввяжется в драку с Ленни.

— Ну, Кудряш ужас какой ловкий, — с сомнением сказал старик. — Я всегда считал, что он не по справедливости поступает. Положим, Кудряш пристанет к такому вот здоровяку и вздует его. Тогда всякий скажет: «Какой молодчина этот Кудряш». Ну, а положим, он пристанет и его самого вздуют. Тогда все скажут: «Вот связался черт с младенцем» — и, может, даже всем скопом вздуют того, здоровенного. Я всегда считал, что это не по справедливости. А только Кудряш никому не дает спуску.

Джордж посмотрел на дверь и сказал с угрозой:

— Ну, пускай лучше держится от Ленни подальше. Ленни не драчун, но он сильный и не знает этих ихних правилов.

Он подошел к столу и сел на один из ящиков. Собрал карты, стасовал их.

Старик присел на другой ящик.

— Не говори Кудряшу, что я тебе про него рассказывал. А то он с меня шкуру спустит. Ему что! Его-то не выгонят, он ведь хозяйский сынок.

Джордж стасовал колоду и начал переворачивать карты, глядя на каждую и бросая ее в кучу.

— Сдается мне, что этот Кудряш — просто сучий сын, — сказал он. — Не люблю такую вот злобную

мелюзгу.

— Он еще хуже стал в последнее время, — сказал старик. — Женился недели две назад. Живет с женой в хозяйском доме. Кудряш, с тех пор как женился, совсем осатанел.

— Может, перед женой храбрость свою показать хочет, — проворчал Джордж.

Старик обрадовался случаю посплетничать.

— Видал рукавицу у него на левой руке?

— Да. Видал.

— Так вот, она вся пропитана вазелином.

— Вазелином? На кой шут?

— Вот дело какое… Кудряш говорит, что эту руку он для своей супружницы умягчает.

Джордж внимательно рассматривал карты.

— И не стыдно ему про это языком трепать!

Старик оживился. Он все-таки заставил Джорджа сказать плохое о хозяйском сынке. Теперь ему нечего было опасаться, и он разоткровенничался.

— Вот погоди, увидишь его супружницу.

Джордж снова стасовал карты и стал медленно, старательно раскладывать пасьянс.

— Хорошенькая? — спросил он небрежно.

— Да, хорошенькая. Но…

Джордж внимательно рассматривал карты.

— Что «но»?

— Мужчинам куры строит.

— Да ну? Две недели как замуж выскочила и уже куры? Может, поэтому Кудряш и осатанел?

— Я видел, как она с Рослым это самое. Рослый у нас — старший возчик. Славный малый. Ему не надобно носить башмаки на высоких каблуках, чтоб его слушались. Так вот, я видел, как она с ним пробовала. И с Карлсоном тоже.

Джордж притворился, будто ему это неинтересно.

— Кажется, предстоит потеха.

Старик встал с ящика.

— Знаешь, что мне сдается? — Джордж не ответил. — Сдается мне, что Кудряш женился на… потаскушке.

— Не он первый, не он последний, — отозвался Джордж.

Старик поплелся к двери. Его старая собака подняла голову и огляделась, потом с трудом встала на ноги, собираясь идти за ним.

— Надо налить для ребят воду в умывальник. Они скоро придут. Вы ячмень ссыпать будете?

— Да.

— Смотрите же, не говорите ничего Кудряшу.

— Само собой, не скажем.

— Так вот, ты приглядись к ней. Сам увидишь, потаскушка она или же нет.

Он вышел за дверь на яркий солнечный свет.

Джордж задумчиво раскладывал карты по три. Потом прикрыл тузы четверкой треф. Сноп солнечных лучей падал теперь на пол, и мухи проносились сквозь него, как искры. Снаружи послышалось позвякивание сбруи и кряхтение тяжело груженных повозок. Издали донесся звонкий крик:

— Конюх, эй, конюх! Куда запропастился этот черномазый?

Джордж посмотрел на свой пасьянс, потом смешал карты и повернулся к Ленни. Ленни лежал на койке и глядел на него.

— Слышишь, Ленни! Неладно здесь. Я что-то опасаюсь. Из-за этого Кудряша ты попадешь в беду. Видал я таких. Он вроде бы тебя прощупывал. Решил, что ты испугался, и теперь при первом случае станет бить.

Глаза у Ленни расширились от страха.

— Не хочу я попасть в беду, — сказал он жалобно. — Не давай ему бить меня, Джордж.

Джордж встал, подошел к Ленни и сел на его койку.

— Терпеть не могу таких гадов, — сказал он. —

Я их много перевидал. Как сказал этот старик, Кудряш ничем не рискует. Он всегда в выигрыше. — Джордж помолчал, размышляя. — Если он будет к тебе приставать, Ленни, придется нам отсюда уйти. Это яснее ясного. Он — хозяйский сынок. Слышишь, Ленни? Постарайся держаться от него подальше, ладно? Никогда с ним не разговаривай. Если он придет сюда, сразу уходи в другой конец комнаты. Ладно, Ленни?

— Не хочу попасть в беду, — скулил Ленни. — Я его не трогал.

— Ну, это не поможет, если Кудряш захочет показать свою храбрость. Просто не имей с ним никакого дела. Запомнишь?

— Конечно, Джордж. Я должен молчать.

Шум приближался, нарастал — стук копыт по твердой земле, скрип колес и позвякивание упряжи. Люди перекликались меж собой. Джордж, сидя на койке подле Ленни, в задумчивости хмурился. Ленни спросил робко:

— Ты не сердишься, Джордж?

— На тебя — нет. Сержусь на этого подлого Кудряша. Я надеялся, что мы заработаем здесь хоть сотню долларов. — В голосе его зазвучала решимость. — Держись подальше от Кудряша, Ленни.

— Конечно, Джордж. Я буду молчать.

— Не допускай, чтоб он втравил тебя в драку, но уж если этот сучий сын полезет к тебе, дай ему хорошенько.

— Что ему дать, Джордж?

— Ну ладно, это не важно. Я тебе тогда скажу. Не переношу этаких подлецов. Слышь, Ленни, ежели случится беда, ты помнишь, что я велел тебе сделать?

Ленни приподнялся на локте. Лицо его стало напряженным. Потом он печально посмотрел Джорджу в глаза.

— Ежели случится беда, ты не позволишь мне кормить кроликов.

— Да я не об том. Помнишь, где мы сегодня ночевали? Ну, возле реки?

— Да. Помню. Ну конечно, помню! Я должен побежать туда и спрятаться в кустах.

— И сиди там, покуда я за тобой не приду. Только чтоб тебя никто не видал. Спрячешься в кустах у реки. Повтори.

— Спрячусь в кустах у реки, в кустах у реки.

— Ежели случится беда.

— Ежели случится беда.

Снаружи заскрипела повозка. Раздался крик:

— Ко-о-нюх! Э-э-й, конюх!

Джордж сказал:

— Повторяй это время от времени про себя, Ленни, чтоб не позабыть.

Оба подняли головы, потому что прямоугольник света в дверях вдруг померк. На пороге стояла молодая женщина. У нее были полные, ярко накрашенные губы и большие, сильно подведенные глаза. Ногти были ярко-красные. Волосы ниспадали мелкими локонами, похожими на колбаски. На ней было бумажное домашнее платье и красные домашние туфли, над которыми торчали пучки красных страусовых перьев.

— Я ищу Кудряша, — сказала она.

Голос у нее был какой-то ломкий и чуть в нос.

Джордж отвернулся, потом снова поглядел на нее.

— Он был здесь минуту назад, но куда-то ушел.

— А! — Она заложила руки за спину и прислонилась к дверному косяку, слегка пригнув голову. — Вы — новенькие. Только что пришли, да?

Ленни оглядел ее с головы до ног, и хотя она, казалось, не смотрела на него, едва заметно приподняла голову. Потом поглядела на свои ногти.

— Кудряш иногда заходит сюда, — объяснила она.

— Но сейчас его здесь нету, — сказал Джордж

решительно.

— Если нету, поищу где-нибудь еще, — сказала она игриво.

Ленни смотрел на нее как завороженный.

— Если я его увижу, то скажу, что вы его искали, — проговорил Джордж.

Она лукаво улыбнулась и качнулась вперед всем телом.

— Что ж, мне его уж и поискать нельзя? — сказала она.

Позади нее раздались шаги. Она обернулась.

— А, Рослый, здравствуй, — сказала она.

За дверью послышался голос Рослого:

— Здравствуй, красуля.

— Я ищу Кудряша.

— Ну, не очень-то ты стараешься его найти. Я видел, как он пошел домой.

Она вдруг забеспокоилась.

— Пока, ребята, — бросила она через плечо и поспешила прочь.

Джордж посмотрел на Ленни.

— Господи, ну и штучка, — сказал он. — Так вот какую супружницу выбрал себе Кудряш.

— Она хорошенькая, — вступился за нее Ленни.

— Да, и, конечно, не прочь этим попользовать-

ся. У Кудряша еще будет с ней хлопот полон рот. Провалиться мне, ежели ее не сманят за двадцать долларов.

Ленни все смотрел на дверь, возле которой она только что стояла.

— Ей-ей, она хорошенькая.

Он восторженно улыбнулся.

Джордж быстро взглянул на Ленни и сильно дернул его за ухо.

— Слышь, ты, дурак полоумный, — сказал он со злобой. — Не смей даже глядеть на эту суку. Что бы она ни сделала и что бы ни сказала! Я видел чертову пропасть этих паскуд, но этакой подлой шкуры еще не видывал. Держись от нее подальше.

Ленни попытался освободить ухо.

— Я ничего не сделал, Джордж.

— Известно, не сделал. Но когда она стояла у двери и выставила напоказ свои ноги, ты не отвернулся.

— Я ничего плохого не думал, Джордж. Честное слово, не думал.

— Так вот, держись от нее подальше, потому что через нее в два счета пропадешь, если я вообще чего-нибудь смыслю. Пускай Кудряш отдувается. Он сам виноват. Перчатка с вазелином! — сказал

Джордж презрительно. — Я уверен, он и сырые яйца глотает да выписывает по почте всякие патентованные снадобья.

— Мне здесь не нравится, Джордж! — воскликнул вдруг Ленни. — Это плохое место. Я хочу уйти отсюда.

— Ничего не поделаешь, Ленни. Надо обождать, покуда денег не заплатят. Мы уйдем, как только можно будет. Мне самому здесь нравится не больше, чем тебе. — Он вернулся к столу и снова стал раскладывать пасьянс. — Нет, не нравится мне здесь, — сказал он. — И я сам убрался бы отсюда с превеликим удовольствием. Вот только сколотим сколько-нибудь деньжат, и непременно уйдем, доберемся до верховий Миссисипи и станем там золото мыть. Может, будем тогда зарабатывать по нескольку долларов в день и набьем себе карманы.

Ленни живо наклонился к нему.

— Уйдем, Джордж. Уйдем отсюда. Здесь плохо.

— Придется обождать, — обронил Джордж отрывисто. — А теперь помолчи. Сюда идут.

Из умывальной послышался плеск воды и звон тазов. Джордж разглядывал карты.

— Пожалуй, не мешало бы и нам умыться, — сказал он. — Но мы ведь не пачкались.

В дверях появился высокий человек. Под мышкой он держал измятую шляпу, а свободной рукой расчесывал длинные черные мокрые волосы. Как и все, он носил синие джинсы и короткую бумазейную куртку. Причесавшись, он вошел в комнату с достоинством, с каким входит только король или подлинный мастер своего дела. Это был старший возчик, король ранчо, который мог управлять разом десятью, шестнадцатью, а то и двадцатью мулами. Он мог убить кнутом муху на крупе коренника, не причинив ему ни малейшей боли. Держался он так спокойно и величественно, что стоило ему заговорить, и все сразу же умолкали. Авторитет его был до того велик, что ему принадлежало решающее слово во всяком деле, будь то политика или любовное приключение. Это был Рослый, старший возчик. Его продолговатого лица, казалось, не коснулись годы. Ему можно было дать и тридцать пять, и все пятьдесят. Он умел угадывать недосказанное, говорил медленно и веско, с глубоким пониманием дела. Руки его, длинные и тонкие, всегда двигались изящно, как у танцовщицы.

Он разгладил мятую шляпу, свернул ее и швырнул на стол. Потом дружелюбно посмотрел на двоих незнакомцев.

— На дворе солнце вовсю светит, — сказал он приветливо. — А здесь ни зги не видать. Вы — новые?

— Только что пришли, — ответил Джордж.

— Будете ссыпать ячмень?

— Так велел хозяин.

Рослый сел на ящик напротив Джорджа. Он оглядел пасьянс, лежавший к нему вверх ногами.

— Надеюсь, вы будете работать со мной, — сказал он дружелюбно. — А то у меня есть там несколько молокососов, которые не отличат мешка с ячменем от воздушного шара. Вы, ребята, когда-нибудь ссыпали ячмень?

— А как же, — сказал Джордж. — Мне-то, правда, хвастаться нечем, но вот этот малый может один ссыпать больше зерна, чем иные вдвоем.

Ленни, который слушал разговор и переводил взгляд с одного на другого, самодовольно улыбнулся, услышав эту похвалу. Рослый одобрительно посмотрел на Джорджа — ему эта похвала тоже понравилась. Потом он наклонился над столом и взял за уголок карту, лежавшую в стороне.

— Вы, ребята, всегда работаете вместе?

Говорил он все так же дружески. Он располагал к откровенности, хоть и не был назойлив.

— Ну да, — сказал Джордж. — Помогаем друг другу. — Он указал на Ленни пальцем. — Ленни у меня не шибко-то соображает. Но работает — будь здоров. Славный малый, только вот не соображает. Я его давно знаю.

Рослый поглядел куда-то мимо Джорджа.

— У нас люди редко друг друга держатся, — сказал он задумчиво. — Не знаю почему. Может, в этом проклятом мире все боятся друг друга.

— Вдвоем куда лучше, — сказал Джордж.

В комнату вошел пузатый толстяк. С головы его еще стекала вода после умывания.

— Привет, Рослый, — сказал он и замолчал, разглядывая Джорджа и Ленни.

— Эти ребята только что пришли, — сказал Рослый, тем самым как бы представив их.

— Рад познакомиться, — сказал вошедший. — Я — Карлсон.

— Я — Джордж Милтон. А это вот — Ленни Малыш.

— Рад познакомиться, — повторил Карлсон. — Не такой уж он малыш. — И он тихонько рассмеялся своей шутке. — Никак не малыш, — сказал он. — Я у тебя вот что хотел спросить, Рослый. Как там твоя собака? Я видел ее нынче утром под повозкой.

— Она ощенилась вчерашней ночью, — ответил Рослый. — Девять щенков. Четверых я сразу же утопил. Ей стольких все равно не выкормить.

— Выходит, осталось пять?

— Да, пять. Самые крупные.

— А как думаешь, хорошие из них вырастут собаки?

— Не знаю, — сказал Рослый. — Наверное, овчарки. Когда у нее была течка, тут вокруг все больше кобели из породы овчарок вертелись.

— Стало быть, у тебя пять щенков, — продолжал Карлсон. — Думаешь всех себе оставить?

— Не знаю. Подержу их покудова у себя, пускай пососут Лулу.

— Слышь, Рослый, — задумчиво сказал Карлсон. — Я вот чего думаю. Собака у нашего старого уборщика Плюма Пудинга совсем старая, еле лапы волочит. Да и разит от нее псиной до невозможности. Зайдет она сюда, — потом два, а то и три дня вонь не выветривается. Пущай Плюм ее пристрелит, и дадим ему щенка, он ведь вырастет. А эту суку я за милю чую. Зубов нету, почти слепая, жрать и то не может, Плюм ее молоком поит. Остальное ей не по зубам.

Джордж не сводил глаз с Рослого. На дворе начали бить в железный рельс, сперва медленно,

потом все быстрей и быстрей, пока эти удары не слились в сплошной звон. Звон прекратился так же внезапно, как и начался.

— Ну, конец, — сказал Карлсон.

За дверью раздались громкие голоса, и мимо прошла группа мужчин.

Рослый встал медленно, с достоинством.

— Пошли, ребята, тут зевать не приходится. Через две минуты не останется ни крошки.

Карлсон посторонился, пропуская Рослого вперед, и оба вышли на двор.

Ленни с тревогой смотрел на Джорджа. Джордж смешал карты в кучу.

— Да, — сказал Джордж. — Я слышал, Ленни. Я его попрошу.

— Белого с коричневыми пятнами! — воскликнул Ленни.

— Пошли обедать. Не знаю, право слово, есть ли у него белый с коричневыми пятнами.

Ленни неподвижно сидел на своей койке.

— Попроси его сейчас, Джордж, а то он и этих тоже утопит.

— Само собой. А теперь пойдем, вставай же наконец.

Ленни спрыгнул с койки, и оба пошли к двери. Когда они подошли к порогу, в барак ворвался

Кудряш.

— Вы не видали здесь женщину? — спросил он вызывающе.

— Заходила с полчаса назад, — ответил Джордж.

— Какого дьявола ей здесь было надо?

Джордж стоял, спокойно глядя на разъяренного мужчину. Он ответил дерзко:

— Сказала, что вас ищет.

Кудряш словно вдруг увидел Джорджа впервые. Он сверкнул глазами, смерил его взглядом, прикинул расстояние, оглядел его ладную фигуру.

— Ну и куда же она пошла? — спросил он наконец.

— Почем мне знать, — сказал Джордж. — Я ей вслед не глядел.

Кудряш сердито взглянул на него, повернулся и быстро пошел к двери.

— Знаешь, Ленни, — сказал Джордж. — Боюсь, что мне придется самому свести счеты с этим гадом. Не нравится мне его наглость. Боже правый! Ну ладно, пойдем. А то ведь нам эдак ничего и не достанется.

Они вышли на двор. Узкая полоска земли под окном была озарена солнцем. Издали доносился звон мисок.

Вскоре старая собака, прихрамывая, вошла в отворенную дверь. Она поглядела вокруг своими добрыми подслеповатыми глазами. Потом понюхала воздух, легла и положила голову на лапы.

Кудряш вернулся и теперь стоял, заглядывая в дверь. Собака вздрогнула, но как только Кудряш ушел, она снова уронила на лапы свою поседелую голову.

III

Хотя за окнами барака еще даже не начинало смеркаться, внутри было темно. Через открытую дверь слышались топот ног, одобрительные или насмешливые возгласы и звяканье — там играли в подкову.

Рослый и Джордж вдвоем вошли в темный барак. Рослый протянул руку над столом, где валялись карты, и зажег электрическую лампочку под жестяным абажуром. Стол залил яркий свет, отвесно отбрасываемый вниз конусом абажура, а по углам барака по-прежнему густела тьма. Рослый уселся на ящик. Джордж сел напротив него.

— Это не важно, — сказал Рослый. — Все равно мне пришлось бы почти всех утопить. Не за что и благодарить.

— Может, для тебя это и не важно, — сказал Джордж, — а для него это очень много значит. Ей-ей, не знаю, как и загнать его сюда на ночь. Он захочет спать со щенками в конюшне. Так и норовит залезть прямо к ним в ящик.

— Не важно, — повторил Рослый. — Ты про него верно сказал. Может, он и не больно много соображает, но работников таких я еще не виды-

вал. Он, когда ссыпал зерно, чуть не до смерти замучил своего напарника. Никто не может за ним поспеть. Господи, первый раз вижу такого силача.

— Ленни только скажи, чего делать, — отозвался Джордж гордо, — и он все сделает, ежели только соображать не надобно. Сам он не соображает, что ж делать, зато старательно исполняет, чего ему велено.

Со двора послышалось звяканье подковы о железную стойку и негромкие одобрительные возгласы.

Рослый чуть отодвинулся от стола, чтобы свет не бил ему в глаза.

— Любопытно, что вы с ним всегда вместе.

Этими словами Рослый как бы вызывал Джорджа на откровенность.

— Что ж тут такого любопытного? — спросил Джордж напрямик.

— Сам не знаю. Люди редко живут так. Я, почитай, сроду не видал, чтоб двое вместе жили. Сам знаешь, как поступают работники на ранчо: приходят, занимают койку, работают месяц, а потом берут расчет и уходят поодиночке. Им наплевать на других. Потому и любопытно, что безмозглого вроде него и такого умницу, как ты,

водой не разольешь.

— Он не безмозглый, — сказал Джордж. — Он безответный, но не сумасшедший. Да и я не больно умен, иначе я не гнул бы здесь спину за несчастные полсотни долларов. Будь я умен или хоть малость смекалист, у меня было бы свое маленькое хозяйство и я выращивал бы собственный урожай, заместо того, чтоб на других горбить.

Джордж наконец умолк. Он разговорился, ему хотелось говорить еще, а Рослый не поощрял его и в то же время не останавливал. Он просто сидел молча, готовый слушать.

— Это вовсе не любопытно, что мы с ним всегда вместе, — сказал Джордж после долгого молчания. — Мы оба родом из Оберна. Я знал его тетку Клару. Она взяла его к себе ребенком и вырастила. А когда тетка померла, Ленни стал работать со мной. И мы вроде бы привыкли друг к другу.

— Гм, — хмыкнул Рослый.

Джордж поглядел на Рослого и встретил его спокойный независимый взгляд.

— Любопытно! — сказал Джордж. — Я над ним немало измывался, любопытства ради. Разыгрывал с ним всякие шутки, он ведь такой робкий, что не может постоять за себя. Он даже не пони-

мал, что над ним смеются. Вот я и забавлялся из любопытства. Ведь рядом с ним я выглядел бог весть каким умником. А он все сделает, что я ему ни велю. Велю ему, скажем, залезть на самую вершину горы, и он полезет. Но потом все это стало не так уж любопытно. Он никогда не сердился. Я лупил его почем зря, а ведь он мог переломать мне все кости одной рукой, но никогда пальцем меня не тронул. — Голос Джорджа зазвучал проникновенно. — Я тебе скажу, почему я перестал над ним надсмехаться. Как-то раз на берегу реки Сакраменто собралась толпа. Я разыгрывал из себя умника. Поворачиваюсь к Ленни да говорю: «Прыгай в воду». И он прыгнул. А плавает он как топор. Чуть не утоп, покуда мы его не вытащили. И он был так благодарен нам. Совсем позабыл, что я же и велел ему в воду прыгнуть. Ну, больше я такого не делал.

— Он добрый малый, — сказал Рослый. — Для этого ума не надо. Мне иной раз даже кажется, что чаще бывает наоборот. Взять по-настоящему умного человека — такой редко окажется добрым.

Джордж собрал в колоду разбросанные карты и принялся раскладывать пасьянс. Снаружи послышался звук шагов. В квадратах окон серели вечерние сумерки.

— У меня ни роду ни племени, — сказал Джордж. — Я много видал людей, которые ходят с ранчо на ранчо в одиночку. Что ж тут хорошего? Тоска смертная. Да и совсем озвереть недолго. Глотку друг другу готовы перегрызть.

— Да, такие звереют, — согласился Рослый. — Ни с кем и разговаривать по-человечески не хотят.

— Правда, с Ленни хлопот не оберешься, — сказал Джордж. — Но что делать, привыкаешь к человеку и уже не можешь с ним расстаться.

— Он не злой, — сказал Рослый. — Я же вижу, он совсем не злой.

— Конечно, не злой, но все время попадает в беду, потому что сам робкий и безответный. Вот, скажем, в Уиде… — Джордж вдруг замолчал и замер недвижно с картой в руке. Он пристально смотрел на Рослого. — Ты никому не скажешь?

— А что он натворил в Уиде? — спокойно спросил Рослый.

— Но ты никому не скажешь? Нет, конечно, нет.

— Что же он такого натворил в Уиде? — снова спросил Рослый.

— Ну, увидал он девчонку в красном платье. Безответный дурак — ему охота потрогать все, че-

го понравится. Просто потрогать, только и всего. Вот и протянул руку, чтоб потрогать это красное платье, тут девчонка давай визжать, а Ленни со страху держит ее, не знает, чего делать. Девчонка все визжит. Я был неподалеку, услышал ее визг и прибежал. Ленни уже вконец растерялся и все держит ее. Я выдернул из загородки жердину и огрел его по башке — только тогда он ее отпустил. Он был до того напуган, что просто не мог выпустить платье. А ведь он адски силен, сам видел.

Рослый спокойно, не мигая, смотрел на Джорджа. Он медленно кивнул.

— И что же дальше?

Джордж аккуратно уложил карты в ряд.

— Ну, эта девчонка побежала к судье и кричит, что ее изнасиловали. Мужчины в Уиде собрались, чтоб изловить и линчевать Ленни. Пришлось нам отсиживаться в оросительной канаве до самого вечера. Только головы высунули из воды среди камыша, что рос на краю канавы. А ночью — давай Бог ноги.

Рослый немного помолчал.

— А он этой девчонке ничего и впрямь не сделал? — спросил наконец Рослый.

— Да нет же. Просто напугал, и все. Я и сам напугался бы, если б он вдруг меня сгреб. Но он

ей ничего не сделал. Только хотел потрогать ее красное платье, как вот теперь все время хочет гладить щенков.

— Он не злой, — сказал Рослый. — Я злых за милю чую.

— Конечно, не злой. И сделает все, что я ему…

Тут вошел Ленни. Его синяя куртка была накинута на плечи, и он шагал, наклонившись вперед.

— Ну как, Ленни? — спросил Джордж. — Нравится тебе щенок?

Ленни ответил, с трудом переводя дух:

— Он белый с коричневыми пятнами, как раз такого я и хотел.

Он пошел прямо к своей койке, лег, отвернулся к стене и подобрал колени.

Джордж аккуратно положил карты на стол.

— Ленни, — сказал он строго.

— А? Чего тебе, Джордж?

— Я ж тебе сказал, чтоб ты не смел приносить щенка сюда.

— Какого щенка, Джордж? У меня нету никакого щенка.

Джордж быстро подошел к Ленни, взял за плечо и заставил повернуться. Он протянул руку и вытащил крошечного щенка, которого Ленни

прятал подле себя.

Ленни поспешно сел на койке.

— Отдай мне его, Джордж.

— Ступай и положи щенка назад в ящик, — приказал Джордж. — Он должен спать со своей матерью. Ты что, сгубить его хочешь? Он только вчера родился, а ты уже вынул его из ящика. Сейчас же отнеси его назад, а не то я скажу Рослому, чтоб он у тебя его отнял.

Ленни умоляюще протянул руки к Джорджу.

— Дай мне его, Джордж. Я отнесу его назад. Я не хотел сделать плохо, Джордж. Ей-ей, не хотел. Я только хотел его немножко погладить.

Джордж отдал ему щенка.

— Ладно. Живо тащи его в конюшню и больше не выноси оттуда. А то ты в два счета его придушишь.

Ленни торопливо вышел.

Рослый не двигался с места. Он посмотрел Ленни вслед.

— Вот черт! — сказал он. — Сущий ребенок, правда?

— Ну конечно же, он как ребенок. И такой же безобидный, только силен невесть как. Я уверен, что он теперь не придет ночевать. Будет спать в конюшне около этого щенка. Ну да ладно, пускай.

Там он никому не помешает.

На дворе стемнело. Вошел старик Плюм Пудинг и направился к своей койке; следом за ним плелась его старая собака.

— Привет, Рослый. Привет, Джордж. Вы что, не играли в подкову?

— Надоело — каждый вечер играем, — сказал Рослый.

— Ни у кого не найдется глотка виски, ребята? — спросил Плюм. — У меня что-то живот разболелся.

— Нет, — сказал Рослый. — А то б я сам выпил, хоть у меня живот и не болит.

— До того разболелся, мочи нет, — пожаловался Плюм. — А все проклятая репа. Я ведь знал, что так будет, прежде чем взял ее в рот.

Со двора, где сгущалась темнота, вошел толстяк Карлсон. Он прошел в дальний конец комнаты и зажег вторую лампочку под жестяным абажуром.

— Тьма кромешная, — сказал он. — Вот черт, до чего этот черномазый ловко играет.

— Да, играет он лихо.

— Еще бы, — сказал Карлсон. — Никому выиграть не даст… — Он замолчал, потянул носом воздух и, все еще принюхиваясь, поглядел на

старую собаку. — Черт, до чего ж от нее псиной разит! Выгони ее отсюдова, Плюм! Хуже нет, когда псиной воняет. Гони ее, тебе говорят.

Плюм пододвинулся к краю койки. Он протянул руку, потрепал старую собаку по голове и сказал виновато:

— Она у меня давно, и совсем я не замечал, чтоб от нее воняло.

— Вот что, я ее здесь терпеть не стану, — сказал Карлсон. — Эта вонь остается надолго. — Он тяжелыми шагами подошел к собаке и поглядел на нее. — Зубов нет, — сказал он, — лапы от ревматизма не гнутся. На кой она тебе сдалась, Плюм? Ведь она самой себе в тягость. Почему ты ее не пристрелишь?

Старик беспокойно заерзал на койке.

— Ну уж нет! Она у меня давно. Я взял ее еще щенком. Она помогала мне пасти овец, стерегла стадо, — сказал он с гордостью. — Теперь на нее поглядеть — не поверишь, но это была лучшая овчарка во всей округе.

— Я знавал одного человека в Уиде, — сказал Джордж. — У него был эрдельтерьер, который пас овец. Научился у других собак.

Но от Карлсона нелегко было отделаться.

— Слышь, Плюм, эта старая сука только зря

мучается. Выведи ее на двор и выстрели прямо в башку, — он наклонился и показал куда, — вот в это место, она даже не узнает, что произошло.

Плюм посмотрел на него грустным взглядом.

— Нет, — сказал он тихо. — Не могу. Ведь она у меня так давно.

— Ей самой свет не мил, — настаивал Карлсон. — И воняет от нее так, что просто ужас. Ну ладно. Ежели хочешь, я сам ее пристрелю, избавлю тебя от этого.

Плюм спустил ноги с койки. Он взволнованно поскреб седую щетинистую щеку.

— Я так к ней привык, — сказал он тихо. — Взял ее еще щенком.

— Но ведь это просто жестоко — смотреть, как она мучается, — сказал Карлсон. — Послушай, у Рослого как раз сука ощенилась. Я уверен, что он даст тебе одного щенка. Правда, Рослый?

Рослый спокойно рассматривал старую собаку.

— Да, — сказал он. — Ежели хочешь, можешь взять щенка. — Он оживился: — Плюм, Карлсон прав. Эта собака сама себе в тягость. Ежели я стану таким вот дряхлым калекой, уж лучше пускай меня кто-нибудь пристрелит.

Плюм беспомощно посмотрел на него, потому что слово Рослого — закон на ранчо.

— Но ведь ей будет больно, — сказал он неуверенно. — А я согласен об ней заботиться.

— Я ее пристрелю так, что она ничего и не почувствует. Прицелюсь вот сюда, — сказал Карлсон. Он указал ногой. — Прямо в башку. Она и не рыпнется.

Плюм переводил взгляд с одного лица на другое — искал поддержки. На дворе уже совсем стемнело. Вошел молодой работник. Его плечи были пригорблены, и шагал он тяжело, словно нес невидимый мешок с зерном. Он подошел к своей койке и положил шляпу на полку. Потом взял измятый журнал и положил на стол под лампочку.

— Я тебе не показывал, Рослый? — спросил он.

— Что такое?

Вошедший перелистал журнал и ткнул пальцем:

— Читай вот здесь. — Рослый склонился над журналом. — Вслух давай.

— «Уважаемый редактор, — медленно начал Рослый, — я читаю ваш журнал уже шесть лет и уверен, что он самый лучший. Мне нравятся рассказы Питера Рэнда. По-моему, он ловко заливает. Печатайте побольше таких штук, как «Черный всадник». Я не мастак писать письма. Просто я решил сообщить всем, что за ваш журнал не

жалко отдать пять центов».

Рослый удивленно поднял голову.

— Для чего это было читать?

— Дальше, — сказал Уит. — Прочти подпись внизу.

Рослый прочел:

— «Желаю успеха. Уильям Теннер».

Он снова взглянул на Уита.

— Так для чего ж это было читать?

Уит с важным видом закрыл журнал.

— Неужто ты не помнишь Билла Теннера? Он работал здесь месяца три назад.

Рослый задумался.

— Такой маленький? — спросил он. — Работал на пашне?

— Во-во, он самый! — воскликнул Уит.

— Так ты думаешь, это он написал?

— Я знаю в точности. Как-то раз сидели мы с Биллом здесь, в этой самой комнате. У Билла был свежий номер журнала. Сидит он, читает и, не поднимая головы, говорит: «Я написал письмо в редакцию. Интересно, поместили его или нет?» Но письма там не было. Билл и говорит: «Может, они его еще поместят». Так и вышло. Вот оно.

— Верно, — сказал Рослый. — Вот оно, в журнале.

Джордж протянул руку.

— Можно поглядеть?

Уит снова отыскал нужную страницу, но журнала не отдал. Он ткнул в письмо пальцем. Потом пошел к своей полке и бережно положил туда журнал.

— Любопытно знать, видал ли это сам Билл? — сказал он. — Мы с ним работали вместе на гороховом поле. Билл — славный малый.

Карлсон не принимал участия в разговоре. Он все глядел на старую собаку. Плюм с беспокойством следил за ним. Наконец Карлсон сказал:

— Ежели хочешь, я избавлю ее от страданий сейчас же, да и дело с концом. Ничего другого не остается. Жрать она не может, не видит ничего, даже ходить ей больно.

— Но ведь у тебя нет револьвера, — сказал Плюм с надеждой.

— Как бы не так. Есть, системы Люгера. Ей не будет больно!

— Может, лучше завтра… Обождем до завтра, — сказал Плюм.

— А чего тут ждать? — сказал Карлсон.

Он подошел к своей койке, вытащил из-под нее мешок и достал револьвер.

— Надо покончить сразу, — сказал он. — От нее

так воняет, спать невозможно.

Он сунул револьвер в боковой карман.

Плюм бросил на Рослого долгий взгляд, надеясь, что тот вмешается. Но Рослый молчал. Тогда Плюм сказал тихо и безнадежно:

— Ну уж ладно, веди ее.

Он даже не взглянул на собаку. Снова улегся на койку, заложил руки за голову и стал глядеть в потолок.

Карлсон вынул из кармана короткий кожаный ремешок. Он нагнулся и надел ремешок на шею собаке. Все, кроме Плюма, следили за ним.

— Пошли, милая. Пошли, — сказал он ласково. А потом, как бы извиняясь, обратился к Плюму: — Она ничего и не почувствует.

Плюм не ответил и даже не пошевельнулся. Карлсон дернул за ремешок.

— Пошли, милая.

Старая собака с трудом встала и пошла за Карлсоном.

— Карлсон, — сказал Рослый.

— А?

— Ты знаешь, чего надобно сделать.

— О чем это ты?

— Возьми лопату, — отрывисто обронил Рослый.

— Ну, само собой… Я понял.

И он вывел собаку в темноту.

Джордж подошел к двери, закрыл ее и осторожно опустил щеколду. Плюм недвижно лежал на койке, глядя в потолок.

Рослый сказал громко:

— Там у одного мула копыто треснуло. Надобно замазать смолой.

Он замолчал. Снаружи было тихо. Шаги Карлсона затихли. В комнате тоже стало тихо. Тишина затягивалась.

Джордж засмеялся.

— А ведь Ленни сейчас в конюшне со своим щенком. Он теперь сюда и войти не захочет, раз у него щенок есть.

— Плюм, — сказал Рослый. — Ты можешь взять щенка, какого захочешь.

Плюм не ответил. Снова наступила тишина. Она словно выползла из ночной тьмы и заполнила комнату.

Джордж сказал:

— Никто не хочет перекинуться в картишки?

— Я бы, пожалуй, сыграл, — сказал Уит.

Они сели за стол, под лампочку, друг против друга, но Джордж не стасовал карты. Он в беспокойстве забарабанил пальцами по краю стола,

и этот негромкий стук заставил всех обернуться. Джордж перестал стучать. Снова стало тихо. Прошла минута, другая. Плюм лежал неподвижно, глядя в потолок. Рослый посмотрел на него, опустил глаза и уставился на свои руки; одной ладонью он прикрыл другую. Откуда-то из-под пола раздался негромкий скребущий звук, и все сразу повернули головы. Только Плюм по-прежнему смотрел в потолок.

— Похоже, там крыса, — сказал Джордж. — Надо поставить крысоловку.

Уит наконец не выдержал:

— И чего он там возится? Ну, сдавай же карты! Этак мы ни одного кона не сыграем.

Джордж собрал карты и принялся их рассматривать. Снова стало тихо.

Вдали хлопнул выстрел. Все быстро взглянули на старика. Головы разом повернулись в его сторону.

Еще мгновение он продолжал смотреть в потолок. Потом, не сказав ни слова, медленно повернулся лицом к стене.

Джордж быстро стасовал карты и сдал. Уит пододвинул к нему грифельную доску для записи очков и фишки. Он сказал:

— Кажись, вы, ребята, и в самом деле пришли

сюда, чтоб работать? Ну, ведь пришли-то вы в пятницу. Два дня придется работать, до воскресенья.

— Как так? — спросил Джордж с недоумением.

Уит насмешливо хмыкнул.

— Не понимаю, — сказал Джордж.

Уит снова хмыкнул.

— Должен понимать, ежели бывал на больших ранчо. Кто хочет приглядеться, приходит в субботу, под вечер. Он ужинает, да в воскресенье еще три раза поест, а в понедельник утром может позавтракать и уйти, палец о палец не ударив. Но вы пришли в полдень в пятницу. Как ни клади, а выходит полтора дня.

Джордж спокойно посмотрел на него.

— Мы хотим здесь остаться на некоторое время, — сказал он. — Нам с Ленни надобно подработать.

Дверь тихо приотворилась, и конюх просунул голову в щель. Это была черная изможденная голова с печальным лицом и покорными глазами.

— С вашего позволения, Рослый…

Рослый отвел глаза от старика Плюма.

— А? Это ты, Горбун? Тебе чего?

— Вы мне велели растопить смолу, чтоб замазать копыто у мула. Так я ее уж растопил.

— Да, понятно, Горбун. Я сейчас приду и все

сделаю.

— Ежели хотите, я сделаю.

— Нет, я сам.

Он встал.

— И еще вот чего, — сказал Горбун.

— Да?

— Этот верзила, новичок, возится в конюшне с вашими щенками.

— Не беда, он им ничего не сделает. Я ему подарил одного.

— Я все же решился сказать вам про это, — продолжал Горбун. — Он их вынимает из ящика и держит в руках. Это им не на пользу.

— Ничего он им не сделает, — сказал Рослый. — Ну, пошли.

Джордж поднял голову.

— Если этот болван там мешает, вышвырни его вон, Рослый, — вот и все.

Рослый вслед за конюхом вышел из барака.

Джордж сдал карты, Уит взял свои и посмотрел в них.

— Видал новую куколку? — спросил он.

— Какую такую куколку? — удивился Джордж.

— Ну, новую супружницу Кудряша.

— Да, видал.

— Ну что, разве она не красавица?

— Я не разглядел, — сказал Джордж.

Уит с таинственным видом положил карты.

— Так вот, не зевай, гляди в оба. Тогда много кой-чего разглядишь. Она ничего и не скрывает. Я такой еще никогда не видел. На всех мужиков заглядывается. Ей-богу, даже конюху проходу не дает. И какого дьявола ей не хватает?

— А что, произошли какие-нибудь неприятности с тех пор, как она здесь? — спросил Джордж как бы невзначай.

Было ясно, что Уита карты не интересуют. Он уронил руку на стол, и Джордж, отобрав у него карты, стал раскладывать пасьянс: семь карт и шесть сверху, а поверх — еще пять.

Уит сказал:

— Понятно, об чем ты спрашиваешь. Нет, еще ничего не было. Кудряш бесится, только и всего, но едва ребята вернутся с работы, она уж тут как тут. Ищет, мол, мужа или забыла здесь что-то. Похоже, ее здорово тянет к мужчинам. А Кудряш так и кипит, но покуда сдерживается.

— Она еще наделает тут делов, — сказал Джордж. — Из-за нее не миновать заварухи. В два счета можно угодить за решетку. Я думаю, у Кудряша здесь хватает прихвостней. Ранчо, где полно мужиков, не место для молодой женщины,

особенно такой, как эта.

— Ежели хочешь, — сказал Уит, — поедем завтра вечером с нами в город.

— А на кой шут? Чего там делать?

— Обыкновенно. Пойдем к старухе Сюзи. Веселое местечко. Сама старушенция такая потешная — всегда отмочит какую-нибудь шутку. Вот, скажем, в прошлую субботу пришли мы к ее парадной двери. Сюзи отворяет дверь и кричит: «Девочки, скорей одевайтесь, шериф приехал!» Но ни одного скверного слова, ни-ни. У нее там пять девочек.

— А во сколько это обходится? — спросил Джордж.

— Два с половиной доллара. И порция виски — еще двадцать центов. У Сюзи есть удобные кресла, можно посидеть, отдохнуть. Ежели не хочешь ничего другого, можешь просто посидеть в креслах, пропустить стаканчик-другой и приятно провести время. Сюзи никогда не против. Она не шпыняет гостей и не выставляет их за дверь, ежели они не хотят девушки.

— Надо будет сходить с вами, поглядеть, — сказал Джордж.

— Конечно, пойдем. Можно хорошо поразвлечься — одни шуточки ее чего стоят. Как это

она сказала один раз: «Я, говорит, знаю людей, которые на полу тряпичный ковер расстелили да лампу с абажуром поставили возле граммофона и думают, будто у них настоящий салон». Это она про Клару. А еще она говорит: «Я знаю, чего вам, ребята, надобно, говорит. Мои девочки чистые, говорит, и виски я не разбавляю водой. А ежели кто из вас желает поглядеть на лампу с абажуром да обжечь крылышки, так вы дорогу знаете». И еще она говорит: «Некоторые стали кривоногими, потому что больно уж любят глядеть на лампу с абажуром».

— У Клары, стало быть, другой такой же дом, так, что ли? — спросил Джордж.

— Известное дело, — ответил Уит. — Но мы туда не ходим. Клара берет три доллара за девочку и тридцать пять центов за виски. Но шутить так ловко она не умеет. А у Сюзи чистота и удобные кресла, и она не пущает к себе всяких проходимцев.

— Нам с Ленни надобно деньжат скопить, — сказал Джордж. — Я мог бы пойти с вами, посидеть там и выпить, но отдать два с половиной доллара никак не могу.

— Ну, надо же человеку развлечься хоть иногда, — сказал Уит.

Дверь отворилась, и вошли Ленни с Карлсоном. Ленни прокрался к своей койке и сел, стараясь не привлекать к себе внимания. Карлсон полез под койку и вытащил оттуда мешок. Он не смотрел на старика Плюма, который все еще лежал, отвернувшись к стене. Карлсон нашарил в мешке шомпол и баночку с ружейным маслом. Он положил их на койку, взял револьвер, вынул затвор и вытряхнул гильзу из ствола. Потом стал чистить ствол шомполом. Когда затвор щелкнул, Плюм повернулся и посмотрел на револьвер, потом снова отвернулся к стене.

— Кудряш сюда не заходил? — спросил Карлсон как бы невзначай.

— Нет, — ответил Уит. — А что?

Карлсон посмотрел ствол на свет.

— Ищет свою красулю. Я видел, как он рыскал вокруг барака.

— Он всегда полдня ее ищет, — сказал Уит с насмешкой. — А вторые полдня она ищет его.

В этот миг в комнату ворвался Кудряш.

— Она сюда не заходила, — сказал Уит.

Кудряш грозно оглядел комнату.

— А где Рослый?

— На конюшню ушел, — сказал Джордж. — Ему надо замазать смолой копыто мулу.

Кудряш сразу съежился.

— И давно он ушел?

— Минут десять.

Кудряш выскочил за дверь и побежал к конюшне.

Уит встал.

— Пойти, что ли, поглядеть, — сказал он. — Кудряш нарывается на драку, иначе он не побежал бы туда. А ведь он ловкий как черт. Выступал в финале за «Золотую перчатку». У него есть вырезки из газет. — Уит подумал немного. — Но все равно, лучше ему оставить Рослого в покое. От Рослого всего можно ждать.

— Он думает, что Рослый сейчас с его супружницей, так, что ли? — спросил Джордж.

— Похоже на то, — сказал Уит. — Но это, конечно, ерунда. Меньше всего я думаю, что Рослый станет с ней путаться. Но я хочу поглядеть на драку, ежели до нее дойдет. Пошли вместе.

— Нет уж, я здесь останусь, — сказал Джордж. — Не хочу ни во что впутываться. Нам с Ленни надо скопить деньжат.

Карлсон вычистил револьвер, положил его в мешок и засунул мешок под койку.

— Пожалуй, пойду и я погляжу, — сказал он.

Старик Плюм лежал не шевелясь, а Ленни с

опаской поглядывал на Джорджа со своей койки.

Когда Уит и Карлсон ушли и дверь за ними закрылась, Джордж повернулся к Ленни.

— Ты что от меня скрываешь?

— Я ничего не сделал, Джордж. Рослый говорит, что лучше не гладить щенков так долго сразу. Рослый говорит, им это вредно. Вот я и ушел сюда. Я хорошо себя вел, Джордж?

— Что ж, пожалуй, — сказал Джордж.

— Я не делал им больно. Я только посадил своего щенка на колени и гладил его.

— А ты видел Рослого в конюшне? — спросил Джордж.

— Ну да, видел. Он сказал, чтоб я лучше не гладил больше щенка.

— А женщину ты видал?

— Супружницу Кудряша?

— Да. Она приходила в конюшню?

— Нет. Ее я не видал.

— И не видал, чтоб Рослый с ней разговаривал?

— Не. Ведь ее там не было.

— Ладно, — сказал Джордж. — Я думаю, ребята не допустят драки. А если будет драка, Ленни, ты держись в стороне.

— Я не хочу драться, — сказал Ленни.

Он встал с койки и сел к столу напротив Джорджа. Джордж по привычке стасовал карты и стал раскладывать пасьянс. Он делал это старательно, задумчиво, не спеша.

Ленни взял одну карту и стал ее рассматривать, потом перевернул и снова стал рассматривать.

— Так и так одинаково выходит, — сказал он. — Джордж, почему так и так одинаково?

— Не знаю, — сказал Джордж. — Так уж их рисуют. А что Рослый делал в конюшне?

— Рослый?

— Ну да. Ты ведь видел его в конюшне, и он не велел тебе больше гладить щенков.

— А-а. Он принес банку со смолой и кисть. Не знаю зачем.

— И ты уверен, что эта женщина не приходила в конюшню, как, к примеру, нынче сюда?

— Уверен.

Джордж вздохнул.

— Нет, уж лучше бардак, — сказал он. — Туда можно пойти, выпить, получить все, что требуется, безо всякого шума. И заранее известно, во сколько это влетит. А такие шкуры до добра не доведут.

Ленни внимательно слушал его и тихонько шевелил губами, повторяя про себя каждое слово.

Джордж продолжал:

— Помнишь Энди Кашмена, Ленни? Он с нами в школе учился.

— И его мать еще пекла для детей пирожки? — спросил Ленни.

— Во-во. Он самый. Ты всегда запоминаешь, когда речь об жратве. — Джордж внимательно разглядывал карты. Он положил на грифельную доску туза, а сверху — двойку, тройку и четверку бубен. — Энди сейчас в Сент-Квентинской тюрьме, а все из-за бабы, — сказал он.

Ленни забарабанил пальцами по столу.

— Джордж.

— Ну чего тебе?

— Джордж, а скоро у нас будет маленькое ранчо и мы будем сами себе хозяева?.. И… заведем кроликов?

— Понятия не имею, — сказал Джордж. — Надо скопить деньжат. Я знаю ранчо, которое можно купить задешево, но даром ведь его не отдадут.

Старик Плюм медленно повернулся на койке. Глаза его были широко раскрыты. Он пристально посмотрел на Джорджа.

Ленни попросил:

— Расскажи мне про это ранчо, Джордж.

— Да ведь я только вчера рассказывал.

— Ну расскажи… расскажи еще, Джордж.

— Так вот… там десять акров земли, — сказал Джордж. — Есть ветряная мельница. Маленький домик и курятник. А еще кухня, садик, и в нем растут вишни, яблоки, персики, орехи да всякая ягода. Есть место, где посеять люцерну, и много воды для полива. Есть свинарник…

— И кролики, Джордж!

— Крольчатника покуда нету, но нетрудно сделать несколько клеток, а кормить их ты можешь люцерной.

— Могу, конечно, могу! — подхватил Ленни. — Видит Бог, могу!

Джордж перестал раскладывать пасьянс. Голос его постепенно теплел.

— А еще мы можем завести свиней. Я построю коптильню, вроде той, какая была у моего деда, и мы как заколем свинью, станем коптить сало и окорока, делать ветчину. А когда по реке поднимутся лососи, мы будем ловить их сотнями и засаливать или коптить. Будем есть их на завтрак. Нет ничего вкуснее копченой лососины. Когда будут поспевать фрукты, мы станем заготовлять их впрок, и помидоры тоже, это очень легко. На воскресенье зарежем куренка или кролика. Может, заведем корову или козу, и у нас будут такие

густые сливки, что их придется резать ножом и есть ложкой.

Ленни глядел на Джорджа, широко раскрыв глаза, и старик Плюм тоже глядел на него. Потом Ленни сказал тихо:

— Мы будем сами себе хозяева.

— А как же, — сказал Джордж. — У нас будут на огороде всякие овощи, а ежели захотим выпить виски, продадим десяток-другой яиц, или немного молока, или еще чего-нибудь. Будем себе жить там, на своем ранчо. Не придется нам больше мыкаться и жрать стряпню какого-нибудь япошки. Врешь, брат, у нас свой дом есть, нам незачем спать в бараке.

— Расскажи про дом, Джордж, — попросил Ленни.

— Ну, само собой, у нас будет свой домик, и в нем удобная спальня. Пузатая железная печурка, зимой в ней завсегда будет гореть огонь. Земли на ранчо немного, так что спину гнуть особо не придется. Ну, разве что часов по шесть или семь в день. Не надо будет по одиннадцати часов ссыпать ячмень. Когда поспеет урожай, мы его снимем. И всегда будем знать, ради чего работали.

— А еще кролики, — сказал Ленни нетерпе-

ливо. — Я буду их кормить. Расскажи про это, Джордж.

— Очень просто — пойдешь с мешком, накосишь люцерны. Набьешь мешок, принесешь люцерну и положишь кроликам в клетки.

— А они будут грызть! — сказал Ленни. — Я видел, как кролики грызут.

— Каждые полтора месяца, — продолжал Джордж, — они станут приносить приплод, так что нам хватит и для еды, и на продажу. А еще заведем голубей, они будут летать вокруг мельницы, как у нас во дворе, когда я был ребенком. — Он мечтательно поглядел на стену поверх головы Ленни. — И все это будет наше, никто нас не выгонит. А если нам самим кто не понравится, мы скажем: «Скатертью дорога!» — и, ей-ей, он вынужден будет убраться. А если придет друг, что ж, у нас завсегда найдется свободная койка, и мы скажем ему: «Отчего бы тебе у нас не заночевать?» — и, ей-ей, он заночует. У нас будут собака, сеттер, и две полосатые кошки, но придется следить, чтоб они не таскали крольчат.

Ленни взволнованно засопел.

— Пущай только попробуют. Я им все кости переломаю… я… я их палкой.

И он забормотал что-то себе под нос, угрожая

несуществующим кошкам, ежели они посмеют тронуть несуществующих кроликов.

Джордж сидел, завороженный собственной выдумкой.

И когда Плюм вдруг заговорил, оба вскочили, словно их поймали с поличным. Плюм спросил:

— А у тебя и впрямь есть на примете такое ранчо?

Джордж насторожился.

— Ну, положим, есть, — ответил он. — А тебе-то что?

— Я не спрашиваю, где оно. Это не важно.

— Само собой, — сказал Джордж. — Уж будь спокоен… Тебе его и за сто лет не найти.

— А сколько надобно уплатить?!

Джордж подозрительно взглянул на старика.

— Ну… можно бы сторговаться за шесть сотен. Старики хозяева совсем на мели, старуха больна, придется ее оперировать. Но тебе-то что до этого? Мы сами по себе, наши дела тебя не касаемы.

Плюм сказал:

— Оно конечно, я однорукий, от меня пользы мало. Одной руки я лишился здесь, на этом вот самом ранчо. Потому меня и держат тут уборщиком. И уплатили двести пятьдесят за руку. Да еще пятьдесят у меня накоплено, в банке лежат,

готовенькие. Вот вам уже триста, а еще пятьдесят я получу в конце месяца. И я вам скажу… — Он всем телом подался вперед. — Может, возьмете меня? Моя доля — триста пятьдесят долларов. Само собой, пользы от меня немного, но я могу стряпать, смотреть за курями да копаться в огороде. Ну, как?

Джордж прищурился.

— Надобно подумать. Мы хотели купить ранчо только вдвоем…

Плюм его перебил:

— Я напишу завещание и, когда помру, оставлю свою долю вам, потому как родичей у меня давным-давно нету. У вас, ребята, есть деньги? Может, купим это ранчо прямо сейчас?

Джордж с досадой сплюнул себе под ноги.

— У нас на двоих всего-то навсего десять долларов. — Потом добавил задумчиво: — Послушай, если мы с Ленни проработаем месяц и не потратим ни цента, у нас накопится сотня долларов. Вот уже четыреста пятьдесят. За эти деньги наличными они нам наверняка уступят ранчо, остальное потом. Вы с Ленни устроитесь там и возьметесь за дело, а я подыщу себе место и заработаю остальное. А вы покудова будете продавать яйца, ну и прочее.

Все умолкли. Они смотрели друг на друга с удивлением. Они никогда не верили, что такое может сбыться. И Джордж сказал, едва дыша:

— Господи Боже! Я уверен, что они уступят. — Он был ошеломлен. — Я уверен, что они уступят, — повторил он тихо.

Плюм сел на край койки. От волнения он поскреб ногтем свою культю.

— Меня искалечило четыре года назад, — сказал он. — Скоро меня отсюдова прогонят, вышвырнут вон, как только я не смогу подметать барак. Может, ежели я отдам вам, ребята, свои деньги, вы позволите мне копаться в саду, даже когда толку от меня никакого не будет, и я стану мыть посуду, и смотреть за курями. Ведь я буду жить дома и работать дома, — сказал он с тоской. — Вы видели, чего они сделали нынче с моей собакой? Сказали, что от нее никому никакого прока, да сама она себе в тягость. Когда меня выгонят, лучше бы кто меня пристрелил. Но этого они не сделают. Мне некуда будет идти, и я нигде не найду работы. До тех пор, пока вы, ребята, соберетесь купить ранчо, я получу еще тридцать долларов.

Джордж встал.

— Мы это сделаем, — сказал он. — Купим ранчо и будем там жить.

Он снова сел.

Теперь все сидели недвижно, завороженные этой заманчивой картиной, и мысли их уносились в будущее, к тем дням, когда все это свершится на деле.

Джордж сказал задумчиво:

— А когда в городе будет праздник, или бейсбольный матч, или приедет цирк, или еще чего… — Старик Плюм одобрительно кивнул. — Мы беспременно пойдем туда, — сказал Джордж. — Ни у кого не станем спрашиваться. Просто скажем: «Ну, двинули», — и двинем. Подоим корову, подбросим зерна курям и двинем.

— Но сперва зададим кроликам люцерны, — подхватил Ленни. — Я не позабуду их накормить. А когда это будет, Джордж?

— Через месяц. Обожди всего-навсего месяц. Знаешь, чего я сделаю? Напишу этим старикам, хозяевам ранчо, что мы его покупаем. А Плюм пошлет сотнягу в задаток.

— Само собой, — сказал Плюм. — А печь там хорошая?

— Известное дело, печь прекрасная, можно топить хоть углем, хоть дровами.

— Щенка я тоже возьму, — сказал Ленни. — Ей-ей, ему там понравится.

Джордж прищурил глаза.

Снаружи послышались голоса. Джордж быстро сказал:

— Но смотрите — молчок, никому ни слова. Только мы трое будем знать, больше никто. А то нас выгонят, и мы ничего не заработаем. Будем делать вид, будто собираемся всю жизнь ссыпать зерно в мешки, а потом, в один прекрасный день, возьмем свои денежки — и до свиданья.

Ленни и Плюм кивнули, радостно улыбаясь.

— Смотри же, молчок, никому ни слова, — сказал сам себе Ленни.

— Джордж, — сказал Плюм.

— Ну, чего тебе еще?

— Я должен был сам пристрелить свою собаку, Джордж. Не надобно было позволять чужому пристрелить эту бедную собачку.

Дверь отворилась. Вошел Рослый, за ним Кудряш, Карлсон и Уит. У Рослого руки были в смоле, и он хмурился. Кудряш шел за ним по пятам.

— Я не хотел тебя обидеть, Рослый. Я просто так спросил, — сказал Кудряш.

— Что-то ты уж больно часто об этом спрашиваешь, — отозвался Рослый. — Мне это давно уж осточертело. Ежели не можешь уследить за своей вертихвосткой, чего ж ты от меня-то хочешь?

Оставь-ка лучше меня в покое.

— Я ж говорю тебе, что это я только так спросил, — сказал Кудряш. — Просто подумал, может, ты ее видел.

— Какого хрена ты не велишь ей сидеть дома, как положено? — спросил Карлсон. — Позволяешь ей шляться по баракам. Глядишь, она поднесет тебе подарочек, тогда поздно будет.

Кудряш круто повернулся к Карлсону.

— А ты не лезь не в свое дело, не то я тебя живо за дверь вышвырну.

Карлсон рассмеялся.

— Эх ты, молокосос несчастный, — сказал он. — Хотел запугать Рослого, и ни хрена у тебя не вышло. Он сам тебя запугал. Вон ты весь пожелтел, как лягушачье брюхо. Мне начхать, что ты лучший боксер в округе. Попробуй меня хоть пальцем тронуть, я из тебя дух вышибу.

Плюм тут же его поддержал.

— Эхма, рукавица вазелиновая, — сказал он презрительно.

Кудряш сверкнул на него глазами. Потом его взгляд скользнул в сторону и остановился на Ленни; а Ленни все еще радостно улыбался, думая о ранчо.

Кудряш, как собачонка, набросился на Ленни:

— Ну а ты какого хрена смеешься?

Ленни взглянул на него растерянно.

— Чего?

И тут Кудряш взорвался:

— Эй ты, дубина стоеросовая! Встать! Я никому не позволю надо мной надсмехаться! Я покажу, кто пожелтел со страху.

Ленни беспомощно поглядел на Джорджа, потом встал, намереваясь уйти. Но Кудряш не зевал. Он врезал Ленни левой, а потом сильным ударом правой расквасил ему нос. Ленни испуганно завопил. Из носа у него текла кровь.

— Джордж! — завопил Ленни. — Скажи, чтоб он отстал от меня, Джордж!

Он пятился до тех пор, покуда не уперся спиной в стену, а Кудряш наседал на него и бил по лицу. Руки Ленни беспомощно висели, как плети. Он был слишком перепуган, чтоб защищаться.

Джордж вскочил и крикнул:

— Дай ему, Ленни! Не позволяй себя бить!

Ленни прикрыл лицо ручищами и взвизгнул от страха. Он крикнул:

— Скажи, чтоб он перестал, Джордж!

Тут Кудряш ударил Ленни под ложечку, и у того перехватило дыхание.

Рослый вскочил.

— Скот вонючий! — крикнул он. — Я сам с ним сейчас разделаюсь.

Джордж схватил Рослого за плечо.

— Обожди! — крикнул он. Потом приложил руки ко рту рупором: — Дай ему, Ленни.

Ленни отнял ладони от лица и поглядел на Джорджа, а Кудряш тем временем ударил его в глаз. Широкое лицо Ленни было залито кровью. Джордж крикнул снова:

— Дай ему, тебе говорят!

Кудряш снова занес кулак, но тут Ленни схватил его за руку. И Кудряш сразу затрепыхался, как рыба на крючке, кулак его исчез в огромной ручище Ленни. Джордж подбежал к нему через весь барак.

— А теперь отпусти его, Ленни. Отпусти…

Но Ленни лишь смотрел со страхом на трепыхающегося человечка. Кровь текла у него по лицу, глаз был подбит. Джордж влепил ему пощечину, потом другую, но Ленни все не разжимал руку. Кудряш весь побелел и скрючился. Он трепыхался все слабее, но отчаянно вопил — кулак его по-прежнему был зажат в руке Ленни. А Джордж все кричал:

— Отпусти его, Ленни! Отпусти! Рослый, да помоги же, не то он вовсе без руки останется.

Вдруг Ленни разжал пальцы. Он присел у стены на корточки, чтоб быть как можно незаметнее.

— Ты сам мне велел, Джордж, — сказал он жалобно.

Кудряш сел на пол, с удивлением глядя на свою изувеченную руку. Рослый и Карлсон наклонились над ним. Потом Рослый выпрямился и с опаской взглянул на Ленни.

— Надобно свезти Кудряша к доктору, — сказал он. — Похоже, кости переломаны.

— Я не хотел! — крикнул Ленни. — Я не хотел сделать ему больно!

Рослый распорядился:

— Карлсон, запрягай лошадей. Надобно свезти Кудряша в Соледад, там вылечат.

Карлсон выбежал на двор. Рослый повернулся к скулящему Ленни.

— Ты не виноват, — сказал он. — Этот сопляк сам полез на рожон. Но Боже мой! Он и вправду чуть не остался без руки.

Рослый поспешно вышел и тут же вернулся с жестянкой воды. Он дал Кудряшу попить.

Джордж сказал:

— Ну что, Рослый, теперь нас беспременно выгонят? А ведь нам деньги позарез нужны. Как думаешь, выгонит нас папаша Кудряша?

Рослый криво усмехнулся. Он опустился на колени подле пострадавшего.

— Ты еще соображаешь настолько, чтоб меня выслушать? — спросил он. Кудряш кивнул. — Так слушай же, — продолжал Рослый. — Рука у тебя попала в машину. Ежели ты никому не скажешь, как дело было, мы тоже не скажем. А ежели скажешь и станешь требовать, чтоб этого малого выгнали, мы всем расскажем, и над тобой будут смеяться.

— Я не скажу, — простонал Кудряш. Он старательно избегал смотреть на Ленни.

Снаружи затарахтели колеса, Рослый помог Кудряшу встать.

— Ну, пошли. Сейчас Карлсон свезет тебя к доктору.

Он вывел Кудряша за дверь. Тарахтение колес замерло вдали. Рослый вернулся в барак. Он поглядел на Ленни, который в страхе все еще жался к стене.

— Покажи-ка мне ладони, — сказал он.

Ленни вытянул руки.

— Боже праведный, не хотел бы я, чтоб ты на меня осерчал, — сказал Рослый.

Тут в разговор вмешался Джордж.

— Ленни просто испугался, — объяснил он. —

Не знал, чего делать. Я всем говорил, что его нельзя трогать. Или нет, кажется, я это говорил Плюму.

Плюм кивнул с серьезным видом.

— Да, говорил, — сказал он. — Нынче же утром, когда Кудряш в первый раз напустился на твоего друга, ты сказал: «Лучше пусть не трогает Ленни, ежели он сам себе не враг». Так и сказал.

Джордж повернулся к Ленни.

— Ты не виноват, — сказал он. — Не бойся. Ты сделал то, что я тебе велел. Иди-ка вымой лицо. А то бог знает на кого похож.

Ленни скривил в улыбке разбитые губы.

— Я не хотел ничего такого, — сказал он.

Он пошел к двери, но, не дойдя до нее, обернулся.

— Джордж.

— Чего тебе?

— Ты позволишь мне кормить кроликов, Джордж?

— Само собой. Ведь ты ничего плохого не сделал.

— Я не хотел ничего плохого, — сказал Ленни.

— Ну ладно. Ступай умойся.

IV

Конюх Горбун жил при конюшне, в клетушке, где хранилась всякая упряжь. В одной стене этой клетушки было квадратное, с четырьмя маленькими стеклами оконце, в другой — узкая дощатая дверь, которая вела в конюшню. Кроватью служил длинный ящик, набитый соломой и прикрытый сверху одеялами. У окошка были вколочены гвозди, на них висела рваная сбруя, которую Горбун должен был чинить, и полосы новой кожи; под окошком стояла низенькая скамеечка, на ней — шорный инструмент, кривые ножи, иглы, мотки шпагата и маленький клепальный станок. По стенам тоже была развешана упряжь — порванный хомут, из которого торчал конский волос, сломанный крюк от хомута и лопнувшая постромка. На койке стоял ящичек, в котором Горбун держал пузырьки с лекарствами для себя и для лошадей. Здесь были коробки с дегтярным мылом и прохудившаяся жестянка со смолой, из которой торчала кисть. По полу валялись всякие пожитки; в своей каморке Горбун мог не прятать вещи, а поскольку он был калека, служил конюхом и жил здесь уже давно, он нако-

пил больше добра, чем мог бы снести на себе.

У Горбуна было несколько пар башмаков, пара резиновых сапог, большой будильник и старый одноствольный дробовик. А еще у него были книги: истрепанный словарь и рваный томик гражданского кодекса Калифорнии 1905 года издания. Были у него старые журналы, и на специальной полке над койкой стояли еще какие-то книги. Большие очки в золоченой оправе висели рядом на гвозде.

Комната была чисто подметена. Горбун был гордый, независимый человек. Он сторонился людей и держал их от себя на почтительном расстоянии. Из-за горба все тело у него было перекошено в левую сторону; блестящие, глубоко посаженные глаза смотрели пристально и остро. Худое черное лицо избороздили глубокие морщины; губы тонкие, горестно сжатые, были светлее кожи на лице.

Уже наступил субботний вечер. За отворенной дверью, которая вела в конюшню, слышались удары копыт, хруст сена, позвякивание цепочек.

Маленькая электрическая лампочка скупо освещала комнату желтоватым светом.

Горбун сидел на своей койке. В одной руке он держал склянку с жидковатой мазью, а другой,

задрав на спине рубашку, натирал себе хребет. Время от времени он выливал несколько капель мази на розоватую ладонь, потом лез рукой под рубашку и тер спину. Он поеживался и вздрагивал.

В открытой двери бесшумно появился Ленни и остановился, озираясь. Его широкая фигура совсем заслонила дверной проем. Сперва Горбун этого не заметил, потом, подняв голову, сердито уставился на незваного гостя. Он высвободил руку из-под рубашки.

Ленни робко и дружелюбно улыбнулся.

Горбун сказал сердито:

— Ты не имеешь права сюда входить. Это моя комната. Никто, кроме меня, не смеет сюда входить.

Ленни проглотил слюну, и улыбка его стала еще более заискивающей.

— Я ничего. Просто пришел поглядеть своего щенка. И увидал здесь свет, — объяснил он.

— Я имею полное право зажигать свет. Уходи из моей комнаты. Меня не пускают в барак, а я никого не пускаю сюда.

— Но почему же вас не пускают? — спросил Ленни.

— Потому что я негр. Они там играют в карты,

а мне нельзя, потому что я негр. Они говорят, что от меня воняет. Так вот что я тебе скажу: по мне, от вас всех воняет еще пуще.

Ленни беспомощно развел ручищами.

— Все уехали в город, — сказал он. — И Рослый, и Джордж — все. Джордж велел мне оставаться здесь и вести себя хорошо. А я увидал свет…

— Ну ладно, тебе чего надо?

— Ничего… Просто я увидал свет. И подумал, что мне можно зайти и посидеть.

Горбун поглядел на Ленни, протянул руку, снял с гвоздя очки, нацепил на нос и снова поглядел на Ленни.

— Никак не пойму, чего тебе надо здесь, в конюшне, — сказал он с недоумением. — Ты не возчик. А тем, кто ссыпает зерно в мешки, незачем сюда и заходить. На что тебе сдались лошади?

— Щенок, — снова объяснил Ленни. — Я пришел поглядеть щенка.

— Ну и гляди щенка. Да не суйся, куда тебя не просят.

Улыбка исчезла с лица Ленни. Он перешагнул порог, потом сообразил, что ему говорят, и снова попятился к двери.

— Я уже поглядел. Рослый сказал, чтоб я не

гладил его долго.

— Ты все время вынимал его из ящика, — сказал Горбун. — Удивительно, как это сука не перенесла их куда-нибудь в другое место.

— Ну, она смирная. Позволяет мне его брать.

Ленни снова вошел в дверь.

Горбун нахмурился, но улыбка Ленни его обезоружила.

— Ладно уж, заходи да посиди со мной малость, — сказал Горбун. — Уж ежели ты не хочешь уйти и оставить меня в покое, так и быть, сиди здесь. — Тон его стал дружелюбней. — Стало быть, все уехали в город?

— Все, кроме старика Плюма. Он сидит в бараке, чинит карандаш и все подсчитывает.

Горбун поправил очки.

— Подсчитывает? Что же это Плюм подсчитывает?

— Кроликов! — почти закричал Ленни.

— Ты вконец спятил. Каких таких кроликов?

— Кроликов, которые у нас будут, и я стану кормить их, косить для них траву и носить воду.

— Ты спятил, — повторил Горбун. — Зря тот, второй, с которым ты пришел, оставляет тебя без присмотра.

Ленни сказал тихо:

— Это правда. Мы это сделаем. Купим маленькое ранчо и будем сами себе хозяева.

Горбун поудобнее устроился на койке.

— Садись, — сказал он. — Вот сюда, на бочонок из-под гвоздей.

Ленни, скрючившись, сел на низкий бочонок.

— Вы мне не верите, — сказал Ленни. — Но это правда. Чистая правда, спросите у Джорджа.

Горбун подпер розоватой ладонью черный подбородок.

— Ты живешь вместе с Джорджем, да?

— Известное дело. Мы с ним всегда вместе.

— Иногда он говорит, а ты не можешь взять в толк, об чем это он, — продолжал Горбун. — Так, что ли? — Он наклонился вперед, вперив в Ленни свой острый взгляд. — Ведь так?

— Да… иногда.

— Он говорит, а ты в толк не можешь взять об чем?

— Да… иногда… Но не всегда…

Горбун еще больше наклонился вперед, сдвинувшись на край койки.

— А я не с Юга родом, — сказал он. — Родился здесь, в Калифорнии. У моего отца было ранчо — акров десять земли, он там курей разводил. К нам иногда приходили белые дети, и я играл с

ними. Среди них были и добрые. Моему старику это не нравилось. Я только потом, через много лет, смекнул почему. Но теперь-то я знаю. — Он замолчал в нерешительности, а когда снова заговорил, голос его зазвучал мягче. — На много миль вокруг нашего ранчо не было другой негритянской семьи. И здесь, на этом ранчо, кроме меня, нету ни одного негра, и в Соледаде только одна семья. — Он засмеялся. — И ежели я чего говорю, невелика важность — мало ли чего черномазый наговорит.

— А как вы думаете, — спросил Ленни, — скоро щенков можно будет гладить?

Горбун снова засмеялся.

— Когда с тобой разговариваешь, можно быть уверенным, что ты не разболтаешь. Так вот, пройдет недели две — и щенки подрастут. А Джордж себе на уме. Говорит, а ты ничегошеньки не понимаешь. — В волнении он подался вперед. — Тебе все это черномазый толкует, черномазый горбун. На это нечего и внимания обращать, понял? Да уж ладно, ты все одно ничего не запомнишь. Я видел такое многое множество раз, даже счет потерял — один разговаривает с другим, и ему все едино, слышит ли тот, понимает ли. И так всегда, разговаривают ли они или же сидят молча. Это все

едино, все едино. — Мало-помалу придя в волнение, он хлопнул себя по колену. — Джордж может болтать тебе всякую чепуху, все, что угодно. Ему важно лишь, что есть с кем поговорить. Просто надобно, чтоб кто-то был рядом. Только и делов.

Он замолчал. Потом заговорил тихо и уверенно:

— А что, ежели Джордж не приедет? Ежели он забрал свои пожитки и больше никогда не вернется? Что тогда?

Наконец смысл его слов дошел до Ленни.

— Как это так? — спросил он.

— Я спрашиваю: а что, ежели Джордж уехал нынче в город, а там — поминай как звали? — Горбун, казалось, торжествовал. — Что тогда? — повторил он.

— Он этого не сделает! — крикнул Ленни. — Джордж нипочем этого не сделает! Мы с ним давно вместе. Он вернется… — Но сомнения уже начали его одолевать. — А вы думаете — он может не вернуться?

Горбун усмехнулся, злорадствуя над его отчаяньем.

— Никто не знает наперед, чего человек может сделать, — сказал он невозмутимо. — Иной раз он, положим, и хотел бы вернуться, да не его воля.

Вдруг его убьют или ранят, тогда уж он никак не сможет вернуться.

Ленни мучительно пытался понять его слова.

— Джордж этого не сделает, — повторил он. — Джордж осторожный. Его не ранят. Его ни разу не ранили, потому как он очень осторожный.

— Ну а вдруг, вдруг он не вернется. Что ты тогда будешь делать?

Лицо Ленни исказилось от напряжения.

— Не знаю. А вы чего! — крикнул он. — Это неправда! Джорджа не ранили.

Горбун пристально поглядел на Ленни.

— Хочешь, я скажу тебе, чего тогда будет? Тебя схватят и упекут в дурдом. Наденут на тебя ошейник, как на собаку.

Глаза Ленни вдруг помутились, в них сквозила ярость. Он встал и грозно шагнул к Горбуну.

— Кто это ранил Джорджа? — спросил он.

Горбун сразу осознал опасность. Он отодвинулся.

— Я просто так говорю — а вдруг его ранили, — сказал он. — Джорджа никто не трогал. Он цел и невредим. Он вернется.

Ленни стоял над Горбуном.

— Зачем тогда говорить — а вдруг? Никто не смеет говорить, что тронет Джорджа.

Горбун снял очки и потер ладонью глаза.

— Садись, — сказал он. — Джорджа никто не трогал.

Ленни с ворчанием снова уселся на бочонок.

— Никто не смеет говорить, что тронет Джорджа, — повторил он.

Горбун сказал терпеливо:

— Может, теперь ты наконец сообразишь самую малость. У тебя есть Джордж. Ты знаешь, что он вернется. Ну а ежели предположить, что у тебя никого нету. Предположим, ты не можешь пойти в барак и сыграть в карты, потому что ты негр. Как бы тебе это понравилось? Предположим, тебе пришлось бы сидеть здесь и читать книжки. Само собой, покуда не стемнеет, ты мог бы играть в подкову, но потом пришлось бы читать книжки. Только книжки не помогают. Человеку надобно, чтоб кто-то живой был рядом. — Голос Горбуна звучал жалобно. — Можно сойти с ума, ежели у тебя никого нету. Пускай хоть кто-нибудь, лишь бы был рядом. Я тебе говорю! — крикнул он. — Я тебе говорю: жить в одиночестве очень тяжко!

— Джордж вернется, — испуганно уговаривал Ленни сам себя. — Может, он уже вернулся. Пойду погляжу.

Горбун сказал:

— Я не хотел тебя стращать. Он вернется. Это я про себя говорил. Сидишь тут один по вечерам, читаешь книжки, или думаешь, или еще чем займешься. Иногда думаешь вот так, один-одинешенек, и некому тебе сказать, что правильно, а что нет. Или увидишь чего, но знать не знаешь, так это или не так. И нельзя обратиться к другому человеку да спросить, видит ли он то же самое. Ничего не поймешь. И объяснить некому. Я здесь много чего перевидал. И не был пьян. Но я не знаю, может, это мне во сне приснилось. Ежели б рядом со мной был кто-нибудь, он сказал бы мне, спал я или нет, и тогда все стало бы ясно. А так я просто ничего не знаю.

Горбун смотрел в окно.

Ленни сказал с тоской:

— Джордж меня не бросит. Я знаю, Джордж этого не сделает.

Горбун продолжал задумчиво:

— Помню, как я еще ребенком жил у своего старика на ранчо, где он курей разводил. У меня были два брата. Мы никогда не расставались, никогда. Спали в одной комнате, на одной кровати — все трое. А в саду у нас клубника росла, и был луг, а на нем люцерна. Помню, в погожее утро мы чуть свет выпускали курей на этот самый

луг. Мои братья садились верхом на загородку и присматривали за ними, а куры все до единой были белые.

Постепенно Ленни заинтересовался.

— Джордж говорит, что у нас будет люцерна для кроликов.

— Для каких кроликов?

— У нас будут кролики и ягоды.

— Ты спятил.

— Будут. Спросите сами у Джорджа.

— Ты спятил, — снова сказал Горбун с презрением. — Я видывал, как сотни людей приходили на ранчо с мешками, и головы у них были набиты таким же вздором. Их были сотни. Они приходили и уходили, и каждый мечтал о клочке собственной земли. И ни хрена у них не вышло. Ни хрена. Всякий хочет иметь свой клочок земли. Я здесь много книжек перечитал. Никому не попасть на небо, и никому не видать своей земли. Все это одно только мечтанье. Люди беспрерывно об этом говорят, но это одно только мечтанье.

Он замолчал и поглядел на распахнутую дверь, потому что лошади беспокойно зашевелились и уздечки звякнули. Послышалось ржание.

— Кажется, там кто-то есть, — сказал Горбун. — Может, это Рослый. Иногда он заходит сюда раза

два, а то и три за вечер. Рослый — заядлый лошадник. Он очень заботится об своих мулах.

Горбун с трудом встал и подошел к двери.

— Это вы, Рослый? — спросил он.

Отозвался Плюм:

— Рослый в город уехал. Скажи, ты, случаем, не видал Ленни?

— Это ты про здоровенного малого спрашиваешь?

— Да. Не видал его?

— Он здесь, — бросил Горбун отрывисто. Потом вернулся к своему ложу и лег.

Плюм остановился на пороге, поскреб культю и сощурился от света.

Внутрь он не вошел.

— Слышь, Ленни. Я тут все думал об кроликах…

— Можешь войти, ежели хочешь, — проворчал Горбун.

Плюм как будто даже сконфузился.

— Не знаю, право слово. Само собой, ежели ты позволишь…

— Входи. Уж коли другие входят, стало быть, можно и тебе.

Горбун с трудом скрыл свою радость под сердитой гримасой.

Плюм вошел, все еще конфузясь.

— А у тебя тут уютненько, — сказал он Горбуну. — Наверно, хорошо иметь отдельную комнатенку.

— Ясное дело, — сказал Горбун. — И навозную кучу под окном. Чего уж лучше.

— Говори об кроликах, — вмешался Ленни.

Плюм прислонился к стене подле висевшего на ней рваного хомута и снова поскреб культю.

— Я здесь уже давно, — сказал он. — И Горбун тоже. А ведь я в первый раз в этой клетушке.

— Кто ж заходит в жилище черномазого, — хмуро сказал Горбун. — Сюда никто не заходит, окромя Рослого. Он да еще хозяин, а больше — никто.

Плюм поспешно переменил разговор:

— Рослый — лучший возчик на всем белом свете.

Ленни наклонился к Плюму.

— Говори об кроликах, — потребовал он.

Плюм улыбнулся.

— Я все обмозговал. Ежели как следовает взяться за дело, можно заработать и на кроликах.

— Но я буду их кормить, — перебил его Ленни. — Джордж так сказал. Он обещал мне.

Горбун грубо вмешался в разговор:

— Вы, ребята, просто сами себя морочите. Болтаете чертову пропасть, но все одно своей земли вам не видать. Ты будешь тут уборщиком, Плюм, покуда тебя не вынесут ногами вперед. Эхма, многих я тут перевидал. А Ленни недели через две или три возьмет расчет да уйдет. Эх, всякий только об землице и думает.

Плюм сердито потер щеку.

— Можешь быть уверен, у нас все будет. Джордж так сказал. У нас уже и денежки припасены.

— Да неужто? — спросил Горбун. — А где сейчас Джордж, позвольте полюбопытствовать? В городе, в веселом доме. Вот куда уплывут все ваши денежки. Господи, да я уже видел это множество раз. Немало перевидал я людей, у которых в голове только и мысли что об землице. Но в руки им ничего не доставалось.

— Конечно, все этого хотят! — воскликнул Плюм. — Всякий хочет иметь клочок земли, хоть небольшой, да собственный. И кров над головою, чтоб никто не мог его выгнать, как собаку. У меня сроду ничего такого не было. Я работал чуть не на всех хозяев в этом штате, а урожай доставался не мне. Но теперь у нас будет своя землица, можешь не сумлеваться. Джордж не взял с собой денег. Они лежат в банке. У меня, Ленни и Джорджа бу-

дет свой дом. Будут собака, кролики и куры. Будет кукурузное поле и, может, корова или коза.

Он замолчал, увлеченный этой картиной.

— Говоришь, у вас есть деньги? — спросил Горбун.

— Уж будь спокоен. Большая часть есть. Остается раздобыть сущие пустяки. Мы раздобудем их всего за месяц. И Джордж уже присмотрел ранчо.

Горбун ощупал свою спину.

— Никогда не видал, чтоб кто-нибудь в самом деле купил ранчо, — сказал он. — Я видывал людей, которые чуть с ума не сходили от тоски по земле, но всегда веселый дом или игра в карты брали свое. — Он поколебался. — Ежели вы, ребята, захотите иметь дарового работника, только за харчи, я с охотой пойду к вам. Не такой уж я калека, могу работать как зверь, ежели захочу.

— Вы Кудряша не видали, мальчики?

Все трое живо обернулись. В дверь заглядывала жена Кудряша. Лицо ее было ярко нарумянено. Губы слегка приоткрыты. Дышала она тяжело, словно после бега.

— Кудряш сюда не заходил, — сказал Плюм, поморщась.

Она стояла в дверях улыбаясь и потирала пальцами ногти на другой руке. Взгляд ее скользнул

по их лицам.

— Они оставили здесь всех немощных и скорбных душой, — сказала она наконец. — Думаете, я не знаю, куда все уехали? И Кудряш тоже. Знаю я, где они сейчас.

Ленни смотрел на нее с восхищением, но Плюм и Горбун хмуро отводили глаза, избегая встречаться с ней взглядом.

Плюм сказал:

— Ну, уж ежели вы все знаете, тогда зачем спрашиваете, где Кудряш?

Она смотрела на них, забавляясь и посмеиваясь.

— Вот умора, — сказала она. — Ежели я застаю которого-нибудь из мужчин одного, мы отлично ладим. Но ежели их двое, они и разговаривать со мной не станут. Знай только злобятся. — Она перестала тереть ногти и уперла руки в бедра. — Вы все боитесь друг друга, вот что. Всякий боится, что остальные против него чего-то замышляют.

Наступило молчание. Потом Горбун сказал:

— Пожалуй, вам лучше уйти домой. Мы не хотим неприятностей.

— А какие вам от меня неприятности? Думаете, мне не хочется хоть иногда поговорить с кем-нибудь? Думаете, охота мне дома сиднем сидеть?

Плюм положил культю на колено и осторожно потер ее ладонью. Он сказал сердито:

— У вас муж есть. Нечего вам тут ходить да закидоны другим мужчинам делать, через это только одни неприятности происходят.

Женщина взбеленилась:

— Ну конечно, у меня есть муж. Вы все его знаете. Хорош, правда? Все время грозит, что расправится с теми, кого не любит, а сам не любит никого. Думаете, мне охота сидеть в этом паршивом домишке и слушать про то, как Кудряш врежет два раза левой, а потом наповал правой? «Врежу ему разок, — говорит, — и он сразу с копыт долой». — Она умолкла, и лицо ее вдруг оживилось. — Скажите, как это у Кудряша рука повредилась?

Последовало неловкое молчание. Плюм украдкой глянул на Ленни. Потом тихонько кашлянул.

— Ну… Кудряш… Рука у него в машину попала. И он поранился.

Она посмотрела на них и засмеялась.

— Враки! Чего вы мне голову-то морочите! Кудряш устроил какую-то заварушку, а расхлебать не сдюжил. Рука в машину попала — враки! Да ведь он никому не врезал с тех пор, как у него рука искалечена. Так кто же искалечил?

Плюм повторил угрюмо:

— Рука в машину попала.

— Ну уж ладно, — сказала она с презрением. — Ладно, прикрывайте его, ежели вам охота. Мне-то что? Вы, бродяги, много об себе воображаете. По-вашему, я ребенок! А ведь я могла уехать отсюдова и играть на сцене. Не раз была у меня такая возможность. Один человек обещал мне, что я буду сниматься в кино. — От волнения она едва перевела дух. — Субботний вечер. Никого нету, все развлекаются кто как может. Все! А я как развлекаюсь? Стою здесь и треплюсь с бродягами — с негром, с дураком и со старым вонючим козлом, да еще радуюсь, потому как окромя них здесь ни души нету.

Ленни глядел на нее разинув рот. Горбун скрылся под своей обычной личиной холодного достоинства. Но старик Плюм вдруг словно преобразился. Он решительно встал и изо всех сил пнул ногой бочонок, на котором сидел.

— Ну, с меня довольно, — сказал он со злостью. — Вас сюда никто не звал. Мы вам сразу так и сказали. И я хочу вам еще сказать, что у вас неправильное понятие об том, кто мы такие. У вас меньше мозгов, чем у курицы, она и то поняла бы, что мы не совсем болваны. Пущай вы нас

выгоните. Пущай. Думаете, мы станем бродить по дорогам, снова искать грошовых заработков, вроде как здесь? Вам, поди, и невдомек, что у нас есть собственное ранчо и собственный дом. Нам незачем здесь оставаться. У нас есть дом, и куры, и сад, и там во сто раз лучше, чем здесь. И друзья у нас тоже есть. Может, было время, когда мы боялись, как бы нас не выгнали, но теперича ничуть не боимся. У нас есть свое ранчо, наше собственное, и мы можем туда хоть нынче переехать.

Женщина засмеялась.

— Враки, — сказала она. — Много я вас тут перевидала. Ежели б у вас был хоть грош за душой, вы купили бы на него самогонки и выпили ее до последней капли. Знаю я вас.

Лицо Плюма побагровело, но, прежде чем она умолкла, он кое-как совладал с собой. Теперь он стал хозяином положения.

— Так я и думал, — сказал он невозмутимо. — Пожалуй, вам лучше убраться восвояси. Нам не об чем толковать. Мы свое знаем, и нам плевать, что вы об этом думаете. Так что, стало быть, лучше вам просто-напросто уйти отсюдова. Кудряшу, наверно, не больно-то понравится, что его жена болтает в конюшне с побродягами.

Она переводила взгляд с одного лица на дру-

гое, и все они были замкнуты. Дольше всего она смотрела на Ленни, и наконец он в смущении потупился. Вдруг она сказала:

— Откудова у тебя на харе эти ссадины?

Ленни виновато поднял голову.

— У кого… у меня?

— Ну да, у тебя.

Ленни поглядел на Плюма, не зная, что сказать, потом снова потупился.

— У него рука в машину попала, — сказал он.

Женщина расхохоталась.

— Ну ладно. Пущай в машину. Я с тобой еще потолкую. Страсть до чего люблю этакие машины.

— Оставьте его в покое, — сказал Плюм. — Не вздумайте втянуть его в заваруху. Я скажу Джорджу, чего вы тут языком натрепали. Джордж не даст вам втянуть Ленни в заваруху.

— А кто таков этот Джордж? — спросила она Ленни. — Тот маленький, с которым ты пришел вместе?

Ленни весь расплылся в улыбке и ответил:

— Да, он самый. И он обещался, что позволит мне кормить кроликов.

— Ну, ежели тебе только этого и хочется, я сама могу найти пару-другую кроликов.

Горбун встал и повернулся к ней.

— Ну, будет, — сказал он, озлобясь. — Вы не имеете правов входить к черномазому. И не имеете правов подымать здесь шум. А теперича — уходите, да живо. Ежели не уйдете, я попрошу хозяина, чтоб он вовсе запретил вам совать нос в конюшню.

Она презрительно глянула на него.

— Слышишь, ты, черная образина, — сказала она. — Знаешь, чего я могу сделать, ежели ты еще хоть раз пасть разинешь?

Горбун бросил на нее унылый взгляд, потом сел и умолк.

Но она не отступалась.

— А знаешь, чего я могу сделать?

Горбун словно уменьшился в росте и спиной прижался к стене.

— Знаю, госпожа.

— Так памятуй свое место, черномазая образина. Мне так легко сделать, чтоб тебя вздернули на первом же суку, что это даже и не любопытственно.

Горбун вовсе сник. Он стал каким-то незаметным, безликим.

Мгновение женщина глядела на него, будто ждала, не шевельнется ли он, чтоб снова на него напуститься, но Горбун сидел неподвиж-

но, отворотясь, и словно скрылся под личиной безразличия. Наконец она повернулась к двум остальным.

Старик Плюм не сводил с нее глаз.

— Ежели вы это сделаете, мы тоже скажем, — произнес он негромко. — Скажем, что вы врете про Горбуна.

— Ну и хрен с тобой! — закричала она. — Никто не станет тебя слушать, ты сам это знаешь. Никто!

Плюм присмирел.

— Да, — согласился он. — Нас никто не слушает.

— Хочу к Джорджу, — захныкал Ленни. — Хочу к Джорджу.

Плюм подошел к нему вплотную.

— Не бойсь, — сказал он. — Уже слыхать шум, они подъезжают. Джордж сейчас будет в бараке. — Он повернулся к женщине. — А вы шли бы лучше домой, — сказал он спокойно. — Ежели уйдете, мы не скажем Кудряшу, что вы были здесь.

Она смерила его взглядом.

— А почем я знаю, может, ты никакого шуму и не слыхал.

— Зачем же рисковать, — сказал он. — Ежели не знаете, все одно лучше подальше от греха.

Она повернулась к Ленни.

— Я рада, что ты проучил Кудряша. Он сам нарывался. Иногда и мне охота его проучить.

Она проскользнула в дверь и исчезла в темной конюшне. Когда она шла через конюшню, зазвенели уздечки, лошади зафыркали, забили копытами.

Горбун мало-помалу как бы выползал из-под своей личины.

— Это правда, что они подъезжают? — спросил он.

— Само собой. Я же слыхал.

— А я вот ничего не слыхал.

— Хлопнули ворота, — сказал Плюм. — Ну да это не беда, она умеет проскользнуть тихонько. Ей не привыкать стать.

Горбуну не хотелось больше разговаривать про эту женщину.

— Лучше вам уйти, — сказал он. — Я не хочу, чтоб вы тут оставались. Должны же и у цветного быть какие-то права, даже ежели ему от них один вред.

— Эта сука не смела так с тобой говорить, — сказал Плюм.

— Какая разница, — отозвался Горбун равнодушно. — Вы сюда пришли, сидели тут и

заставили меня забыть, кто я такой. А ведь она правду сказала.

Лошади в конюшне снова зафыркали, зазвенели уздечки, и послышался громкий оклик:

— Ленни, а Ленни! Ты где?

— Это Джордж! — крикнул Ленни и с живостью отозвался: — Я здесь, Джордж! Здесь!

Через секунду Джордж появился в дверях и недовольно оглядел каморку.

— Чего это ты делаешь у Горбуна? Тебе нельзя здесь быть.

Горбун кивнул.

— Я им говорил, но они все одно вошли.

— Так почему же ты их не выгнал?

— Я не супротив, — сказал Горбун. — Ленни такой славный.

Плюм вдруг встрепенулся.

— Слышь, Джордж! Я уже все обдумал! И даже подсчитал, сколько мы можем заработать на кроликах.

Джордж сердито поглядел на него.

— Я, кажется, предупреждал вас обоих, чтоб вы никому ни слова.

Плюм сразу же оробел.

— Мы и не говорили ни слова никому, кроме Горбуна.

— Ну ладно, пошли отсюда. Господи, на минуту и то нельзя отлучиться.

Плюм с Ленни встали и пошли к двери.

Горбун окликнул старика:

— Плюм!

— Ну, чего тебе?

— Помнишь, что я говорил насчет огорода и всякой работы?

— Да, — сказал Плюм. — Конечно, помню.

— Так вот, забудь про это, — сказал Горбун. — Я пошутил. Я не хочу на ваше ранчо.

— Ладно, дело твое. Спокойной ночи.

Трое мужчин вышли. Когда они проходили через конюшню, зафыркали лошади и зазвенели уздечки.

Некоторое время Горбун сидел на койке и глядел им вслед, потом потянулся за склянкой с мазью. Он задрал рубашку на спине, налил на ладонь немного мази и начал медленно тереть спину.

V

Один конец огромной конюшни был почти до потолка завален свежим сеном, тут же стояли вилы с четырьмя зубьями. Сено высилось горой, полого спускавшейся к другому концу конюшни, и здесь было свободное, не доверху заваленное место. По сторонам тянулись стойла, и между перегородками виднелись лошадиные морды.

Было воскресенье. Лошади отдыхали. Они тыкались мордами в кормушки, били копытами в деревянные перегородки и звенели уздечками. Солнце проглядывало сквозь щели в стене и яркими полосами ложилось на сено. В воздухе летали мухи, лениво жужжа в жаркую послеполуденную пору.

Снаружи раздавался звон подковы о железную стойку и одобрительные или насмешливые крики игроков. А в конюшне было тихо, душно и жужжали мухи.

Ленни был один. Он сидел на сене подле ящика со щенками в том конце конюшни, где сено было навалено не доверху. Сидел на сене и разглядывал мертвого щенка, который лежал перед ним. Разглядывал долго, потом, протянув огромную

ручищу, погладил его от головы до хвостика. И тихо спросил:

— Отчего ты издох? Ты ж не такой маленький, как мышь. И я не очень сильно тебя гладил. — Он приподнял голову щенка, поглядел на его морду и сказал: — Джордж, наверно, не позволит мне кормить кроликов, ежели узнает, что ты сдох.

Он вырыл ямку, положил туда щенка и прикрыл его сеном, но продолжал не отрываясь смотреть на холмик. Он сказал:

— Но я не натворил ничего такого, чтоб бежать и прятаться в кустах. Нет. Это еще ничего. Скажу Джорджу, что щенок сам издох.

Он откопал щенка, осмотрел его и снова погладил от головы до хвоста. Потом горестно продолжал:

— Но Джордж все одно узнает. Он завсегда все узнает. Он скажет: «Это ты сделал. Не вздумай морочить мне голову». И скажет: «За это ты не будешь кормить кроликов!»

Вдруг он рассердился.

— Как тебе не совестно! — воскликнул он. — Почему ты издох? Ты не такой маленький, как мышь. — Он схватил щенка, швырнул его в сторону и отвернулся. Потом сел, наклонившись вперед, и прошептал: — Теперь я не буду кормить

кроликов. Джордж мне не позволит.

От горя он медленно раскачивался взад-вперед.

Снаружи послышался звон подковы, а потом несколько голосов. Ленни встал, снова подобрал щенка, положил его на сено и сел. Он опять погладил щенка.

— Ты еще маленький, — сказал он. — Мне говорили столько раз, что ты маленький. Но я не знал, что тебя так легко убить. — Он потрогал пальцами мягкое щенячье ухо. — Может, Джордж все-таки не очень рассердится, — сказал он. — Ведь про того сукина сына он сказал — это ничего.

Из-за крайнего стойла появилась жена Кудряша. Она подкралась тихонько, и Ленни ее не видел. На ней было то же яркое бумазейное платье и мягкие туфли, украшенные страусовыми перьями. Лицо было сильно нарумянено, и все локоны-колбаски висели на своих местах. Она молча подошла вплотную к Ленни, и только тогда он поднял голову и увидел ее.

В испуге он быстро зарыл щенка в сено. Потом бросил на нее враждебный взгляд.

— Что ты здесь делаешь, дружок? — спросила она.

Ленни смотрел на нее сердито.

— Джордж велел держаться от вас подальше. Не разговаривать с вами и вообще ничего такого.

Она засмеялась.

— Джордж всегда тобой распоряжается?

Ленни потупил глаза.

— Он сказал, что не позволит мне кормить кроликов, ежели я стану разговаривать с вами.

— Боится, как бы Кудряш не взъярился, — тихо сказала она. — Ну так вот, у него рука на перевязи, а ежели он к тебе пристанет, ты можешь сломать ему и другую. И не плети мне байку, будто рука у него попала в машину.

Однако Ленни твердо стоял на своем.

— Ну уж нет. Не буду я с вами разговаривать.

Женщина опустилась на колени рядом с ним.

— Послушай, — сказала она. — Сейчас все играют в подкову. Еще четырех нет. Они ни за что не бросят игру, покуда не доиграют кон. Почему ж мне нельзя с тобой поговорить? Мне ведь не с кем разговаривать. Я так одинока.

— Но я не должен говорить с вами, — настаивал Ленни.

— Я одинока, — повторила она. — Ты можешь разговаривать с кем хочешь, а я — ни с кем, кроме Кудряша. Иначе он бесится. Как думаешь, весело

это — ни с кем не разговаривать?

— Но я не должен, — сказал Ленни. — Джордж боится, что я попаду в беду…

Она переменила разговор:

— Чего это у тебя там закопано?

И тогда Ленни снова охватила тоска.

— Это мой щенок, — сказал он горестно. — Мой щеночек.

И он смахнул со щенка сено.

— Да ведь он мертвый! — воскликнула она.

— Он был такой маленький, — сказал Ленни. — Я хотел только поиграть с ним… И он притворился, будто хочет укусить меня… а я — будто хочу его шлепнуть… и… шлепнул… А потом он был уже мертвый.

Она стала его утешать:

— Не огорчайся. Он ведь всего-навсего щенок. Возьмешь другого. Здесь их полным-полно.

— Я не про это, — сказал Ленни жалобно. — Теперь Джордж не позволит мне кормить кроликов.

— Но почему?

— Он сказал, что ежели я еще чего натворю, он не позволит мне кормить кроликов.

Она придвинулась ближе и заговорила успокаивающе:

— Ты не бойся, это ничего, что ты со мной разговариваешь. Слышишь, как они там кричат? У них на кону четыре доллара. Ни один с места не сойдет, покуда игра не кончится.

— Ежели Джордж увидит, что я разговариваю с вами, он мне задаст жару, — шепнул Ленни опасливо. — Он так и сказал.

Лицо ее стало злым.

— Почему со мной так обращаются? — крикнула она. — Почему я не имею права ни с кем поговорить? За кого они меня считают? Ты такой славный. Отчего ж мне нельзя поговорить с тобой? Я тебе ничего плохого не сделаю.

— Но Джордж говорит, что из-за вас мы попадем в беду.

— Глупости, — сказала она. — Что я тебе плохого делаю? Ну, известное дело, им всем на меня наплевать, они и знать не хотят, каково мне здесь живется. А я тебе вот чего скажу — я не привыкла к такой жизни. Я могла бы кой-чего добиться. И может, еще добьюсь, — добавила она с угрозой.

И она заговорила быстро, увлеченно, словно спешила высказаться, пока ее слушают.

— Я жила в самом Салинасе. Меня туда еще девочкой привезли. Как-то в Салинас приехал на гастроли театр, и я познакомилась с одним

актером. Он сказал, что я могу поехать с ихним театром. Но мать меня не отпускала. Говорила, что я еще мала — мне тогда всего пятнадцать было. Но тот актер звал меня. И будь уверен, ежели б я уехала, уж я б не жила вот так, как сейчас.

Ленни гладил мертвого щенка.

— У нас будет маленькое ранчо… и кролики, — сказал он.

Но она спешила рассказать о себе, прежде чем ей помешают.

— А в другой раз я встретила еще одного человека, он в кино работал. Я ходила с ним танцевать в «Приречный дансинг-холл». И он сказал, что поможет мне устроиться в кино. Сказал, что я — самородок. Что он вскорости вернется в Голливуд и напишет мне. — Она испытующе взглянула на Ленни, ей хотелось знать, произвело ли это на него хоть какое-то впечатление. — Но я так и не дождалась письма, — сказала она. — Сдается мне, мать его перехватила. Ну, я не хотела оставаться там, где ничего нельзя добиться в жизни, да еще и письма перехватывают. Я напрямки спросила мать, перехватила она письмо или же нет, — она стала отпираться. А потом я вышла за Кудряша. Мы как раз в тот самый вечер познакомились с ним в дансинге. Ты меня слушаешь?

— Я? Само собой.

— Сейчас я тебе такое скажу, чего еще ни одной живой душе не говорила. Может, и не надо бы, да уж ладно. Я не люблю Кудряша. Он плохой. — После этого признания она пододвинулась к Ленни и села вплотную к нему. — Я могла бы сниматься в кино и носить красивые платья, как другие актрисы. Могла бы жить в роскошных отелях, и за мной гонялись бы фотографы. И я ходила бы на все просмотры и выступала по радио, и это не стоило бы мне ни цента, потому что я была бы киноактрисой. И носила бы красивые платья, как все они. Недаром же тот человек сказал, что я — самородок.

Она посмотрела на Ленни и красиво повела рукой, показывая, что умеет играть. Пальцы ее описали в воздухе плавную дугу, мизинец изящно оттопырился.

Ленни глубоко вздохнул. На дворе раздались звон подковы и одобрительные крики.

— Кто-то удачно сыграл, — сказала она.

Солнце садилось, и светлые полосы ползли по стене, подымаясь выше яслей и лошадиных голов.

— Может, ежели я унесу щенка и выброшу его, Джордж ничего не узнает, — сказал Ленни. — И

тогда он позволит мне кормить кроликов.

— Неужто ты ни об чем, окромя кроликов, думать не можешь? — сердито спросила она.

— У нас будет маленькое ранчо, — терпеливо объяснил Ленни. — Будут сад и луг, а на нем люцерна для кроликов, и я буду брать мешок, набивать люцерной и нести кроликам.

— А почему ты так любишь кроликов? — спросила она.

Ленни долго думал, прежде чем нашел объяснение. Он осторожно пододвинулся к ней.

— Я люблю гладить все приятное. Один раз на ярмарке я видел пушистых кроликов. И я знаю, их приятно гладить. Иногда я гладил даже мышей, ежели не было ничего получше.

Женщина испуганно отодвинулась от него.

— По-моему, ты спятил, — сказала она.

— Нет, — серьезно возразил Ленни. — Джордж говорит, что нет. Просто я люблю гладить все приятное, мягкое.

Она немного успокоилась.

— А кто этого не любит? — сказала она. — Всякий любит. Я вот люблю щупать шелк и бархат.

Ленни радостно засмеялся.

— Еще бы! — воскликнул он. — И у меня когда-то был бархат. Мне его дала одна женщина, и эта

женщина была… была… моя тетя Клара. Она дала мне вот такой кусок. Был бы он у меня сейчас… — Ленни нахмурился. — Но я его потерял, — сказал он. — Уже давно.

Женщина засмеялась.

— Ты спятил, — сказала она. — Но все одно, кажется, ты очень славный. Просто большой ребенок. Кажется, я тебя понимаю. Иногда я как стану причесываться, долго сижу и глажу свои волосы, потому как они мягонькие. — И чтоб показать, как она это делает, женщина провела рукой по своим волосам. — У некоторых волосы жесткие, — сказала она самодовольно. — Взять, к примеру, хоть Кудряша. У него волосы совсем как проволоки. А у меня — мягкие и тонкие. Потому что я их часто расчесываю. От этого они делаются еще мягче. Вот пощупай. — Она взяла руку Ленни и положила ее себе на голову. — Пощупай и убедись сам, какие они мягкие.

Огромная ручища Ленни начала гладить ее волосы.

— Только не растрепи меня, — сказала она.

— Ох, до чего ж приятно! — сказал Ленни и стал гладить сильней. — До чего ж это приятно!

— Осторожней, ты меня растреплешь. — Потом она сердито прикрикнула: — Да перестань же, ты

меня совсем растрепал!

Она дергала головой, но пальцы Ленни все крепче прижимались к ее волосам.

— Пусти! — вскрикнула она. — Слышишь, пусти!

Ленни был в смятении. Лицо его исказилось. Она завизжала, и тогда Ленни свободной рукой зажал ей рот и нос.

— Пожалуйста, не кричите, — попросил он. — Ну пожалуйста, не надо. Джордж рассердится.

Она отчаянно билась в его руках. Ноги ее колотили по сену, она извивалась, пытаясь освободиться, и из-под ладони Ленни вырывались приглушенные стоны. Ленни заплакал от страха.

— Ну пожалуйста, не надо! — молил он. — Джордж скажет, что я опять чего-то натворил. Он не позволит мне кормить кроликов.

Он слегка отпустил руку, и сразу же раздался ее хриплый крик. Тогда Ленни рассердился.

— Перестаньте, — сказал он. — Я не хочу, чтоб вы кричали. Из-за вас я попаду в беду. Джордж так и сказал. Перестаньте же.

А она все вырывалась, и в глазах у нее застыл ужас. Тогда он встряхнул ее, все больше сердясь.

— Не кричите, — сказал он и снова встряхнул ее. Она забилась как рыба. А потом вдруг затихла,

потому что Ленни сломал ей шею.

Он посмотрел на нее и осторожно отнял ладонь от ее рта.

— Я не хотел сделать вам больно, — сказал он. — Но Джордж рассердится, ежели вы будете кричать.

Она не отвечала, не двигалась, и тогда он склонился над ней. Он приподнял ее руку, потом отпустил… Сперва он как будто был только удивлен. Потом прошептал со страхом:

— Я чего-то натворил. Я опять чего-то такое натворил.

И стал забрасывать труп сеном, покуда не завалил до половины.

Со двора донеслись крики, двойной удар подковы. И тут Ленни впервые подумал о том, что происходит там, на дворе. Он присел на корточки и прислушался.

— Я и впрямь чего-то натворил, — сказал он. — Не надо было мне этого делать. Джордж рассердится. И… он сказал… спрячься в кустах и дожидайся меня. Он рассердится… В кустах дожидайся меня. Так он сказал.

Ленни повернулся и взглянул на мертвую, полузаваленную сеном женщину. Щенок лежал рядом с ней. Ленни взял его в руки.

— Я его выброшу, — сказал он. — И без того худо…

Он сунул щенка за пазуху, на четвереньках подполз к стене и поглядел сквозь щель на игроков. Потом ползком обогнул ближнее стойло и скрылся.

Солнечные полосы поднялись теперь высоко по стене, конюшня была залита мягким вечерним светом. Жена Кудряша лежала навзничь, прикрытая сеном.

В конюшне было тихо, и на всем ранчо царила предвечерняя тишина. Даже звон подковы и крики игроков, казалось, стали глуше. Сумрак постепенно окутывал конюшню, хотя на дворе было еще совсем светло. В отворенную дверь влетел голубь, покружил под потолком и снова вылетел на волю. Из-за крайнего стойла вышла овчарка, длинная, поджарая, с тяжелыми, отвисшими сосцами. Не дойдя до ящика, где лежали щенки, она почуяла мертвечину, и шерсть у нее на загривке встала дыбом. Она заскулила, на брюхе подползла к ящику и прыгнула в него, к щенкам.

Жена Кудряша лежала, полузаваленная сеном. Ожесточенность, тревога, тщеславие — всего этого как бы не бывало. Она стала теперь такой милой, такой простой, и ее личико казалось

нежным и юным. Нарумяненные щеки и накрашенные губы оживляли его, словно она лишь задремала. Локоны, похожие на колбаски, разметались по сену вокруг головы, губы были приоткрыты.

Как это иногда бывает — время вдруг на миг остановилось, замерло. И звон смолк, и движение прервалось, и длилось это много, много долгих мгновений.

Потом время ожило и медленной поступью двинулось дальше. Лошади забили копытами в своих стойлах, и зазвенели уздечки. Голоса снаружи стали громче и звонче.

Из-за крайнего стойла послышался голос старика Плюма.

— Ленни, — позвал он. — Эй, Ленни! Ты здесь, что ли? Я придумал еще кое-чего. Мы могли бы, Ленни… — Старик Плюм появился из-за крайнего стойла. — Эй, Ленни! — позвал он снова и вдруг остановился как вкопанный. Он потер культей седую щетину на щеке. — Я не знал, что вы здесь, — сказал он жене Кудряша.

Она не откликнулась. Тогда он подошел ближе.

— Негоже вам тута спать, — сказал он укоризненно; потом подошел вплотную и…

— О Господи! — Он беспомощно огляделся и потер подбородок. Потом резко повернулся и выбежал из конюшни.

Конюшня давно уж вся ожила. Лошади били копытами, фыркали, жевали соломенную подстилку и звенели уздечками. Вскоре Плюм вернулся.

Следом за ним поспешал Джордж.

— Так чего такое ты хотел мне сказать? — спросил он.

Плюм указал на лежащую женщину. Джордж в недоумении уставился на нее.

— Чего это с ней такое? — спросил он. Потом подошел поближе и сказал, как Плюм, слово в слово: — О Господи!

Он опустился рядом на колени и приложил руку к груди женщины. Когда же он наконец встал, медленно и с трудом, лицо у него было каменное, а взгляд застывший.

— Кто ж это мог сделать? — спросил Плюм.

Джордж взглянул на него пустыми глазами.

— Ты что, не понял разве? — спросил он. И Плюм сразу смолк. — Я должен был это предвидеть, — сказал Джордж, беспомощно озираясь. — В душе я чувствовал, что так оно и будет.

— Что ж нам теперь делать, Джордж? — спро-

сил Плюм. — Что же делать?

Джордж ответил не сразу, после долгого молчания.

— Вот что… Надобно рассказать… им всем… Надобно поймать его и посадить под замок. Нельзя дать ему улизнуть. Ведь этот дурак разнесчастный вскорости помрет с голоду. — Тут он сам попытался ободрить себя: — Может, его не тронут, просто посадят под замок, и всех делов.

Но Плюм воскликнул взволнованно:

— А по-моему, надобно помочь ему сбежать! Ты не знаешь Кудряша. Кудряш захочет его линчевать. И забьет насмерть.

Джордж пристально смотрел, как шевелятся губы Плюма.

— Да, — вымолвил он наконец. — Да, Кудряш так и сделает. И другие тоже.

Тут он снова взглянул на мертвую женщину.

А Плюм заговорил о том, что волновало его больше всего прочего:

— Но мы с тобой все одно купим ранчо, ведь правда, Джордж? Переедем и заживем там, ведь правда, Джордж? Ведь это правда?

Но еще прежде, чем Джордж ответил, Плюм потупил голову и уставился в пол. Он сам все понял.

Джордж сказал тихо:

— Сдается мне, я предвидел это с самого начала. Сдается мне, я предвидел, что этому никогда не бывать. Он любил слушать про это, и я сам поверил…

— Стало быть… все кончено? — спросил Плюм с тоской.

Джордж не ответил. Помолчав, он сказал:

— Поработаю до конца месяца, получу свои полсотни долларов да закачусь на всю ночь к девочкам. Или буду сидеть в бильярдной до тех пор, покуда все не разойдутся по домам. А потом вернусь и буду вкалывать еще с месяц и получу еще полста монет.

Плюм сказал:

— Он такой славный. Никогда не думал, что он может такое натворить.

А Джордж все смотрел на женщину.

— Ленни сделал это без умысла, — сказал наконец Джордж. — Он частенько, бывало, натворит чего-нибудь, но всегда без умысла. — Джордж выпрямился и повернулся к Плюму. — А теперь слушай. Надо сказать им всем. Они, известно, его изловят. Тут уж ничего не поделаешь. Может, они его не убьют. — И он обронил с ненавистью: — Я не дам им убить Ленни. Слушай, ты. Они могут

подумать, будто и я в этом деле замешан. Сейчас я пойду в барак. А малость погодя ты выйдешь и скажешь всем про нее. Потом приду и я, будто ничего не видел. Сделаешь это? Тогда никто на меня не подумает.

— Само собой, Джордж, — ответил Плюм. — Само собой, сделаю.

— Ну и ладно. Тогда обожди маленько, а потом выбежишь и скажешь так, будто только что ее нашел. А я пойду в барак.

Джордж повернулся и быстро вышел из конюшни.

Старик Плюм проводил его взглядом. Потом беспомощно поглядел на женщину, и вся его досада вдруг излилась в словах.

— Ты, потаскуха разнесчастная, — сказал он со злобой. — Добилась своего? Теперь небось рада? Все знали, что с тобой не миновать беды. Какой от тебя был толк? И теперь нету толку, дрянь ты паскудная, задрыга. — Он всхлипнул, и голос его задрожал. — А я мог бы работать на огороде и мыть посуду для друзей. — Он помолчал, потом продолжал заученным тоном, снова повторяя те же слова: — А ежели приедет цирк или будет бейсбольный матч… мы пойдем туда… скажем: «К чертям работу», — да и пойдем. Ни у кого не

будем спрашиваться… У нас будет и свинья, и куры… а зимой… пузатая печка… и дождь… И мы будем сидеть у печки…

Глаза его затуманили слезы, он потер культей щетинистую щеку, повернулся и побрел к двери.

Шум игры смолк. Послышались удивленные крики, быстрый топот ног, и в конюшню ворвались люди: Рослый, Карлсон, молодой Уит, Кудряш и Горбун, который держался позади всех. Потом вошли Плюм, а последним — Джордж, Джордж успел надеть свою синюю куртку, застегнулся на все пуговицы и низко надвинул на лоб черную шляпу. Мужчины, обогнув крайнее стойло, в полумраке отыскали глазами убитую и остановились.

Потом Рослый тихонько подошел и пощупал у нее пульс. Он коснулся пальцами ее щеки, подсунул руку под вывернутую шею. Когда он выпрямился, все, толпясь, подступили ближе. Чары были разрушены.

Кудряш взъярился.

— Я знаю, чьих рук это дело! — заорал он. — Того здоровенного сукина сына! Кроме его, некому! Ведь все остальные играли в подкову.

И он начал все пуще себя распалять:

— Ему от меня не уйти! Вот только возьму ру-

жье! Своей рукой пристрелю мерзавца! Кишки ему выпущу! За мной, ребята!

Он в ярости выбежал из конюшни.

Карлсон сказал:

— Побегу возьму револьвер, — и выскочил вслед за ним. Рослый медленно повернулся к Джорджу.

— Видать, это и взаправду Ленни сделал, — сказал он. — У нее шея сломана. С Ленни такое станется.

Джордж не ответил, только кивнул. Шляпа его была надвинута низко, на самые глаза.

— Может, это случилось, как тогда, в Уиде — помнишь, ты рассказывал, — продолжал Рослый.

Джордж снова кивнул. Рослый сказал со вздохом:

— Что ж, придется его изловить. Как думаешь, где он?

Джордж ответил не сразу, с трудом выдавливая из себя слова:

— Он… наверное, он пошел на юг. Мы пришли с севера, так что теперь он должен был пойти на юг.

— Придется его изловить, — повторил Рослый.

Джордж подошел к нему вплотную.

— А нельзя ли будет привести его сюда да по-

садить под замок? Он ведь чокнутый. Сделал это без умысла.

Рослый кивнул.

— Можно, — сказал он. — Ежели только удержать Кудряша. Но Кудряш беспременно хочет его пристрелить. Кудряш не забыл про свою руку. Но даже ежели Ленни посадят под замок, то отхлещут ремнем и навсегда упекут за решетку. Хорошего тут мало, Джордж.

— Знаю, — отозвался Джордж. — Знаю.

В конюшню вбежал Карлсон.

— Этот подлец украл мой револьвер! — крикнул он. — Его нет в мешке!

Вслед за ним вошел Кудряш, неся в здоровой руке ружье. Теперь он был спокоен.

— Ничего, ребята, — сказал он. — У черномазого есть дробовик. Возьми, Карлсон. Как увидишь его, смотри не упусти. Пали прямо в брюхо. Он сразу и свалится.

— А у меня вот нету ружья, — сказал Уит с досадой.

— Ты поезжай в Соледад и сообщи в полицию, — сказал Кудряш. — Привези сюда Ола Уилтса, помощника шерифа. Ну, двинули. — Он подозрительно глянул на Джорджа. — И ты тоже с нами пойдешь.

— Да, — сказал Джордж. — Пойду. Но послушай, Кудряш. Ведь он, бедняга, полоумный. Не убивай его. Он сам не знал, чего делает.

— Не убивать? — заорал Кудряш. — Да у него револьвер Карлсона! Пристрелим его, и дело с концом.

— А что, ежели Карлсон сам потерял револьвер? — нерешительно возразил Джордж.

— Я его видел сегодня утром, — сказал Карлсон. — Нет уж, дело ясное, его украли.

Рослый все стоял, глядя на жену Кудряша. Он сказал:

— Кудряш… может, тебе лучше остаться здесь, с ней?

Кудряш побагровел.

— Нет, я пойду, — сказал он. — Я выпущу этому подлецу все кишки. Сам это сделаю, хоть у меня только одна рука здоровая. Ему теперь не уйти.

Рослый повернулся к старику Плюму.

— Ну, тогда останься хоть ты с ней, Плюм. А мы пойдем.

И они ушли. Джордж задержался подле Плюма — оба смотрели на мертвую женщину. Но тут Кудряш крикнул:

— Эй ты, Джордж, не отставай, а то как бы мы про тебя чего не подумали!

Джордж медленно побрел следом, едва волоча ноги.

Когда они ушли, Плюм присел на корточки, разглядывая мертвое лицо.

— Бедняжка, — сказал он шепотом.

Шаги и голоса затихли вдали. В конюшне становилось все темней, лошади в стойлах били копытами и звенели уздечками. Старик Плюм лег на сено и прикрыл глаза рукой.

VI

В эту предвечернюю пору зеленая вода в глубокой заводи реки Салинас была недвижна. Солнце же не освещало долину, лучи его скользили лишь по склонам хребта Габилан, и горные вершины розовели в этих лучах. А на заводь, окруженную корявыми стволами сикоморов, ниспадала благодатная тень.

Водяная змейка бесшумно скользнула по воде, поворачивая голову, как перископ, из стороны в сторону; она переплыла заводь и очутилась у самых ног цапли, неподвижно стоявшей на отмели. Цапля стремительно ухватила клювом извивающуюся змейку за голову и проглотила ее.

Порывистый ветер налетел откуда-то издалека и волной прокатился по кронам деревьев. Листья сикомор обернулись против ветра серебристой подкладкой, бурая палая листва взметнулась в воздух и, пролетев несколько футов, снова опустилась на землю. Зеленая вода подернулась мелкой рябью.

Ветер улегся так же мгновенно, как и поднялся, и на поляне снова все замерло. Цапля стояла у берега, недвижная, выжидающая. Другая водяная

змейка плыла по заводи, поворачивая голову, как перископ, из стороны в сторону.

Вдруг из кустов появился Ленни. Он ступал тихо, будто медведь, подкрадывающийся к улью. Цапля взмахнула крыльями, поднялась над водой и полетела к низовьям реки. Змейка скрылась в прибрежном камыше.

Ленни тихо подошел к заводи. Он встал на колени и напился, припав губами к воде. Какая-то птичка затрепыхалась у него за спиной в сухих листьях. Он вздрогнул и прислушался, озираясь, потом увидел птичку, пригнул голову и снова стал пить.

Напившись, он сел на землю, боком к реке, чтоб видеть тропу. Обхватил колени руками и положил на них подбородок.

Свет медленно меркнул в долине, и вершины гор, казалось, засверкали еще ярче.

Ленни сказал тихо:

— Я не забыл. Нет. Спрятаться в кустах и ждать Джорджа. — Он низко надвинул шляпу на лоб. — Джордж задаст мне жару, — прошептал он. — Скажет: «Эх, ежели б я был один и ты не висел у меня на шее…» — Он повернул голову и поглядел на залитые солнцем вершины гор. — Я могу уйти туда и сыскать себе пещеру, — сказал

он, а потом добавил с тоской: — И никогда не есть соуса. Но это все одно. Ежели Джорджу я не нужен… я уйду, уйду.

И тут Ленни почудилось, будто из его головы вышла седоволосая толстушка. На носу у нее были очки с толстыми стеклами, на животе — широкий полосатый фартук с карманами. Вся одежда была чистая, накрахмаленная. Толстушка стояла перед Ленни подбоченясь и неодобрительно хмурилась.

Вдруг она заговорила голосом самого Ленни.

— Сколько раз я тебе втолковывала, чтоб ты слушался Джорджа, — сказала она. — Он такой хороший человек и так добр к тебе. Но ты и ухом не повел. Ты одно знал — как бы чего-нибудь натворить.

И Ленни ответил:

— Я старался, тетя Клара. Все время старался. Но у меня ничего не выходило.

— Ты совсем не думал о Джордже, — продолжала она голосом Ленни. — А он все время об тебе заботился. Когда у него был кусок пирога, он всегда отдавал тебе половину, даже больше половины. А ежели был соус, он отдавал тебе весь.

— Знаю, — сказал Ленни жалобно. — Я старался, тетя Клара, очень даже старался. Все время.

Она перебила его:

— А ведь ежели б не ты, он и горя не знал бы, вот как. Получил бы свои денежки да развлекался с девочками или на бильярде играл. Но ему надо было об тебе заботиться.

Ленни застонал от раскаянья.

— Я знаю, тетя Клара, знаю. Я уйду в горы, сыщу пещеру, стану там жить и больше не буду доставлять Джорджу хлопот.

— Ты это только так говоришь, — сказала она резко. — Ты всегда так говорил, а сам знаешь, распросукин ты сын, что никогда этого не сделаешь. Так и будешь тянуть из Джорджа жилы.

— Но я могу уйти. Все одно Джордж теперь не позволит мне кормить кроликов.

Тетя Клара исчезла, а из головы у Ленни выпрыгнул огромный кролик. Он присел на задние лапы, пошевелил ушами, сморщил нос. И тоже заговорил голосом Ленни.

— Кормить кроликов, — сказал он презрительно. — Дурак полоумный! Да ты недостоин пятки кроликам лизать. Ты позабудешь про них, и они останутся голодные. Только и делов. Но что тогда скажет Джордж?

— Я не позабуду! — крикнул Ленни.

— Позабудешь, — настаивал кролик. — Ты не

достоин тех ржавых гвоздей, которыми черти тебя в аду распнут. Видит Бог, Джордж сделал все, чтоб вытащить тебя из грязи, да только без толку. Ежели ты думаешь, что Джордж позволит тебе кормить кроликов, стало быть, ты вовсе с ума спятил. Как бы не так. Он выбьет из тебя дурь палкой, вот что он сделает.

Ленни возразил вызывающе:

— Он не сделает этого. Даже и не подумает. Я знаю Джорджа с… не помню уж, с каких пор… и он никогда на меня палкой даже не замахнулся. Он меня любит. Он добрый.

— Но ты ему осточертел, — сказал кролик. — Он из тебя выбьет дурь, а потом плюнет и уйдет.

— Он этого не сделает! — завопил Ленни в отчаянье. — Даже и не подумает! Я знаю Джорджа. Мы с ним давно вместе.

Но кролик твердил свое:

— Он тебя бросит, дурак ты полоумный. Бросит здесь одного. Он тебя бросит, дурак полоумный.

Ленни зажал уши.

— Не бросит, говорю тебе, не бросит.

И закричал:

— Эй, Джордж, Джордж, Джордж!

Джордж тихо вышел из кустов, и кролик юркнул обратно в голову Ленни.

Джордж спросил вполголоса:

— Ну, чего ты кричишь?

Ленни привстал.

— Ты ведь не бросишь меня, правда, Джордж? Я знаю, ты меня не бросишь.

Джордж медленно подошел и сел рядом.

— Нет.

— Я это знал! — воскликнул Ленни. — Ты не такой!

Джордж молчал.

Ленни сказал:

— Джордж.

— Ну?

— Я опять чего-то натворил.

— Это не важно, — сказал Джордж и снова замолчал. Теперь только самые макушки гор были освещены солнцем. В долине царил мягкий, голубоватый сумрак. Вдалеке послышался мужской голос, ему откликнулся другой. Джордж повернул голову и прислушался.

Ленни сказал:

— Джордж.

— Да?

— Ты не задашь мне жару?

— Тебе жару?

— Ну, как всегда. Вот так: «Ежели б не ты, я взял

бы свои полсотни долларов…»

— Господи, Ленни! Ты не помнишь ничего, что с тобой случается, но помнишь каждое мое слово.

— Разве ты не скажешь мне это?

Джордж кое-как совладал с собой. Он ответил безжизненным голосом:

— Будь я один, я б и горя не знал. — Голос его звучал однотонно, бесстрастно. — Работал бы себе, и никаких неприятностей.

Он замолчал.

— Дальше, — сказал Ленни. — «А в конце месяца…»

— А в конце месяца я получал бы свои полсотни долларов и шел развлекаться с девочками…

Он замолчал снова.

Ленни нетерпеливо посмотрел на него.

— Говори дальше, Джордж. Разве ты не задашь мне еще жару?

— Нет, — сказал Джордж.

— Что ж, я могу уйти, — сказал Ленни. — Ежели я тебе не нужен, пойду в горы и сыщу там пещеру.

Джордж снова совладал с собой.

— Нет, — ответил он. — Я хочу, чтоб ты остался со мною.

Ленни сказал лукаво:

— Тогда расскажи мне, как раньше…

— Про что рассказать?

— Про других и про нас.

Джордж сказал:

— У таких людей нет семьи. Они сперва малость подзаработают, а потом все промотают. Они без роду, без племени, никто об них не заботится…

— Другое дело — мы! — радостно подхватил Ленни. — Расскажи теперь про нас.

Джордж помолчал.

— Другое дело — мы, — сказал он.

— Потому что…

— Потому что у меня есть ты…

— А у меня — ты. Мы с тобой всегда вместе, мы друг об друге заботимся! — воскликнул Ленни с торжеством.

Легкий вечерний ветерок пронесся по поляне, зашелестели листья, и зеленая заводь подернулась рябью.

И снова раздались голоса, они звучали все ближе.

Джордж снял шляпу. Он сказал дрогнувшим голосом:

— Сними и ты шляпу, Ленни. Сегодня тепло.

Ленни послушно снял шляпу и положил ее подле себя на землю. Сумрак в долине отливал

синевой — быстро смеркалось. Ветер донес треск кустов.

Ленни попросил:

— Расскажи, как это будет.

Джордж прислушивался к звукам голосов. Лицо у него теперь было сосредоточенное.

— Гляди вон туда, за реку, Ленни, а я буду рассказывать, и ты словно бы увидишь все своими глазами.

Ленни отвернулся от него и стал смотреть через заводь на темнеющие горные склоны.

— У нас будет маленькое ранчо, — начал Джордж. Он вынул из кармана револьвер Карлсона, взвел курок и положил револьвер на землю за спиной у Ленни. Потом поглядел Ленни в затылок.

Со стороны реки донесся мужской голос, и другой голос тотчас ему откликнулся.

— Ну, говори же, — попросил Ленни.

Джордж поднял револьвер, но рука его дрогнула и вновь опустилась.

— Дальше, — сказал Ленни. — Расскажи, как это будет. У нас будет маленькое ранчо…

— У нас будет корова, — сказал Джордж. — И еще, пожалуй, свинья и куры… а на лугу… мы посеем люцерну…

— Для кроликов! — подхватил Ленни.

— Для кроликов, — повторил Джордж.

— И я буду кормить кроликов.

— И ты будешь их кормить.

Ленни радостно засмеялся.

— И мы будем сами себе хозяева.

— Да.

Ленни обернулся.

— Нет, Ленни, гляди за реку, тогда ты все будто увидишь своими глазами.

Ленни повиновался. Джордж взглянул на револьвер.

В кустах послышался треск, потом тяжелые шаги. Джордж обернулся на шум.

— Говори же, Джордж. Когда все это будет?

— Скоро.

— Мы будем там жить с тобой вдвоем.

— Да. Мы… вдвоем… Тебя никто не обидит, и… никаких неприятностей. Никто не будет у тебя ничего отбирать.

Ленни сказал:

— А я думал, ты рассердишься на меня, Джордж.

— Нет, — сказал Джордж. — Нет, Ленни. Я не сержусь. Я никогда не сердился на тебя. Вот и теперь тоже. Я хочу, чтоб ты это знал.

Голоса раздавались уже совсем близко, Джордж поднял револьвер и прислушался.

Ленни попросил:

— Давай купим ранчо сейчас. Прямо сейчас.

— Само собой… Я… мы…

Джордж уставил револьвер прямо Ленни в затылок. Рука у него тряслась, но лицо было решительным, и он совладал с дрожью. Он нажал спуск. Грохот выстрела прокатился по долине и отдался эхом в горах. Ленни дернулся, потом медленно повалился ничком на песок и замер.

Джордж вздрогнул, глянул на револьвер, потом швырнул его на кучу золы.

На поляне послышались крики и топот бегущих ног. Раздался оклик Рослого:

— Джордж! Ты где, Джордж?

Джордж недвижно сидел на берегу и глядел на свою правую руку, которой отшвырнул револьвер. Люди выбежали на поляну. Кудряш был впереди. Он увидел Ленни, лежавшего на песке.

— Готов, — сказал он, подойдя вплотную. Он поглядел на Ленни, потом на Джорджа. — Аккурат в затылок, — добавил он тихо.

Рослый подошел к Джорджу и сел рядом, касаясь его плечом.

— Что ж, — сказал он. — Бывает, и на такое

решаться надобно.

Карлсон стоял тут же.

— Как это ты сделал? — спросил он.

— Просто сделал, и все, — ответил Джордж устало.

— У него был мой револьвер?

— Да.

— А ты отобрал револьвер и застрелил его?

— Да. — Джордж говорил почти шепотом. Он снова поглядел на свою правую руку.

Рослый взял Джорджа за плечо.

— Пойдем, Джордж. Пойдем выпьем чего-нибудь.

Он помог Джорджу встать. Тот не сопротивлялся.

— Выпьем.

Рослый сказал:

— Ты должен был сделать это, Джордж. Должен. Пошли.

И он повел Джорджа по тропе в сторону шоссе.

Кудряш и Карлсон посмотрели им вслед. Карлсон сказал:

— И чего это их так гложет обоих, ей-ей, не пойму.

Жемчужина

Перевод с английского *Т. Зюликовой*

В городе рассказывают о великой жемчужине — о том, как она была найдена и вновь утрачена. Рассказывают о ловце жемчуга по имени Кино, его жене Хуане и малыше Койотито. Историю эту повторяли так часто, что она пустила глубокие корни в каждой душе. Как и во всех историях, которые пересказываются по многу раз и оседают в людских сердцах, в ней есть только хорошее и плохое, белое и черное, доброе и злое — и никаких полутонов.

Возможно, это притча, и каждый видит в ней свой смысл и отражение собственной жизни. Как бы там ни было, в городе рассказывают, что…

I

Кино проснулся почти в полной темноте. Еще светили звезды, и день лишь слегка мазнул белым по самому горизонту, хотя уже вовсю кричали петухи, а свиньи рылись среди щепок и древесной трухи в поисках чего-нибудь съедобного. В зарослях кактусов рядом с хижиной щебетали и хлопали крыльями птицы.

Кино открыл глаза и посмотрел сначала на светлеющий дверной проем, затем на подвешенный к столбу ящик, где спал Койотито. Наконец он повернул голову к Хуане, которая лежала рядом на циновке, обернув синей шалью спину, грудь и лицо. Глаза у нее были открыты. Сколько Кино помнил, они неизменно бывали открыты, когда он просыпался. В темных глазах Хуаны отражались звезды. Она смотрела на него тем взглядом, каким смотрела всегда в первые минуты пробуждения.

С берега доносился тихий шелест утренних волн. Хорошо… Кино вновь закрыл глаза и прислушался к музыке. Может, он один ее слышал, а может, слышал и весь его народ. Некогда люди его народа слыли великими певцами, и все, что они

видели, думали, делали и слышали, становилось песней. С тех пор прошло немало времени. Старые песни остались — Кино знал их наизусть, — а вот новых не появлялось. Зато у него были свои. В эту самую минуту в голове у Кино звучала песня, тихая и ясная, и если бы он мог говорить о ней вслух, то назвал бы ее песней семьи.

Кино лежал, закрыв одеялом нос от сырого воздуха. Рядом раздался тихий шорох — почти бесшумно встала Хуана. Она босиком подошла к ящику, где спал Койотито, склонилась над ним и прошептала что-то ласковое. Малыш коротко глянул на мать, закрыл глаза и снова уснул.

Хуана шагнула к вырытому в земляном полу очагу, отыскала в золе уголек и принялась раздувать огонь, скармливая ему хворостинки.

Кино тоже встал, обернул голову и плечи одеялом, спрятал в него нос, сунул ноги в сандалии и вышел из хижины — посмотреть рассвет.

Он присел на корточки и прикрыл концами одеяла колени. Высоко над заливом уже пламенели легкие облака. Подошла коза, принюхалась и уставилась на Кино своими холодными желтыми глазами. Огонь в очаге наконец-то разгорелся — сквозь щели в плетеных стенах просочились тонкие лучи, а на землю лег неровный прямо-

угольник света от дверного проема. Запоздалый ночной мотылек ринулся в хижину в поисках пламени. Песня семьи звучала теперь из-за спины у Кино, а ритмом ей служил скрежет камня, которым Хуана молола кукурузу для утренних лепешек.

Рассвет наступил быстро: сумрак превратился в полусвет, полусвет — в сияние. Наконец небо заполыхало — это из залива встало солнце. Кино опустил глаза, пряча их от нестерпимого блеска. Он слышал, как в хижине у него за спиной Хуана прихлопывает руками тесто, чувствовал сытный запах жарящихся на противне лепешек. На земле копошились муравьи: одни — крупные, черные и блестящие, другие — маленькие, серые, проворные. С отрешенностью Бога Кино наблюдал, как серый муравьишка отчаянно пытается вылезти из песчаной ямки, которую вырыл для него муравьиный лев. Робко подошел худой черный щенок с золотисто-рыжими подпалинами вместо бровей. Ободренный ласковым словом хозяина, он свернулся калачиком, аккуратно обернул лапы хвостом и осторожно положил на них морду. Такое же утро, как любое другое, и все же самое прекрасное из всех…

Заскрипела веревка: это Хуана достала Койо-

тито из ящика. Она умыла его и, словно в гамак, положила в повязанную через плечо шаль — так, чтобы он мог достать грудь. Кино видел обоих, даже не оборачиваясь. Хуана негромко напевала древнюю песню, в которой было только три ноты и, однако же, бесконечное разнообразие вариаций. Песня Хуаны тоже была частью семейной песни. Все было ее частью. Иногда она восходила до щемящего аккорда, от которого перехватывало горло, словно говоря: «Вот — защита, вот — тепло, вот — все».

За плетеным забором стояли другие плетеные хижины. Оттуда тоже доносился запах дыма и звуки готовящегося завтрака, но то звучали чужие песни. Те свиньи — чужие свиньи, те жены — не Хуана. Кино был молод и силен; смотрел тепло, свирепо и ясно. Усы у него были тонкие и жесткие, на смуглый лоб свисали пряди черных волос. Кино отбросил с лица одеяло: тлетворный темный воздух рассеялся, и на хижину лился желтый солнечный свет. Возле плетня, опустив головы и взъерошив на загривке перья, шли друг на друга два петуха с растопыренными в стороны крыльями. Нелепая выйдет драка: куда им до бойцовых птиц? Кино немного понаблюдал за ними и перевел взгляд на стаю диких голубей,

летящую от берега к холмам. Мир окончательно проснулся. Кино встал и вошел в дом.

Когда он появился в дверях, сидевшая у очага Хуана поднялась и уложила Койотито в ящик. Потом расчесала свои черные волосы, заплела в две косы и перевязала концы тонкой зеленой лентой. Кино присел рядом с очагом, свернул горячую лепешку трубочкой, обмакнул в подливку и съел. Затем выпил немного пульке[1] — вот и весь завтрак. Другого завтрака он никогда и не знал, если не считать церковных праздников да того раза, когда он так объелся печенья, что едва не умер.

Когда Кино покончил с завтраком, Хуана вернулась к очагу и тоже поела. Раньше они разговаривали друг с другом, но к чему слова, если произносишь их только по привычке? Кино удовлетворенно вздохнул — это и был настоящий разговор.

Солнце согревало плетеную хижину, бросая длинные лучи сквозь щели в стенах. Один такой луч упал на привязанный к столбу ящик, где лежал Койотито, на держащие его веревки.

Взгляд привлекло какое-то легкое движение.

---

[1] Примечания: 1

Пульке — слабоалкогольный мексиканский напиток из забродившего сока агавы (*Здесь и далее — примечания переводчика*).

Кино с Хуаной замерли на месте: по веревке, на которой висел ящик, медленно полз скорпион. Смертоносный хвост гада был опущен, но ему ничего не стоило его поднять.

Из ноздрей Кино со свистом вырывался воздух, и он открыл рот, чтобы не было слышно дыхания. Затем растерянное выражение исчезло с его лица, а тело вновь обрело способность двигаться. Внутри у Кино звучала теперь новая песня — песня зла, музыка врага, любого недруга, готового причинить вред семье, дикая, тайная, опасная мелодия, а под ее раскатами жалобно стенала песня семьи.

Скорпион осторожно полз по веревке — вниз, к ящику. Сквозь плотно сжатые зубы Хуана бормотала древний заговор, подкрепляя его еле слышной «Аве Марией». Кино вышел из оцепенения. Он быстро и беззвучно скользнул через комнату, держа руки перед собой и не сводя глаз со скорпиона. Еще немного, и он у цели… Но тут Койотито со смехом потянулся к ядовитому гаду. Скорпион почувствовал опасность, замер и мелкими рывками начал поднимать хвост, на конце которого влажно поблескивал изогнутый шип.

Кино стоял совершенно неподвижно. Он слышал, как Хуана повторяет древний заговор;

слышал зловещую музыку врага. Он ждал, куда двинется скорпион, а тот пытался определить источник приближающейся смерти. Кино протянул руку — очень медленно, очень осторожно… Хвост с ядовитым шипом дернулся вверх. В тот же миг Койотито со смехом тряхнул веревку, и скорпион упал.

Кино метнулся вперед, однако скорпион пролетел мимо его руки, шлепнулся на плечо ребенку и ужалил. Кино с рычанием схватил гада, раздавил, растер в мокрую кашицу.

Он бросил скорпиона на пол и принялся бить по нему кулаком. В ящике кричал от боли Койотито, но Кино все бил и бил, пока на земляном полу не осталось только влажное пятнышко. Зубы у него были оскалены, глаза сверкали от ярости, а в ушах ревела песня врага.

Хуана подхватила ребенка на руки и нашла след от укола, вокруг которого уже распространялась краснота. Она прижала губы к ранке и принялась высасывать и сплевывать, высасывать и сплевывать, а Койотито все кричал и кричал.

Кино беспомощно топтался на месте. Он не мог помочь; он только мешал.

Привлеченные криками Койотито, сбежались соседи. В дверях, перегородив проход, остано-

вился Хуан-Томас, брат Кино, вместе со своей толстой женой Аполонией и четырьмя детьми. Остальные старательно заглядывали им через плечо, а один мальчик даже прополз между ног у взрослых, лишь бы узнать, что стряслось. Стоящие впереди передавали новость стоящим сзади: «Скорпион. Ужалил малыша».

Хуана перестала высасывать яд и взглянула на след от укола. Ранка немного увеличилась, а ее края побелели, но вокруг продолжал разрастаться твердый красный бугорок.

Все они хорошо знали, что такое укус скорпиона. Взрослый еще может переболеть и оправиться, а вот маленький ребенок вряд ли. Сперва место укола опухнет, начнется жар и удушье, затем — брюшные колики, и, если в кровь попало достаточно яда, малыш умрет. Однако первая жгучая боль уже отступала, и крики Койотито перешли в жалобные стоны.

Кино не раз удивлялся, какая железная воля у его хрупкой, терпеливой жены. Она, такая покорная, почтительная и жизнерадостная, во время родов извивалась от боли, не издавая почти ни звука. Хуана переносила голод и усталость едва ли не лучше самого Кино. В каноэ ничем не уступала сильному мужчине. И вот теперь она

сделала нечто неслыханное.

— Доктора, — сказала Хуана. — Позовите доктора.

Новость эта тут же облетела тесный дворик, где толпились соседи. Хуана послала за доктором! Удивительное, небывалое дело — послать за доктором. Добиться, чтобы он пришел, значит совершить невозможное. Доктор никогда не посещал плетеные хижины бедняков. Да и зачем, когда в городе больных больше чем достаточно — больных-богачей в домах из камня и штукатурки.

— Он не придет, — говорили во дворе соседи.

— Он не придет, — вторили стоящие в дверях.

Мысль эта передалась и Кино.

— Доктор не придет, — сказал он.

Жена посмотрела на него холодными глазами львицы. Это же первый ребенок — почти единственное, что есть у нее в жизни! Кино увидел решимость Хуаны, и музыка семьи у него в голове зазвенела, как сталь.

— Значит, мы сами к нему пойдем, — объявила Хуана.

Свободной рукой она накинула на голову шаль, одним концом примотала к себе ребенка, другим закрыла его от солнца. Стоявшие в дверях пода-

лись назад, чтобы дать ей пройти. Вслед за женой Кино вышел в калитку и зашагал по разбитой колесами дороге. Соседи потянулись за ними.

Дело это касалось теперь всей деревни. Ступая быстро и бесшумно, толпа направилась к центру города: впереди — Хуана и Кино, за ними — Хуан-Томас с Аполонией, большой живот которой сотрясался от скорой ходьбы. Шествие замыкали остальные соседи, а по бокам от них семенили ребятишки. Желтое солнце светило людям в спину, так что они наступали на собственные длинные тени.

Там, где заканчивались плетеные хижины, начинался город из камня и штукатурки — город неприступных стен и незримых тенистых садов, в которых журчали фонтанчики, и бугенвиллия расцвечивала стены пурпурными, кирпично-красными и белыми цветами. Из этих потаенных садов доносились пение запертых в клетки птиц и плеск прохладной воды по горячим каменным плитам. Процессия пересекла залитую слепящим солнцем площадь и миновала церковь. Свита Кино продолжала разрастаться. Вновь прибывшим вполголоса объясняли, что ребенка ужалил скорпион и отец с матерью несут его к доктору.

Вновь прибывшие, в особенности нищие с па-

перти, большие знатоки в денежных вопросах, быстро оглядывали старую синюю юбку Хуаны, подмечали дыры в шали, оценивали зеленую ленту в волосах, прикидывали, сколько лет одеялу Кино и сколько раз стиралась его одежда, определяли в них бедняков и присоединялись к процессии, чтобы поглазеть, какая в итоге разыграется драма. Нищие с паперти могли бы рассказать обо всем, что делалось в городе. Они пытливо всматривались в лица молодых женщин, когда те шли на исповедь или возвращались с нее, и безошибочно угадывали род совершенного греха. Им был известен каждый мелкий скандал и даже парочка крупных преступлений. Они не покидали поста и спали в тени церкви, чтобы никто не мог прокрасться за утешением без их ведома. А еще они знали доктора. Знали о его невежестве, жестокости, алчности, пороках и аппетитах. Знали, как неумело он делает аборты и как скупо раздает милостыню; видели, как вносят в церковь его мертвецов. А поскольку утренняя месса закончилась и особых доходов не ожидалось, нищие, эти неутомимые философы, стремящиеся до конца постичь природу своих ближних, тоже примкнули к процессии, дабы проверить, что станет делать толстый ленивый

доктор с ужаленным ребенком.

Наконец нестройная процессия подошла к воротам докторского дома, за которыми слышался плеск воды, пение запертых в клетки птиц и шелест длинных метел по каменным плитам. Из окон доносился запах жарящегося бекона.

Кино замер в нерешительности. Доктор не принадлежал к их народу. Его соплеменники почти четыре сотни лет истязали, морили голодом, обкрадывали и презирали соплеменников Кино, держа их в таком страхе, что Кино, коренной житель этой земли, не смел подойти к дверям. Как и всегда, приближаясь к человеку этого народа, Кино чувствовал себя слабым, напуганным и в то же время обозленным. Внутри у него тесно переплелись ярость и страх. Ему легче было бы убить доктора, чем заговорить с ним, потому что все соплеменники доктора обращались со всеми соплеменниками Кино как с бестолковыми животными. Правой рукой Кино взялся за железное кольцо на воротах. В его душе бурлила ярость, зубы оскалились, а в ушах стучала музыка врага, но левой рукой он все-таки потянулся снять шляпу. Лязгнуло железное кольцо. Кино обнажил голову и приготовился ждать. На руках у Хуаны слабо застонал Койотито, и она что-то тихо ему

зашептала. Зрители сгрудились плотнее, чтобы лучше видеть и слышать.

Створка больших ворот приоткрылась. В щель Кино увидел тенистую зелень сада и маленький фонтанчик. С той стороны на него смотрел человек его собственного народа, и Кино заговорил с ним на древнем наречии:

— Младенец, мой первенец, отравлен ядом скорпиона. Ему требуется искусство целителя.

Однако слуга не пожелал отвечать на том же наречии.

— Минуточку, — сказал он, — я доложу.

Слуга захлопнул ворота и задвинул засов. Палящее солнце отбрасывало на белую стену многоголовую тень толпы.

Доктор сидел в постели, завернувшись в привезенный из Парижа красный муаровый халат, который с недавних пор стал немного узок в груди, если застегнуть на все пуговицы. На коленях он держал серебряный поднос, где стояли серебряный кувшинчик с горячим шоколадом и крошечная чашечка китайского фарфора. Чашечка была настолько изящная, что смотрелась нелепо в пухлой докторской руке, когда он брал ее самыми кончиками большого и указательного пальцев, широко растопыривая остальные,

чтобы не мешали. Глазки доктора утопали в жировых складках, а рот кривился от неудовольствия. За последние годы он сильно располнел, и голос у него сделался хриплым от давящего на горло жира. На столике рядом с кроватью лежал маленький гонг и стояла вазочка с сигаретами. Все в комнате казалось тяжелым, темным и мрачным. Картины — сплошь на религиозные темы, не исключая большой раскрашенной фотографии покойной докторской супруги, которая, если такое под силу многочисленным мессам, заказанным в соответствии с ее последней волей и на ее же собственные средства, пребывала теперь в раю. Когда-то доктору посчастливилось повидать большой мир, и всю его последующую жизнь наполняли воспоминания и тоска по Франции. «Вот что значит цивилизованная страна!» — любил повторять он, подразумевая под этим, что на небольшое жалованье он мог там позволить себе содержать любовницу и обедать в ресторанах.

Налив вторую чашку горячего шоколада, доктор раскрошил в руке сладкое печенье. Слуга-привратник остановился в дверях и стал ждать, когда на него обратят внимание.

— Да? — произнес доктор.

— Пришел индеец с ребенком. Говорит, малы-

ша ужалил скорпион.

Прежде чем дать волю гневу, доктор осторожно поставил чашку на поднос.

— У меня что, дел других нет, как лечить покусанных насекомыми индейских детей? Я врач, а не ветеринар!

— Да, хозяин, — отозвался слуга.

— Деньги у него есть? Хотя откуда? У них никогда не бывает денег! В целом свете один я почему-то должен работать бесплатно, и мне это уже осточертело. Выясни, есть ли у него деньги.

Вернувшись к воротам, слуга приоткрыл одну створку и поглядел на стоящих снаружи людей. На этот раз он тоже заговорил на древнем наречии:

— Есть у вас деньги, чтобы заплатить целителю?

Из потайного места в складках одеяла Кино достал сложенную во много раз бумажку. Он бережно развернул ее: в ней лежало восемь мелких, неправильной формы жемчужин, серых и безобразных, как маленькие язвочки, сплющенных и почти ничего не стоящих. Слуга взял бумажку и снова запер ворота. На этот раз он отсутствовал недолго, а вернувшись, открыл створку ровно настолько, чтобы просунуть руку с бумажкой.

— Доктора нет, — объявил слуга. — Его срочно вызвали к больному.

И, сгорая со стыда, поспешно захлопнул ворота.

Волна стыда прокатилась и по толпе, рассеяла ее в разные стороны. Нищие вернулись на паперть, зеваки разбрелись кто куда, а соседи поскорее ушли, чтобы не смотреть на публичное унижение Кино.

Долго Кино стоял перед закрытыми воротами вместе с Хуаной. Наконец он медленно надел шляпу, которую все это время униженно держал в руке, и внезапно, без всякого предупреждения, обрушил на ворота мощный удар, а затем удивленно посмотрел на собственную руку — на разбитый кулак и сочащуюся между пальцами кровь.

II

Город стоял на берегу широкого речного устья, и его старинные, отделанные желтой штукатуркой здания дугой окаймляли песчаный пляж. На песке лежали привезенные из Наярита[2] белые с синим каноэ. Покрытые особой водонепроницаемой замазкой, секрет изготовления которой был известен только народу Кино, они могли прослужить не одно поколение. Борта у таких каноэ высокие, нос и корма грациозно изогнуты, а в центре лодки есть гнездо, куда вставляется мачта с маленьким треугольным парусом.

Вдоль воды тянулась полоса водорослей, ракушек и прочего мусора. В песчаных норках пускали пузыри крабы-скрипачи; на мелководье сновали маленькие омары, то вылезая из своих пещерок, то залезая обратно. На глубине обитало великое множество плавающих, ползучих и неподвижных существ. В легких подводных потоках раскачивались бурые водоросли и колыхалась зеленая морская трава, к стеблям которой цеплялись хвостами крошечные морские конь-

---

[2] Примечания: 2
Наярит — штат на западе Мексики.

ки. На дне лежали ядовитые пятнистые рыбы ботете, а через них карабкались нарядные крабы-плавунцы. По берегу бродили голодные собаки с голодными свиньями и без устали искали, не принесло ли приливом дохлой рыбы или дохлой птицы.

Хотя утро только начиналось, над заливом уже висело марево, увеличивая одни предметы и скрывая от взора другие. Местами море и суша проступали отчетливо, а местами расплывались, как в зыбком сновидении. Возможно, поэтому живущие по берегам залива люди верят тому, что являют им дух и воображение, но не надеются на собственные глаза, если нужно определить расстояние, очертания предмета или что-либо еще, требующее оптической точности. Одна роща мангровых деревьев на противоположном берегу речного устья виднелась ясно, как в телескоп, другая напоминала расплывчатую черно-зеленую кляксу. Вдали часть побережья исчезала в искрящейся дымке, которую легко было принять за воду. Полагаться на зрение не мог никто, и никто не мог с твердостью сказать, существует ли на самом деле то, что он видит, или нет. Под лучами солнца висящее над водой медное марево колебалось и мерцало так, что рябило в глазах.

Плетеные хижины стояли по правую руку от города, а перед ними тянулась полоса песка, куда вытаскивали лодки. Кино с Хуаной медленно спустились по берегу к тому месту, где лежало их старое каноэ — единственное, что имелось у Кино ценного в мире. Он получил эту лодку от отца, а тот — от деда, который когда-то привез ее из Наярита. Для Кино она была не просто собственностью, а средством прокормиться: если у мужчины есть лодка, женщина точно знает, что не будет голодать. Каждый год он заново покрывал ее водонепроницаемой замазкой, секрет изготовления которой тоже достался ему от отца. Кино подошел к лодке и, как обычно, бережно дотронулся до изогнутого носа. Он опустил на песок камень для ныряния, корзинку и две веревки, затем свернул одеяло и бросил в носовую часть.

Хуана уложила Койотито на одеяло и накрыла шалью, чтобы палящее солнце не напекло ему голову. Малыш больше не плакал, но его лицо горело, а опухоль продолжала разрастаться и уже расползлась по всей шее до самого уха. Хуана вошла в воду, набрала бурых водорослей, сделала плоский влажный компресс и приложила к распухшему плечу ребенка. Средство это было ничуть не хуже, а быть может, даже лучше любо-

го лекарства, которое мог бы прописать доктор, однако ему не хватало весомости докторского авторитета — оно казалось слишком простым и не стоило ни гроша. Брюшные колики у Койотито пока не начались. Возможно, Хуана успела высосать яд, зато не высосала из сердца собственную тревогу за ребенка. Мать не молилась об исцелении ребенка напрямую — она молилась о том, чтобы найти жемчужину, которой можно будет расплатиться с доктором за лечение, ибо ум человеческий так же зыбок, как мираж над заливом.

Кино с Хуаной подтащили каноэ к самой кромке песка. Когда нос соскользнул на воду, Хуана забралась внутрь, а Кино столкнул лодку с берега и шел рядом, пока она не закачалась на легких волнах. Потом, слаженными движениями, они рассекли воду двухлопастными веслами, и каноэ со свистом полетело по воде. Остальные ловцы жемчуга давно уже вышли в море. Вскоре Кино заметил их в зыбком мареве над устричной банкой.

Свет проникал сквозь воду, освещая усыпанное сломанными ракушками дно, на котором лежали устрицы-жемчужницы. Именно эта устричная банка сделала короля Испании могущественной фигурой в Европе, именно она помогала оплачи-

вать его войны и украшать церкви во спасение монаршей души. Серые раковины устриц были покрыты похожими на юбки оборками, облеплены крошечными рачками и водорослями, а сверху по ним карабкались маленькие крабы. По чистой случайности в такую раковину могла попасть песчинка — завалиться между мышечными складками и лежать, раздражая мягкое тело, пока в попытке защититься моллюск не обволакивал ее слоем гладкого перламутра. Однажды начатый, процесс уже не прекращался: устрица продолжала обволакивать инородный предмет все новыми и новыми слоями, пока его не вымывало водой или пока не погибал моллюск. Веками ловцы ныряли в море, отрывали устриц от дна и вскрывали оборчатые раковины в поисках покрытых перламутром песчинок. Целые стаи рыб жили вокруг банки, питаясь устричным мясом и теребя губами блестящую внутреннюю поверхность раковин. Однако жемчужина — это случайность; если нашел ее — значит, тебе улыбнулась удача, потрепал по спине то ли Бог, то ли боги, а может, и тот и другие.

С собой у Кино было две веревки: одна привязана к тяжелому камню, другая — к корзинке. Он стянул штаны с рубашкой и положил шляпу на

дно каноэ. Поверхность моря казалась гладкой, как масло. Кино взял камень в одну руку, корзинку — в другую, перекинул ноги через борт и соскользнул вниз. Камень быстро утянул его на дно. За ним поднимался целый шлейф пузырей, но вскоре вода успокоилась, и Кино смог видеть. Над головой волнящимся зеркалом блестела поверхность моря, пробитая кое-где днищами лодок.

Кино двигался осторожно, чтобы не замутить воду илом и песком. Он продел ногу в петлю на конце привязанной к камню веревки и принялся быстро работать, отрывая устриц ото дна — то по одной, то по нескольку — и укладывая их в корзинку. Кое-где устрицы приросли друг к другу и отделялись целыми гроздьями.

Некогда народ Кино пел обо всем, что только существовало или происходило в мире; пел рыбам, морю спокойному и морю гневному, свету и тьме, луне и солнцу, и все эти песни звучали внутри у Кино и у людей его народа — все до одной, даже те, что давно забылись. И вот, пока Кино наполнял корзинку, внутри у него слышалась песня. Ритмом ей служил тяжелый стук сердца, пожирающего кислород из наполненных воздухом легких, а мелодией — серо-зеленая вода, снующие

по дну морские создания и косяки рыб, которые проносились мимо и тут же исчезали. И была в этой песне еще одна, внутренняя песня, едва различимая, но сладостная, тайная и неотступная, почти незаметная за основной мелодией, песня найденной жемчужины, ведь каждая раковина в корзинке могла таить в себе жемчужину. Все шансы говорили «нет», однако удача и боги могли сказать «да». Кино знал: в каноэ у него над головой Хуана сидит с застывшим лицом и окаменелыми мускулами и творит магию молитвы, чтобы загнать удачу в угол, вырвать ее из рук у богов, потому что удача нужна ей для Койотито. И так велики были эта нужда и желание, что чуть слышная тайная мелодия жемчужины звучала сегодня особенно громко — целые музыкальные фразы мягко и отчетливо вплетались в основную песню морского дна.

Кино, гордый, молодой и сильный, мог с легкостью оставаться под водой больше двух минут, поэтому работал не торопясь и выбирал только самых крупных моллюсков. Потревоженные его присутствием, все они держали раковины плотно закрытыми. Чуть справа возвышался каменистый бугорок, покрытый молодыми устрицами, собирать которых было еще рано. Кино подо-

шел поближе. Рядом с бугорком, под небольшим выступом, он увидел огромную древнюю устрицу. Она лежала сама по себе, не облепленная собратьями. Под защитой маленького выступа ее раковина осталась слегка приоткрытой. Кино успел заметить, как среди складок похожей на губы мышцы что-то призрачно блеснуло, и раковина тут же захлопнулась. Сердце у него тяжело застучало, в ушах пронзительно взвизгнула мелодия жемчужины. Кино медленно отделил устрицу от морского дна и крепко прижал к груди, затем рывком высвободил ногу из петли и всплыл на поверхность. Его черные волосы заблестели на солнце. Он перегнулся через борт каноэ и положил находку на дно.

Пока он забирался внутрь, Хуана выравнивала каноэ. Глаза у Кино сияли от возбуждения, но ради приличия он все-таки поднял со дна сначала камень, затем корзинку с устрицами. Хуана чувствовала его возбуждение и делала вид, что смотрит в другую сторону. Нельзя желать чего-то слишком сильно: можно отпугнуть удачу. Желание должно быть большим, но не чрезмерным, чтобы не оскорбить Бога или богов. И все же Хуана почти не дышала. Нарочито медленно Кино раскрыл короткий прочный нож и задумчиво

посмотрел на корзинку: не лучше ли оставить большую устрицу напоследок? Он достал из корзинки маленького моллюска, вскрыл раковину, обыскал складки мягкой плоти и выбросил в воду. Казалось, Кино заметил огромную устрицу только теперь. Он присел на корточки, взял ее в руку и внимательно осмотрел. К раковине приросло всего несколько рачков, а желобки на ней блестели черным и темно-коричневым. Кино не спешил ее открывать. Он знал: то, что ему привиделось, вполне может оказаться солнечным бликом, случайно попавшим внутрь осколком ракушки или просто миражом. В этом заливе мнимого света больше, чем настоящего.

Хуана не могла ждать.

— Открой, — тихо произнесла она и положила руку на покрытую шалью голову Койотито.

Кино ловко просунул лезвие между створками раковины — тело устрицы тут же напряглось. Орудуя ножом как рычагом, он перерезал соединяющую створки мышцу, и раковина развалилась пополам. Похожая на губы мышца судорожно дернулась и сразу опала. Кино приподнял ее, и его взгляду предстала великая жемчужина, совершенная, точно луна. Она вбирала свет, пропускала его сквозь себя, превращая в серебристое

сияние, и снова излучала вовне. Жемчужина была крупная, не меньше яйца морской чайки, величайшая жемчужина в мире.

У Хуаны перехватило дыхание; она слабо застонала. А внутри у Кино тайная мелодия жемчужины зазвучала громко и отчетливо, полнозвучная, теплая и прекрасная, блистательная, победная и торжествующая. На поверхности великой жемчужины ему виделись образы сновидений и грез. Он достал ее из складок умирающей плоти и положил себе на ладонь. Повертел в пальцах — она была идеальна. Хуана подошла посмотреть на жемчужину в руке у мужа — той самой, которую он разбил о ворота докторского дома. От морской воды ободранные костяшки пальцев сделались серовато-белесыми.

Повинуясь инстинкту, Хуана вернулась туда, где лежал на отцовском одеяле Койотито. Она приподняла служившие компрессом водоросли и взглянула на плечо ребенка.

— Кино! — пронзительно вскрикнула Хуана.

Кино оторвал взгляд от жемчужины и увидел, что опухоль спадает — яд уходит из тела ребенка. Тогда Кино стиснул жемчужину в кулаке, и его захлестнуло. Он запрокинул голову и завыл. Глаза у него закатились, мускулы окаменели.

Другие ловцы удивленно подняли головы, потом ударили веслами по воде и заспешили к нему.

III

Город — это единый организм, у которого есть нервы, голова, плечи и ноги. Каждый город существует отдельно и не похож ни на один другой. А еще у города есть свое настроение. Как распространяются в нем новости — неразрешимая загадка. Кажется, они разлетаются быстрее, чем бегают мальчишки; быстрее, чем женщины успевают поделиться ими через забор.

Прежде чем Кино с Хуаной добрались до дома, нервы города уже пульсировали и трепетали от возбуждения: Кино нашел величайшую жемчужину в мире! Запыхавшиеся мальчишки еще не успевали вымолвить ни слова, а их матери уже обо всем знали. Новость пронеслась над плетеными хижинами и пенной волной хлынула в город камня и штукатурки. Она достигла ушей священника, который прогуливался у себя в саду, подернула задумчивостью его взгляд и вызвала в памяти кое-какие починочные работы, которые не мешало бы провести в церкви. Святой отец прикинул, сколько могут дать за жемчужину, и попытался вспомнить, крестил ли он ребенка Кино. Да и обвенчаны ли Кино с Хуаной, если уж на

то пошло?.. Новость докатилась до лавочников, и они тут же покосились на мужскую одежду, которая никак не желала распродаваться.

Новость дошла и до доктора, который сидел у постели женщины, чьей единственной болезнью был возраст, хотя и врач, и пациентка отказывались это признать. Когда доктор понял, кто такой Кино, лицо его сделалось одновременно строгим и рассудительным.

— Я знаю этого человека, — пояснил он. — Лечу его ребенка, ужаленного скорпионом.

Глазки доктора слегка закатились, и ему вспомнился Париж. Комната, которую он снимал, теперь казалась ему роскошными апартаментами, а жившая с ним женщина с надменным лицом — красивой и доброй девушкой, хотя на самом деле она не была ни тем, ни другим, ни третьим. Доктор уставился куда-то вдаль, мимо дряхлеющей пациентки, и ему представилось, будто он сидит в парижском ресторане, а официант как раз открывает бутылку вина.

Нищие с паперти услышали новость одними из первых и радостно захихикали: они знали, что никто так щедро не раздает милостыню, как внезапно разбогатевший бедняк.

Кино нашел величайшую жемчужину в мире.

В городе, в тесных конторах, сидели дельцы, скупающие у ловцов жемчуг. Дождавшись, когда принесут товар, они принимались квохтать, спорить, кричать и угрожать, пока не доходили до самой низкой цены, какую только мог стерпеть владелец. Впрочем, была цена, ниже которой опускаться они не смели, потому что однажды какой-то ловец в порыве отчаяния пожертвовал жемчужины церкви. После заключения сделки, оставшись одни, скупщики беспокойно перебирали жемчуг и представляли, что он принадлежит им. Ведь это со стороны казалось, будто скупщиков много. На самом деле скупщик был всего один. Он нарочно держал посредников в разных конторах, чтобы создать видимость конкуренции. Новость дошла и до этих дельцов. Глаза у них тут же сощурились, а кончики пальцев начало слегка пощипывать. Всем пришла в голову одна и та же мысль: патрон не бессмертен, а значит, рано или поздно кому-то предстоит занять его место. И каждый подумал, что мог бы начать все заново, будь у него небольшой капиталец.

Самые разные люди интересовались теперь Кино — люди, у которых было что продать или о чем попросить. Кино нашел величайшую жемчужину в мире. Ее сущность смешалась с человеческой

сущностью, и на дно выпал странный темный осадок. Внезапно каждый обнаружил, что жемчужина ему не безразлична. С ней связывались разнообразные мечты, надежды, расчеты, планы, стремления, потребности, желания, аппетиты и прихоти, и лишь один человек препятствовал их исполнению — Кино. Поэтому, как ни странно, он сделался всеобщим врагом. Новость подняла со дна города нечто бесконечно темное и злое, и эта черная эссенция была подобна скорпиону, или голоду, возбуждаемому запахом пищи, или же одиночеству, когда отказывают в любви. Городские железы начали вырабатывать яд, и от его давления город распух и вздулся.

Но Кино с Хуаной ни о чем не подозревали. Они были счастливы и взволнованы, а потому верили, что весь мир разделяет их радость — Хуан-Томас с Аполонией уж точно, а они ведь тоже часть мира. Вечером, когда солнце зашло за горы и готовилось опуститься во внешнее море, Кино с Хуаной сидели на корточках у себя в хижине, где стало тесно от набившихся туда соседей. Кино держал перед собой великую жемчужину, казавшуюся живой и теплой у него в руке. Ее музыка слилась теперь с музыкой семьи, от чего обе сделались еще прекраснее. Соседи смотрели на жемчужину

в руке у Кино и недоумевали, откуда берется такое счастье.

Хуан-Томас, который сидел справа от Кино, так как приходился ему братом, спросил:

— И что же ты собираешься делать теперь, когда стал богачом?

Кино заглянул в глубь жемчужины, а Хуана опустила ресницы и прикрыла шалью лицо, чтобы никто не заметил ее возбуждения. В блеске жемчужины возникали образы всего того, о чем мечталось когда-то Кино и о чем он давно забыл даже думать как о несбыточном. Кино увидел в жемчужине, будто сам он, Хуана и Койотито преклоняют колени перед алтарем: они с Хуаной венчаются, ведь теперь им есть чем заплатить.

— Мы поженимся, — тихо произнес он. — В церкви.

Кино хорошо рассмотрел, во что они одеты: Хуана — в жесткую от новизны шаль и новую длинную юбку, из-под которой слегка видны ноги в туфлях. Все это явилось ему в жемчужине — вспыхнуло яркой картинкой. На самом Кино — белые одежды, в руке — шляпа, не соломенная, а из дорогого черного фетра. На нем тоже туфли — не сандалии, а настоящие туфли на шнурках! Но Койотито превзошел их обоих: на нем был

синий матросский костюмчик из Соединенных Штатов и маленькая фуражка, какую Кино видел однажды, когда в устье реки вошла прогулочная лодка. Все это Кино разглядел в сияющей глубине жемчужины. Ее музыка грянула у него в ушах трубным хором, и он сказал:

— Мы накупим новой одежды.

Затем на поверхность серебристой жемчужины всплыли все те мелочи, которых так хотелось Кино: гарпун на смену тому, что потерялся в прошлом году, новый железный гарпун с кольцом на конце древка, и еще — его ум едва решился на подобный скачок — ружье. А почему бы и нет? Ведь он теперь сказочно богат! Кино увидел в жемчужине себя — себя с карабином «винчестер» в руках. Безумная мечта — и такая приятная. Его губы нерешительно дрогнули.

— Ружье, — выговорил он наконец. — Может быть, купим ружье.

Именно ружье окончательно смело последние преграды. Стоило Кино подумать о чем-то столь несбыточном, как все горизонты исчезли и он очертя голову бросился вперед. Недаром говорится, что люди никогда не бывают довольны: даешь им одно, а они просят еще. Говорится с осуждением, хотя на самом деле это один из величайших

человеческих талантов: именно он позволил людям возвыситься над животными, которые всегда довольствуются тем, что имеют.

В ответ на безумные мечтания Кино соседи только молча кивали, а какой-то человек в задних рядах пробормотал:

— Ружье… У него будет ружье…

Музыка жемчужины звучала пронзительно и победоносно. Хуана посмотрела на Кино широко распахнутыми глазами — так поразила ее смелость мужа и его необузданное воображение. Теперь, когда горизонтов больше не осталось, на Кино снизошла несокрушимая сила. В жемчужине возник Койотито, сидящий за маленькой партой, — Кино как-то видел такие в открытую дверь школы. На Койотито была курточка, белый воротничок и широкий шелковый галстук. Мало того: он писал на большом листе бумаги!

Кино вызывающе глянул на соседей.

— Мой сын пойдет в школу! — объявил он, и все тут же притихли.

У Хуаны перехватило дыхание. Глаза у нее сияли. Она быстро глянула на сына, желая проверить, возможно ли это.

Лицо Кино озарилось провидческим светом.

— Мой сын сможет открывать и читать книги,

писать и понимать написанное, научится складывать числа. И все это сделает нас свободными, потому что он будет знать — он будет знать, и через него мы тоже будем знать.

В жемчужине Кино увидел, как они с Хуаной сидят у очага, а Койотито читает им из большой книги.

— Вот, что сделает жемчужина, — подытожил Кино. Никогда в жизни он не произносил столько слов сразу.

Внезапно Кино испугался собственных речей. Его рука сжалась в кулак, отрезав жемчужину от света. Он испугался, как пугается человек, который произносит: «Так будет», сам не зная, что говорит.

Соседи понимали, что сделались свидетелями великого чуда. Отсчет времени станет теперь вестись от того дня, когда Кино нашел жемчужину, а его пророчество будут обсуждать еще многие годы. Если предсказанное Кино сбудется, люди вспомнят, как он выглядел, что говорил, как сияли его глаза, и скажут: «Он словно преобразился — какая-то сила на него снизошла. Сами знаете, что за великий человек он теперь, а началось все именно тогда — сам видел».

Если же замыслам Кино не суждено осуще-

ствиться, те же самые соседи будут говорить: «Тогда-то все и началось. Кино впал в безумие и наговорил много безумных слов. Храни нас Бог от такой напасти! Да, Бог покарал Кино за то, что он взбунтовался против существующих порядков. Сами знаете, что с ним сталось. А в тот день я своими глазами видел, как он лишился разума».

Кино взглянул на свою стиснутую в кулак руку. Костяшки пальцев, разбитые о ворота докторского дома, были покрыты коростой.

Сумерки сгущались. Хуана усадила Койотито на бедро и примотала к себе шалью. Потом подошла к очагу, отыскала в золе уголек, наломала хвороста и раздула огонь. Неверный свет заплясал на лицах гостей. Соседи знали, что пора возвращаться домой, к собственному очагу, но уходить не спешили.

Почти стемнело, и огонь в очаге отбрасывал на стены черные тени. Внезапно по хижине пронесся шепот:

— Святой отец идет… священник идет.

Мужчины обнажили голову и посторонились, а женщины прикрыли шалью лицо и потупили глаза. Кино и Хуан-Томас встали. Вошел священник — седеющий мужчина со старым лицом и молодым взглядом. «Дети мои» называл он этих

людей и обращался с ними как с детьми.

— Кино, — негромко проговорил он, — ты носишь имя великого человека — великого отца церкви[3].

Святой отец произнес это таким тоном, словно давал благословение.

— Известно ли тебе, что твой соименник укротил пустыню и смягчил сердца вашего народа? Об этом сказано в книгах.

Кино быстро глянул на Койотито, висящего на бедре у Хуаны. «Когда-нибудь, — пронеслось у него в голове, — этот мальчик будет точно знать, что сказано в книгах, а что нет». Музыка жемчужины смолкла, на смену ей медленно вкралась утренняя мелодия, музыка зла, музыка врага, слабая и едва различимая. Кино обвел глазами соседей, пытаясь определить, кто из них принес с собой эту мелодию.

И снова заговорил священник:

— Мне было сказано, что ты нашел великое богатство — великую жемчужину.

Кино разжал кулак, и священник тихо ахнул, пораженный размером и красотой жемчужины.

---

[3] Примечания: 3

Кино, Эусебио Франсиско (1645–1711) — итальянский миссионер, монах Ордена иезуитов, путешественник, астроном, картограф, географ. Известен своей миссионерской деятельностью среди индейцев.

— Надеюсь, сын мой, ты не забудешь возблагодарить того, кто даровал тебе это сокровище; не забудешь помолиться о наставлении.

Кино только молча кивнул. Вместо него ответила Хуана:

— Мы не забудем, святой отец. А еще мы обвенчаемся — Кино сам так сказал.

Она повернулась к соседям за подтверждением, и они торжественно закивали.

— Радостно видеть, что ваши первые мысли — благие мысли, — сказал священник. — Да благословит вас Бог, дети мои!

Он медленно направился к выходу, и люди расступились, пропуская его.

Рука Кино снова сжалась в кулак, и он подозрительно огляделся по сторонам: в ушах у него, заглушая мелодию жемчужины, вновь звучала песня зла.

Молча разошлись по домам соседи. Хуана присела рядом с очагом и поставила на огонь глиняный горшок с вареными бобами. Кино шагнул к дверям и выглянул наружу. Как и всегда, он почувствовал запах дыма от многих очагов, увидел туманные звезды, ощутил лицом сырой ночной воздух и прикрыл от него нос. Подошел худой щенок и начал приветственно притан-

цовывать, словно мотающийся на ветру флаг. Кино посмотрел на него невидящим взглядом. Он сокрушил последние горизонты и теперь стоял в холодной пустоте, одинокий и незащищенный. В стрекоте сверчков, трелях древесных лягушек и жабьем кваканье ему слышалась мелодия зла. Кино поежился и плотнее закрыл нос одеялом. Он все еще сжимал в кулаке жемчужину, гладкую и теплую на ощупь.

Кино слышал, как Хуана прихлопывает ладонью лепешки, прежде чем бросить их на глиняный противень. Спиной он ощущал тепло и незыблемость семьи — ее мелодия доносилась из хижины, словно мурлыканье котенка. Когда Кино объявил, что ждет его в будущем, он создал это будущее. План — нечто реальное. Вообразить — значит прожить и прочувствовать. Однажды задуманное становится фактом действительности — таким же, как все прочие. Его невозможно уничтожить, однако опасность грозит отовсюду. Будущее Кино тоже сделалось чем-то реальным, и едва он объявил о своих замыслах, как враждебные силы вознамерились ему помешать. Кино знал об этом и готовился к нападению. А еще он знал, что боги не любят ни людских замыслов, ни людских успехов. Боги мстят человеку, кото-

рый достиг чего-то своими силами, а не по воле случая. Поэтому Кино боялся строить планы, но однажды зародившийся план уничтожить уже не мог. В предчувствии нападения Кино постепенно покрывался толстой шкурой, чтобы защититься от мира. Его глаза и ум начали прощупывать темноту в поисках опасности еще прежде, чем она появилась.

Кино заметил, что к дому приближаются двое. У одного в руке был фонарь, освещавший землю и ноги непрошеных гостей. Они завернули в калитку и подошли к хижине. В одном Кино узнал доктора, в другом — слугу, который открыл ему утром ворота. При виде их разбитый кулак Кино словно ошпарило.

— Меня не было дома, когда вы приходили, — сказал доктор. — Я пришел, как только смог, и сейчас же осмотрю ребенка.

Кино стоял в дверном проеме, загораживая проход, а в глубине его глаз пылала ненависть — ненависть и страх, который глубоко вогнали в него сотни лет притеснения.

— Ребенок почти поправился, — отрывисто произнес он.

Доктор улыбнулся, однако его заплывшие глазки не улыбались.

— Иногда, друг мой, яд скорпиона действует довольно причудливым образом. Сначала наступает улучшение, а потом — паф!

Он издал похожий на выстрел звук, чтобы изобразить, как внезапно это происходит, а затем подставил свой черный докторский чемоданчик под луч фонаря, потому что знал: народ Кино любит орудия любого труда и доверяет им.

— Иногда, — текучим голосом продолжал доктор, — у больного отсыхает нога, слепнет глаз или вырастает горб. О, я знаю, что такое яд скорпиона, друг мой, и умею от него лечить.

Кино почувствовал, как ярость и ненависть превращаются в страх. Доктору, быть может, многое ведомо. Кино не имел права ставить собственное бесспорное невежество против возможного докторского знания. Он оказался в ловушке, в которую вечно ловили и будут ловить людей его народа — до тех пор, пока, как выразился Кино, они не смогут быть уверены, что написанное в книгах действительно в них написано. Кино не желал рисковать — только не жизнью или прямой спиной Койотито. Он посторонился, давая доктору и слуге пройти.

Хуана встала и попятилась, прикрывая лицо Койотито краем шали. А когда доктор приблизил-

ся и протянул к малышу руку, она только крепче прижала его к себе и посмотрела на Кино, по лицу которого метались отбрасываемые огнем тени. Он кивнул, и лишь тогда Хуана позволила взять малыша.

— Посвети, — приказал доктор.

Слуга поднял фонарь, и в его свете доктор бегло оглядел ранку на плече Койотито. Он ненадолго задумался, затем оттянул сопротивляющемуся ребенку веко и осмотрел глазное яблоко.

— Так я и думал, — кивнул доктор. — Яд проник внутрь и скоро начнет действовать. Видите? Оно посинело.

И встревоженный Кино в самом деле увидел, что глазное яблоко у Койотито слегка синеватое. Он не знал, всегда ли оно было таким или нет. Ловушка захлопнулась — рисковать нельзя.

Заплывшие глазки доктора слегка увлажнились.

— Я дам ему лекарство — попробую остановить яд, — сказал он и отдал Кино ребенка.

Доктор вынул из чемоданчика склянку с белым порошком, насыпал порошка в желатиновую капсулу и закрыл ее, затем вставил первую капсулу во вторую и тоже закрыл. Действовал он очень умело: взял Койотито на руки и принялся

щипать за нижнюю губу, пока малыш не открыл рот. Тогда доктор положил капсулу ему на язык — так близко к корню, что Койотито не мог ее выплюнуть, — поднял с пола кувшинчик с пульке и дал ему выпить. Дело было сделано. Доктор снова осмотрел глазное яблоко малыша и поджал губы, как бы в раздумье.

Наконец он вернул ребенка Хуане и обратился к Кино:

— Яд нанесет удар где-то через час. Возможно, лекарство убережет ребенка от беды, но я все равно вернусь. Надеюсь, я успею его спасти.

Доктор тяжело вздохнул и вышел из хижины. Слуга с фонарем последовал за ним.

Хуана прикрыла ребенка шалью и теперь смотрела на него с тревогой и страхом. Кино приблизился, приподнял шаль и пристально поглядел на сына. Он протянул было руку, чтобы оттянуть ему веко, но тут заметил, что все еще сжимает в руке жемчужину. Тогда Кино достал из ящика у стены какое-то тряпье, завернул в него жемчужину, пальцами вырыл в земляном полу ямку, положил туда сверток, присыпал землей и тщательно замаскировал тайник. Затем он подошел к очагу, у которого, не отрывая глаз от ребенка, сидела Хуана.

У себя дома доктор удобно устроился в кресле и положил перед собой часы. Слуги принесли легкий ужин — горячий шоколад, пирожные и фрукты, — и он брезгливо уставился на еду.

В соседских домах обсуждалась тема, вокруг которой предстояло еще долго вертеться всем разговорам. Сегодня ее обкатывали впервые, чтобы проверить, хорошо ли пойдет. Соседи показывали друг другу, как велика жемчужина; слегка поглаживали палец о палец, изображая, как она прекрасна. Теперь они станут внимательно следить, не вскружит ли богатство Кино с Хуаной голову, как это обычно бывает. Все знали, зачем приходил доктор. Он плохо умел притворяться, и ему не удалось никого провести.

Плотный косяк мелких рыбешек рассекал воду речного устья, блестя чешуей и пытаясь уйти от налетевшей стаи крупных рыб. Пока продолжалась бойня, в хижинах было слышно, как тихо плещутся маленькие рыбы и тяжело бьют по воде большие. Сырой воздух поднялся от залива и осел солеными каплями на кусты, кактусы и коренастые деревца. По земле сновали мыши, которых бесшумно преследовали ночные птицы.

Худой черный щенок с огненно-рыжими пятнами над глазами подошел к хижине и заглянул

в дверь. Когда Кино поднял на него глаза, он принялся отчаянно вилять задом, но стоило хозяину отвернуться, тут же перестал. Щенок не осмелился войти, зато с живейшим интересом наблюдал, как Кино съел бобы, вытер глиняную миску кукурузной лепешкой и тоже отправил ее в рот, а напоследок выпил пульке.

Кино покончил с ужином и как раз сворачивал самокрутку, когда Хуана окликнула его по имени. Он тут же встал и подошел к жене, потому что заметил в ее глазах испуг. Кино склонился над ней, но в хижине было слишком темно. Тогда он пинком отправил в огонь кучу хвороста. Взметнулось пламя, и в его свете Кино увидел лицо Койотито. Щеки ребенка горели, горло часто сокращалось, а по губе стекала струйка вязкой слюны. Потом желудок малыша свело спазмом, и его вырвало.

Кино встал на колени подле жены.

— Значит, доктор все-таки знает, — сказал он — столько же себе, сколько Хуане. В уме у него роились подозрения: ему вспомнился белый порошок.

Хуана раскачивалась из стороны в сторону и заунывно тянула песню семьи, словно этим могла отвратить опасность, а ребенок у нее на руках корчился в рвотных судорогах. В душу Кино за-

кралась неуверенность; в голове, заглушая собой песню Хуаны, стучала музыка зла.

Доктор допил шоколад и подобрал оставшиеся от пирожных крошки. Затем вытер пальцы салфеткой, взглянул на часы, встал и взял чемоданчик.

Весть о болезни ребенка тут же облетела всю деревню, ведь болезнь — злейший враг бедняков, хуже которого только голод.

— Удача не приходит одна, — вполголоса заметил кое-кто из соседей. — Всегда приводит с собой коварных друзей.

Остальные согласно закивали и поднялись с места, чтобы проведать Кино с Хуаной. Прикрывая носы от ночного воздуха, они спешили сквозь тьму, пока вновь не набились в хижину Кино. Соседи стояли и глазели, сокрушаясь, что несчастье пришло в такой радостный час. «Все в руках Божьих!» — вздыхали они. Старухи окружили Хуану, чтобы предложить ей помощь, если сумеют, и утешение, если нет.

И тут в хижину, сопровождаемый слугой, ворвался доктор. Он разогнал старух, словно кур, взял ребенка на руки, осмотрел и пощупал ему лоб.

— Яд нанес удар, — объявил он. — Думаю, я су-

мею его побороть. Сделаю все, что в моих силах.

Доктор попросил подать воды, добавил в чашку три капли аммиака, открыл ребенку рот и влил питье. Койотито закашлялся и запищал, а Хуана только смотрела на него затравленными глазами. Не отрываясь от работы, доктор сказал:

— Вам повезло, что я умею лечить от скорпионьего яда, иначе…

Он пожал плечами, давая понять, что бы случилось иначе.

Кино не покидали подозрения. Он не сводил глаз с открытого чемоданчика, где лежала склянка с белым порошком. Постепенно спазмы прекратились, и Койотито затих. Он глубоко вздохнул и уснул, утомленный изнурительной рвотой.

Доктор положил ребенка Хуане на руки.

— Теперь он поправится. Я выиграл бой.

В ответ Хуана с обожанием посмотрела на него.

Закрывая чемоданчик, доктор спросил:

— Когда вы сможете оплатить счет?

Спросил почти ласково.

— Как только продам жемчужину, — ответил Кино.

— У вас есть жемчужина? И большая? — поин-

тересовался доктор.

Тут вмешались соседи.

— Он нашел величайшую жемчужину в мире! — наперебой закричали они, соединяя большой палец с указательным, чтобы продемонстрировать, как она велика. — Кино станет богачом! Такой жемчужины еще никто не видел.

Доктор удивленно приподнял брови.

— А я даже ничего не слышал! Вы надежно спрятали эту жемчужину? Хотите, положу ее в свой несгораемый шкаф?

Кино сощурил глаза и стиснул зубы.

— Жемчужина в надежном месте. Завтра я продам ее и расплачусь с вами.

Доктор пожал плечами. Его влажные глазки не отрываясь следили за Кино. Он знал, что жемчужина зарыта где-то в хижине, и выжидал, не взглянет ли Кино в сторону тайника.

— Жаль, если жемчужину украдут прежде, чем вы успеете ее продать, — заметил доктор, и Кино невольно покосился на пол у подножия боковой опоры.

Когда доктор ушел, а соседи неохотно разбрелись по домам, Кино присел рядом с тлеющими углями в очаге и прислушался к звукам ночи — к тихому плеску волн и далекому собачьему лаю,

к шелесту ветра в крыше. Из соседних хижин долетал приглушенный гул голосов — люди этого народа не спят беспробудным сном, а то и дело просыпаются, разговаривают немного и снова засыпают. Через некоторое время Кино встал и подошел к дверям. Он принюхался, послушал, не крадется ли кто, и пристально вгляделся в ночь, потому что в голове у него звучала мелодия зла. Кино был насторожен и чего-то опасался. Прощупав темноту всеми органами чувств, он подошел к боковой опоре и откопал жемчужину. Затем отодвинул циновку, вырыл новую ямку, опустил туда жемчужину, засыпал землей и опять накрыл сверху циновкой.

Сидящая у очага Хуана вопросительно смотрела на мужа, а когда он закончил, спросила:

— Кого ты боишься?

Кино задумался, пытаясь найти истинный ответ, и наконец произнес:

— Всех.

Вокруг него смыкалась непроницаемая раковина.

Через некоторое время они оба легли на циновку. Этой ночью Хуана не стала укладывать малыша в ящик, а устроила рядом с собой, обняла и накрыла шалью.

Угли в очаге совсем потухли, но ум Кино продолжал гореть даже во сне. Ему снилось, что Койотито умеет читать — что человек из его собственного народа может рассказать ему, где правда. Койотито читал огромную, как дом, книгу с большими, точно собаки, буквами. Буквы резвились и прыгали по странице. Затем по бумаге разлилась темнота, а с ней вновь пришла мелодия зла, и Кино заворочался во сне. Хуана почувствовала это, открыла глаза, и Кино тут же проснулся. Внутри у него по-прежнему пульсировала мелодия зла. Он лежал в темноте и чутко прислушивался.

Из угла хижины донесся шорох — такой тихий, что можно было принять его за мысль, за легкое вороватое движение, осторожные шаги по земляному полу или почти неразличимый свист сдерживаемого дыхания. Кино перестал дышать и напряг слух. Он знал: чем бы ни было то темное существо, что пробралось к нему в дом, оно сейчас тоже не дышит и слушает. Какое-то время из угла не долетало ни звука. Кино уже готов был подумать, что ему почудилось, но тут рука Хуаны предостерегающе дотронулась до его плеча, а шорох повторился — шорох осторожных шагов и скребущих по сухой земле пальцев.

Кино захлестнул отчаянный страх, а вслед за страхом, как обычно, пришла ярость. Его рука нащупала висящий на груди нож. Кино подскочил, словно разъяренная кошка, и с шипением прыгнул на темное существо, которое, он знал, притаилось в углу. Пальцы Кино ухватили ткань. Он ударил, промахнулся и снова ударил. Нож распорол ткань, и тут в глазах у Кино сверкнула молния, а голова затрещала от боли. Что-то метнулось к двери, послышался топот бегущих ног, и все стихло.

По лбу у Кино текла теплая струйка крови.

— Кино! Кино! — со страхом в голосе звала Хуана.

Безразличие овладело им так же внезапно, как до того ярость.

— Все хорошо, — сказал Кино. — Он сбежал.

Кино ощупью вернулся на циновку. Хуана уже хлопотала у очага. Она нашла уголек, накрошила сверху кукурузных листьев и раздула огонь. Хижину осветил неверный свет. Из потайного места Хуана достала огарок освященной свечи, зажгла его от огня и поставила на камень рядом с очагом. Работала она быстро, что-то напевая себе под нос. Хуана обмакнула угол шали в воду и вытерла кровь со лба у Кино.

— Это ничего, — сказал он, но взгляд и голос у него сделались жесткими и холодными, а внутри закипала угрюмая ненависть.

Губы у Хуаны были плотно сжаты. Нараставшее внутри напряжение наконец выплеснулось наружу, и она хрипло воскликнула:

— Эта жемчужина словно грех! В ней скрыто зло. Она нас погубит.

Голос Хуаны сорвался на крик.

— Избавься от нее, Кино! Давай разотрем ее между двух камней, зароем и забудем куда, выбросим обратно в море. Эта жемчужина принесла с собой зло. Кино, муж мой, она нас погубит!

Губы Хуаны дрожали, глаза полнились страхом.

Но лицо Кино было неподвижно, а ум и воля неколебимы.

— Для нас это единственная надежда, — ответил он. — Наш сын должен ходить в школу — должен вырваться из того сосуда, в котором мы заточены.

— Эта жемчужина всех нас погубит! — отчаянно повторила Хуана. — Даже нашего сына.

— Молчи, — сказал Кино. — Не надо больше слов. Утром мы продадим жемчужину, и все плохое уйдет — останется только хорошее. А теперь

молчи, жена.

Темные глаза Кино мрачно уставились в огонь. Вдруг он заметил, что все еще держит в руке нож. На стали темнела узкая полоска крови. Кино хотел было вытереть лезвие о штаны, но вместо этого вонзил нож в землю и так очистил его.

Вдали запели петухи. Воздух переменился: близился рассвет. Утренний ветер покрыл рябью гладь речного устья, зашелестел в кронах мангровых деревьев. Все быстрее и быстрее бились о берег легкие волны. Кино поднял циновку, откопал жемчужину и положил ее перед собой.

В тусклом свете свечи жемчужина мерцала и подмигивала. Красота ее одурманивала мозг. Как прекрасна она была, как изысканна! От нее исходила особая музыка — музыка радости и надежды, залог безмятежного будущего, безопасности и комфорта. Теплое сияние жемчужины сулило подарить микстуру от всех болезней и защиту от любых обид. Оно не позволит голоду переступить порог их дома. Лицо Кино смягчилось, глаза потеплели. В туманной глубине жемчужины отражался огонек освещенной свечи, а в ушах у Кино снова звучала чарующая музыка морского дна, мелодия рассеянного зеленого света. Хуана украдкой взглянула на мужа и увидела, что он

улыбается. А так как они в каком-то смысле были одним целым, одним устремлением, она тоже улыбнулась.

Этот день они начали с надеждой.

IV

Удивительно, как маленький город узнает обо всем, что происходит с ним и с каждой его единицей. Если мужчина или женщина, ребенок или младенец ведет себя привычным образом, не ломает возведенных стен, ни с кем не ссорится, не занимается нововведениями, не болеет и ничем не нарушает душевного спокойствия и размеренного течения городской жизни, то о нем можно забыть и никогда больше не вспоминать. Но если хотя бы один человек выходит за рамки знакомого и проверенного, нервы жителей начинают звенеть от возбуждения, а по нервным волокнам города передается сигнал. Каждая единица оповещает целое.

С самого утра весь Ла-Пас уже знал, что сегодня Кино идет продавать жемчужину. Знали ловцы жемчуга в плетеных хижинах и владельцы китайских лавок, знали церковные служки, которые только о том и шептались. Новость просочилась даже в женский монастырь. О ней судачили нищие с паперти, готовясь собрать десятину с первых плодов удачи. О ней прослышали взбудораженные мальчишки, а главное

— скупщики жемчуга. Когда настал день, каждый скупщик уже сидел у себя в конторе наедине с маленьким, обтянутым черным бархатом подносом и рассеянно катал по нему жемчужины, обдумывая свою роль в общем замысле.

Считалось, что скупщики действуют самостоятельно и соревнуются друг с другом за приносимый ловцами жемчуг. Когда-то так и было. Но метод оказался слишком убыточным: порой, торгуясь за первосортную жемчужину, скупщики увлекались и предлагали ловцу чересчур высокую цену — непростительное расточительство! Теперь остался только один скупщик со множеством посредников, и каждый из них, сидя в своей конторе в ожидании Кино, точно знал, какую цену предложит, насколько ее поднимет и что за тактику будет использовать. Хотя посредники прекрасно понимали, что не получат ничего сверх обычного жалованья, их охватил азарт, потому что охота — дело азартное, и если твоя задача — сбить цену, то изволь получать радость и удовлетворение от того, чтобы сбить ее как можно ниже. Каждый человек в мире делает все, на что способен, и никак не меньше, пусть сам он иного мнения. Даже не получая ничего — ни награды, ни похвалы, ни повышения по

службе, — скупщик жемчуга всегда остается скупщиком, а лучший и счастливейший скупщик — это тот, кто покупает по самой низкой цене.

Солнце в то утро встало желтое и горячее. Оно вытягивало влагу из речного устья и залива и развешивало над водой мерцающие вуали, так что воздух колебался, а предметы казались зыбкими и нереальными. К северу от города висел мираж — призрак горы, до которой было больше двухсот миль пути. Склоны горы поросли соснами, а выше вздымалась голая каменная вершина.

В это утро каноэ остались лежать на берегу. Ловцы не отправились в море за жемчугом: Кино собирался в город продавать великую жемчужину, а значит, будет на что посмотреть.

За завтраком соседи Кино долго обсуждали, как бы поступили, если бы это им посчастливилось найти жемчужину. Один сказал, что поднес бы ее в дар его святейшеству Папе Римскому. Другой распорядился бы тысячу лет служить заупокойные мессы по всей своей семье. Третий раздал бы деньги беднякам Ла-Паса. А четвертый принялся подсчитывать, сколько добрых дел можно было бы совершить, сколько милостыни раздать, сколько пенсий назначить и людей спасти, будь только у него деньги. Все надеялись, что внезап-

ное обогащение не вскружит Кино голову, не сделает из него толстосума, не привьет ему ядовитые побеги жадности, ненависти и равнодушия, ведь Кино — человек замечательный и всеми любимый. Не дай Бог жемчужина его погубит!

— А его добродетельная жена Хуана? — говорили соседи. — А чудный малыш Койотито и другие детишки, которые скоро пойдут? Какая жалость, если жемчужина всех их погубит!

Кино с Хуаной сегодняшний день казался величайшим в жизни, сравнимым разве что с тем днем, когда родился Койотито. От него станут отсчитываться все остальные, и они будут говорить: «Это случилось за два года до того, как мы продали жемчужину» — или: «Это произошло через полтора месяца после продажи жемчужины». Хуана, все тщательно взвесив, махнула рукой на осторожность и нарядила Койотито в костюмчик, который берегла на крестины. Сама она надела свою свадебную юбку с рубашкой, а волосы расчесала, заплела в две косы и перевязала концы красными лентами. Солнце успело проделать четверть пути до полудня, пока они собирались. Белая поношенная одежда Кино была, по крайней мере, тщательно выстирана. В любом случае это последний день, когда он ходит в лохмотьях.

Завтра, а может быть, даже сегодня вечером у него появится новый костюм.

Соседи, следившие за дверью Кино сквозь плетеные стены собственных хижин, тоже собрались и готовились тронуться в путь. Они нисколько не скрывали, что хотят присоединиться к Кино с Хуаной. Это казалось им в порядке вещей, тем более в такой исторический момент. Только сумасшедший не пожелал бы при нем поприсутствовать. Не пойти было бы просто не по-дружески.

Хуана аккуратно накинула на голову шаль, пропустила одну половину под правым локтем, а конец взяла в руку, так что получился маленький гамачок. В него она усадила Койотито, чтобы он смог все увидеть, а может быть, даже запомнить. Кино нахлобучил широкополую соломенную шляпу и проверил рукой, правильно ли надета: не сдвинута на затылок и не заломлена набекрень, как у легкомысленного, безответственного, холостого юнца, но и не сидит точно на макушке, словно у старика, а слегка сдвинута на лоб, дабы показать, что владелец ее — мужчина зрелый, серьезный и решительный. Очень многое можно сказать о человеке по тому, как он носит шляпу. Кино сунул ноги в сандалии, натянул ремешки на пятки. Жемчужину он завернул в старый кусок

мягкой оленьей кожи и спрятал в маленький кожаный мешочек, а мешочек положил в карман рубашки. Одеяло свернул ровной узкой полоской и повязал через левое плечо. Пора было трогаться в путь.

Кино величественно шагнул за порог. Вслед за ним, неся в шали Койотито, появилась Хуана. Когда они вышли на ведущую в город дорогу, свежеомытую недавним приливом, за ними потянулись соседи. Дома изрыгали потоки взрослых и по одному выплевывали детей. Соседи чувствовали важность происходящего, поэтому только один человек пристроился идти рядом с Кино — его брат Хуан-Томас.

— Смотри, как бы тебя не обманули, — предостерег Хуан-Томас.

— Смотреть надо в оба, — согласился Кино.

— Мы даже не представляем, по каким ценам покупают жемчуг в других местах. Откуда нам знать, что с нами поступают честно? Мы ведь понятия не имеем, сколько получит за жемчужину перекупщик.

— Твоя правда, — отозвался Кино. — Но как тут узнаешь? Мы же не в другом месте — мы здесь.

По мере того как они приближались к городу, толпа у них за спиной разрасталась, а Хуан-Томас

продолжал говорить — просто от волнения.

— Еще до твоего рождения, Кино, старики придумали, как получать за жемчуг больше. Они решили найти посредника, который будет отвозить жемчуг в столицу, продавать и забирать только свою долю прибыли.

— Знаю, — кивнул головой Кино. — Хорошая мысль.

— И вот они нашли такого посредника, отдали ему весь жемчуг и отправили в путь. Больше о нем ничего не слышали. Выбрали другого человека, отправили в путь и тоже ничего о нем больше не слышали. Тогда старики отказались от этой затеи и вернулись к старому порядку.

— Знаю, — ответил Кино. — Слышал от отца. Хорошая затея, но неправедная — священник это ясно растолковал. Потеря жемчуга стала карой, ниспосланной на тех, кто не желал довольствоваться своей участью. Святой отец говорит, что каждый человек — солдат, поставленный Богом охранять некую часть вселенского замка. Одни стоят на крепостном валу, другие — в толще стен. И все должны оставаться на посту, а не бегать туда-сюда, иначе адские силы могут взять замок приступом.

— Я тоже слышал эту проповедь. Он читает ее

каждый год.

Братья слегка прищурили глаза, как прищуривали до них деды и прадеды — с тех самых пор, когда приплыли чужаки, вооруженные доводами, превосходством, а также порохом, чтобы подкрепить и то и другое. За четыре сотни лет народ Кино нашел только одно средство защиты — слегка прищурить глаза, слегка поджать губы и уйти в себя. Ничто не в силах было пробить эту стену, а за стеной они оставались целыми и невредимыми.

Процессия двигалась в торжественном молчании, чувствуя всю важность сегодняшнего дня, и если кто-нибудь из детей пытался затеять драку, поднять шум, закричать, сорвать с приятеля шляпу или взъерошить ему волосы, взрослые тут же принимались шикать. День этот был настолько важен, что какой-то старик, не пожелавший ничего пропустить, отправился в путь, восседая на могучих плечах племянника. Процессия оставила позади плетеные хижины и вошла в город из камня и штукатурки, где улицы были немного шире, а вдоль зданий тянулся узкий тротуар. Как и в прошлый раз, возле церкви к толпе присоединились нищие с паперти, лавочники глядели ей вслед, и даже владельцы пивнушек, растеряв

посетителей, закрывали свои заведения и тоже пристраивались в хвост. Солнце над городом палило так немилосердно, что каждый камень отбрасывал тень.

Весть о приближающейся процессии опережала ее ход, поэтому скупщики в маленьких конторах заранее напряглись и приготовились. Они разложили на столе бумаги — пускай Кино застанет их за работой — и спрятали жемчуг в ящик: нельзя, чтобы второсортную жемчужину увидели рядом с настоящим сокровищем, а слухи о красоте великой жемчужины уже дошли и до них. Конторы скупщиков теснились на одной узкой улочке. На окнах стояли решетки и висели деревянные жалюзи, так что внутри царил мягкий полумрак.

В одной такой конторе сидел полный медлительный человек с добродушным, отечески ласковым лицом и приветливо блестящими глазами, любитель громких приветствий и церемонных рукопожатий, весельчак, знающий уйму шуток, однако способный в любой момент перейти от веселья к печали: не успев отсмеяться, он мог внезапно вспомнить о кончине вашей тетушки, и тогда глаза его увлажнялись от сострадания. В то утро он поставил на стол

вазу с единственным цветком, ярко-красным гибискусом, и пододвинул ее поближе к обтянутому черным бархатом подносу для жемчуга. Подбородок у него был выбрит до синевы, руки тщательно вымыты, ногти отполированы. Дверь в контору стояла открытой навстречу утреннему солнцу, а сам хозяин что-то мурлыкал себе под нос, упражняясь в ловкости рук. Он катал монету по тыльной стороне пальцев, заставляя ее появляться и исчезать, сверкать и вертеться. Монета возникала и тут же пропадала из виду, хотя фокусник даже не смотрел на нее. Пальцы делали все сами, работая с механической точностью, а он тем временем мурлыкал себе под нос и то и дело поглядывал на дверь. Затем раздался мерный топот приближающейся толпы, и пальцы начали двигаться все быстрее и быстрее. Когда же на пороге появился Кино, монета вспыхнула и исчезла.

— Доброе утро, друг мой, — произнес толстый скупщик. — Чем могу быть полезен?

Кино уставился в сумрак конторы, щурясь после яркого солнечного света. Лицо скупщика расплылось в приветливой улыбке, но взгляд сделался неподвижным, холодным и немигающим, как у ястреба, а правая рука под столом продол-

жала упражняться в ловкости.

— Я принес жемчужину, — сказал Кино.

Хуан-Томас даже слегка фыркнул, так обыденно это прозвучало. Стоящие позади братьев соседи старательно тянули шеи, чтобы ничего не упустить. Мальчишки — целая ватага — забрались на окно и теперь глазели сквозь решетку, а самые маленькие встали на четвереньки и выглядывали из-за ног у Кино.

— Жемчужину, говорите? — переспросил скупщик. — Некоторые приносят их десятками. Что же, давайте поглядим. Мы ее оценим и предложим вам лучшую сумму.

А его пальцы тем временем продолжали остервенело перекатывать монету.

Инстинктивно Кино знал, как произвести впечатление: медленно вынул из кармана мешочек, медленно достал из него грязный кусок оленьей кожи и развернул сверток, так что жемчужина выкатилась прямо на черный бархат подноса. Кино быстро поднял глаза на скупщика, но тот не выдал себя ни жестом, ни взглядом. Выражение его лица не изменилось, и только спрятанная под столом рука дала осечку: монета наскочила на костяшку и неслышно упала ему на колени, а пальцы сжались в кулак. Затем правая рука

появилась из укрытия. Указательный палец дотронулся до жемчужины, покатал ее по черному бархату. Наконец скупщик взял жемчужину двумя пальцами, поднес к глазам и повертел.

Кино не дышал. Соседи тоже не дышали, а по толпе прокатился шепот:

— Осматривает жемчужину… Сумму еще не назвал… До цены пока не дошло…

Рука скупщика теперь действовала как бы сама по себе. Она бросила великую жемчужину на поднос и обидно ткнула в нее указательным пальцем, а на лице скупщика появилась печальная и презрительная улыбка.

— Мне очень жаль, друг мой.

Толстяк слегка приподнял плечи, как бы говоря, что его вины здесь нет.

— Это жемчужина огромной цены, — произнес Кино.

Пальцы скупщика отвесили жемчужине щелчок, так что она подпрыгнула и отскочила от края подноса.

— Слышали про золото дураков? — спросил он. — Ваша жемчужина той же породы. Она слишком большая. Кому такая нужна? Покупателя на нее не найти. Это всего лишь диковинка. Мне очень жаль. Вы думали, она стоит больших

денег, но на самом деле грош ей цена.

На лице Кино отразились недоумение и тревога.

— Это величайшая жемчужина в мире! — воскликнул он. — Еще никто в целом свете не находил такой!

— Просто несуразно большая жемчужина, — ответил скупщик. — Если она и представляет интерес, то только в качестве диковинки. Может, какой-нибудь музей и согласится приобрести ее для своей коллекции ракушек. Готов предложить вам, скажем, тысячу песо.

Лицо кино потемнело и сделалось грозным.

— Да она стоит пятидесяти тысяч! — процедил он. — И вы сами это знаете — просто пытаетесь обвести меня вокруг пальца.

Скупщик услышал, как по толпе прокатился негодующий ропот, и слегка поежился от страха.

— Я тут ни при чем, — поспешно выговорил он. — Я всего лишь оценщик. Спросите других. Сходите к ним с этой жемчужиной. А лучше пусть они сами придут сюда — тогда вы убедитесь, что мы не в сговоре. Бой! — крикнул он и, когда в заднюю дверь просунулась голова слуги, добавил: — Бой, отправляйся к такому-то, такому-то и такому-то и попроси заглянуть ко мне. Не го-

вори зачем. Просто скажи, что я буду очень рад их видеть.

Правая рука скупщика вновь спряталась под стол, достала из кармана новую монету и принялась перекатывать ее по пальцам.

Соседи зашептались. Они с самого начала предполагали нечто подобное. Жемчужина, конечно, большая, но цвет у нее какой-то странный. Она сразу показалась им подозрительной. И потом, тысяча песо на дороге не валяется. Для бедняка это тоже деньги. Может, стоит согласиться? Ведь еще вчера у Кино не было вообще ничего.

Кино весь подобрался и напружинился. Он чувствовал, что рядом крадется судьба, рыщут волки, реют стервятники — чувствовал, как вокруг сгущается зло, но был не в силах себя защитить. В ушах у Кино звучала музыка врага, а на черном бархате сверкала великая жемчужина, так что скупщик не мог оторвать от нее глаз.

Толпа в дверях заколебалась и раздалась, пропуская троих дельцов. Все притихли, боясь пропустить хоть слово, не заметить малейший жест или взгляд. Кино был безмолвен и настороженно. Кто-то легонько потянул его за рубашку. Он обернулся, встретился глазами с Хуаной, и это придало ему сил.

Скупщики не взглянули ни друг на друга, ни на жемчужину.

Хозяин конторы сказал:

— Я определил стоимость этой жемчужины, однако владелец не считает ее адекватной. Прошу вас произвести оценку данного… данного предмета и предложить свою сумму. Заметьте, — обратился он к Кино, — я не назвал, сколько предложил сам.

Первый скупщик, сухопарый и жилистый, казалось, увидел жемчужину только теперь. Он взял ее в руку, покатал между большим и указательным пальцем и презрительно бросил на поднос.

— Я в обсуждении не участвую и цену предлагать не собираюсь, — сухо произнес он, кривя тонкие губы. — Это не жемчужина, это какое-то страшилище. Она мне не нужна.

Второй скупщик, маленький человечек с робким тихим голоском, взял жемчужину и принялся внимательно ее разглядывать. Он достал из кармана увеличительное стекло, изучил под ним жемчужину и негромко рассмеялся.

— Искусственный жемчуг и то лучше. Знаю я такие жемчужины — мягкие и хрупкие, как мел. Через пару месяцев она потеряет цвет и раскрошится. Вот, сами посмотрите…

Он протянул Кино стекло и показал, как им пользоваться. Кино, который никогда прежде не видел поверхность жемчужины под увеличением, был потрясен, как странно она выглядит.

Третий скупщик взял у Кино жемчужину.

— Один мой клиент любит такие, — сказал он. — Готов предложить пятьсот песо. Если повезет, продам ее за шестьсот.

— Я глупец, знаю, — сказал сидящий за столом толстяк, — но мое предложение по-прежнему в силе. Предлагаю вам тысячу песо… Эй, что это вы делаете?..

Кино поспешно выхватил у третьего скупщика жемчужину, завернул ее в оленью кожу и бросил в карман.

— Мошенники! — яростно крикнул он. — Моя жемчужина больше не продается. Я отправлюсь с ней к другим покупателям — дойду, если надо, до самой столицы!

Скупщики быстро переглянулись. Они перегнули палку и знали, что их за это накажут.

— Пожалуй, готов предложить полторы тысячи, — поспешно сказал тот, что сидел за столом.

Кино уже пробирался сквозь толпу. Шум голосов доходил до него смутно, так стучала в ушах разгоряченная яростью кровь. Он протолкался

вперед и зашагал прочь, а за ним торопливо засеменила Хуана.

Вечером, за ужином из кукурузных лепешек и вареных бобов, соседи обсуждали главное событие этого утра. С виду жемчужина хороша, но кто его знает? Раньше они никогда таких не видели. Да и вообще, скупщикам, наверное, лучше знать.

— Заметьте, они даже не совещались между собой. Все четверо поняли, что жемчужина ничего не стоит.

— А если они заранее сговорились?

— Тогда, выходит, нас всю жизнь водили за нос.

Возможно, говорили одни, стоило согласиться на полторы тысячи. Это большие деньги — Кино в жизни столько не видел. Похоже, он просто упрямый дурак. А если Кино действительно отправится в столицу, но так и не найдет покупателя? Ему такого удара не перенести.

Теперь, говорили другие, самые боязливые из соседей, когда Кино унизил скупщиков, они вообще не пожелают иметь с ним дело. Он сам обрубил сук, на котором сидел.

Кино смелый человек, возражали третьи, решительный человек. И он прав. Возможно, его смелость еще принесет пользу всем нам. Эти

последние гордились Кино.

Кино сидел на циновке, погруженный в тяжелые раздумья. Он закопал жемчужину под камнем у очага и теперь не отрываясь смотрел на камышовую циновку, так что ее плетеный узор плясал у него перед глазами. Кино потерял один мир и не сумел покорить другой. А еще он боялся. Никогда в жизни Кино не бывал далеко от дома. Он боялся чужаков и чужих мест. Его приводила в ужас мысль о столице — воплощении всего чуждого. Путь к ней лежал по горам и по морю, тянулся целую тысячу миль, и каждая миля этого ужасного пути внушала страх. Но Кино уже потерял старый мир и теперь должен обрести новый. Его мечта о будущем реальна — разрушить ее невозможно. Он произнес: «Я пойду», и его слова тоже стали чем-то реальным. Решиться пойти и сказать об этом вслух — все равно что проделать полпути.

Хуана наблюдала за Кино, пока он закапывал жемчужину; наблюдала, пока умывала и кормила Койотито грудью, пока пекла кукурузные лепешки на ужин.

Вошел Хуан-Томас. Он присел на корточки рядом с братом и долго молчал, пока Кино не заговорил сам:

— Что еще мне оставалось? Они обманщики!

Хуан-Томас мрачно кивнул. Он был старше, поэтому Кино всегда обращался к нему за мудростью.

— Трудно сказать, — ответил Хуан-Томас. — Мы знаем, что нас обманывают с рождения до самой смерти. Даже за гроб наш дерут втридорога. Но мы как-то выживаем. Ты бросил вызов не скупщикам жемчуга, а всем порядкам, всему устройству жизни, и я за тебя боюсь.

— Чего мне бояться, кроме голодной смерти?

Хуан-Томас медленно покачал головой.

— Голодной смерти следует бояться каждому. Допустим, ты прав. Допустим, твоя жемчужина действительно стоит больших денег. Думаешь, на этом все закончится?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Кино.

— Сам не уверен, но мне за тебя страшно. Ты идешь по неизведанной земле, не зная дороги.

— Я все равно пойду, и скоро.

— Да, — согласился Хуан-Томас. — Идти надо. Хотя сомневаюсь, что в столице тебя ждет что-то другое. Здесь у тебя есть друзья, есть я, твой брат. Там не будет никого.

— Что еще мне остается?! — воскликнул Кино. — Против моей семьи замышляют недоброе.

Надежда моего сына на лучшую жизнь — вот на что они покусились. Но друзья меня защитят.

— Если это не причинит им неудобств и не подвергнет опасности. — Хуан-Томас поднялся, готовясь уйти. — С Богом.

— С Богом. — Кино даже не поднял глаз, таким непонятным холодом повеяло от этих слов.

Хуан-Томас ушел, а Кино еще долго сидел на циновке, погруженный в раздумья. Его окутало безразличие и какая-то серая безнадежность. Казалось, все пути перекрыты; в голове звучала только темная музыка врага. Чувства болезненно обострились, а ум вновь обрел глубокое соучастие со всем мирозданием — дар, полученный от предков. Слух Кино улавливал малейший звук близкой ночи: сонные жалобы устраивающихся на ночлег птиц, любовные стенания кошек, шелест волн по песчаному берегу, монотонный звон дали. Кино чувствовал резкую вонь обнажившихся при отливе бурых водорослей. В слабом свете огня узор плетеной циновки плясал перед его одурманенным взором.

Хуана с беспокойством смотрела на мужа. Она знала его и знала, что лучше всего просто молчать и быть рядом. Хуана словно тоже слышала музыку врага и боролась с ней, негромко напевая

песню семьи — песню о надежности, теплоте и важности семьи. Она держала на руках Койотито и пела ему, чтобы отогнать зло. Ее голос смело бросал вызов темной музыке врага.

Кино не двигался и не просил подать ужин. Хуана знала: муж сам попросит, когда придет время. Взгляд у него был затуманенный. Он чувствовал, что снаружи притаилось и караулит зло. Что-то темное рыскало вокруг хижины, терпеливо поджидая, когда он выйдет в ночь. Сумрачное и страшное, оно грозило, звало, бросало вызов. Кино сунул руку под рубашку и нащупал нож. С широко раскрытыми глазами он встал и подошел к двери.

Одной силой своей воли Хуана попробовала его остановить. Она предостерегающе подняла руку, а рот у нее приоткрылся от страха. С минуту Кино вглядывался в темноту и наконец шагнул за дверь. Снаружи долетел неясный шорох, шум возни и звук удара. На миг Хуана застыла от ужаса. Затем зубы у нее оскалились, точно у кошки. Она положила Койотито на пол, схватила у очага камень и выбежала наружу, но все уже кончилось: Кино лежал на земле, пытаясь подняться. Вокруг — никого. Только густились тени, шуршали волны и звенела даль. Однако зло было

повсюду: пряталось за плетнем, караулило в тени дома, кружило в воздухе.

Хуана выпустила камень из рук, помогла Кино подняться и отвела в хижину. Из-под волос у него сочилась кровь; на щеке, от уха до подбородка, тянулся глубокий кровавый порез. Кино шел как в полуобмороке. Голова у него моталась из стороны в сторону, рубашка была разодрана, одежда в беспорядке. Хуана усадила мужа на циновку и подолом собственной юбки отерла кровь с его лица. Она принесла кувшинчик с пульке, но, даже выпив спиртного, Кино по-прежнему тряс головой, чтобы разогнать сгустившуюся тьму.

— Кто? — спросила Хуана.

— Не знаю, — ответил он. — Не разглядел.

Хуана принесла глиняный горшок с водой и промыла порез у него на щеке, а он все сидел, оцепенело глядя прямо перед собой.

— Кино, муж мой! — воскликнула Хуана, но он продолжал смотреть куда-то сквозь нее. — Кино, ты меня слышишь?

— Я тебя слышу, — глухо ответил он.

— Кино, эта жемчужина — зло! Давай покончим с ней, пока она не покончила с нами. Раздробим камнем, выбросим в море, где ей самое место. Кино, она нас погубит, она нас погубит!

В глазах Кино вновь зажегся огонь, и они свирепо засверкали. Мускулы напряглись, воля окрепла.

— Нет, — отрезал он. — Я буду бороться. Я ее одолею. Мы свое получим.

Кино стукнул кулаком по циновке.

— Никто не отберет у нас нашу удачу!

Потом взгляд его смягчился, и он бережно дотронулся до плеча Хуаны.

— Верь мне, — сказал он. — Я мужчина.

Глаза его заговорщицки блеснули.

— Утром мы с тобой возьмем каноэ и отправимся в столицу — через море, через горы. Я не позволю, чтобы нас обманывали. Я мужчина.

— Кино, — хрипло проговорила Хуана. — Мне страшно. Даже мужчину можно убить. Прошу, давай выбросим жемчужину обратно в море.

— Молчи! — прикрикнул он. — Молчи. Я мужчина.

Хуана замолчала, потому что прозвучало это как приказ.

— Нужно немного поспать, — снова заговорил Кино. — Тронемся мы чуть свет. Ты ведь не боишься ехать со мной?

— Нет, муж мой.

Кино дотронулся до ее щеки. Взгляд его сделал-

ся теплым и ласковым.

— Нужно немного поспать, — повторил он.

V

Поздний месяц взошел прежде, чем прокричал первый петух. Кино почувствовал подле себя какое-то движение и поднял веки, но не пошевелился — только глаза его впились в темноту. В бледном свете месяца, что украдкой заглядывал сквозь плетеные стены, он увидел, как бесшумно встала с циновки Хуана. Она приблизилась к очагу и отодвинула камень — так осторожно, что Кино различил только едва уловимый шорох. Затем, словно тень, Хуана скользнула к двери, на миг застыла рядом с ящиком, где спал Койотито. Потом на фоне дверного проема мелькнул ее черный силуэт, и она исчезла.

Кино захлестнула ярость. Двигаясь так же бесшумно, как Хуана, он выскользнул из дома и услышал звук торопливых шагов, направляющихся в сторону моря. Кино тихо крался за ней по пятам. Мозг его был докрасна раскален от гнева. Хуана выбралась из зарослей кустарника и теперь спешила к воде, спотыкаясь о камни. Внезапно она услышала, что ее преследуют, и бросилась бежать. Хуана размахнулась, но тут Кино налетел на нее, схватил за руку и вырвал из

пальцев жемчужину. Кино ударил жену кулаком в лицо, а когда она упала, пнул в бок. В тусклом свете Кино видел, как набегают на тело Хуаны легкие волны, как ее юбка то надувается, то опадает и липнет к ногам.

Кино оскалил зубы и зашипел, как змея, а Хуана лишь смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых не было страха, — смотрела, точно овца на мясника. Хуана знала, что сейчас он способен на убийство. Она приняла это и не стала бы ни сопротивляться, ни даже роптать.

Внезапно ярость оставила Кино — ей на смену пришло брезгливое отвращение. Он отвернулся и зашагал прочь — вверх по берегу, через заросли кустарника. От гнева чувства его притупились.

Кино услышал шорох, выхватил нож и налетел на одну из темных фигур. Он почувствовал, как нож вонзился во что-то мягкое, а потом его бросили на колени и повалили на землю. Жадные пальцы принялись обыскивать Кино, лихорадочно обшаривать одежду, а выбитая из руки жемчужина закатилась за камень и лежала на тропе, слабо поблескивая в неярком лунном свете.

Хуана с усилием приподнялась с камней. Все лицо отзывалось тупой болью, бог саднило, мок-

рая юбка липла к ногам. Хуана немного постояла на коленях, приходя в себя. Злобы в ней не было. Кино сам сказал: «Я мужчина», а для нее это значило нечто определенное. Это значило, что Кино наполовину сумасшедший, наполовину бог; значило, что он готов помериться силой и с горой, и с морем. Своей женской душой Хуана понимала, что гора останется стоять, а мужчина разобьется; что море поднимется волнами, а он утонет. И все же именно это и делало его мужчиной, наполовину сумасшедшим, наполовину богом, а Хуане нужен был мужчина — по-другому она не могла. Хотя различия между мужчиной и женщиной приводили ее в недоумение, Хуана знала их, принимала, нуждалась в них. Разумеется, она последует за ним — ни о чем другом не могло быть и речи. Может, ее женскому естеству — благоразумию, осторожности, чувству самосохранения — удастся пробить мужественность Кино и спасти их всех. Превозмогая боль, Хуана с трудом поднялась на ноги, зачерпнула вонючей соленой воды и омыла покрытое синяками лицо, а затем начала осторожно подниматься по берегу вслед за Кино.

С юга набежали узкие длинные облака. Бледный месяц погружался в них и тут же снова

выныривал, так что Хуана шла то в темноте, то по свету. Спина у нее была сгорблена от боли, голова опущена. Пока она пробиралась меж кустов, месяц прятался за облаком. Когда же он выглянул снова, на тропе за камнем блеснула великая жемчужина. Хуана встала на колени и подняла ее, а месяц тем временем скрылся вновь. Стоя на коленях, Хуана размышляла, не вернуться ли к морю и не закончить ли начатое, но тут опять посветлело, и впереди на тропе она заметила два неподвижных тела. Хуана бросилась туда и увидела Кино и еще одного, незнакомого человека, из горла которого сочилась блестящая темная жидкость.

Кино слабо пошевелился. Его руки и ноги задергались, словно лапки раздавленного жука, изо рта вырвалось хриплое бормотание. В тот миг Хуана поняла, что к прошлому возврата больше нет. Поняла, когда увидела на тропе мертвеца и валяющийся рядом нож Кино с испачканным лезвием. Раньше Хуана пыталась спасти хоть какую-то часть того мирного существования, которое они вели, пока не нашли жемчужину. Однако то время миновало, и его было не вернуть. Поняв это, Хуана тут же оставила мысли о прошлом. Теперь им оставалось только одно

— спасать свою жизнь.

Боль и медлительность как рукой сняло. Хуана проворно оттащила покойника в кусты, затем вернулась к мужу и мокрой юбкой отерла ему лицо.

— Они забрали жемчужину, — простонал Кино. — Я ее потерял. Все кончено. Жемчужина пропала.

Хуана принялась утешать его, словно больного ребенка.

— Тише, — сказала она. — Вот твоя жемчужина. Я нашла ее на тропе. Слышишь? Вот она, твоя жемчужина. Ты убил человека, так что надо уходить. За нами пошлют погоню, понимаешь? Надо уходить, пока не рассвело.

— На меня напали, — напряженно ответил Кино. — Я защищался — иначе меня бы убили.

— Разве это кого-то волнует? Помнишь, что было вчера? Помнишь городских дельцов? Думаешь, твои объяснения чему-то помогут?

Кино глубоко вздохнул и попытался совладать с собой.

— Нет, — ответил он наконец. — Ты права.

Воля его окрепла: он снова был мужчиной.

— Сходи за Койотито, — велел Кино. — Захвати с собой всю кукурузу, которую найдешь. Я спущу

каноэ на воду, и мы тронемся в путь.

Кино подобрал нож и заковылял вниз по берегу — туда, где лежало его каноэ. Когда сквозь облака вновь прорезался свет, он увидел, что в днище зияет огромная дыра. Жгучая ярость охватила Кино, придала ему сил. Тьма обступала его семью со всех сторон. Мелодия зла заполнила собой ночь, повисла над мангровыми деревьями, завыла в шуме прибоя. Пробить дедову лодку, шпаклеванную и перешпаклеванную секретной замазкой! Немыслимое злодеяние, худшее, чем убийство человека. Ведь у лодки нет сыновей, она не может обороняться, а раны в ней не заживают. Хотя к ярости Кино примешивалась скорбь, это последнее несчастье сделало его несгибаемым. Он превратился в животное, способное только прятаться и нападать. У него осталась одна цель — выжить и защитить семью. Не чувствуя боли от удара по голове, Кино скачками поднялся по берегу и сквозь заросли кустарника бросился к дому. Ему даже не пришло на ум взять чужую лодку. Это было так же немыслимо, как пробить в ней дыру.

Уже вовсю кричали петухи: скоро рассвет. Сквозь плетеные стены хижин кое-где струился дымок, и пахло кукурузными лепешками. В ку-

стах возились утренние птицы. Ущербная луна быстро меркла, облака сгустились и отступили на юг. Подул свежий ветер, нервный и порывистый; от его дыхания пахло бурей. В воздухе веяло тревогой и переменами.

Кино ощутил прилив радостного возбуждения. Замешательство прошло: теперь ему оставалось только одно. Рука дотронулась сначала до жемчужины в кармане, затем до спрятанного под рубашкой ножа.

Кино увидел впереди тусклое зарево, и тут же, осветив тропу, в темноте вспыхнуло и заревело пламя. Кино сорвался на бег. Он знал, что горит его дом, и знал, как быстро сгорают плетеные хижины. Навстречу ему метнулась чья-то тень — Хуана. Одной рукой она прижимала к себе всхлипывающего от страха Койотито, другой — одеяло Кино. Глаза у нее были расширенные и напуганные. Кино видел, что хижину уже не спасти. Он не стал ни о чем спрашивать, Хуана заговорила сама:

— В хижине все перевернули вверх дном: перекопали пол, даже ящик Койотито переворошили. Когда я подоспела, они как раз поджигали снаружи стену.

Резкий свет пожара ярко озарял лицо Кино.

— Кто? — отрывисто спросил он.

— Не знаю, — ответила Хуана. — Темные люди.

Соседи выскакивали из хижин и затаптывали падающие искры, чтобы спасти собственное жилье. Внезапно Кино стало страшно: вокруг было слишком светло. Ему вспомнился мертвец, лежащий в кустах у тропы. Кино взял Хуану за локоть и потянул в тень ближайшей хижины, подальше от света, потому что свет значил теперь опасность. Кино подумал немного, а затем, стараясь держаться в тени, пробрался к дому Хуана-Томаса, проскользнул в дверь и затащил вслед за собой Хуану. Снаружи визжали ребятишки и кричали соседи: друзья боялись, что Кино с семьей остался в горящем доме.

Дом Хуана-Томаса мало чем отличался от жилища Кино. Большинство плетеных хижин выглядело одинаково. Все они пропускали воздух и свет, так что Кино с Хуаной видели сквозь стену, как бушевало неистовое пламя, как провалилась крыша, и как быстро, словно огонь в очаге, угас пожар. Они слышали крики друзей и пронзительные причитания Аполонии, жены Хуана-Томаса, которая на правах ближайшей родственницы подняла поминальный плач по умершим.

Внезапно Аполония спохватилась, что шаль на

ней не самая подходящая к случаю, и побежала домой за новой и нарядной. Едва она принялась рыться в ящике у стены, как услышала тихий голос Кино:

— Аполония, не голоси: мы живы.

— Откуда вы взялись? — изумилась она.

— Не время расспрашивать, — перебил Кино. — Разыщи Хуана-Томаса и приведи его сюда. И никому ни слова! Это важно, Аполония.

Аполония застыла, беспомощно держа перед собой руки, но наконец ответила:

— Хорошо, деверь.

Вскоре она вернулась вместе с мужем. Хуан-Томас зажег свечу и подошел туда, где скрючившись сидели Кино с Хуаной.

— Аполония, встань в дверях и никого не впускай, — распорядился Хуан-Томас. Он был старше Кино, а потому взял на себя роль главного. — Итак, брат…

— В темноте на меня напали, — начал Кино. — В драке я убил человека.

— Кого? — быстро спросил Хуан-Томас.

— Не знаю. Кругом одна темнота — темнота и темные тени.

— Это все жемчужина. В ней сидит дьявол. Нужно было продать ее и передать дьявола кому-то

другому. Может, ты еще сумеешь продать свою жемчужину и тем купишь себе покой.

— О брат, мне нанесли оскорбление, которое глубже моей жизни. Мое каноэ разбито, дом сожжен, а в зарослях лежит мертвец. Все пути к бегству отрезаны. Ты должен спрятать нас, брат мой.

Кино заметил, что в глазах Хуана-Томаса мелькнуло беспокойство, но не дал ему времени отказать.

— Ненадолго, — торопливо добавил он. — Только пока не пройдет день и не наступит новая ночь. А тогда мы уйдем.

— Я вас спрячу, — ответил Хуан-Томас.

— Не хочу подвергать твою семью опасности, — сказал Кино. — Знаю, я теперь вроде проказы. Ночью мы уйдем, и тогда ничто не будет вам угрожать.

— Я вас приючу. Аполония, занавесь чем-нибудь дверь. И смотри, никому ни слова, что Кино у нас!

Весь день Кино с Хуаной молча сидели в темной хижине и наблюдали, как соседи разгребают золу в поисках костей. Сквозь плетеные стены им было слышно, что о них судачат. Новость о пробитой лодке потрясла всех. Чтобы рассеять

подозрения, Хуан-Томас расхаживал между соседями и строил всевозможные догадки, что могло случиться с Кино, Хуаной и малышом Койотито.

— Наверное, отправились вдоль берега на юг, чтобы спастись от того зла, которое их преследовало, — говорил он одному.

— Кино никогда не оставил бы море, — заявлял другому. — Может, нашел новую лодку?

— Аполония просто сама не своя от горя, — жаловался третьему.

В тот день поднялся ветер. Он хлестал по воде залива, с корнем выдирал водоросли и растущие вдоль берега травы, стенал в крышах плетеных хижин. Каждой вышедшей в море лодке грозила беда.

— Кино погиб, — во всеуслышание объявил Хуан-Томас. — Если он вышел в море, то уж конечно утонул.

Заглядывая к соседям, Хуан-Томас как бы между делом брал у них что-нибудь взаймы и всякий раз возвращался с чем-то новым. Он принес маленький плетеный мешочек с красной фасолью и сосуд из выдолбленной тыквы, до краев наполненный рисом, чашку сушеных перцев и кусок соли, а главное, тяжелый, словно топор, нож в локоть длиной, который мог служить как рабо-

чим инструментом, так и оружием. Когда Кино увидел нож, глаза у него загорелись. Он ласково погладил лезвие и проверил большим пальцем, хорошо ли заточено.

Над заливом стенал ветер. Вода стала белой от пены, мангровые деревья метались из стороны в сторону, точно перепуганные овцы. От земли поднялась мелкая пыль и повисла над морем удушающим облаком. Ветер разогнал тучи, расчистил небо и мел по берегу песок, точно снег.

Когда наступил вечер, Хуан-Томас завел с братом долгий разговор.

— Куда вы отправитесь?

— На север, — ответил Кино. — Говорят, на севере есть города.

— Держитесь подальше от моря. В городе собирают отряд, чтобы обшарить побережье. Вас будут искать. Жемчужина еще у тебя?

— У меня, и я никому ее не отдам. Быть может, раньше я мог бы подарить эту жемчужину, но теперь она стала моим проклятием и моей жизнью. Я никому ее не отдам.

Взгляд у Кино был холодный, жестокий и озлобленный.

Захныкал Койотито, и Хуана принялась бормотать короткие заговоры, чтобы он замолчал.

— Добрый поднялся ветер, — заметил Хуан-Томас. — Все следы заметет.

Уйти решили по темноте, пока не взошла луна. Вся семья торжественно встала посреди хижины для последнего прощания. Койотито висел в шали за спиной у Хуаны и спал, прижавшись щекой к ее плечу. Концом той же шали Хуана прикрывала нос от тлетворного ночного воздуха. Хуан-Томас крепко обнял брата и расцеловал в обе щеки.

— С Богом, — произнес он — произнес так, словно прощался с умирающим. — Точно не откажешься от жемчужины?

— Она стала моей душой, — ответил Кино. — Если отдам ее, потеряю душу. С Богом.

VI

Ветер дул с неистовой силой, швыряя ветками, песком и мелкими камушками. Кино с Хуаной плотнее запахнули одежду, прикрыли носы и ступили за порог. Ветер разогнал облака, и на черном небе холодно сияли звезды. Путники шли осторожно, не углубляясь в город, где их мог заметить какой-нибудь задремавший на крыльце пьянчужка. Ночью все люди запирались в домах, и любой, кто бродил в темноте, вызывал подозрения. Обогнув город по краю, Кино по звездам повернул на север и вышел на разбитую колесами песчаную дорогу, ведущую в Лорето, где по сей день стоит обитель Чудотворной Девы[4].

Вокруг лодыжек вился песок. Кино был этому рад: значит, следов не останется. Тусклый звездный свет освещал ему путь. Позади раздавались торопливые шаги Хуаны. Он шел бесшумно и быстро, и ей приходилось почти бежать, чтобы не отставать.

Что-то первобытное зашевелилось внутри у

[4] Примечания: 4

Имеется в виду Миссия Богородицы Лорето Кончо, первая постоянная миссия в Южной Нижней Калифорнии.

Кино. Несмотря на страх перед темнотой и населяющими ее демонами, душу охватило радостное возбуждение. В нем проснулось нечто животное, отчего он сделался осторожным, внимательным и опасным; нечто древнее из прошлого его народа. Ветер дул в спину, звезды указывали путь. Ветер стенал и шуршал в зарослях, а семья все шла и шла, час за часом, без остановок. Они не видели никого, и никто не попадался им на пути. Наконец по правую руку взошел ущербный месяц, ветер улегся, и все стихло.

Теперь стала хорошо видна лежащая впереди дорога — узкая, прорезанная глубокими, засыпанными песком колеями. Ветер стих, а значит, на дороге будут оставаться следы. Однако они уже достаточно далеко от города: возможно, следов не заметят. Кино осторожно ступал по колее, Хуана семенила за ним по пятам. Стоит одной большой телеге проехать с утра в город, и проследить их путь будет невозможно.

Они шли всю ночь, не сбавляя шаг. Когда проснулся Койотито, Хуана переложила его поближе к груди и утешала, пока он опять не заснул. Вокруг раздавались зловещие звуки ночи: в зарослях рыдали и хохотали койоты, над головой кричали и шипели совы. Один раз Кино с Хуаной

слышали, как сквозь кусты продирается какой-то крупный зверь. Кино стиснул рукоять большого ножа, и ему стало спокойнее.

В голове у Кино победоносно гремела музыка жемчужины. Фоном к ней звучала тихая мелодия семьи, и обе они сплетались с чуть слышным топотом обутых в сандалии ног. Они шли всю ночь, а едва начало светать, Кино стал подыскивать укрытие, в котором можно было бы отсидеться днем. Вскоре нашлось подходящее место — небольшая прогалина, старая оленья лежка, надежно скрытая плотно растущими сухими деревцами. Когда Хуана опустилась на землю и принялась кормить грудью малыша, Кино вернулся к дороге, обломил ветку и тщательно замел следы в том месте, где они свернули на обочину. В предрассветной тишине послышался скрип колес. Притаившись в кустах, Кино наблюдал, как мимо проехала тяжелая двухколесная повозка, запряженная медлительными волами. Когда повозка скрылась из виду, Кино заглянул в колею: отпечатков ног как не бывало. Он снова замел свои следы и возвратился к Хуане.

Хуана дала ему мягких кукурузных лепешек, которые собрала им в дорогу Аполония. Вскоре она ненадолго заснула, а Кино сидел, упершись

глазами в землю, и наблюдал за маленькой колонной муравьев. Он слегка передвинул ногу, так что она оказалась на пути у колонны, и муравьям пришлось карабкаться прямо по ней. Кино не убрал ногу и просто смотрел, как они перелезают через его стопу и продолжают свой путь.

Встало жаркое солнце. Здесь, вдали от залива, воздух был сухой и горячий. Кусты и низкорослые деревца потрескивали от зноя, и от них исходил приятный смолистый аромат. Когда Хуана проснулась, солнце стояло уже высоко, и Кино принялся рассказывать ей о том, что она и так уже знала.

— Берегись вон того дерева, — говорил он. — Если дотронешься до него, а потом потрешь глаза, то ослепнешь. Берегись также кровоточивого дерева. Вот оно, видишь? Если надломить ветку, из нее потечет алая кровь, а это к несчастью.

Хуана кивала и слегка улыбалась — все это она уже слышала.

— За нами будет погоня? — спросила она. — Думаешь, нас попытаются найти?

— Конечно, попытаются, — ответил Кино. — Нашедший нас получит жемчужину. О, еще как попытаются!

— А может, городские дельцы правы и жемчу-

жина действительно ничего не стоит? Может, все это просто мираж?

Кино достал жемчужину и смотрел, как играет на ней солнце, пока не зарябило в глазах.

— Нет, — ответил он наконец. — Они бы не пытались ее украсть, если бы она ничего не стоила.

— Ты знаешь, кто на тебя напал? Скупщики?

— Не знаю — не разглядел.

Кино заглянул в жемчужину, пытаясь вновь обрести свой провидческий дар.

— Когда мы наконец ее продадим, у меня появится ружье.

Он попытался отыскать в глубине жемчужины свое будущее ружье, но увидел только обмякшее темное тело, из горла которого сочилась кровь.

— Мы поженимся в большой церкви, — поспешно добавил Кино, но вместо этого ему представилась избитая Хуана, крадущаяся домой сквозь тьму.

— Наш сын должен научиться читать, — отчаянно выговорил он, и в жемчужине возникло лицо Койотито, опухшее и горячечное после докторского лекарства.

Тогда Кино опять сунул жемчужину под одежду. Ее музыка звучала теперь угрожающе и переплеталась с мелодией зла.

От солнечного зноя земля накалилась, и Кино с Хуаной перебрались в жидкую тень под деревьями, где сновали туда-сюда маленькие серые пташки. Кино разморило. Он прикрыл шляпой глаза, обернул голову одеялом, чтобы не досаждали мухи, и заснул.

Хуана не спала. Она застыла, точно каменная, с застылым каменным лицом. Губы у нее были все еще опухшие, вокруг пореза на подбородке вились жирные мухи, но она сидела неподвижно, как часовой на посту. Когда проснулся Койотито, Хуана положила его на землю и стала смотреть, как он сучит ручками и ножками. Малыш улыбался и агукал, пока она не улыбнулась в ответ. Хуана подобрала с земли палочку и пощекотала его, а потом напоила водой из тыквенной бутылки, которую несла с собой в узелке.

Кино заворочался во сне, гортанно вскрикнул, задергал рукой в воображаемой схватке. Потом застонал и внезапно сел. Глаза у него были широко распахнуты, ноздри раздувались. Он прислушался, но услышал только потрескивание зноя да тихий звон дали.

— Что случилось? — спросила Хуана.

— Тише, — ответил он.

— Просто дурной сон.

— Возможно.

Однако Кино не находил себе места. Когда Хуана дала ему кукурузную лепешку, он то и дело переставал жевать и прислушивался. Кино нервничал, постоянно оглядывался через плечо, хватался за нож и проводил пальцем по острию. Едва Койотито начал агукать, Кино сказал:

— Пусть замолчит.

— Что такое? — спросила Хуана.

— Не знаю.

Кино снова прислушался. Глаза его горели животным огнем. Он молча встал и, низко пригибаясь к земле, начал осторожно пробираться к дороге. Однако на дорогу не вышел, а притаился за колючим деревцем и поглядел в ту сторону, откуда они пришли.

И тут Кино заметил их. Он застыл на месте, пригнул голову и выглянул из-под упавшей ветки. Вдали виднелись три человеческие фигуры — две пешие и одна конная. Кино понял, кто это, и по спине у него пробежал холодок. Даже с такого расстояния он видел, что двое пеших движутся медленно, низко склонившись над землей. То и дело один останавливался и что-то внимательно разглядывал, и к нему тут же присоединялся другой. Следопыты. Чуткие, как собаки, они могут

выследить даже толсторогого барана в голых каменных горах. Если Кино с Хуаной ступили где-то мимо колеи, эти охотники из внутренних земель полуострова непременно заметят, прочтут по сломанной травинке или кучке пыли. Позади них ехал темнокожий всадник. Лицо у него было закрыто одеялом, поперек седла лежало поблескивающее на солнце ружье.

Кино лежал, прямой и неподвижный, как скрывающая его ветка, и почти не дышал. Он отыскал глазами то место, где заметал следы. Даже разровненный песок мог привлечь внимание следопытов. Кино хорошо знал этих ищеек из внутренних земель. Они жили охотой в краю, где почти не было дичи. И сейчас они охотились на него. Словно звери, следопыты обыскивали каждую пядь земли, замечали какой-нибудь знак и склонялись над ним, а всадник тем временем терпеливо ждал.

Следопыты тихонько поскуливали, точно собаки, напавшие на теплый след. Кино медленно взял в руку нож и приготовился. Он знал, что делать. Если обнаружат то место, где он заметал следы, нужно броситься на всадника, убить его и завладеть ружьем. Это единственный шанс. Когда все трое приблизились, Кино зарылся носками

в песок, чтобы не оскользнуться и прыгнуть без предупреждения. Из-под упавшей ветки не было видно почти ничего.

У себя в укрытии Хуана услышала цокот лошадиных подков. Загулил Койотито. Она поспешно сунула ребенка под шаль, дала ему грудь, и он затих.

Враги подошли вплотную. Теперь из-под ветки можно было различить только человеческие и лошадиные ноги. Кино видел смуглые, заскорузлые стопы и драную белую одежду пеших охотников, слышал скрип седла и позвякивание шпор. Там, где он разравнивал песок, следопыты замерли и стали внимательно что-то разглядывать. Всадник тоже остановился. Лошадь запрокинула голову, закусив удила. Во рту у нее щелкнуло колесико грызла, и она фыркнула. Следопыты обернулись и внимательно посмотрели ей на уши.

Кино не дышал. Спина у него была слегка изогнута от напряжения, мускулы на руках и ногах вздулись буграми, на верхней губе выступил пот. Несколько долгих мгновений следопыты стояли неподвижно, а затем двинулись дальше. Всадник тронулся вслед за ними. Следопыты трусцой бежали по дороге, останавливались, что-то осматривали и спешили вперед. Кино

знал: они вернутся. Так и будут рыскать, ходить кругами, вынюхивать и выглядывать, пока рано или поздно не обнаружат его заметенный след.

Кино отполз назад, даже не попытавшись замаскировать свой путь. Бесполезно: слишком много оставалось мелких примет, сломанных веток, отпечатков, смещенных камней. Кино охватил панический страх — страх преследуемого животного. Их непременно найдут. Оставалось одно — бежать. Кино осторожно отошел от дороги и бесшумно вернулся туда, где ждала Хуана. Она вопросительно посмотрела на него.

— Следопыты, — произнес он. — Идем!

Внезапно на Кино навалилось чувство беспомощности и безнадежности. Лицо его потемнело, глаза потухли.

— Быть может, мне лучше сдаться.

Хуана вскочила на ноги и положила руку ему на плечо.

— У тебя жемчужина! — хрипло воскликнула она. — Думаешь, тебя оставят в живых, чтобы ты мог обличить их в воровстве?

Рука Кино вяло потянулась к спрятанной под одеждой жемчужине.

— Они ее найдут, — слабо произнес он.

— Идем, — сказала Хуана. — Идем!

А когда он не ответил, добавила:

— Думаешь, они оставят в живых меня? Или малыша?

Ее слова достигли цели. Зубы у Кино оскалились, глаза сверкнули.

— Пошли, — сказал он. — Уйдем в горы. Может, нам удастся сбить их со следа.

Кино поспешно собрал мешочки и тыквенные бутылки — весь их нехитрый скарб. В левой руке он держал узелок, в правой свободно раскачивался нож. Кино раздвинул перед Хуаной ветки, и они скорым шагом двинулись на запад, к высоким гранитным горам. Это было паническое бегство. Кино даже не пытался замаскировать путь, которым они шли: распинывал камни, сбивал с низкорослых деревьев предательские листья. Высоко стоящее солнце палило так, что даже листва протестующе потрескивала. А впереди возвышались бесплодные каменные горы. Они вырастали из щебнистого предгорья и монолитной стеной вырисовывались на фоне неба. Кино бежал туда, где повыше, как делают почти все животные, когда уходят от погони.

В этой пустынной местности росли только способные запасать воду кактусы да неприхотливый кустарник, запускающий свои длинные корни

глубоко в землю, чтобы добыть немного влаги. Под ногами была не почва, а каменные обломки — небольшие кубы и огромные плиты, неокатанные водой. Среди камней печальными сухими пучками торчала трава, которая всходила после случайного дождя, отцветала, роняла в землю семена и умирала. Рогатые ящерицы наблюдали за Кино с Хуаной, поворачивая им вслед свои маленькие драконьи головки. То и дело, потревоженный путниками, выскакивал из укрытия и прятался за ближайшим валуном большой длинноухий заяц. Над пустыней висел звенящий зной, а гранитные горы впереди сулили прохладу.

Кино бежал, как от погони. Он знал, что его ждет. Пройдя еще немного по дороге, охотники поймут, что сбились со следа. Тогда они вернутся назад и будут осматривать и обдумывать каждый знак, пока не отыщут то место, где отдыхали Кино с Хуаной. Остальное уже легко: мелкие камушки, сбитые листья и сломанные ветки, отпечаток оступившейся ноги… Кино так и видел, как они бегут по следу, поскуливая от возбуждения, а позади них, темнолицый и почти равнодушный, едет всадник с ружьем. До него дело дойдет в последнюю очередь: обратно он не возьмет с собой никого. О, как же громко раздавалась в голове

у Кино мелодия зла! Она звучала в унисон со скрипом зноя и сухим потрескиванием змеиных трещоток. Теперь мелодия была не широкой и подавляющей, а тайной и ядовитой, и тяжелый стук его сердца задавал ей ритм.

Путь начал полого подниматься в гору, а камни постепенно становились крупнее. Кино немного оторвался от погони и перед восхождением решил сделать привал. Он взобрался на огромный валун и оглядел окутанную мерцающим маревом пустыню, однако не увидел своих преследователей — даже голова всадника нигде не возвышалась над зарослями. Хуана присела в тени валуна. Она поднесла бутылку к губам Койотито, и он принялся жадно пить, ловя воду пересохшим язычком. Когда Кино вернулся, Хуана подняла на него взгляд. Она заметила, что он рассматривает ее лодыжки, исцарапанные о камни и ветки, и поспешно прикрыла их юбкой. На усталом лице Хуаны ярко блестели глаза. Она протянула Кино бутылку с водой, но он только покачал головой и облизал потрескавшиеся губы.

— Хуана, — сказал Кино, — ты спрячься, а я пойду дальше. Попробую увести их в горы. Когда они пройдут, отправляйся на север, в Лорето или в Санта-Розалию. Если сумею спастись, я вас

разыщу. Это единственный верный путь.

Хуана посмотрела прямо ему в глаза.

— Нет, — ответила она, — мы пойдем с тобой.

— Один я хожу быстрее, — резко возразил Кино. — К тому же со мной Койотито в большей опасности.

— Нет, — повторила Хуана.

— Ты должна остаться. Это разумно. Таково мое желание.

— Нет.

Кино заглянул ей в лицо, но не увидел ни слабости, ни страха, ни сомнения. Глаза Хуаны ярко блестели. Кино беспомощно пожал плечами, но ее решимость придала ему сил. Когда они снова тронулись в путь, это уже не было паническое бегство.

По мере приближения к горам пейзаж быстро менялся. Теперь они шли по длинным гранитным обнажениям, между которыми зияли глубокие трещины. Где мог, Кино ступал по голому, не сохраняющему следов камню и перепрыгивал с уступа на уступ. Он знал: всякий раз, как охотники сбиваются со следа, они вынуждены ходить кругами и зря терять время. Поэтому теперь он шел к горам не напрямик, а петлял, порой возвращался к югу, оставлял какую-нибудь метку и

продолжал путь по голому камню. Склон круто поднимался вверх, и Кино тяжело дышал на ходу.

Когда солнце начало клониться к голым зубьям каменных гор, Кино направился к темной расселине в стене гор. Кино знал: если где-то есть вода, то именно там: даже отсюда он различал какую-то слабую растительность. И если где-то можно найти проход в этой монолитной каменной стене, то искать его нужно там же. Здесь таилась своя опасность: следопыты тоже подумают о расселине в первую очередь, — однако опустевшая бутылка из-под воды решила дело. Солнце уже садилось, когда Кино с Хуаной начали устало взбираться по крутому склону.

Высоко в серых каменных горах, под хмурой вершиной, из трещины в скале струился ручей. Летом его питал лежащий в тени снег. Бывало, ручей пересыхал совсем, и тогда на дне обнажались голые камни и сухие водоросли. Обычно же он весело журчал, холодный, прозрачный и чистый. В пору шумливых дождей ручей иногда превращался в бурный поток, и тогда в расселину обрушивался пенный водопад, но чаще это была просто узкая струйка воды. Вода образовывала озерцо, падала с высоты сотни футов и образо-

вывала следующее, а когда оно переполнялось, падала вновь. Так ручей и спускался, словно по ступеням, пока не достигал каменистого предгорья и не исчезал совсем. К тому времени от него почти ничего не оставалось: всякий раз, как он перетекал с уступа на уступ, его жадно вбирал засушливый воздух, а вода из озерец выплескивалась на сухую растительность. Со всей округи к ручью сходились животные: горные бараны и олени, пумы и еноты, мыши — все приходили сюда на водопой. По вечерам к маленьким озерам, похожим на выдолбленные в расселине ступени, слетались птицы, проводившие день в зарослях на предгорье. Там, где скапливалось достаточно земли, чтобы уцепиться корнями, зеленела разнообразная растительность: дикий виноград и миниатюрные пальмы, венерин волос, гибискус и высокая пампасная трава с остроконечными листьями и собранными в метелки цветами. В самих озерцах обитали лягушки и водомерки, а по дну ползали водяные черви. Все, что любило воду, стремилось сюда. Дикие кошки подкарауливали здесь добычу, разбрасывали по берегу перья и лакали воду сквозь окровавленные зубы. Вода делала озерца местом жизни — и местом смерти.

Нижний уступ, где ручеек разливался озерцом,

прежде чем упасть вниз и затеряться среди каменистой пустыни, представлял собой небольшую гранитную площадку, покрытую песком. Сверху сочилась лишь тонкая струйка воды, однако ее хватало, чтобы наполнить озерцо до краев. Под обрывом зеленели папоротники, по каменной стене карабкался дикий виноград, и самые разные травы и кустики находили здесь приют. После половодья вокруг водоема образовался маленький песчаный пляж, и в сыром песке рос ярко-зеленый водяной кресс. Берег был изборожден следами животных, которые приходили сюда напиться воды и поохотиться.

Солнце уже перевалило за горы, когда обессиленные Кино с Хуаной вскарабкались по крутому склону и добрались до маленького водоема. Отсюда была видна вся иссушенная солнцем пустыня вплоть до синеющего вдали залива. Хуана тяжело опустилась на колени. Первым делом она умыла малышу лицо, а затем наполнила бутылку и дала ему напиться. Койотито устал и капризничал. Он тихо всхлипывал, пока Хуана не дала ему грудь, а тогда довольно загулил и зачмокал. Кино пил долго и жадно. Он растянулся на берегу, расслабил все мускулы и лежал, наблюдая, как Хуана кормит ребенка. Через минуту Кино встал,

подошел к краю уступа, где вода переливалась вниз, и пристально вгляделся вдаль. Его внимание привлекла какая-то точка. Кино напрягся: у подножия склона он увидел двоих следопытов. Они казались едва ли больше двух копошащихся на земле муравьев, позади которых полз третий, более крупный.

Хуана оглянулась на мужа и увидела, как напряглась его спина.

— Далеко? — тихо спросила она.

— Будут здесь к вечеру, — ответил Кино и посмотрел на длинную, круто уходящую вверх расселину, по которой сбегала вода.

— Нужно уходить на запад, — добавил он и окинул взглядом гладкую каменную стену в стороне от расселины. Футах в тридцати над головой Кино заметил несколько маленьких, выдолбленных ветром пещерок. Он сбросил сандалии и полез наверх, цепляясь пальцами ног за голый камень. Пещерки оказались неглубокие, всего несколько футов в длину, зато слегка уходили вниз. Кино заполз в самую просторную и понял, что снаружи его не видно. Он быстро спустился к Хуане и сказал:

— Нужно подняться наверх. Быть может, там они нас не найдут.

Хуана беспрекословно наполнила бутылку, и Кино помог ей залезть в пещеру. Затем он поднял свертки с едой и передал Хуане. Она сидела у входа и наблюдала за ним. Кино не стал стирать следы на песке, а вскарабкался на обрыв рядом с озерцом, цепляясь за дикий виноград и папоротники. Поднявшись на следующий уступ, он спустился назад и внимательно осмотрел гладкую каменную стену, в которой была выдолблена пещера: не осталось ли следов. Наконец Кино тоже залез наверх и устроился рядом с Хуаной.

— Когда они поднимутся выше, мы снова спустимся на равнину. Боюсь только, как бы малыш не заплакал. Смотри, чтобы он не плакал.

— Малыш не заплачет, — пообещала Хуана. Она заглянула в глаза Койотито, и он серьезно посмотрел на нее в ответ. — Он понимает.

Кино лежал у входа в пещеру, положив подбородок на скрещенные руки, и наблюдал, как синяя тень горы постепенно вытягивалась, пока не доползла до залива и не накрыла собой всю пустыню.

Враги не появлялись еще долго: видимо, не могли распутать след. До озерца они добрались только в сумерках. Все трое шли теперь пешком, так как лошадь не смогла бы подняться по

крутому склону. Сверху они казались тремя тоненькими тенями в вечерней мгле. Следопыты обшарили песчаный берег и, прежде чем напиться, внимательно изучили нарочно оставленный Кино след. Человек с ружьем сел на землю, а следопыты опустились на корточки подле него. В полутьме огоньки их сигарет то вспыхивали, то гасли. Затем Кино увидел, что они ужинают, и услышал неясный гул голосов.

Настала ночь, черная и непроницаемая в этом узком горном ущелье. Пришедшие на водопой животные принюхались, почуяли людей и отступили обратно в темноту.

За спиной у Кино раздался шепот:

— Койотито…

Хуана уговаривала сына не шуметь. Малыш всхлипнул, но как-то приглушенно, и Кино понял, что Хуана накрыла ему голову шалью.

Внизу зажглась спичка, и в ее мимолетном свете Кино заметил, что двое преследователей спят, свернувшись по-собачьи, а третий на часах. Огонек тут же погас, но перед глазами осталась картинка. Кино отчетливо видел всех троих: двое спят, третий сидит на корточках, и между колен у него ружье.

Кино бесшумно отполз в глубь пещеры. В тем-

ноте глаза Хуаны светились, отражая низкую звезду. Он осторожно придвинулся к ней вплотную и приблизил губы к самому ее уху.

— Я нашел выход, — прошептал он.

— Они же тебя убьют!

— Если первым доберусь до человека с ружьем, — главное, добраться до него первым, — все будет хорошо. Остальные двое спят.

Хуана высвободила руку из-под шали и стиснула его запястье.

— Они увидят твою одежду в звездном свете.

— Не увидят. Но уйти я должен до восхода луны.

Он попытался найти для нее ласковое слово, однако на ум ничего не пришло.

— Если меня убьют, отсидись в пещере, а когда они уйдут, отправляйся в Лорето.

Ее рука у него на запястье слегка задрожала.

— Выбора нет, — сказал Кино. — Это единственный выход. Утром они все равно нас обнаружат.

— Ступай с Богом, — прошептала Хуана, и голос ее чуть дрогнул.

В темноте Кино были видны только ее большие глаза. Он на ощупь отыскал Койотито, положил руку ему на голову, затем дотронулся до щеки Хуаны, и у нее перехватило дыхание.

Хуана видела, как на пороге пещеры Кино снимает свою белую одежду, грязную и рваную, но все же слишком заметную в ночной темноте. Смуглая кожа была ему куда лучшей защитой. Затем он привязал роговую рукоятку ножа к шнурку с амулетом, чтобы обе руки оставались свободны. К Хуане Кино больше не вернулся. На мгновение в проеме пещеры возник его черный силуэт, сгорбленный и безмолвный, и он исчез.

Хуана подобралась поближе к выходу из пещеры и высунулась наружу. Она выглядывала, точно сова из каменного дупла, а ребенок висел в шали у нее за спиной и спал, прижавшись щекой к ее плечу и шее. Кожей она чувствовала его теплое дыхание. Хуана шепотом повторяла обычную смесь заклинаний и молитв, «Аве Марию» вперемешку с древними заговорами от всякой черной нечисти.

Ночь казалась уже не такой темной, а на востоке, там, где должна была взойти луна, небо у горизонта слегка посветлело. Глядя вниз, Хуана могла различить огонек сигареты, которую курил дозорный.

Медленно, словно ящерица, Кино полз по гладкой гранитной стене. Он повесил нож за спину, чтобы не бился о камень. Широко расправлен-

ными пальцами Кино цеплялся за склон, босыми ногами нащупывал опору. Даже грудь его была плотно прижата к отвесу, чтобы не соскользнуть. Малейший шум — стук сорвавшегося камня, вздох, шорох кожи по голой скале — мог разбудить следопытов. Любой чуждый для ночи звук привлек бы их внимание. Однако безмолвной ночь не была: жившие у воды древесные лягушки щебетали, точно птицы, и высокий металлический звон цикад наполнял узкую расселину. А в голове у Кино звучала его собственная музыка, музыка врага, глухая и неровная, почти дремотная. Зато песня семьи стала теперь жесткой, хищной и грозной, точно рычание пумы. Это она гнала его вниз, на темного врага. Ей вторил резкий стрекот цикад, а древесные лягушки выводили отдельные фразы ее мелодии.

Кино полз бесшумно, словно тень. Одна босая нога скользнула вниз. Пальцы нащупали опору и прочно уцепились. Затем другая нога, одна рука, другая, и вот уже все тело незаметно переместилось ниже. Рот у Кино был открыт, чтобы даже дыхание не могло его выдать. Он знал, что не сделался невидимым. Если дозорный почувствует какое-то движение и посмотрит туда, где темным пятном выделяется на фоне скалы его смуглое

тело, он пропал. Поэтому нужно двигаться так медленно, чтобы не привлечь внимания. Прошло немало времени, прежде чем Кино коснулся ногами земли и спрятался за низкорослой пальмой. Сердце у него оглушительно колотилось, лицо и ладони взмокли от пота. Кино дышал медленно и глубоко, чтобы успокоиться.

Теперь от врага его отделяло всего несколько шагов. Кино попытался вспомнить этот участок земли. Нет ли на пути камней, о которые можно споткнуться? Он принялся растирать себе ноги, чтобы не затекли, и обнаружил, что мышцы слегка подергиваются после долгого напряжения. Кино с беспокойством посмотрел на восток. Вот-вот появится луна, а действовать нужно прежде, чем она взойдет. Он видел в темноте силуэт дозорного; спящие находились вне поля его зрения. Но ему нужен именно дозорный. Напасть на него — быстро и без колебаний. Кино бесшумно перекрутил шнурок с амулетом и высвободил рукоятку ножа из петли.

Слишком поздно: не успел он выпрямиться, как из-за горизонта показался серебряный краешек луны. Кино снова присел позади пальмы.

Серп луны был старый и узкий, но он наполнил расселину резким светом и резкими тенями. Те-

перь Кино мог ясно различить фигуру дозорного, сидящего на песке у воды. Дозорный посмотрел на луну и закурил очередную сигарету — на мгновение огонек спички озарил его темное лицо. Ждать больше нельзя: как только враг отвернется, нужно прыгнуть. Ноги у Кино были напряжены, словно взвинченные пружины.

Но тут сверху долетел приглушенный плач. Дозорный прислушался и встал на ноги. Один из спящих пошевелился во сне, очнулся и тихо спросил:

— Что такое?

— Не знаю, — ответил дозорный. — Похоже на крик. Почти человеческий. Будто ребенок плачет.

— Наверное, просто сука койота с выводком. Щенки койотов пищат, что твои дети — не отличишь.

Пот каплями катился у Кино по лбу, жег ему глаза. Снова раздался тихий плач, и дозорный глянул наверх — на отверстие в каменном склоне.

— Может, и правда койот, — сказал он.

Кино услышал резкий щелчок взводимого курка.

— Если койот, то сейчас он у меня замолчит, — добавил дозорный и вскинул ружье.

Когда громыхнул выстрел, Кино был уже в прыжке. Огромный нож рассек воздух. Что-то сухо хрустнуло: это лезвие пронзило шею и вошло глубоко в грудь. Кино превратился в ужасную машину для убийства и действовал с нечеловеческой силой и быстротой. Одной рукой он выдернул из трупа нож, другой схватил ружье. Потом резко развернулся и, словно дыню, раскроил голову второму врагу. Третий, точно краб, отполз в сторону, соскользнул в озерцо и стал отчаянно карабкаться по обрыву, с которого тонкой струйкой стекала вода. Он цеплялся руками и ногами за спутанные лозы дикого винограда, всхлипывал и что-то жалобно бормотал. Но Кино сделался холоден и смертоносен, как сталь. Он взвел курок, тщательно прицелился и выстрелил. Следопыт рухнул в озерцо. Кино неспешно подошел к воде. В лунном свете ему были видны обезумевшие глаза врага. Он прицелился точно между ними и выстрелил снова.

Кино растерянно замер. Что-то было не так: какой-то сигнал пытался дойти до его сознания. Древесные лягушки и цикады больше не пели. И тут раскаленный от напряжения ум прояснился, и Кино узнал этот звук — отчаянный, тоскливый, душераздирающий крик, который доносился из

пещеры в склоне горы. Крик смерти.

* * *

Каждый в Ла-Пасе помнит, как они вернулись. Возможно, кое-кто из стариков видел их возвращение собственными глазами, но даже те, кто слышал о нем от отцов и дедов, помнят его не менее ясно. Событие это поразило всех.

Золотой день незаметно перетекал в вечер, когда первые ошалелые мальчишки пробежали по городу с вестью: «Кино с Хуаной вернулись!» Разумеется, все поспешили на них посмотреть. Солнце клонилось к западным горам, отбрасывая на землю длинные тени. Возможно, именно поэтому возвращение Кино с Хуаной оставило такой глубокий отпечаток в душе у тех, кто его видел.

Они пришли в город по разбитой проселочной дороге. Шагали не гуськом, как обычно — Кино впереди, Хуана сзади, — а бок о бок. Солнце светило им в спину, и перед ними ползли две длинные тени: казалось, Кино с Хуаной несут с собой два столба тьмы. Кино держал на плече ружье, Хуана несла за спиной узелок из шали, где лежало что-то маленькое, тяжелое и безжизненное. Узелок, покрытый засохшей кровью, слегка

покачивался при каждом шаге. Лицо Хуаны было сурово, изрезано морщинами и неподвижно от усталости и напряжения, которым она пыталась эту усталость побороть. Ее широко раскрытые глаза смотрели куда-то внутрь, и вся она казалась такой же далекой и недосягаемой, как небо. Зубы у Кино были стиснуты, губы плотно сжаты. Грозный, подобно надвигающейся буре, он внушал страх. Говорят, в обоих чувствовалось нечто, выходящее за пределы человеческого понимания: они прошли сквозь боль и теперь стояли по другую ее сторону, окруженные стеной почти магической защиты. Те, кто собрался на них посмотреть, подались назад, давая дорогу, и даже не попытались с ними заговорить.

Кино с Хуаной шли по городу так, словно его не существовало: не взглядывали ни направо, ни налево, ни вверх, ни вниз, а смотрели прямо перед собой. Они переставляли ноги мелкими рывками, словно ловко сделанные деревянные куклы, а вокруг них клубились столбы черного страха. Брокеры глазели на них сквозь зарешеченные окна, слуги припадали одним глазом к щели в воротах, матери заставляли младших детей отвернуться и прижимали их лицом к своим юбкам. Бок о бок прошли Кино с Хуаной через го-

род из камня и штукатурки, миновали плетеные хижины. Соседи расступались, давая им пройти. Хуан-Томас приветственно поднял руку, да так и застыл с поднятой рукой и непроизнесенным приветствием на губах.

В ушах у Кино пронзительно, словно крик, звучала песня семьи. Он стал неуязвим и ужасен, и песня его превратилась в боевой клич. Кино с Хуаной прошли мимо выжженного квадрата, где когда-то стоял их дом, и даже не посмотрели в ту сторону; пробрались через заросли кустарника, обрамляющие песчаный берег, и осторожно спустились к воде. На разбитое каноэ они тоже не взглянули.

У самой кромки воды они остановились и поглядели вдаль. Затем Кино положил ружье на песок, порылся в складках одежды и достал великую жемчужину. Ее поверхность казалась серой и изъязвленной. Оттуда на него смотрели злобные лица, а в глубине полыхало зарево пожара. Кино увидел в жемчужине безумные глаза лежащего в воде человека, увидел Койотито с отстреленной макушкой. Жемчужина стала уродливой и серой, как злокачественный нарост. В голове у Кино звучала ее музыка, извращенная и безумная. Его рука слегка дрогнула. Он медленно повернулся

к Хуане и протянул ей жемчужину. Хуана стояла рядом, по-прежнему держа на плече свою мертвую ношу. Она взглянула на жемчужину, затем посмотрела ему в глаза и тихо произнесла:

— Нет. Ты.

Тогда Кино размахнулся и со всей силы бросил жемчужину в море. Они смотрели, как она летит, сверкая и вспыхивая в лучах заходящего солнца. Потом по воде пошли мелкие круги. Кино с Хуаной еще долго стояли бок о бок и не сводили глаз с этого места.

Жемчужина упала в ласковую зеленую воду и пошла ко дну. Водоросли протягивали к ней свои подрагивающие ветки, словно манили к себе. На ее поверхности весело играли зеленые блики. Жемчужина опустилась на песок среди похожих на папоротники растений. Она лежала на дне, а далеко вверху зеленым зеркалом блестела поверхность воды. Копошащийся рядом краб поднял маленькое песчаное облачко, и когда песок осел, жемчужина исчезла.

Ее музыка становилась все тише, пока не смолкла совсем.

Квартал Тортилья-Флэт

Перевод с английского *И. Гуровой*

Предисловие

Когда я писал эту книгу, мне не приходило в голову, что моих пайсано можно счесть любопытной или смешной диковинкой, существами, замученными нуждой или приниженными. Все это люди, которых я знаю и люблю; люди, которые превосходно приспосабливаются к окружающей среде. Такое свойство человеческой натуры зовется истинно философским отношением к жизни, и это прекрасная вещь.

Знай я, что этих людей сочтут забавной диковинкой, я, наверное, не стал бы писать про них.

Когда я учился в школе, у меня был приятель. Мы называли его Піојо[5]*; у этого смуглого мальчугана, очень доброго и хорошего, не было ни отца, ни матери — только старшая сестра, которую мы все любили и уважали. Мы почтительно называли ее «девицей на часок». Ни у кого в городе не было таких румяных щек, и она частенько угощала нас хлебом с помидорами. Так вот, в домике, где жили Піојо и его сестра, «девица на часок», кран кухонной раковины был отломан, а труба*

---

[5] Примечания: 5
Вошь (*исп.*).

наглухо забита деревянной пробкой. Воду для стряпни и питья брали из унитаза. Для этого на полу рядом с ним стоял жестяной ковшик. Когда вода кончалась, стоило только дернуть ручку, и запас ее пополнялся. Использовать унитаз по назначению строжайше запрещалось. Однажды, когда мы запустили туда головастиков, хозяйка дома как следует отругала нас, а потом смыла наших питомцев.

Быть может, это — возмутительное нарушение благопристойности. Но я так не считаю. Быть может, это забавно — забавно, о Господи! Я долгое время приобщался приличиям, и все-таки я не могу думать о сестре piojo как о — есть ли слово гнуснее? — как о проститутке, а о его бесчисленных дядюшках, порой даривших нам монетки, как о ее клиентах.

Все вышесказанное сводится в конце концов к тому, что это не предисловие, а эпилог. Я написал эти рассказы потому, что они правдивы, и потому, что они мне нравились. Но литературные мещане отнеслись к этим людям с вульгарной высокомерностью герцогинь, которые жалеют крестьян, снисходительно над ними посмеиваясь. Рассказы эти напечатаны, и взять их назад я не могу. Но никогда больше я не отдам на поругание

приличным обывателям этих хороших людей, веселых и добрых, честных в своих плотских желаниях и прямодушных, истинно вежливых, а не просто учтивых. Если, рассказав о них, я им повредил, то глубоко сожалею об этом. Больше это не повторится.

Adios[6], *Монтерей*
Июнь 1937 года. Джон Стейнбек

[6] Примечания: 6
Прощай (*исп.*).

Вступление

Это повесть о Дэнни, и о друзьях Дэнни, и о доме Дэнни. Это повесть о том, как Дэнни, его друзья и его дом стали единым целым, так что когда в квартале Тортилья-Флэт говорят о доме Дэнни, то имеют в виду вовсе не деревянные стены с облупившейся побелкой, совсем скрытые разросшимися кустами кастильской розы. Нет, когда там говорят о доме Дэнни, то подразумевают некое единство, частично состоящее из людей, единство, от которого исходили радость и веселье, готовность помочь и — уже под конец — мистическая печаль. Ибо дом Дэнни был подобен Круглому столу, а друзья Дэнни — рыцарям Круглого стола. И это повесть о том, как возникло их содружество, как оно расцвело и превратилось в союз, исполненный красоты и мудрости. В ней будет рассказано о рыцарских приключениях друзей Дэнни, о сделанном ими добре, об их мыслях и об их подвигах. А в конце этой повести будет рассказано, как был потерян талисман и как распалось содружество.

В Монтерее, старинном городе на калифорнийском побережье, все эти истории хорошо

известны, их повторяют снова и снова, а иной раз и приукрашивают. Вот почему этот цикл следует запечатлеть на бумаге, дабы ученые будущих времен, услышав входящие в него легенды, не сказали бы, как говорят они об Артуре, о Роланде и о Робин Гуде: «Не было никакого Дэнни, и никаких его друзей, и никакого его дома. Дэнни — это божество, олицетворяющее природу, а его друзья — всего лишь первобытные символы ветра, неба и солнца». И цель этой летописи — раз и навсегда сделать невозможной презрительную усмешку на губах угрюмых ученых.

Монтерей лежит на склоне холма между голубым заливом и темным сосновым лесом. В кварталах, расположенных ниже по склону, живут американцы, итальянцы, рыбаки и рабочие консервных заводов. Но на вершине холма, где город сливается с лесом, где на улицах нет асфальтовых мостовых, а на углах — фонарей, укрепились старейшие обитатели Монтерея, как древние британцы укрепились в Уэльсе. Это и есть пайсано.

Они живут в деревянных домишках, дворы которых заросли бурьяном, и над их жилищами еще покачиваются уцелевшие сосны. Пайсано не заражены коммерческим духом, они не стали

рабами сложной системы американского бизнеса; да она, впрочем, и не слишком стремилась их опутать — ведь у них нет имущества, которое можно было бы украсть, оттягать или забрать в обеспечение займа.

Что такое пайсано? Он потомок испанцев, индейцев и мексиканцев и еще — всевозможных европейцев. Предки его поселились в Калифорнии лет сто-двести назад. По-английски он говорит, как пайсано, и по-испански он говорит, как пайсано. Если спросить его, какой он национальности, он негодующе объявит себя чистокровным испанцем и, закатав рукав, покажет, что кожа с внутренней стороны предплечья у него почти белая. Свою смуглоту, напоминающую цвет хорошо обкуренной пенковой трубки, он приписывает загару. Он — пайсано и живет на окраине города Монтерея, расположенной на вершине холма, которая зовется Тортилья-Флэт, «Лепешечная равнина», хотя это вовсе не равнина.

Дэнни был пайсано, он вырос в Тортилья-Флэт, и все его там любили, но, впрочем, он ничем не отличался от остальных шумливых ребятишек квартала. Почти с каждым обитателем Тортилья-Флэт его связывали узы родства или романтической дружбы. Дед его был важной персоной, ему

принадлежали в квартале два домика, и все уважали его за богатства. И если Дэнни, подрастая, предпочитал спать в лесу, работать на окрестных ранчо и с боем вырывать еду и вино у сурового мира, не отсутствие влиятельных родственников послужило тому причиной. Дэнни был невысок, смугл и настойчив. К двадцати пяти годам ноги его окончательно приобрели кривизну, точно соответствующую изгибу конского бока.

И вот, когда Дэнни исполнилось двадцать пять лет, началась война с Германией. Когда Дэнни и его друг Пилон (да, кстати, «пилоном» называется придача после заключения сделки — магарыч) услышали про войну, они располагали двумя галлонами вина. Большой Джо Португалец заметил блеск бутылей среди сосен и присоединился к Дэнни и Пилону.

По мере того как вина в бутылях становилось все меньше, патриотизма в их сердцах становилось все больше. И вот, когда вино кончилось, все трое спустились с холма, нежно взявшись за руки — во имя дружбы и чтобы крепче держаться на ногах, — и зашагали по улицам Монтерея. Перед домом, где записывали добровольцев в армию, они принялись кричать «ура» в честь Америки и поносить Германию. Они осыпали Германскую

империю проклятиями до тех пор, пока сержант-вербовщик не проснулся, не надел форму и не вышел на улицу, чтобы их утихомирить. В постель он вернулся не скоро, потому что стал записывать их в армию.

Сержант выстроил их перед столом. Они благополучно прошли все проверки, кроме одной — проверки на трезвость, и тогда сержант принялся задавать им вопросы, начав с Пилона:

— В каком роде войск ты хочешь служить?

— А мне наплевать, — небрежно бросил Пилон.

— Такие молодцы нам, пожалуй, нужнее всего в пехоте.

И Пилон был направлен в пехоту.

Затем сержант повернулся к Большому Джо, но Португалец уже успел немного протрезвиться.

— А ты куда хочешь?

— Я хочу домой, — тоскливо сказал Большой Джо. Сержант и его записал в пехоту. Наконец он обратился к Дэнни, который давно уже стоя спал:

— Куда тебя направить?

— А?

— Я говорю: в каком роде войск ты хочешь служить?

— Что значит «в каком роде»?

— Что ты умеешь делать?

— Я? Я все умею.

— А что ты делал раньше?

— Я? Был погонщиком мулов.

— Ах вот как! Со сколькими мулами зараз ты сумеешь справиться?

Дэнни наклонился к нему с небрежным видом профессионала.

— А сколько их у вас?

— Тысяч около тридцати.

Дэнни взмахнул рукой:

— Давайте их сюда!

И вот Дэнни отправился в Техас и до конца войны объезжал мулов, Пилон маршировал по Орегону вместе с пехотой, а Большой Джо, как будет рассказано дальше, сидел в тюрьме.

I

О том, как Дэнни, вернувшись с войны, получил наследство, и о том, как он поклялся защищать сирых и обиженных

Когда Дэнни вернулся домой из армии, он узнал, что получил наследство и что у него есть недвижимая собственность. Его вьехо — другими словами, его дед — умер, оставив Дэнни два домика в квартале Тортилья-Флэт.

Когда Дэнни услышал об этом, он ощутил, что на его плечи ложится бремя забот, которыми чревато всякое обладание собственностью. Прежде чем отправиться осматривать свое имущество, он купил галлон красного вина и выпил его почти весь в одиночку. Тогда бремя спало с его плеч и в нем пробудились самые худшие свойства его натуры. Он орал во всю глотку, он сломал парочку стульев в бильярдной на улице Альварадо и затеял две короткие, но восхитительные драки. Но никто не хотел его замечать. В конце концов заплетающиеся кривые ноги понесли его к пристани, куда, готовясь выйти в море, сходились в этот ранний час рыбаки-итальянцы в резиновых

сапогах.

Расовые предрассудки взяли верх над здравым смыслом Дэнни. Он стал угрожать рыбакам. Он называл их «сицилийскими ублюдками». Он кричал: «Chinga tu madre, Piojo»[7]. Он показывал им нос и делал всякие неприличные жесты. Но рыбаки только усмехались, разбирали весла и говорили:

— Здорово, Дэнни. Когда это ты вернулся? Приходи сегодня вечерком. У нас есть молодое вино.

Дэнни был возмущен до глубины души.

— Pon un condo a la cabesa[8].

Они крикнули ему:

— До свиданья, Дэнни. До вечера.

И, забравшись в утлые лодчонки, подгребли к своим моторкам, завели их и, тарахтя, уплыли прочь.

Дэнни почувствовал себя оскорбленным. Он двинулся обратно вверх по улице Альварадо, разбивая по пути окна, и на втором перекрестке его арестовал полицейский. Дэнни питал большое почтение к закону и сопротивляться не стал. Если бы он не был только что демобилизован

---

[7] Примечания: 7
Грубое испанское ругательство.

[8] Примечания: 8
Грубое испанское ругательство.

после победы над Германией, то получил бы шесть месяцев. Но сейчас судья дал ему только тридцать дней.

И вот в течение месяца Дэнни сидел на койке в городской тюрьме Монтерея. Иногда он рисовал на стенах непристойные картинки, а иногда вспоминал свою военную карьеру. Время в этой камере городской тюрьмы тянулось очень, очень медленно. Порой к нему на ночь запирали какого-нибудь пьяницу, но обычно в преступной жизни Монтерея царил застой, и Дэнни изнывал от одиночества. Сперва ему немного докучали клопы, но когда они привыкли к его вкусу, а он свыкся с их укусами, недоразумения между ними прекратились.

Он стал развлекаться сатирами. Он изловил клопа, раздавил его на стене, обвел кружком и подписал карандашом — «мэр Клу». Потом наловил еще клопов и назвал их в честь муниципальных советников города. Вскоре вся стена была украшена раздавленными клопами, носившими имена видных деятелей Монтерея. Он пририсовывал им уши и хвосты, снабжал их огромными носами и усами. Тито Ральф, тюремный надзиратель, был шокирован, но промолчал, так как Дэнни не включил в свою картинную га-

лерею ни судью, отправившего его в тюрьму, ни кого-либо из полицейских чинов. Дэнни весьма уважал закон.

Как-то вечером, когда тюрьма пустовала, Тито Ральф вошел в камеру Дэнни с двумя бутылками вина. Через час он отправился за новыми запасами, и Дэнни отправился с ним. В тюрьме было неуютно. Они купили вина в заведении Торрелли и сидели там, пока Торрелли не вышвырнул их на улицу. Тогда Дэнни пошел на вершину холма и уснул в лесу под соснами, а Тито Ральф, шатаясь, побрел в тюрьму и доложил о его побеге.

Когда в полдень ослепительное солнце разбудило Дэнни, он решил весь день прятаться, спасаясь от погони. Он кружил среди кустов. Он выглядывал из молодой поросли, как затравленная лисица. А вечером, выполнив все условия игры, он вышел из лесу и отправился по своим делам.

В делах Дэнни не было ничего темного или таинственного. Он подошел к задней двери ресторана.

— Нет ли у вас черствого хлеба для моей собаки? — спросил он у повара.

И пока этот доверчивый человек заворачивал ему хлеб, Дэнни украл два куска ветчины, четыре яйца, баранью отбивную и мухобойку.

— Я заплачу вам потом, — сказал он.

— Берите даром. Я бы все равно их выбросил.

На душе у Дэнни полегчало. Раз так, значит, он неповинен в воровстве. Он вернулся в заведение Торрелли, обменял четыре яйца, баранью отбивную и мухобойку на большой стакан граппы и отправился в лес стряпать себе ужин. Вечер был темный и сырой. Меж сосен, охраняющих сухопутные пределы Монтерея, мокрым тюлем висел туман. Дэнни втянул голову в плечи и затрусил под защиту леса. Впереди он разглядел еще одну темную фигуру и, когда расстояние между ними сократилось, узнал подпрыгивающую походку своего старого друга Пилона. Дэнни был щедрым человеком, но тут он вдруг вспомнил, что продал все свои съестные припасы, кроме двух кусков ветчины и кулька черствого хлеба.

«Я не стану окликать Пилона, — решил он. — Он вышагивает как человек, который объелся жареной индейкой и всякими другими лакомствами».

Но тут Дэнни вдруг заметил, что Пилон нежно прижимает руку к груди.

— Здравствуй, Пилон, amigo[9], — закричал

---

[9] Примечания: 9

Друг (*исп.*).

Дэнни.

Пилон ускорил шаг. Дэнни перешел на рысь.

— Пилон, дружочек, куда ты так торопишься?

Пилон смирился с неизбежным и остановился. Дэнни приблизился с некоторой опаской, но голос его был исполнен восторга:

— Я разыскивал тебя, милый ангелочек моего сердца, потому что, погляди-ка, у меня есть два больших куска от свиньи самого Господа Бога и мешок сладкого белого хлеба. Раздели же со мной и то и другое, Пилон, пышечка.

Пилон пожал плечами.

— Как хочешь, — злобно пробурчал он.

Они вместе углубились в лес. Пилон недоумевал. Наконец он остановился и посмотрел на приятеля.

— Дэнни, — печально сказал он. — Откуда ты знаешь, что у меня под курткой бутылка коньяку?

— Бутылка коньяку? — вскричал Дэнни. — У тебя есть коньяк? Наверное, он для твоей больной старушки матери, — добавил он простодушно. — А может, ты хранишь этот коньяк для Господа нашего Иисуса Христа, чтобы угостить его в день второго пришествия. Разве мне, твоему другу, пристало судить, для чего предназначен этот

коньяк? И я даже не знаю, есть ли он у тебя. Кроме того, я не хочу пить. Я не дотронусь до этого коньяка. Кушай на здоровье мое свиное жаркое, ну а твой коньяк — он твой.

Пилон сказал сурово:

— Дэнни, я готов отдать тебе половину моего коньяка. Но мой долг — присмотреть, чтобы ты не выпил его весь.

Тут Дэнни переменил тему:

— Вот здесь, на поляне, я зажарю эту свинью, а ты поджаришь сахарные хлебцы из этого мешка. Коньяк поставь вот сюда, Пилон. Это самое лучшее для него место — так мы будем видеть и его и друг друга.

Они развели костер, поджарили ветчину и съели черствый хлеб. Коньяк в бутылке быстро убывал. Поев, они придвинулись поближе к огню, отхлебывая из бутылки маленькими глоточками, как озябшие пчелы. Туман окутал их, и их куртки поседели от его капель. В соснах над их головами грустно вздыхал ветер.

И вскоре Пилоном и Дэнни овладела тоска. Дэнни стал вспоминать потерянных друзей.

— Где Артур Моралес? — спросил Дэнни, простирая руки ладонями вверх. — Погиб во Франции, — ответил он себе и, повернув ладони вниз,

в отчаянии опустил руки. — Погиб за родную страну. Погиб в чужой земле. Чужие люди проходят мимо его могилы, и они не знают, что в ней зарыт Артур Моралес. — Он снова поднял руки ладонями вверх. — А где Пабло, такой хороший человек?

— В тюрьме, — ответил Пилон. — Пабло украл гуся и спрятался с ним в кустах, а гусь ущипнул Пабло, и Пабло закричал, и его поймали. Теперь ему сидеть в тюрьме шесть месяцев.

Дэнни вздохнул и умолк, так как понял, что легкомысленно поторопился использовать единственного своего знакомого, который мог послужить темой для прочувствованной речи. Но тоска продолжала мучить его и требовала выхода.

— Вот сидим мы… — начал он наконец.

— Сердце ноет, — добавил Пилон, попадая в размер.

— Нет, это не стихи, — возразил Дэнни. — Вот сидим мы, бесприютные. Мы отдавали жизнь за родную страну, а теперь у нас нет даже крыши над головой.

— И никогда не было, — весьма уместно вставил Пилон.

Дэнни задумчиво тянул коньяк, пока Пилон не

дернул его за локоть и не отобрал бутылку.

— Это напомнило мне, — сказал Дэнни, — историю о человеке, у которого было два веселых дома… — Тут он умолк с открытым ртом. — Пилон! — воскликнул он. — Пилон! Утеночек мой! Дружочек! И как это я забыл? Ведь я получил наследство. У меня теперь есть два дома.

— Два веселых дома? — с надеждой спросил Пилон. — Ты врешь спьяну, — спохватился он.

— Нет, Пилон. Я говорю правду. Мой вьехо умер. Я его наследник. Я — его любимый внук.

— Единственный внук, — поправил педантичный Пилон. — А где эти дома?

— Ты знаешь дом моего вьехо в Тортилья-Флэт, Пилон?

— Здесь, в Монтерее?

— Ну да, в Тортилья-Флэт.

— А они на что-нибудь годятся, эти дома?

Дэнни откинулся на спину, измученный пережитым волнением.

— Не знаю. Я совсем забыл, что они у меня есть.

Пилон молчал и сосредоточенно о чем-то думал. Лицо его стало печальным. Он бросил в костер горсть сосновых игл и глядел, как огненные язычки взметнулись по ним и тут же погасли. Затем

он долго и тревожно всматривался в лицо Дэнни, а потом громко вздохнул и еще раз вздохнул.

— Теперь все кончено, — сказал он уныло. — Пришли к концу дни радости. Твои друзья будут оплакивать их, но этим беде не поможешь.

Дэнни поставил бутылку, и Пилон забрал ее и зажал между колен.

— Что кончено? — недоуменно спросил Дэнни. — О чем ты?

— Это ведь всегда так, — продолжал Пилон. — Когда человек беден, он думает: «Будь у меня деньги, я бы поселился с моими добрыми друзьями». Но стоит ему получить эти деньги, как великодушие и щедрость покидают его. Вот что случилось с тобой, мой бывший друг. Теперь ты возвысился над своими друзьями. Теперь ты домовладелец. И ты позабудешь своих друзей, которые всем с тобой делились, даже своим коньяком.

Его слова расстроили Дэнни.

— Я не такой, — крикнул он. — Я тебя никогда не позабуду, Пилон.

— Это ты сейчас так думаешь, — холодно сказал Пилон. — Но когда ты сможешь спать в двух домах, тогда сам увидишь. Пилон — только бедняк пайсано, а ты будешь обедать у мэра.

Дэнни с трудом поднялся на ноги и выпрямился, цепляясь за дерево.

— Пилон, клянусь: все, что у меня есть, — твое. Пока у меня есть дом, у тебя тоже есть дом. Дай мне выпить.

— Не поверю, пока не увижу своими глазами, — безнадежным голосом произнес Пилон. — Случись такое, это было бы чудо на весь мир. Люди приезжали бы за тысячу миль поглядеть на него. Да и бутылка пуста.

II

О том, как Пилон, прельстившись солидным положением, покинул гостеприимный кров Дэнни

Нотариус оставил их у калитки второго дома, уселся в свой «форд» и, громыхая, покатил вниз по склону холма в Монтерей.

Дэнни и Пилон стояли перед некрашеным забором и с восторгом глядели на недвижимое имущество — на приземистый домишко, еще хранящий полосы давней побелки, на его пустые слепые окошки без занавесок. Но у крыльца цвела пышная кастильская роза, а в бурьяне, которым зарос дворик, кое-где алела дедушкина герань.

— Этот лучше того, — сказал Пилон. — Он больше.

Дэнни держал в руке новенький ключ. Он на цыпочках прошел по скрипучему крыльцу и отпер дверь. Большая комната осталась точно такой же, как при жизни вьехо. Украшенный розой календарь за 1906 год, шелковый платок на стене, с Боевым Бобом Эвансом, выглядывающим из-за палубных надстроек броненосца, прибитый

рядом букет красных бумажных роз, связки запылившегося красного перца и чеснока, железная печка, старые кресла-качалки.

Пилон заглянул в дверь.

— Три комнаты, — благоговейно прошептал он. — И кровать, и печка. Мы будем здесь счастливы, Дэнни.

Дэнни с опаской переступил порог. От вьехо у него остались самые неприятные воспоминания. Пилон опередил его и бросился в кухню.

— Раковина с краном, — крикнул он и повернул кран. — Вода не идет. Дэнни, пусть водопроводная компания включит воду.

Они стояли и улыбались друг другу. Но Пилон заметил, что обладание собственностью уже накладывает печать беспокойства на лицо Дэнни. Никогда больше не будет оно беззаботным. Никогда больше не будет Дэнни бить окна, раз у него самого теперь есть окна, которые можно разбить. Пилон был прав — Дэнни возвысился над своими друзьями. Плечи его расправились, готовые принять на себя все тяготы новой сложной жизни. Но перед тем как он навсегда покончил со своим прежним простым и ясным существованием, один крик боли все же сорвался с его уст.

— Пилон, — сказал он грустно. — Хорошо бы

этот дом был твоим, а я поселился бы здесь с тобой!

Пока Дэнни ходил в Монтерей просить, чтобы включили воду, Пилон забрел на заросший бурьяном задний двор. Тут стояли фруктовые деревья, почерневшие и покрывшиеся наростами от старости, искривившиеся и засыхающие от отсутствия ухода. В бурьяне имелись шалашики для несушек, груда ржавых обручей, куча золы и размокший матрац. Пилон заглянул через забор в птичник миссис Моралес и, минуту поразмыслив, проделал в заборе несколько дырок для кур.

«Им будет приятно устраивать гнезда в высоком бурьяне», — сочувственно подумал он. Он решил также изготовить ловушки на случай, если во двор вдруг явятся петухи и будут мешать курам и не пускать их в гнезда. «Мы будем тут счастливы», — снова подумал он.

Дэнни вернулся из Монтерея полный негодования.

— Водопроводная компания требует депозита, — сказал он.

— Депозита?

— Ну да. Сначала дай им три доллара, а потом они пустят воду.

— Три доллара, — назидательно заявил Пи-

лон, — это три галлона вина. А когда оно кончится, мы займем ведро воды у нашей соседки миссис Моралес.

— Но у нас нет трех долларов на вино.

— Я знаю, — сказал Пилон. — Но, может быть, нам удастся занять немного винца у миссис Моралес.

День начинал клониться к вечеру.

— Завтра мы наведем тут порядок, — сказал Дэнни. — Завтра мы тут все вымоем и выскребем. А ты, Пилон, скосишь бурьян и выбросишь весь мусор в овраг.

— Бурьян? — в ужасе вскричал Пилон. — Только не этот бурьян! — И он изложил свои соображения относительно кур миссис Моралес.

Дэнни тут же согласился с ним.

— Мой друг, — сказал он, — я рад, что ты поселился у меня. А теперь я наберу топлива, а ты раздобудь что-нибудь на обед.

Пилон, вспомнив про свой коньяк, решил, что это несправедливо.

«Я становлюсь его должником, — с горечью подумал он. — Я лишусь свободы. Скоро я стану рабом из-за этого кровопийцы-дома».

Но он все-таки отправился искать обед.

Пройдя две улочки, уже у самой опушки леса

он заметил петушка плимутрока, разгребавшего пыль посреди дороги. Петушок достиг той поры юности, когда голос его начал ломаться, а ноги, шея и грудь еще не обросли перьями. Голова Пилона была еще полна благостными размышлениями о курах миссис Моралес, и, быть может, поэтому он тут же ощутил живейшую симпатию к молодому петушку. Он медленно направился к темному сосновому лесу, а петушок бежал перед ним.

Пилон сочувственно думал: «Бедная лысая птичка. Как ты, наверное, мерзнешь на рассвете, когда выпадает роса и воздух холодеет перед зарей. Милосердный Господь не всегда бывает милосерден к малым тварям». И еще он подумал: «Вот ты играешь на улице, цыпленочек, и в один прекрасный день тебя переедет автомобиль, и тебе еще повезет, если он сразу убьет тебя. Но что, если он только сломает тебе крыло или лапку? Тогда ты останешься несчастным калекой до конца дней своих. Твоя жизнь слишком тяжела для тебя, маленькая птичка».

Он продвигался медленно и расчетливо. Порой петушок пытался прорваться назад, но каждый раз у него на пути оказывался Пилон. В конце концов он исчез среди сосен, и Пилон неторопли-

во последовал за ним.

Да будет воздано должное душевной доброте Пилона: из чащи не донеслось ни единого крика страдания. Петушок, которому Пилон пророчил жизнь, полную мук, умер мирно или, во всяком случае, тихо. А это делает немалую честь сноровке Пилона.

Десять минут спустя он вышел из лесу и зашагал к домику Дэнни. Петушок, уже ощипанный и расчлененный, покоился в его карманах. Среди жизненных правил, которыми руководствовался Пилон, одно было незыблемо: никогда, ни при каких обстоятельствах не приноси домой перья, голову и лапки, ибо только по ним можно опознать птицу.

Вечером друзья топили печку сосновыми шишками. Огонь ворчал в трубе. Дэнни и Пилон, сытые, пригревшиеся и счастливые, тихонько покачивались в качалках. Обедали они при свете огарка, но теперь только отблески огня в печке разгоняли мрак комнаты. И к довершению блаженства по крыше забарабанил дождь. Крыша протекала совсем немного, да и то в местах, где все равно никто не захотел бы сидеть.

— Хорошо! — сказал Пилон. — Вспомни-ка ночи, когда мы мерзли на улице. Вот это настоящая

жизнь!

— Да, — ответил Дэнни. — И как-то странно: сколько лет у меня не было дома. А теперь их у меня целых два. Не могу же я ночевать в двух домах.

Пилон не терпел бессмысленного расточительства.

— Это и меня тревожит. Почему бы тебе не сдать другой дом жильцу? — предложил он.

Ноги Дэнни со стуком опустились на пол.

— Пилон! — воскликнул он. — Как я сам об этом не подумал? — Мысль казалась ему все более заманчивой. — Но кто его у меня снимет, Пилон?

— Я его сниму, — сказал Пилон. — Я буду платить за него десять долларов в месяц.

— Пятнадцать! — потребовал Дэнни. — Это хороший дом. Пятнадцать долларов — цена без запроса.

Пилон поворчал, но согласился. Впрочем, он согласился бы и на гораздо большую сумму, ибо он только что видел, как преображается человек, поселившийся в собственном доме, и ему очень хотелось самому испытать такое преображение.

— Значит, договорились, — закончил Дэнни. — Ты снимешь мой дом. Я буду хорошим домохозяином, Пилон. Я не стану тебе докучать.

У Пилона, если не считать года, проведенного в армии, ни разу в жизни не было за душой пятнадцати долларов. «Но платить за дом надо будет только через месяц, — подумал он, — а кто знает, что может случиться за месяц?»

Очень довольные, они покачивались у печки. Потом Дэнни вышел из дома и вскоре вернулся, держа в руках несколько яблок.

— Дождь их все равно испортил бы, — сказал он в свое оправдание.

Пилон, не желая отставать от друга, встал, зажег огарок и направился в спальню, откуда тотчас же вернулся с тазиком, кувшином, двумя красными стеклянными вазами и пучком страусовых перьев.

— Плохо, когда кругом столько хрупких вещей, — сказал он. — Стоит им разбиться или сломаться, и тебе становится грустно. Лучше совсем их не иметь. — Он снял со стены бумажные розы. — Подарок для синьоры Торрелли, — объяснил он, исчезая за дверью.

Вскоре он вернулся, мокрый, но торжествующий: в руке он держал бутыль красного вина вместимостью в галлон.

Позже они сцепились друг с другом, но даже не узнали, кто победил, потому что оба очень

устали от волнений этого дня. Вино навевало дремоту, и они так и уснули на полу. Огонь потух, печка, остывая, тихонько пощелкивала. Огарок опрокинулся и после нескольких протестующих голубых вспышек погас в лужице собственного сала. В доме воцарились тьма, тишина и покой.

III

О том, как Пилон был отравлен ядом собственности и как зло на время восторжествовало в его душе

На следующий день Пилон поселился во втором домике. Этот домик был точно таким же, как и дом Дэнни, только поменьше. И у него тоже было свое крылечко, осененное цветущей кастильской розой, и свой заросший бурьяном двор, и свои старые, бесплодные фруктовые деревья, и своя алая герань, — а за забором находился птичник миссис Сото.

Дэнни, владевший домом, который можно было сдать внаем, стал великим человеком, а Пилон, сняв этот дом, довольно высоко поднялся по ступеням общественной лестницы.

Неизвестно, думал ли Дэнни получать квартирную плату и думал ли Пилон ее вносить. Если думали, то оба они были разочарованы в своих ожиданиях. Дэнни ни разу не потребовал ее, а Пилон ни разу ее не предложил.

Друзья виделись очень часто. Стоило Пилону раздобыть бутылку вина или кусок мяса, как

Дэнни являлся к нему в гости. А если удача Дэнни или его ловкость приносили ему такие же блага, то Пилон проводил у него буйный вечерок. Бедняга Пилон отдал бы Дэнни причитавшиеся с него деньги, если бы они у него были, но их никогда у него не бывало, — во всяком случае, они исчезали прежде, чем ему удавалось найти Дэнни. Пилон был честным человеком. И порой ему становилось не по себе при мысли о доброте Дэнни и о собственной бедности.

Как-то вечером он оказался обладателем доллара, ниспосланного ему столь удивительным способом, что он тут же постарался об этом забыть, опасаясь помрачения рассудка. Какой-то человек у дверей отеля «Сан Карлос» сунул доллар ему в руку и сказал: «Сбегай купи четыре бутылки фруктовой воды, а то в отеле ее нет». Бывают же на свете чудеса, думал Пилон. И следует принимать их на веру, а не сомневаться в них и не ломать над ними голову. Он направился вверх по холму, собираясь отдать доллар Дэнни, но по дороге купил галлон вина и с его помощью заманил к себе в дом двух пухленьких девиц.

Дэнни, проходя мимо, услышал шум и радостно поспешил войти. Пилон пал в его объятия и отдал все, что у него имелось, в распоряжение Дэнни.

А потом, когда Дэнни помог ему разделаться с одной из девиц и с половиной вина, между ними началась чудеснейшая драка. Дэнни лишился зуба, а рубаха Пилона была разодрана в клочья. Девицы визжали и пинали того, кто оказывался внизу. Наконец Дэнни встал с пола и боднул одну из девиц в живот, так что она вылетела за дверь, квакая, как лягушка. Другая девица украла две кастрюли и последовала за подругой.

Несколько минут Дэнни и Пилон оплакивали женское коварство.

— Ты и понятия не имеешь, какие все женщины твари, — назидательно сказал Дэнни.

— Нет, имею, — ответил Пилон.

— И понятия не имеешь.

— Нет, имею.

— Врешь!

Началась новая драка, но уже далеко не такая славная.

После этого мысль о невнесенной квартирной плате перестала мучить Пилона. Разве он не оказал гостеприимства своему домохозяину?

Прошло еще несколько месяцев. И невнесенная квартирная плата вновь начала беспокоить Пилона. Терзания его становились все более невыносимыми. В конце концов он не выдержал

и целый день потрошил каракатиц у Чин Ки, заработав два доллара. Вечером он повязал шею красным платком, надел широкополую шляпу своего отца и отправился на вершину холма, чтобы отдать Дэнни два доллара в счет долга.

Но по дороге он купил два галлона вина. «Так будет лучше, — подумал он. — Если я заплачу ему деньгами, это не покажет, какие горячие чувства я питаю к своему другу. Подарок — другое дело. И я скажу ему, что эти два галлона обошлись мне в пять долларов». Что было глупо, как отлично понимал Пилон, хотя и позволил себе помечтать: цены на вино в Монтерее Дэнни знал лучше всех.

Пилон шел и радовался. Решение его было твердо, нос обращен прямо в сторону дома Дэнни. Его ноги неторопливо, но безостановочно двигались в нужном направлении. Под мышками он нес два бумажных мешка, и в каждом мешке была бутылка.

Наступили лиловые сумерки — тот сладостный час, когда дневной сон уже кончается, а вечер развлечений и дружеских бесед еще не начался. Сосны на фоне неба казались совсем черными, и все предметы вокруг уже окутала тьма, но небо было пронзительно ясным, как грустное воспо-

минание. Чайки, лениво взмахивая крыльями, летели домой на рифы после дневного посещения рыбоконсервных заводов Монтерея.

Пилон был мистиком, влюбленным в красоту. Он поднял лицо к небу, и душа его воспарила к последним отблескам солнечного сияния. Тот далекий от совершенства Пилон, который хитрил и дрался, ругался и пил, медленно брел своей дорогой, но другой Пилон, исполненный светлой грусти, сияющий белизной, вознесся туда, где чайки на чутких крыльях купались в вечернем сумраке. Этот Пилон был прекрасен, и его мысли не были осквернены ни себялюбием, ни плотскими желаниями. И узнать его мысли — благо.

«Отче наш вечерний, — думал он. — Эти птицы вьются у чела Отца нашего. Милые птицы, милые чайки, как я вас всех люблю. Ваши медлительные крылья поглаживают мое сердце, как рука ласкового хозяина поглаживает сытое брюхо спящей собаки, как рука Христа поглаживала головки детей. Милые птицы, — думал он, — летите к Святой Деве Кротких Печалей, отнесите ей мое раскрывшееся сердце». И он произнес вслух самые красивые слова, какие только знал:

— Ave Maria, gratia plena![10]

Ноги скверного Пилона остановились. Поистине в эту минуту скверный Пилон перестал существовать (услышь это, о ангел, ведущий запись наших грехов!). Не было, нет и не может быть души чище, чем душа Пилона в эту минуту. Злой бульдог Гальвеса приблизился к покинутым ногам Пилона, которые стояли во тьме одни-одинешеньки. И бульдог Гальвеса понюхал эти ноги и отошел, не укусив их.

Душа омытая и спасенная — это душа, которой вдвойне угрожает опасность, ибо весь мир ополчается против такой души. «Самые соломинки под моими коленями, — говорит блаженный Августин, — вопиют, дабы отвлечь меня от молитвы».

Душа Пилона не устояла даже против его собственных воспоминаний: глядя на чаек, он вспомнил, что миссис Пастано нередко готовит из них свои тамале, и при этой мысли он почувствовал голод, а голод низверг его душу с небес. Пилон пошел дальше, вновь превратившись в сложную смесь добра и зла. Злой бульдог Гальвеса повернулся со свирепым рычанием и удалился,

---

[10] Примечания: 10
Радуйся, Мария, полная благодати! (*лат.*)

глубоко сожалея о том, что упустил такую превосходную возможность укусить Пилона за ногу.

Пилон ссутулился, чтобы удобнее было нести бутылки.

Душа, способная на величайшее добро, способна также и на величайшее зло — этот факт подтверждается историей, в которой он не раз бывал запечатлен. Есть ли кто-нибудь нечестивее отрекшегося от веры священника? Есть ли кто-нибудь любострастнее недавней весталки? Впрочем, это, быть может, лишь внешнее впечатление.

Пилон, только что вернувшийся с небес, был, сам того не подозревая, особенно восприимчив к любому недоброму ветру, к любому дурному влиянию, которыми была полна ночь вокруг него. Правда, ноги все еще несли его по направлению к дому Дэнни, но в них уже не было прежней решимости и убежденности. Они ждали только повода, чтобы повернуть вспять. Пилон уже начал подумывать о том, как сокрушительно он может напиться с помощью двух галлонов вина, а главное — как долго быть пьяным.

Было уже совсем темно. И немощеная дорога, и канавы по обеим ее сторонам прятались во мраке. Я не вывожу никакой морали из того факта,

что в миг, когда душа Пилона, словно перышко под дуновением ветра, колебалась между великодушием и себялюбием, — что в этот самый миг в канаве у дороги сидел Пабло Санчес, томимый желанием покурить и выпить стаканчик вина.

О, как должны молитвы миллионов мешать друг другу и уничтожать друг друга на пути к престолу Божьему!

Пабло сперва услышал шаги, потом увидел смутную фигуру и затем узнал Пилона.

— Здравствуй, amigo, — радостно закричал он. — Что это у тебя за тяжкая ноша?

Пилон остановился как вкопанный и повернулся к канаве.

— Я думал, ты в тюрьме, — сказал он с упреком. — Я слышал про гуся.

— Я и был в тюрьме, Пилон, — весело отозвался Пабло. — Но меня там плохо встретили. Судья сказал, что наказание на меня не действует, а полицейские сказали, что я съедаю больше, чем отпускается на троих. И вот, — с гордостью заключил он, — меня отпустили под честное слово.

Пилон был вырван из когтей себялюбия. Правда, он не донес вино до дома Дэнни, но зато тут же пригласил Пабло разделить с ним это вино в доме, который он снимает. Если от дороги жизни

ответвляются две тропы великодушия и пойти можно только по одной, то кому дано судить, которая из них лучше?

Пилон и Пабло весело вступили в маленький домик. Пилон зажег свечку и поставил на стол в качестве стаканов две банки из-под варенья.

— Твое здоровье! — сказал Пабло.

— Salud![11] — сказал Пилон.

— Salud! — несколько мгновений спустя сказал Пабло.

— Ну, желаю тебе! — сказал Пилон.

Они перевели дух.

— Su servidor![12] — сказал Пилон.

— Проехала! — сказал Пабло.

Два галлона — это немалое количество вина даже для двух пайсано. В духовном отношении эти бутылки можно распределить следующим образом. Чуть пониже горлышка первой бутылки — серьезная и прочувствованная беседа. Двумя дюймами ниже — воспоминания, овеянные приятной грустью. Еще три дюйма — вздохи о былых счастливых любовях. Еще дюйм — вздохи о былых несчастных любовях. На донышке —

---

[11] Примечания: 11
Твое здоровье! (*исп.*)

[12] Примечания: 12
Ваш слуга! (*исп.*)

всеобъемлющая абстрактная печаль. Горлышко второй бутылки — черная, свирепая тоска. Двумя пальцами ниже — песнь смерти или томление. Большим пальцем ниже — все остальные песни, известные собутыльникам. На этом шкала кончается, ибо тут перекресток и дальнейшие пути неведомы. За этой чертой может произойти что угодно.

Но вернемся к первому делению, на котором начинается серьезная прочувствованная беседа, ибо именно тут Пилон сделал замечательный ход.

— Пабло, — сказал он. — Скажи, тебе никогда не надоедает спать в канавах, мокрым, бездомным, всеми покинутым, одиноким?

— Нет, — сказал Пабло.

Голос Пилона стал мягким и вкрадчивым:

— Так и я думал, мой друг, когда я был грязным, бесприютным псом. Я тоже был доволен своей долей, потому что я не знал, как приятно жить в маленьком домике с крышей и садом. Ах, Пабло, вот это жизнь!

— Да, конечно, это неплохо, — согласился Пабло.

Пилон ринулся в атаку:

— Послушай, Пабло, а не хотел бы ты снять

часть моего дома? Тогда тебе больше уж не придется спать на холодной земле. Или на жестком песке под пристанью, где в твои башмаки залезают крабы. Хочешь жить здесь со мной?

— Само собой, — сказал Пабло.

— Ты будешь платить мне всего пятнадцать долларов в месяц! И в твоем распоряжении будет весь дом, кроме моей постели, и весь сад. Только подумай, Пабло! И если кто-нибудь напишет тебе письмо, ему будет куда его послать.

— Само собой, — сказал Пабло. — Это здорово.

Пилон облегченно вздохнул. Только сейчас он понял, каким бременем лежал на его душе долг Дэнни. Разумеется, он знал, что Пабло не заплатит за квартиру ни гроша, но это не уменьшало его торжества. Если Дэнни когда-нибудь потребует денег, он сможет сказать: «Я заплачу, когда заплатит Пабло».

Они достигли следующего деления, и Пилон вспомнил, как счастлив он был в дни детства.

— Никаких забот, Пабло. Я был безгрешен. Я был очень счастлив.

— С тех пор мы ни разу не были счастливы, — грустно согласился Пабло.

IV

О том, как хороший человек Хесус Мария Коркоран против воли стал орудием зла

Жизнь Пилона и Пабло текла спокойно и очень приятно. По утрам, когда солнце выплывало из-за сосен, а далеко внизу искрился и играл волнами голубой залив, они неторопливо и задумчиво поднимались с постелей.

Солнечное утро — это время тихой радости. Когда высокие мальвы усыпаны сверкающими росинками, на каждом листке трепещет драгоценный камень, пусть ничего не стоящий, но зато прекрасный. Эти часы — не для спешки, не для суеты. Утро — время неторопливых, глубоких, золотых мыслей.

Пабло и Пилон в синих бумазейных штанах и синих рубахах рука об руку спустились в овраг за домом, а вернувшись, расположились на крыльце греться на солнце, слушать рожки рыботорговцев на улицах Монтерея и обсуждать сонно и рассеянно происшествия, волнующие Тортилья-Флэт, ибо каждый раз, пока Земля оборачивается

вокруг своей оси, в Тортилья-Флэт успевает произойти тысяча важнейших событий.

На крыльце они предавались блаженному покою. Только пальцы их босых ног порой постукивали по теплым доскам, отгоняя надоедливых мух.

— Если бы это была не роса, а бриллианты, — сказал Пабло, — мы бы разбогатели. Мы бы пили без просыпу всю жизнь.

Но Пилон, несший проклятие педантизма, возразил:

— Тогда бы у всех было много бриллиантов. И они ничего не стоили бы, а за вино всегда надо платить. Вот если бы вдруг пошел винный дождь, а у нас была бы цистерна, чтобы его собирать…

— Только чтобы дождь шел из хорошего вина, — перебил Пабло. — А не из того паршивого пойла, которое ты приволок в прошлый раз.

— Я ведь за него не платил, — сказал Пилон. — Кто-то спрятал бутылку в траве у дансинга. Чего же ты хочешь от найденного вина?

Они сидели, лениво отмахиваясь от мух.

— Корнелия Руис порезала вчера чумазого мексиканца, — заметил Пилон.

Пабло поглядел на него со слабым интересом.

— Подрались? — спросил он.

— Да нет. Просто чумазый не знал, что Корнелия завела себе вчера нового дружка. Чумазый только и сделал, что попробовал войти через окно, когда она заперла дверь.

— Чумазый всегда был дураком, — сказал Пабло. — Он помер?

— Да нет. Она только чуточку порезала ему руки. Корнелия вовсе и не сердилась. Просто она не хотела, чтобы чумазый вошел в дом.

— Корнелия не очень порядочная женщина, — сказал Пабло.

— Но она заказывает мессы по своему отцу, хоть он уже десять лет как помер.

— Они ему пригодятся, — заметил Пилон. — Он был скверным человеком и ни разу не попал за это в тюрьму, и он никогда не исповедовался. Когда старик Руис помирал, пришел священник его напутствовать, и тогда Руис исповедался. Корнелия рассказывает, что священник был белее полотна, когда выходил от больного. Только потом священник говорил, что не поверил и половине того, в чем Руис ему исповедовался.

Пабло кошачьим движением прикончил муху, севшую ему на колено.

— Руис всегда был лгуном, — сказал он. — Такой душе нужно много заупокойных месс. Но как, по-

твоему, будет ли толк от мессы, если за нее платят деньгами, которые пропадают из карманов людей, пока они спят пьяные в доме Корнелии?

— Месса — это месса, — сказал Пилон. — Человеку, который продает тебе стаканчик вина, все равно, где ты достал на него деньги. И Богу все равно, чем платят за мессы. Он просто их любит, вот как ты вино. Отец Мерфи только и знал, что удить рыбу, и святое причастие весь сезон отдавало макрелью, но ведь оно от этого не теряло святости. Пускай в таких вещах разбираются священники. А нам нечего ломать над ними голову. Где бы нам раздобыть яиц? Неплохо было бы съесть сейчас яичко.

Пабло нахлобучил шляпу на самые глаза, заслоняясь от ярких солнечных лучей.

— Чарли Милер сказал мне, что Дэнни гуляет теперь с Розой Мартин, португалкой.

Пилон в тревоге привскочил.

— А вдруг она захочет выйти замуж за Дэнни? Эти португалки всегда хотят выходить замуж, и еще они любят деньги. Вдруг, когда они поженятся, Дэнни начнет требовать с нас плату за дом? Этой Розе понадобятся новые платья. У женщин всегда так. Я их знаю.

Пабло тоже, казалось, был обеспокоен.

— Может, нам сходить к Дэнни поговорить? — предложил он.

— Может, у Дэнни найдутся яйца, — заметил Пилон. — Куры у миссис Моралес хорошо несутся.

Они надели башмаки и медленно побрели к дому Дэнни.

Пилон нагнулся, подобрал крышечку от пивной бутылки, выругался и отшвырнул ее.

— Какой-то скверный человек бросил ее здесь, чтобы обманывать людей.

— Я тоже вчера вечером на ней попался, — сказал Пабло, заглядывая во дворик, где поспевала кукуруза, и мысленно отметил, что она, пожалуй, уже поспела.

Дэнни сидел у себя на крыльце, в тени розового куста, и шевелил пальцами босых ног, отгоняя мух.

— Привет, amigos, — вяло поздоровался он с ними.

Они уселись рядом с ним, сняли шляпы и разулись. Дэнни достал кисет и бумагу и передал их Пилону. Пилона это немного шокировало, но он ничего не сказал.

— Корнелия Руис порезала чумазого мексиканца, — сказал он.

— Я слышал, — отозвался Дэнни.

Пабло заметил ядовито:

— Нынешние женщины забыли, что такое добродетель.

— Опасно иметь с ними дело, — подхватил Пилон. — Я слышал, что тут в Тортилья-Флэт есть одна португальская девчонка, которая всегда готова сделать мужчине подарочек, если он потрудится получить его.

Пабло негодующе прищелкнул языком. Он развел руками.

— Что же делать? — сказал он. — Неужто никому нельзя доверять?

Они внимательно вглядывались в лицо Дэнни, но не заметили на нем никаких признаков тревоги.

— Зовут эту девушку Роза, — сказал Пилон. — А фамилию ее я называть не стану.

— Это ты о Розе Мартин? — заметил Дэнни без всякого интереса. — Чего же еще ждать от португалки?

Пабло и Пилон облегченно вздохнули.

— Как поживают куры миссис Моралес? — как бы между прочим спросил Пилон.

Дэнни печально покачал головой:

— Все до одной передохли. Миссис Моралес

закупорила бобы в банки, а банки разорвало, и она скормила эти бобы курам, а куры передохли все до единой.

— А где сейчас эти куры? — заинтересовался Пабло.

Дэнни отрицательно помахал указательным и средним пальцами.

— Кто-то сказал миссис Моралес, чтобы она не ела этих кур, а то заболеет, но мы хорошенько их выпотрошили и продали мяснику.

— Кто-нибудь умер? — осведомился Пабло.

— Нет. Наверное, этих кур можно было есть.

— А ты не купил на вырученные деньги немножко винца? — намекнул Пилон.

Дэнни насмешливо улыбнулся:

— Миссис Моралес купила вина, и я вчера вечером был у нее в гостях. Она все еще красивая женщина и вовсе не такая уж старая.

Пилона и Пабло вновь охватила тревога.

— Мой двоюродный брат Уили говорит, что ей стукнуло пятьдесят, — взволнованно сказал Пилон.

Дэнни отмахнулся.

— Какая важность, сколько ей лет? — заметил он философски. — Женщина она очень бойкая. Она живет в собственном доме, и у нее есть двести

долларов в банке. — Тут Дэнни немного смутился и добавил: — Мне бы хотелось сделать подарок миссис Моралес.

Пилон и Пабло уставились на свои ноги, всеми силами души стремясь отвратить надвигающееся. Но это им не удалось.

— Будь у меня деньги, — сказал Дэнни, — я купил бы ей коробку конфет. — Он выразительно посмотрел на своих жильцов, но они молчали. — Мне бы только доллар или два, — намекнул он.

— Чин Ки сушит каракатиц, — заметил Пилон. — Пойди к нему на полдня потрошить каракатиц.

— Хозяину двух домов неприлично потрошить каракатиц, — колко возразил Дэнни. — Вот если бы мне получить хоть часть квартирной платы…

Пилон в сердцах вскочил на ноги.

— Ты только и знаешь, что требовать квартирную плату! — крикнул он. — Ты готов вышвырнуть нас на улицу, в сточную канаву, а сам будешь нежиться в мягкой постели! Пошли, Пабло, — гневно закончил Пилон, — мы достанем денег для этого скряги, для этого кровопийцы.

И оба гордо удалились.

— А где мы достанем денег? — спросил Пабло.

— Не знаю, — ответил Пилон. — Может, он

больше не будет заговаривать об этом.

Однако столь бесчеловечное требование глубоко их ранило.

— Встречаясь с ним, мы будем звать его «кровопийцей-ростовщиком», — сказал Пилон. — Столько лет мы были его друзьями! Когда он голодал, мы кормили его, когда он мерз, мы одевали его.

— Когда же это было? — спросил Пабло.

— Не важно. Будь у нас то, в чем он нуждался бы, мы поделились бы с ним. Вот какими друзьями мы были для него. А теперь он растоптал нашу дружбу ради коробки конфет для жирной старухи.

— Есть конфеты вредно, — сказал Пабло.

Бурные переживания совсем измучили Пилона. Он опустился на край придорожной канавы, подпер рукой подбородок и погрузился в отчаяние.

Пабло сел рядом с ним, но только для того, чтобы отдохнуть, так как его дружба с Дэнни не была такой старинной и прекрасной, как дружба Пилона с Дэнни.

Дно канавы было скрыто кустами и сухим бурьяном. Пилон, склонивший голову под гнетом печали и негодования, увидел, что из-под одного кустика торчит чья-то рука, а возле руки увидел бутыль вина, наполовину полную. Он вцепился в

локоть Пабло и указал вниз.

Пабло уставился на руку.

— А может, он помер, Пилон?

Пилон уже успел перевести дух, и к нему вернулась обычная ясность мыслей.

— Если он помер, то вино ему ни к чему. Бутылку же с ним не похоронят!

Рука зашевелилась, отодвинула ветки, и глазам друзей открылась чумазая физиономия и рыжая щетинистая борода Хесуса Марии Коркорана.

— Здорово, Пилон, здорово, Пабло, — ошалело сказал он. — Que tomas?[13]

Пилон спрыгнул к нему.

— Amigo Хесус Мария! Ты нездоров?

Хесус Мария кротко улыбнулся.

— Я просто пьян, — пробормотал он, приподнялся и встал на четвереньки. — Выпейте со мной, друзья. Пейте больше. Тут еще много осталось.

Пилон положил бутыль на согнутый локоть. Он сделал четыре глотка, и содержимое ее убавилось на пинту с лишком. Затем Пабло отобрал у него бутыль и стал играть с ней, как котенок с перышком. Он пополировал горлышко рукавом.

---

[13] Примечания: 13
Что выпьете? (*исп.*)

Он понюхал вино. Он сделал три-четыре предварительных глотка и покатал капельку на языке, чтобы раздразнить себя. Но вот он сказал: «Madre de Dios, que vino!»[14] — поднял бутыль, и красное вино весело забулькало у него в глотке.

Пабло еще не перевел духа, когда Пилон уже протянул руку к бутылке. Он обратил на своего друга Хесуса Марию взгляд, полный нежности и восхищения.

— Ты нашел в лесу клад? — спросил он. — Какой-нибудь богач помер и назначил тебя своим наследником, дружочек мой?

Хесус Мария был само человеколюбие, и в его сердце никогда не иссякала доброта. Он откашлялся и сплюнул.

— Дайте мне вина, — сказал он. — У меня пересохло в глотке. Я вам сейчас все расскажу.

Он пил неторопливо и мечтательно, как пьет человек, который уже столько выпил, что может больше не спешить и даже позволить себе расплескать чуточку вина, нисколько об этом не жалея.

— Две ночи тому назад, — сказал он, — я ночевал на берегу. На берегу недалеко от Сисайда. За

---

[14] Примечания: 14
Матерь Божья, что за вино! (*исп.*)

ночь волны вынесли на берег лодку. Такую хорошую лодочку, и с веслами. Я сел в нее и погреб в Монтерей. За нее можно было бы выручить долларов двадцать, но покупателей не находилось, и я получил всего семь.

— У тебя еще остались деньги? — взволнованно перебил его Пилон.

— Я же рассказываю вам, как все было, — с достоинством ответил Хесус Мария. — Я купил два галлона вина и отнес их сюда в лес, а потом пошел погулять с Арабеллой Гросс. Я купил ей в Монтерее шелковые подштанники. Они ей понравились — они такие мягкие и розовые. И еще я купил для Арабеллы пинту виски, а потом мы встретили солдат, и она ушла с ними.

— Прикарманив деньги хорошего человека! — в ужасе вскричал Пилон.

— Нет, — задумчиво сказал Хесус Мария. — Ей все равно пора было уходить. А потом я пришел сюда и лег спать.

— Значит, у тебя больше не осталось денег?

— Не знаю, — сказал Хесус Мария. — Сейчас погляжу. — Он порылся в кармане и вытащил три смятые долларовые бумажки и десятицентовую монету. — Сегодня вечером, — сказал он, — я куплю Арабелле Гросс одну из штучек, которые

носят как пояс, только выше.

— Маленькие шелковые кармашки на веревочке?

— Да, — ответил Хесус Мария. — Только они не такие уж маленькие, как ты думаешь.

Он откашлялся.

Пилон сразу исполнился нежной заботливости.

— Это все ночной воздух, — сказал он. — Спать под открытым небом вредно. Вот что, Пабло, мы отведем его к нам домой и вылечим его простуду. Грудная болезнь зашла уже далеко, но мы ее вылечим.

— О чем вы говорите? — спросил Хесус Мария. — Я здоров.

— Это тебе так кажется, — ответил Пилон. — Так казалось и Рудольфе Келлингу. А ты сам был на его похоронах месяц назад. Так казалось и Анхелине Васкес. А она померла на прошлой неделе.

Хесус Мария испугался.

— В чем же тут дело, как по-твоему?

— В том, что человек, когда спит, дышит ночным воздухом, — важно объяснил Пилон. — Твои легкие его не выдержат.

Пабло обмотал бутыль большим сорняком, так хорошо ее укрыв, что любой прохожий проникся

бы жгучим желанием узнать, какую тайну скрывает этот сорняк.

Пилон шел рядом с Хесусом Марией и порой нежно брал его под руку, чтобы он не забыл о своей болезни. Они отвели его в свой дом, уложили в постель и, хотя день был жарким, укрыли старым ватным одеялом. Пабло произнес трогательную речь о муках несчастных страдальцев, терзаемых туберкулезом. А затем медовым голосом заговорил Пилон. Он с благоговейным восторгом описывал, какое это счастье — жить в маленьком домике. Когда приходит ночь, когда иссякают дружеская беседа и вино, а за окном смертоносные туманы льнут к земле, как призраки чудовищных пиявок, тогда живущему в таком домике не нужно выходить на улицу и устраиваться на ночлег во вредной сырости оврага. Нет, он ложится в удобную, мягкую, теплую постель и спит, как малое дитя.

Тут Хесус Мария уснул. Пилону и Пабло пришлось разбудить его и дать ему выпить. Затем Пилон принялся трогательно описывать утро, когда человек лежит в своем теплом гнездышке, дожидаясь, чтобы солнце начало припекать как следует. Ему не приходится дрожать на рассвете и хлопать руками, чтобы как-то их согреть.

Наконец Пилон и Пабло мертвой хваткой вцепились в Хесуса Марию, как два эрдельтерьера, которые, безмолвно выследив дичь, вцепляются в нее с двух сторон. Они сдали свой дом Хесусу Марии за пятнадцать долларов в месяц. Он с радостью согласился. Все трое пожали друг другу руки. Бутыль была извлечена из сорняка. Пилон основательно к ней приложился, так как знал, что самое трудное еще впереди. И вот пока Хесус Мария пил, он небрежно и вкрадчиво произнес:

— И мы возьмем с тебя всего три доллара задатка.

Хесус Мария поставил бутыль и в ужасе уставился на него.

— Нет, — возмущенно воскликнул он. — Я обещал Арабелле Гросс купить ей такую штучку. А за дом я заплачу, когда придет срок.

Пилон понял, что взял неверный тон.

— Когда ты лежал на берегу вблизи Сисайда, Бог пригнал к тебе эту лодочку. Что ж, по-твоему, милосердный Бог сделал это, чтобы ты мог покупать шелковые подштанники для девки с консервного завода? Нет! Бог послал тебе лодку, чтобы ты не умер от ночевок на холодной земле. Или, по-твоему, Бога заботит грудь Арабеллы Гросс? А кроме того, мы возьмем задаток только

два доллара, — продолжал он. — За один доллар ты можешь купить такую штучку, что хоть корове будет впору.

Но Хесус Мария все еще не сдавался.

— Вот что, — сказал Пилон, — если мы не уплатим Дэнни два доллара, нас всех выгонят на улицу, а виноват будешь ты. Мы будем спать в канавах, и грех падет на твою душу.

Хесус Мария Коркоран не вынес стольких ударов со стольких сторон. Он протянул Пилону две смятые бумажки.

И тогда настороженность и недоверие покинули комнату, а их место заняли покой, тишина и теплейшая дружба. Пилон облегченно вздохнул. Пабло отнес одеяло к себе на кровать, и завязалась беседа.

— Нам надо отнести эти деньги Дэнни.

Первая жажда была утолена, и теперь они попивали вино из банок.

— Почему Дэнни так нужны два доллара? — спросил Хесус Мария.

И Пилон излил ему свою душу. Его руки запорхали, как две ночные бабочки, и только запястья и плечи мешали им вылететь за дверь.

— Наш друг Дэнни ухаживает за миссис Моралес. Нет, не сочти его дураком. У миссис Моралес

есть в банке двести долларов. Денни хочет купить коробку конфет для миссис Моралес.

— Конфеты есть вредно, — заметил Пабло. — От них болят зубы.

— Это уж Дэнни решать, — сказал Хесус Мария. — Если он хочет, чтобы у миссис Моралес болели зубы, это его дело. А нам-то что до зубов миссис Моралес?

Лицо Пилона омрачилось тревогой.

— Однако, — строго перебил он, — если наш друг Дэнни подарит миссис Моралес много конфет, он их тоже будет есть. И значит, болеть будут зубы нашего друга.

Пабло огорченно покачал головой:

— Куда это годится, если друзья Дэнни, которым он верит, доведут его до зубной боли?

— Так что же нам делать? — спросил Хесус Мария, хотя и он сам, и остальные двое прекрасно знали, что именно они сделают. Каждый вежливо предоставлял соседу произнести неизбежные слова. Молчание затягивалось. Пилон и Пабло чувствовали, что предложение не должно исходить от них, поскольку в некоторых отношениях их можно было счесть заинтересованными сторонами. Хесус Мария молчал потому, что был гостем, но когда молчание его хозяев подсказало

ему, чего от него ждут, он мужественно сделал первый шаг.

— Галлон вина — вот прекрасный подарок для дамы, — произнес он задумчиво.

Пилон и Пабло были поражены его находчивостью.

— Мы скажем Дэнни, что для его зубов будет полезнее, если он купит вина.

— А вдруг Дэнни нас не послушает? Когда даешь Дэнни деньги, никогда не знаешь, что он на них купит. Вдруг он все-таки купит конфет, и тогда все наши хлопоты и волнения пропадут зря?

Они превратили Хесуса Марию в своего суфлера, в спасителя положения.

— Может, если мы сами купим вино и отдадим его Дэнни, это будет безопаснее? — предложил он.

— Вот именно! — вскричал Пилон. — Ты хорошо придумал.

Хесус Мария лишь скромно улыбнулся, услышав, что ему приписывают честь этой выдумки. Он прекрасно понимал, что идея носилась в воздухе и рано или поздно кто-нибудь ее обязательно высказал бы.

Пабло разлил остатки вина по банкам, и они выпили его, отдыхая после таких усилий. Они

гордились тем, что спасительная мысль была развита столь логично и послужила столь человеколюбивой цели.

— Мне что-то есть хочется, — сказал Пабло.

Пилон встал, подошел к двери и поглядел на солнце.

— Полдень уже миновал, — сказал он. — Мы с Пабло пойдем к Торрелли за вином, а ты, Хесус Мария, иди в Монтерей и раздобудь еды. Может, миссис Бруно на пристани даст тебе рыбы. Может, ты где-нибудь достанешь хлеба.

— Я лучше пойду с вами, — сказал Хесус Мария, ибо он подозревал, что в головах его друзей столь же логично и столь же неизбежно уже зреет новая мысль.

— Нет, Хесус Мария, — сказали они твердо. — Сейчас два часа или около того. Через час будет три. Мы тогда встретимся с тобой здесь и перекусим. И может, запьем еду стаканчиком вина.

Хесус Мария с неохотой побрел в Монтерей, а Пилон и Пабло весело зашагали вниз по склону холма к заведению Торрелли.

V

О том, как святой Франциск изменил ход событий и с отеческой мягкостью наказал Пилона, Пабло и Хесуса Марию

Вечер приближался так же незаметно, как приближается старость к счастливому человеку. К солнечному сиянию добавилось немножко больше золота. Залив стал чуть синей, и по нему побежали морщинки от берегового ветра. Одинокие удильщики, которые верят в то, что рыба клюет только во время прилива, покинули свои скалы, и их места заняли те, кто убежден, что рыба клюет только во время отлива.

В три часа ветер переменился и легонько подул с моря, принося с собой бодрящие запахи всевозможных водорослей. Чинильщики сетей на пустырях Монтерея отложили свои иглы и свернули сигареты. Жирные дамы с глазами скучающими и мудрыми, как глаза свиней, ехали по улицам города в пыхтящих автомобилях к отелю «Дель Монте», где их ждали чай и джин с содовой. На улице Альварадо Гуго Мачадо, портной, повесил на дверь своей мастерской записку:

«Буду через пять минут» — и ушел домой, чтобы больше в этот день не возвращаться. Сосны покачивались медлительно и томно. Куры в сотнях курятников безмятежными голосами жаловались на свою тяжкую судьбу.

Пилон и Пабло сидели под кустом кастильской розы во дворе Торрелли и, не замечая времени, тихонько потягивали вино, а вечерние тени вокруг росли так же незаметно, как растут волосы.

— И очень хорошо, что мы не отнесли Дэнни двух галлонов вина, — сказал Пилон. — Он из тех, кто не знает меры, когда пьет.

Пабло согласился.

— Дэнни на вид здоров, — сказал он, — но ведь каждый день только и слышишь, как такие люди умирают. Возьми хоть Рудольфе Келлинга. Возьми хоть Анхелину Васкес.

Педантизм его собеседника мягко дал о себе знать.

— Рудольфе свалился в каменоломню за Пасифик-Гроув, — с легким упреком поправил Пилон приятеля. — Анхелина съела испорченные рыбные консервы. Но, — закончил он ласково, — я понимаю, что ты хотел сказать. Очень многие умирают от злоупотребления вином.

Весь Монтерей постепенно и бессознательно

начинал готовиться к ночи. Миссис Гутьерес крошила красный перец для соуса. Руперт Хоган, виноторговец, разбавил джин водой и припрятал его, чтобы продавать после полуночи. И подсыпал перца в вечернее виски. В дансинге «Эль Пасео» Бомба Розендейл открыла коробку соленого печенья и разложила его по большим блюдам, словно грубые коричневые кружева. В аптеке «Палас» убрали маркизы. Кучка мужчин, которые простояли весь день перед почтовой конторой, здороваясь с друзьями, отправилась на станцию встречать экспресс «Дель Монте» из Сан-Франциско. Пресыщенные чайки поднимались с пляжа у рыбоконсервных заводов и улетали на рифы. Стаи пеликанов, тяжело взмахивая крыльями, тянулись туда, где они ночуют. Итальянские рыбаки на сейнерах складывали свои невода. Маленькая мисс Альма Альварес, которой давно уже исполнилось девяносто лет, отнесла ежедневный букет розовой герани Пресвятой Деве над папертью церкви Сан-Карлос. В соседней методистской деревушке Пасифик-Гроув члены Женского Христианского Союза Трезвости, собравшиеся на чаепитие и беседу, слушали миниатюрную даму, которая с большим жаром живописала порок и проституцию, процветающие в Монтерее. Она

рекомендовала, чтобы специальная комиссия посетила тамошние притоны и на месте ознакомилась с ужасающим положением вещей. Они уже много раз все это обсуждали, и им необходимы свежие факты.

Солнце склонилось к западу и обрело оранжевый румянец. Под кустом кастильской розы во дворе Торрелли Пабло и Пилон допили первый галлон вина. Торрелли вышел из дому и прошел через двор, не заметив своих недавних клиентов. Они подождали, пока он не скрылся из виду на улице, ведущей в Монтерей; тогда Пабло и Пилон вошли в дом и, рассчитанно пустив в ход свое искусство, добились того, что миссис Торрелли угостила их ужином. Они хлопали ее по заду, называли ее «уточкой», позволили себе несколько любезных вольностей по отношению к ее особе и в конце концов удалились, оставив ее весьма польщенной и слегка растрепанной.

К этому времени Монтерей окутали сумерки и уже зажглись фонари. Мягко светились окна. Монтерейский театр принялся выписывать огненными буквами «Дети ада, Дети ада». Маленькая, но фанатическая кучка тех, кто верит, что рыба клюет только вечером, в свою очередь, расположилась на остывших скалах. По улицам

пополз легкий туман, завиваясь у печных труб, и в воздухе разлился приятный запах горящих сосновых дров.

Пабло и Пилон вернулись к своему розовому кусту и сели на землю, но им уже не было так уютно, как прежде.

— Тут холодно, — заметил Пилон и отхлебнул из бутылки, чтобы согреться.

— Пойдем лучше домой, там тепло, — сказал Пабло.

— Но у нас нет дров.

— Ладно, — сказал Пабло, — неси вино, встретимся на углу. (И он действительно пришел туда через полчаса.)

Пилон терпеливо ждал, зная, что есть положения, когда даже помощь друга бесполезна. И, ожидая, Пилон бдительно вглядывался в тот конец улицы, где исчез Торрелли, так как Торрелли был человеком буйным и любые объяснения, даже самые логичные, даже необыкновенно красноречивые, не произвели бы на него ни малейшего впечатления. Кроме того, Пилон знал, что Торрелли придерживается по-итальянски нетерпимых и чисто донкихотских взглядов на супружеские отношения. Но Пилон беспокоился напрасно. Торрелли, пылая яростью, не ворвался

в свой дом. Через некоторое время явился Пабло, и Пилон с восхищением и одобрением заметил, что он несет охапку сосновых дров из поленницы Торрелли.

Пабло ни словом не обмолвился о своем приключении, пока они не добрались до дома. А тогда он сказал, как недавно Дэнни:

— Бойкая женщина эта уточка.

Пилон в темноте кивнул и сказал философски:

— Редко можно найти на одном рынке все, в чем нуждается человек, — вино, еду, любовь и дрова. Не надо забывать Торрелли, Пабло, друг мой. С таким человеком стоит водить знакомство. Давай подарим ему что-нибудь.

Пилон подбрасывал поленья в печку, пока пламя в ней не заревело. Тогда оба друга придвинули стулья поближе и поднесли банки из-под варенья к самой дверце, чтобы согреть вино. В этот вечер комнату освещал священный огонек, так как Пабло купил свечу, чтобы поставить ее святому Франциску. Но что-то отвлекло его от осуществления этого благочестивого намерения. И теперь тоненькая восковая свечка горела ясным пламенем в устричной раковине, отбрасывала тени Пабло и Пилона на стену и заставляла их танцевать.

— Куда это запропастился Хесус Мария? — заметил Пилон.

— Он обещал вернуться давным-давно, — ответил Пабло. — Просто не знаешь, можно ли доверять такому человеку или нет.

— А вдруг его что-нибудь задержало, Пабло? Из-за рыжей бороды и доброго сердца у Хесуса Марии вечно случаются неприятности с дамами.

— У него мозги, как у кузнечика, — сказал Пабло. — Только и знает, что петь, играть да прыгать. Несерьезный он человек.

Ждать им пришлось недолго. Не успели они во второй раз наполнить банки из-под варенья, как в комнату, шатаясь, ввалился Хесус Мария. Он уцепился за оба косяка, чтобы не упасть. Рубаха его была разорвана, лицо залито кровью. Танцующее пламя свечи озаряло зловещий синяк под глазом.

Пабло и Пилон бросились к нему.

— Наш друг! Он ранен. Он упал с обрыва. Его переехал поезд!

В их тоне не было и тени насмешки, но Хесус Мария счел эти слова самой язвительной насмешкой. Он свирепо сверкнул на Пилона и Пабло тем глазом, который был еще на это способен.

— Обе твои матери — яловые коровы, — ска-

зал он.

Они отступили, ужаснувшись вульгарности этого ругательства.

— Наш друг бредит.

— Ему проломили череп.

— Налей ему вина, Пабло.

Хесус Мария угрюмо уселся у печки, поглаживая свою банку из-под варенья, а его друзья терпеливо ждали рассказа о трагическом происшествии. Но Хесус Мария, казалось, не собирался ничего им говорить. Пилон несколько раз откашливался, Пабло глядел на Хесуса Марию взглядом, готовым немедленно выразить живейшее сочувствие, но Хесус Мария только хмурился и свирепо поглядывал то на печку, то на вино, то на святую свечу, и в конце концов его невежливая сдержанность толкнула Пилона на столь же большую невежливость. Потом он сам не понимал, как мог настолько забыться.

— Опять эти солдаты? — спросил он.

— Да, — проворчал Хесус Мария. — На этот раз они явились слишком рано.

— Наверное, их было не меньше двадцати, раз они тебя так отделали, — заметил Пабло, чтобы подбодрить друга. — Кто же не знает, что в драке ты — лев?

И действительно, после его слов Хесус Мария чуть-чуть повеселел.

— Их было четверо, — сказал он. — И Арабелла Гросс им тоже помогала. Она стукнула меня камнем по голове.

Пилона охватило добродетельное негодование.

— Не стану напоминать тебе, — сказал он строго, — что твои друзья просили тебя не связываться с этой девкой-консервницей. (Он не был вполне уверен, предостерегал ли он Хесуса Марию, но ему помнилось, что предостерегал.)

— От этих дешевых белых девчонок добра не жди, — вмешался Пабло. — А ты отдал ей эту штучку, которую носят как пояс?

Хесус Мария порылся у себя в кармане и вытащил оттуда розовый вискозный бюстгальтер.

— Не успел, — сказал он. — Я как раз хотел это сделать, а кроме того, мы еще не добрались до леса.

Пилон понюхал воздух и покачал головой, но не без оттенка грустной снисходительности:

— Ты пил виски.

Хесус Мария кивнул.

— Чье это было виски?

— Этих солдат, — ответил Хесус Мария. — Они спрятали его под мостиком. Арабелла об этом

знала и сказала мне. Но солдаты увидели у нас бутылку.

Контуры случившегося постепенно прояснялись. Пилон предпочитал именно такой способ повествования. Выложить все сразу — значит безнадежно испортить рассказ. Его прелесть слагается из недосказанного, когда слушатель должен восполнять пробелы, исходя из собственного опыта. Пилон взял розовый лифчик с колен Хесуса Марии, провел по нему пальцами, и глаза его стали задумчивыми. Но через мгновение в них вспыхнула радость.

— Знаю! — воскликнул он. — Мы отдадим эту штучку Дэнни для подарка миссис Моралес.

Все, кроме Хесуса Марии, горячо приветствовали этот план, и он почувствовал, что остался в жалком меньшинстве. Пабло тактично наполнил банку Хесуса Марии, хорошо понимая, каково это — потерпеть поражение.

Но прошло немного времени, и все трое начали улыбаться. Пилон рассказал очень смешную историю, случившуюся с его отцом. К обществу вернулось хорошее настроение. Они запели. Хесус Мария отбил чечетку, чтобы доказать, что его рана — пустяк. Вина в бутыли становилось все меньше и меньше, однако оно еще не иссякло,

когда троих друзей сморил сон. Пабло и Пилон, пошатываясь, добрели до своих постелей, а Хесус Мария удобно устроился на полу возле печки.

Дрова в печке догорели. Дом наполнился басовой мелодией сна. В большой комнате все застыло в неподвижности. Только святая свеча с удивительной быстротой то вскидывала, то опускала острый язычок пламени.

Позже эта свеча заставила Пилона, и Пабло, и Хесуса Марию задуматься над кое-какими этическими вопросами. Простая восковая палочка с бечевкой внутри ее. Подобный предмет, скажете вы, подвластен определенным физическим законам, и только им. Вы думаете, что его поведение обусловливается конкретными факторами, именуемыми теплотой и горением. Вы зажигаете фитиль, воск плавится и подымается по фитилю; свеча горит какое-то количество часов, затем гаснет — и все. Эпизод закончен. Вскоре свеча уже забыта и, следовательно, никогда не существовала.

Но разве вы забыли, что свеча была святой? Что в минуту угрызений совести, а может быть, чисто молитвенного экстаза Пабло обещал ее святому Франциску? И вот этот фактор помещает восковую палочку вне пределов юрисдикции

физических законов.

Свеча прицелилась острием пламени в небеса, словно художник, который сжигает себя, чтобы обрести бессмертие. Свеча становилась все короче и короче. Она искривилась. Ветер поднялся на улице и пробрался сквозь щели в стенах. Шелковый календарь, украшенный личиком прелестной девушки, выглядывающей из лепестков розы «Американская красавица», плавно качнулся на стене. Он задел огненное острие. Пламя лизнуло шелк и взбежало к потолку. Вспыхнул отставший кусок обоев и, пылая, упал на пачку старых газет.

С неба на происходившее сурово и неумолимо глядели святые и мученики. Свечка была обещана. Она принадлежала святому Франциску. Вместо нее святой Франциск получит в эту ночь свечу побольше.

Умей мы измерять глубину сна, можно было бы утверждать, что Пабло, чье кощунственное деяние послужило причиной пожара, спал еще более крепко, чем оба его друга. Но раз мы этого не умеем, остается только сказать, что спал он очень, очень крепко.

Языки пламени побежали по стенам, нашли дыры в крыше и просочились сквозь них в ночь.

Дом наполнился ревом огня. Хесус Мария заворочался и, не просыпаясь, начал стягивать с себя куртку. Но тут ему на лицо упала горящая дранка. Он с воплем вскочил и потрясенно уставился на огонь, бушевавший вокруг.

— Пилон! — завопил он. — Пабло!

Он бросился в соседнюю комнату, вытащил своих друзей из постелей и вытолкал их за дверь. Пилон все еще сжимал в кулаке розовый бюстгальтер.

Они стояли перед горящим домом и смотрели в занавешенную огнем дверь. Им был виден стол, а на нем — бутыль, в которой еще оставалось добрых два дюйма вина.

Пилон почувствовал, что в Хесусе Марии поднимается волна яростного героизма.

— Не делай этого! — крикнул он. — Пусть оно гибнет в огне, в наказание нам за то, что мы его оставили там.

До них донесся вой сирен и рев монтерейских пожарных машин, на второй передаче взбирающихся по холму. Большие красные фургоны все приближались, и лучи их прожекторов уже заметались среди сосен.

Пилон поспешно повернулся к Хесусу Марии:

— Беги и скажи Дэнни, что его дом горит. Беги

быстрее, Хесус Мария.

— А почему ты сам не бежишь?

— Слушай, — сказал Пилон, — Дэнни не знает, что его дом снимаешь ты. А на Пабло и меня он может рассердиться.

Хесус Мария признал логичность этого довода и опрометью кинулся к дому Дэнни. В доме было темно.

— Дэнни! — крикнул Хесус Мария. — Дэнни! Твой дом горит!

Ответа не было.

— Дэнни! — крикнул он снова.

В соседнем доме, в доме миссис Моралес, открылось окно, и Дэнни сказал раздраженно:

— Какого черта тебе тут надо?

— Твой другой дом горит! Тот, в котором живут Пабло и Пилон.

Дэнни немного помолчал, а потом спросил:

— Пожарные там?

— Да! — крикнул Хесус Мария.

К этому времени зарево разлилось по всему небу. До них донесся треск горящих бревен.

— Ну, — сказал Дэнни, — если пожарные ничего не могут поделать, так чего Пилон хочет от меня?

Хесус Мария услышал, как окно захлопнулось,

и, повернувшись, побежал назад. Он понимал, что явился не вовремя, но ведь заранее не угадаешь. Если бы Дэнни пропустил пожар, он мог бы рассердиться. Во всяком случае, Хесус Мария был рад, что предупредил его. Теперь вся ответственность ложилась на миссис Моралес.

Домик был маленький, тяга хорошая, а стены сухие. Пожалуй, с тех пор как выгорел старый китайский квартал, в Монтерее не случалось такого быстрого и исчерпывающего пожара. Пожарные бросили взгляд на пылающие стены и принялись поливать траву, деревья и соседние дома. Не прошло и часа, как от дома ничего не осталось. И только тогда шланги были повернуты на кучу золы, чтобы загасить угли и раскаленный пепел.

Пилон, и Пабло, и Хесус Мария стояли плечом к плечу и смотрели. Половина жителей Монтерея и все обитатели Тортилья-Флэт, за исключением Дэнни и миссис Моралес, толпились вокруг, с большим удовольствием созерцая пожар. Наконец, когда все было кончено и над черной кучей поднялось облако пара, Пилон молча повернулся и зашагал прочь.

— Куда ты идешь? — окликнул его Пабло.

— Я иду, — сказал Пилон, — в лес, чтобы выспаться. Советую и вам сделать то же. Нам лучше

пока не попадаться на глаза Дэнни.

Они задумчиво кивнули и последовали за ним в сосновый лес.

— Это урок для нас, — сказал Пилон. — Никогда не следует оставлять вино в доме на ночь.

— В следующий раз, — с унылой безнадежностью сказал Пабло, — ты оставишь его снаружи, и кто-нибудь его украдет.

VI

О том, как трое грешников, раскаявшись, обрели душевный мир. О том, как друзья Дэнни поклялись в вечной дружбе

Когда солнце поднялось над соснами и земля согрелась, а ночная роса уже высыхала на листьях герани, Дэнни вышел на крыльцо, чтобы посидеть на солнышке и поразмыслить о некоторых событиях. Он сбросил башмаки и зашевелил пальцами босых ног, грея их на солнце. На рассвете он уже сходил посмотреть на черную кучу золы, из которой торчали остатки водопроводных труб, — еще недавно все это было его вторым домом. Он уже вознегодовал, как положено, на своих небрежных друзей, уже оплакал ту недолговечность земных сокровищ, которая делает столь ценными сокровища духа. Он уже всесторонне обдумал гибель своего статуса домовладельца, сдающего второй дом в аренду, и теперь, испытав и забыв этот клубок неизбежных и приличествующих случаю эмоций, предался, наконец, единственно подлинной из них — чувству глубокого облегчения, что хотя бы половина

этого бремени свалилась с его плеч.

«Если бы он уцелел, я бы алчно требовал платы за него, — думал Дэнни. — Мои друзья охладели ко мне, потому что они стали моими должниками. Теперь мы опять будем свободны и счастливы».

Но Дэнни знал, что он должен устроить нагоняй своим друзьям, чтобы они не сочли его рохлей. И вот, сидя на крыльце и отгоняя мух движением руки, которое скорее предостерегало их, нежели грозило им гибелью, он обдумывал, что он скажет своим друзьям, прежде чем вновь откроет для них кораль былой дружбы. Он должен показать им, что он — не тот человек, чьим долготерпением можно злоупотреблять. Но он жаждал поскорее покончить со всем этим и вновь стать тем Дэнни, которого все любили, тем Дэнни, к которому спешили люди, раздобывшие бутылку вина или кусок мяса. Ведь пока он был владельцем двух домов, его считали богачом, и поэтому он лишился многих радостей.

Пилон, и Пабло, и Хесус Мария Коркоран спали крепким сном на сосновых иглах в лесу. Ночь была исполнена бурных волнений, и они устали. Но солнце наконец начало припекать их лица с полуденным пылом, муравьи гуляли по ним взад и вперед, а две голубые сойки, опустившись на

землю возле них, обзывали их всеми бранными кличками, какие только знали.

Однако окончательно разбудила их компания, устроившая пикник рядом с кустом, где они лежали: из открытой корзины с завтраком поднялись упоительные запахи и достигли ноздрей Пилона, и Пабло, и Хесуса Марии. Они проснулись; они сели; и тут они вспомнили, в каком страшном положении они очутились.

— Как начался пожар? — жалобно спросил Пабло, но никто этого не знал.

— Может, — сказал Хесус Мария, — нам пока лучше перебраться в другой город — в Уотсонвилл или в Салинас? Это хорошие города.

Пилон вытащил из кармана бюстгальтер и провел пальцем по глянцевитому розовому шелку. А потом поднял его и посмотрел сквозь него на солнце.

— Это только затянет дело, — заявил он решительно. — По-моему, будет лучше всего, если мы пойдем к Дэнни, как малые дети к отцу, и признаемся в своей вине. И тогда он уже не сможет сказать ничего такого, о чем потом не пожалел бы. А кроме того, разве у нас нет этого подарка для миссис Моралес?

Его друзья кивнули в знак согласия. Взгляд

Пилона пробился сквозь густые кусты туда, где сидели участники пикника, а главное, стояла внушительная корзина с завтраком, из которой исходил манящий аромат фаршированных яиц. Нос Пилона слегка задергался, как нос кролика. Он мечтательно улыбнулся.

— Я пойду прогуляюсь, друзья мои. И буду ждать вас у каменоломни. Если возможно, корзины не приносите.

Они грустно смотрели, как Пилон встал и исчез за деревьями точно под прямым углом по отношению к пикнику и корзине. Пабло и Хесус Мария нисколько не удивились, когда две-три секунды спустя до них донесся собачий лай, петушиный крик, ворчание дикой кошки, короткий вопль и мольба о помощи; однако участники пикника были поражены и заинтригованы. Две парочки покинули свою корзину и побежали в ту сторону, откуда исходили эти прихотливые звуки.

Пабло и Хесус Мария последовали наставлениям Пилона. Они не взяли корзины, но с тех пор их шляпы и рубахи хранили неизгладимые следы фаршированных яиц.

Часов около трех к дому Дэнни медленно брели трое кающихся грешников. Они несли искупительные дары: апельсины, яблоки и бананы,

банки с оливками и маринованными огурцами, сандвичи с ветчиной и яйцами, бутылки с содовой водой, кулек картофельного салата и номер «Сатердей ивнинг пост».

Дэнни заметил их приближение, встал и попытался вспомнить все, что должен был им сказать. Они выстроились перед ним в ряд, понурив головы.

«Собачьими собаками» назвал их Дэнни, и «ворами второго дома приличного человека», и «отродьем каракатицы». Он именовал их матерей коровами, а их отцов старыми баранами.

Пилон открыл пакет, который держал в руке, и показал сандвичи с ветчиной. А Дэнни сказал, что он больше не верит в друзей, что дружба его попрана и сердце его оледенело. Тут память начала ему изменять, так как Пабло достал из-за пазухи два фаршированных яйца. Однако Дэнни все же добрался до поколения их дедов и подверг бичующей критике добродетель его женщин и мужественность его мужчин.

Пилон вынул из кармана розовый бюстгальтер и равнодушно поболтал им в воздухе.

Тут Дэнни начисто все забыл. Он сел на крыльцо, его друзья сели рядом, и один за другим были развернуты все пакеты. Они наелись так, что им

стало не по себе. И только через час, когда они лениво откинулись, бездумно предаваясь пищеварению, Дэнни спросил между прочим, словно о давно минувшем событии:

— А как начался пожар?

— Мы не знаем, — объяснил Пилон. — Мы заснули, и тут он начался. Может, у нас есть враги?

— Может, — сказал Пабло благочестиво, — может, к этому приложил руку Бог?

— Кто знает, почему милосердный Бог поступает так, а не иначе? — добавил Хесус Мария.

Когда Пилон вручил Дэнни бюстгальтер и объяснил, что это подарок для миссис Моралес, Дэнни не изъявил особого восторга. Он бросил на бюстгальтер скептический взгляд. Его друзья сильно польстили миссис Моралес, решил он.

— Женщинам вроде нее опасно делать подарки, — сказал он наконец. — Слишком часто шелковые чулки, которые мы дарим женщинам, связывают нас по рукам и ногам.

Не мог же он объяснить своим друзьям, что с тех пор, как он стал владельцем только одного дома, между ним и миссис Моралес наступило заметное охлаждение; и точно так же галантность по отношению к миссис Моралес не позволяла ему описать, как приятно ему это охлаждение.

— Я спрячу эту штучку, — сказал он. — Может, она когда-нибудь кому-нибудь пригодится.

Когда наступил вечер и стемнело, они вошли в дом и развели огонь из шишек в железной печке. Дэнни в знак того, что все прощено и забыто, вытащил кварту граппы и поделился ее пламенем со своими друзьями.

Их жизнь мирно входила в новую колею.

— А жаль, что все куры миссис Моралес передохли, — заметил Пилон.

Но казалось, что и это не будет помехой их счастью.

— Она собирается в понедельник купить две дюжины новых, — сообщил Дэнни.

Пилон удовлетворенно улыбнулся.

— От кур миссис Сото не было никакого толку, — сказал он. — Я говорил миссис Сото, что им надо давать толченые ракушки, но она не послушалась.

Они распили кварту граппы, и ее оказалось как раз достаточно для того, чтобы дружба стала еще сладостнее.

— Хорошо иметь друзей, — сказал Дэнни. — Как грустно и одиноко человеку без друзей, с которыми можно посидеть и поделиться своей квартой граппы.

— Или своими сандвичами, — быстро добавил Пилон.

Пабло еще немного грызла совесть, ибо он подозревал, почему именно заблагорассудилось небесам спалить их дом.

— В мире найдется мало друзей, равных тебе, Дэнни. Не многим даровано утешение иметь такого друга.

Но прежде чем волны дружбы окончательно сомкнулись над головой Дэнни, он успел произнести одно предупреждение.

— Держитесь подальше от моей кровати, — приказал он. — Спать на ней буду только я.

Хотя об этом не было сказано ни слова, все четверо знали, что теперь они будут жить в доме Дэнни.

Пилон блаженно вздохнул. Незачем больше тревожиться из-за квартирной платы, незачем больше мучиться из-за долгов. Теперь он был уже не жильцом, а гостем. И мысленно он возблагодарил Господа за сожжение второго дома.

— Мы все будем здесь счастливы, Дэнни, — сказал он. — Вечерами мы будем сидеть у огня, и наши друзья будут навещать нас. И порой, быть может, у нас найдется стаканчик винца, чтобы выпить за дружбу.

И тут Хесус Мария, изнемогая от признательности, произнес опрометчивое обещание. Виновата в этом была граппа, и ночь пожара, и фаршированные яйца. Он чувствовал, что получил великие дары, и хотел принести свой дар.

— Нашим долгом и нашей обязанностью будет следить, чтобы в доме всегда была еда для Дэнни, — возвестил он. — Никогда больше наш друг не будет голодать.

Пилон и Пабло привскочили в тревоге, но слова были произнесены — прекрасные, великодушные слова. Ни один человек не мог бы безнаказанно взять их назад. Сам Хесус Мария понял весь размах подобного обещания, лишь когда произнес его. Им оставалось только надеяться, что Дэнни про него забудет.

«Ибо, — размышлял Пилон, — выполнение такого обета будет похуже квартирной платы. Это будет рабство».

— Мы клянемся в этом, Дэнни! — сказал он.

Они сидели у печурки, и на глаза их навернулись слезы, а их любовь друг к другу становилась почти невыносимой.

Пабло отер увлажнившиеся глаза тыльной стороной ладони и повторил слова, недавно сказанные Пилоном:

— Мы будем здесь очень счастливы.

VII

О том, как друзья Дэнни стали творить добро. О том, как они пришли на помощь бедняге Пирату

Многие люди каждый день видели Пирата, и некоторые смеялись над ним, а некоторые жалели его, но никто не был с ним близко знаком и никто не вмешивался в его жизнь. Это был тяжеловесный великан с огромной черной и густой бородой. Он ходил в бумазейных штанах и синей рубахе, а шляпы у него не было совсем. По городу он ходил в башмаках. Когда Пират сталкивался со взрослыми людьми, в глазах его появлялся испуг — тайный страх лесного зверя, который с радостью убежал бы, если бы осмелился повернуться к врагу спиной. И поэтому все пайсано Монтерея знали, что разум его так и остался детским. Пиратом его прозвали из-за бороды. Каждый день можно было видеть, как он катит по улицам города тачку, груженную сосновыми поленьями, — он возил ее по улицам, пока не продавал свой груз. И всегда по пятам за ним стаей шли пять его собак.

Энрике сложением напоминал гончую, но обладал пушистым хвостом. Пахарито был коричневой масти и кудлат — больше ничего рассмотреть не удавалось. О Рудольфе прохожие говорили: «Вот американская собака». Пушок был мопсом, а Сеньор Алек Томпсон смахивал на эрделя. Они шли взводом позади Пирата, изъявляя ему всяческое почтение и стараясь сделать его как можно счастливее. Когда он, устав катить тачку, садился отдохнуть, они все пытались забраться к нему на колени, чтобы им почесали за ухом.

Некоторые видели Пирата рано утром на улице Альварадо, некоторые видели, как он рубит дрова, некоторые знали, что он продает растопку, но никто, кроме Пилона, не знал всего, что делал Пират. Пилон же знал всех и все о каждом.

Пират жил в Тортилья-Флэт, в пустом курятнике во дворе заброшенного дома. Поселиться в самом доме он счел бы непозволительной дерзостью. Собаки жили вокруг него и на нем, и Пирату это нравилось, потому что в самую холодную ночь ему было от них тепло. Когда у него замерзали ноги, ему достаточно было прижать их к теплому брюху Сеньора Алека Томпсона. Курятник был таким низким, что Пирату приходилось

влезать в него на четвереньках.

Каждое утро задолго до рассвета Пират выползал из своего курятника, а за ним появлялись его собаки, встряхиваясь и чихая от холодного воздуха. Затем вся компания спускалась в Монтерей и начинала обрабатывать некий тупик. В этот тупик выходили задние двери нескольких ресторанов. Пират по очереди открывал каждую и оказывался в теплой ресторанной кухне, благоухающей запахами съестного. И в каждой кухне повар, ворча, совал ему в руку пакет с остатками вчерашних блюд. И ни один из них не знал, почему, собственно, он это делает.

Когда Пират заканчивал свой обход и набирал полную охапку пакетов, он возвращался вверх по склону холма на улицу Манро и располагался на пустыре, а собаки в волнении сновали вокруг него. Тут он развертывал пакеты и начинал кормить собак. Себе он из каждого пакета брал кусок хлеба или мяса, но не выбирал самое лучшее. Собаки рассаживались вокруг, нервно облизывались и перебирали передними лапами в ожидании кормежки. Но они никогда не дрались из-за пищи, и это было поистине удивительно. Вообще собаки Пирата никогда не дрались друг с другом, но они кидались в бой с любым четверо-

ногим обитателем улиц Монтерея. Приятно было смотреть, как эта свора гоняется за фокстерьерами и шпицами, словно за кроликами.

К тому времени, когда трапеза заканчивалась, уже совсем рассветало. Пират сидел на земле и смотрел, как по небу разливается утренняя синева. Внизу он видел выходящие в море шхуны с палубным грузом леса. Он слышал мелодичный звон колокола на буе за Чайна-пойнт. Собаки сидели вокруг него и грызли кости. Пират, казалось, не столько видел, сколько слушал день — глаза его оставались неподвижными, но в нем чувствовалась какая-то сосредоточенность. Его ручищи тянулись к собакам, и пальцы принимались ласково перебирать грубый мех. Просидев так с полчаса, Пират шел в угол пустыря, сбрасывал дерюгу, укрывавшую тачку, и выкапывал из земли топор, который закапывал тут каждый вечер. Затем, толкая перед собой тачку, он поднимался на вершину холма и бродил по лесу, отыскивая сухое смолистое дерево. К полудню он уже доверху нагружал тачку превосходной растопкой и тогда спускался со своей собачьей свитой в город и кружил по улицам до тех пор, пока не продавал свой груз за двадцать пять центов.

Проследить все это было нетрудно, но никто не

знал, что он делает с вырученными деньгами. Он никогда их ни на что не тратил. Ночью он под охраной своих собак отправлялся в лес и прятал очередной двадцатипятицентовик там, где уже лежали сотни других таких же монет. Где-то у него был тайник с целой кучей денег.

Пилон, этот проницательнейший человек, от которого не ускользала ни одна подробность жизни его ближних и который особенно любил раскрывать тайны, кроющиеся в самых глубинах сознания его знакомых, обнаружил клад Пирата с помощью логических выкладок. Пилон рассуждал так: «Каждый день этот Пират получает четверть доллара. Если ему дают две монеты по десять центов и одну в пять, он заходит в лавку и обменивает их на двадцатипятицентовую. Он никогда не тратит денег. Следовательно, он их прячет».

Пилон попробовал вычислить сумму клада. Пират вел такую жизнь уже давно. Шесть дней в неделю он рубил дрова, а по воскресеньям ходил в церковь. Одежду он получал у черного хода жилых домов, пищу — у задних дверей ресторанов. Пилон некоторое время путался во внушительных цифрах, но потом сдался. «У Пирата, во всяком случае, не меньше ста долла-

ров», — решил он.

Пилон уже много месяцев размышлял над всем этим. Но только после того, как они дали восторженное и глупое обещание кормить Дэнни, Пилон узрел возможность извлечь личную выгоду из богатства Пирата.

Прежде чем вплотную коснуться этого вопроса, Пилон долго обрабатывал и усыплял свою совесть. Ему было очень жаль Пирата. «Бедный дурачок, — говорил он себе. — Бог не дал ему всех положенных мозгов. Бедняжка Пират не может сам о себе позаботиться. Вспомни, он живет в грязи, в старом курятнике. Он питается объедками, которые годятся только для его собак. Он одевается в лохмотья. И оттого, что мозги у него не в порядке, он прячет свои деньги».

Теперь, заложив фундамент сострадания, Пилон перешел к выводам. «Не будет ли достойным деянием, — думал он, — позаботиться о нем, раз он сам о себе позаботиться не может? Покупать ему теплую одежду? Кормить его человеческой пищей? Однако, — напомнил он себе, — у меня ведь нет денег, хотя желание сделать все это терзает мое сердце. Так как же осуществить этот милосердный замысел?»

Вот теперь он был уже на правильном пути.

Подобно кошке, которая в течение целого часа подбирается к воробью, Пилон был наконец готов к решающему прыжку. «Нашел! — мысленно вскричал он. — Дело обстоит так: у Пирата есть деньги, но не хватает ума их тратить. У меня есть ум! Мой ум будет к его услугам. Я даром поделюсь с ним своим рассудком. Вот как я смогу помочь этому бедному недоумку».

Это было одно из самых блестящих логических построений, когда-либо возводившихся Пилоном. И он почувствовал свойственную всякому истинному художнику потребность показать свое творение публике. «Я расскажу Пабло», — подумал он. Но тут же усомнился, есть ли у него право сделать это. Так ли уж Пабло безупречно честен? Не захочет ли он потратить часть денег на собственные нужды? Пилон решил не рисковать, по крайней мере на первых порах.

Удивительно бывает узнать, что брюхо самой черной и гнусной твари бело как снег. И грустно бывает обнаружить, что тело ангела под одеждой поражено проказой. Да будет честь и слава Пилону, ибо он открыл, как можно обнаружить и показать миру добро, скрытое в самом дурном. И в отличие от многих и многих святых он не был слеп ко злу, заключенному в благе. С грустью

приходится признать, что Пилону никогда не удалось бы стать святым, ибо ему не хватало глупости, самодовольства и алчного желания обрести награду. Пилону было достаточно того, что он творит добро, и наградой ему служила радость созидания братства между людьми.

В тот же вечер он отправился в курятник, где жил Пират со своими собаками. Дэнни, Пабло и Хесус Мария, сидевшие у печурки, видели, что он собрался уходить, но ничего не сказали. Их удержала деликатность, так как, думали они, либо Пилона овеяло дыхание любви, либо он знает, как раздобыть немного вина. И в том и в другом случае это их не касается, если он сам не захочет рассказать, в чем дело.

Уже давно стемнело, и в кармане у Пилона лежал огарок, — кто знает, не подскажет ли что-нибудь выражение лица Пирата во время их разговора? А в сумке у Пилона покоилась сладкая булочка, которую Сузи Франсиско, работавшая в пекарне, дала ему в обмен на приворотное зелье для Чарли Гусмана. Чарли был почтово-телеграфным рассыльным и ездил на мотоцикле; и Сузи уже запаслась мужской кепкой, чтобы надеть ее задом наперед на случай, если Чарли вдруг пригласит ее прокатиться. Пилон полагал, что

Пирату может понравиться сладкая булочка.

Вечер был очень темный. Пилон брел по узкой улочке, на которую выходили пустыри и заросшие бурьяном запущенные сады.

Злой бульдог Гальвеса, рыча, выбежал из калитки Гальвеса, и Пилон наговорил ему много лестных вещей, чтобы успокоить его.

«Хорошая собачка», — сказал он ласково, и еще: «Красивая собачка». И то и другое утверждение было заведомой ложью, однако они, видимо, произвели на бульдога благоприятное впечатление, ибо он снова скрылся за калиткой Гальвеса.

Наконец Пилон добрался до пустого дома, во дворе которого обитал Пират. Он знал, что теперь ему следует быть осторожным, ибо, как всем было известно, собаки Пирата, стоило им заподозрить кого-либо в дурном умысле против их хозяина, бросались на его защиту с демонической яростью. Едва Пилон вошел во двор, как из курятника до него донеслось глухое угрожающее рычание.

— Пират! — окликнул он. — Это твой добрый друг Пилон пришел потолковать с тобой.

Наступила тишина. Собаки перестали рычать.

— Пират, это я, Пилон.

Ему ответил угрюмый бас:

— Уходи. Я сплю. Собаки спят. Уже темно, Пи-

лон. Иди спать.

— У меня в кармане свечка, — крикнул Пилон. — От нее в твоем темном доме станет светло, как днем. У меня есть для тебя большая сладкая булка.

В курятнике послышалась легкая возня.

— Ну, входи, — сказал Пират. — Я скажу собакам, что ты свой.

Пробираясь через бурьян, Пилон слышал, как Пират тихо разговаривает с собаками, убеждая их, что это всего только Пилон, который ничего дурного им не сделает. Пилон согнулся перед темным ходом, чиркнул спичкой и зажег свой огарок.

Пират сидел на земляном полу, а собаки лежали поперек его ног и около него. Энрике заворчал, и его пришлось еще раз успокаивать.

— Он не такой умный, как остальные, — добродушно сказал Пират. Его глаза радостно блестели, как у развеселившегося ребенка. Он улыбнулся, и в свете огарка сверкнули его большие белые зубы.

Пилон протянул ему сумку.

— Вот тебе вкусный пирог, — сказал он.

Пират взял сумку и заглянул в нее; потом он восхищенно улыбнулся и вытащил булочку.

Собаки разом ухмыльнулись, повернули к нему морды, стали перебирать передними лапами и облизываться. Пират разломил булочку на семь кусков. Первый кусок от отдал Пилону, своему гостю.

— Держи, Энрике, — сказал он. — Держи, Пушок. Держи, Сеньор Алек Томпсон.

Каждая собака получила свою долю, сразу проглотила ее и посмотрела, не дадут ли еще. Пират съел свой кусок и показал собакам пустые руки.

— Видите, больше ничего нет, — сказал он им. И собаки тут же улеглись на свои места.

Пилон сел на пол и поставил огарок перед собой. Пират смущенно бросил на него вопрошающий взгляд. Пилон молчал, чтобы в голове Пирата успело промелькнуть побольше вопросов. Наконец он сказал:

— Ты причиняешь своим друзьям много беспокойства.

В глазах Пирата появилось удивление.

— Я? Моим друзьям? Каким друзьям?

Голос Пилона стал ласковым.

— У тебя есть много друзей, которые думают о тебе. Они не навещают тебя, потому что ты гордый. Они думают, что твоя гордость будет ранена, если они увидят, что ты живешь в этом

курятнике, одетый в лохмотья, и ешь отбросы вместе со своими собаками. А беспокоятся твои друзья потому, что боятся, как бы от такой плохой жизни ты не заболел.

Пират слушал его речь, не дыша от изумления, и его мозг тщетно пытался усвоить все эти новые вещи. Ему и в голову не приходило усомниться в их истинности — раз Пилон так говорит, значит, это правда.

— У меня столько друзей? — недоуменно спросил он. — А я и не знал. И я причиняю этим друзьям беспокойство? Я не знал, Пилон. Я не стал бы причинять им беспокойство, если бы знал. — Он глотнул, потому что волнение сжимало ему горло. — Понимаешь, Пилон, собакам здесь нравится. А мне здесь нравится из-за них. Я не знал, что причиняю беспокойство моим друзьям. — На глаза Пирата навернулись слезы.

— И все-таки, — сказал Пилон, — то, как ты живешь, тревожит всех твоих друзей.

Пират уставился в землю и попытался обрести ясность мыслей, но, как всегда, когда он пробовал решить какой-нибудь вопрос, его мозг подернулся серым туманом и ничем ему не помог. В растерянности он поглядел на собак, ища защиты, но они уже снова заснули, потому что все это

их не касалось. И тогда он просительно взглянул в глаза Пилона.

— Скажи мне, что я должен сделать, Пилон. Я этого ничего не знаю.

Все оказалось слишком простым. Пилону даже стало стыдно, что это так легко. Он заколебался и чуть было не отказался от своего плана, но тут же почувствовал, что в таком случае очень на себя рассердится.

— Твои друзья бедны, — сказал он. — Они хотели бы помочь тебе, но у них нет денег. Если у тебя есть спрятанные деньги, достань их. Купи себе одежду. Ешь настоящую пищу, а не то, что выбрасывают другие. Достань свои деньги из потайного места, Пират.

Произнося эту речь, Пилон внимательно вглядывался в лицо Пирата. Он увидел, как глаза Пирата наполнились подозрением и недоверием и угрюмо опустились. Теперь Пилон твердо знал две вещи: во-первых, что у Пирата есть спрятанные деньги, и во-вторых, что добраться до них будет нелегко. Последнее было ему приятно. Пират превратился в тактическую задачу, решение которой доставляло Пилону истинное удовольствие.

Теперь Пират снова смотрел на него, и в его

глазах была хитрость, прикрытая нарочитым простодушием.

— У меня нет никаких денег, — сказал он.

— Но каждый день, мой друг, я вижу, как ты получаешь четверть доллара за свои дрова, и я ни разу не видел, чтобы ты что-нибудь тратил.

На этот раз мозг Пирата успел прийти к нему на выручку.

— Я отдаю их одной бедной старушке, — сказал он. — У меня нет никаких денег. — И в тоне его было нечто, запиравшее эту тему на замок.

«Значит, нужно будет что-то придумать, — подумал Пилон. — Значит, придется пустить в ход все мои дарования». Он встал и поднял огарок.

— Я только хотел рассказать тебе о том, как беспокоятся твои друзья, — сказал он с упреком. — Если ты не хочешь мне помочь, я ничего для тебя не могу сделать.

Глаза Пирата снова просияли нежностью.

— Скажи им, что я здоров, — попросил он. — Скажи моим друзьям, чтобы они приходили навещать меня. Я не буду очень гордым. Я буду рад их видеть в любое время. Ты передашь им все это, Пилон?

— Передам, — сухо ответил Пилон. — Но твои друзья огорчатся, когда узнают, что ты ничего не

делаешь, чтобы успокоить их тревогу.

Пилон задул огарок и удалился в темноте. Он понял, что Пират никогда не откроет, где его тайник. Значит, надо добраться до него хитростью, взять деньги силой, а затем снабдить Пирата всем необходимым. Иного выхода не было.

И вот Пилон принялся следить за Пиратом. Он крался за ним в лес, когда тот шел рубить дрова. Он лежал в засаде у курятника по ночам. Он долго и настойчиво уговаривал его, но все было бесполезно. Он ни на шаг не приблизился к кладу. Либо деньги были закопаны в курятнике, либо спрятаны где-то в самой чаще леса, и Пират навещал свой тайник только по ночам.

Долгие и бесплодные бдения исчерпали терпение Пилона. Он понял, что нуждается в помощи и совете. А от кого было их ждать, как не от его товарищей — Дэнни, Пабло и Хесуса Марии? Кто еще мог действовать столь хитро и столь вкрадчиво? Кто еще мог так забыть о себе в приливе доброты?

Пилон посвятил друзей в свой план; но сперва он подготовил их так же, как раньше подготовил себя: бедность Пирата, его беспомощность, и в заключение — выход из всех трудностей. Когда он дошел до описания этого выхода, его друзья уже

пылали филантропическим жаром. Они осыпали его похвалами. Их лица лучились добротой. Пабло высказал предположение, что денег в тайнике наверняка гораздо больше, чем сто долларов.

Когда их восторг несколько улегся и превратился во вдохновляющий энтузиазм, они перешли к обсуждению дальнейших действий.

— Мы должны следить за ним, — сказал Пабло.

— Но я следил за ним, — возразил Пилон. — Наверное, он ходит туда ночью, и его легко потерять из виду. А по пятам за ним не пойдешь. Собаки охраняют его хуже всяких чертей. Это будет нелегко.

— Ты приводил ему все доводы? — спросил Дэнни.

— Да, все.

В конце концов выход нашел Хесус Мария, этот гуманнейший из людей.

— Это трудно, пока он живет в своем курятнике, — сказал он. — Ну а если он будет жить здесь, с нами? Либо наша доброта заставит его заговорить, либо нам будет легче заметить, если он куда-нибудь уходит по ночам.

Друзья долго взвешивали это предложение.

— Иногда ему в ресторанах дают совсем хорошую еду, — задумчиво произнес Пабло. — Я сам

видел у него бифштекс, в котором не хватало только самой чуточки.

— Там, может быть, даже двести долларов, — сказал Пилон.

У Дэнни нашлось возражение:

— Но как же собаки… он ведь приведет с собой собак.

— Это хорошие собаки, — сказал Пилон. — Они делают все, что он им говорит. Ты можешь отделить чертой угол и сказать: «Пусть твои собаки не выходят за эту черту». Он им объяснит, и собаки не будут оттуда выходить.

— Как-то утром я встретил Пирата, и он нес половину пирога, только чуть подмоченного кофе, — сказал Пабло.

Вопрос был улажен. Дом превратился в комитет, а комитет навестил Пирата.

В курятнике стало очень тесно, когда они все в него забрались. Пират пытался скрыть свою радость за ворчливым тоном.

— Погода стоит плохая, — начал он светскую беседу. И потом: — Может, вы не поверите, а я снял с шеи Рудольфа клеща величиной с голубиное яйцо. — Затем он презрительно отозвался о своем доме, как подобает хозяину: — Он слишком мал, — сказал он. — И недостоин того, чтобы

принимать в нем друзей. Только здесь тепло и уютно, особенно собакам.

Тут заговорил Пилон. Он сказал Пирату, что тревога за него убивает его друзей; но если бы он согласился жить у них, они снова могли бы спать со спокойной совестью.

Это потрясло Пирата. Он поглядел на свои руки. И он поглядел на своих собак, ища утешения и поддержки, но собаки отводили глаза. Наконец он стер счастье со своих глаз тыльной стороной ладони и вытер руку о свою большую черную бороду.

— А собаки? — спросил он тихо. — Вы и собак зовете? Моим собакам вы тоже друзья?

Пилон кивнул:

— Да, мы зовем и собак. Для собак будет отведен целый угол.

Пират был гордым человеком. Он боялся, что не сумеет держаться с должным достоинством.

— Уходите пока, — сказал он умоляюще. — Идите пока домой. Я приду завтра.

Его друзья понимали, что он чувствует. Они выползли за дверь и оставили его одного.

— Он будет счастлив с нами, — сказал Хесус Мария.

— Бедняжка, до чего он одинок, — добавил

Дэнни. — Если бы я только знал, я бы уже давно пригласил его, даже не будь у него клада.

Они все пылали огнем радости.

Скоро они привыкли к новым жильцам. Дэнни с помощью кусочка синего мела отделил в большой комнате один из углов, который собаки не должны были покидать, пока находились в доме. В этом же углу вместе с собаками спал и Пират.

Теперь, когда в доме жило уже пять человек и пять собак, в нем стало тесновато, однако с самого начала Дэнни и его друзья поняли, что пригласить Пирата их надоумил тот усталый и замученный заботами ангел, который следил за их судьбами и охранял их от зла.

Каждое утро, задолго до того, как его друзья просыпались, Пират выбирался из своего угла и в сопровождении собак отправлялся на обход ресторанов и пристаней. Он принадлежал к тем людям, которых все жалеют. Вручаемые ему пакеты становились все объемистее. Друзья не пренебрегали его дарами и охотно принимали их: свежую рыбу, куски пирогов, непочатые черствые булки, мясо, которое достаточно было потереть содой, чтобы плесень сошла бесследно. Теперь они зажили по-настоящему.

И то, что они принимали его приношения,

трогало Пирата куда больше, чем любое благодеяние, которое они могли бы ему оказать. Когда он смотрел, как они поедают принесенные им припасы, в его глазах светилось обожание.

По вечерам, когда они сидели у печурки и ленивыми голосами сытых богов обсуждали последние события, волновавшие Тортилья-Флэт, взгляд Пирата перебегал ото рта ко рту, и губы его шевелились, шепотом повторяя слова, произносимые его друзьями. Собаки лениво ластились к нему.

И эти люди — его друзья, говорил он себе по ночам, когда в доме воцарялся мрак, а собаки теснее прижимались к нему, чтобы всем было тепло. Эти люди так его любили, так из-за него беспокоились, что не могли позволить ему жить в одиночестве. Пират без конца твердил себе это, потому что никак не мог поверить в столь чудесную, столь невероятную вещь. Его тачка стояла теперь во дворе Дэнни, и каждый день он рубил дрова и продавал их. Но Пират так боялся упустить хоть одно слово из вечерних бесед своих друзей и хотя бы на час лишиться возможности чувствовать веяние дружеской теплоты, что он уже несколько дней не навещал своего тайника и не добавлял к нему заработанные монеты.

Его друзья были очень добры к нему. Они обходились с ним с самой изысканной любезностью, но он всегда был под наблюдением чьих-то глаз. Когда он катил свою тачку в лес, один из друзей сопровождал его и сидел на бревне, пока он работал. Когда он перед сном спускался в овраг, Дэнни, или Пабло, или Пилон, или Хесус Мария шли вместе с ним. А ночью, как бы бесшумно он ни двигался, ему не удавалось выбраться из дома без того, чтобы за ним не последовала какая-то тень.

В течение недели друзья довольствовались тем, что просто следили за Пиратом. Но в конце концов такая бездеятельность им надоела. Действовать прямо, само собой разумеется, было нельзя — это они хорошо понимали. И вот как-то вечером у печки завязалась беседа о том, стоит ли прятать накопленные деньги. Начал Пилон:

— У меня был дядя, настоящий скряга, и он спрятал свое золото в лесу. Один раз он пошел посмотреть на него, а его уже нет. Кто-то нашел это золото и украл. Дядя был тогда уже стариком, и так как все его деньги пропали, он повесился.

Пилон с удовлетворением заметил тревогу, омрачившую лицо Пирата.

Дэнни тоже заметил ее и тут же подхватил:

— Вьехо, мой дед, которому принадлежал этот

дом, тоже закопал деньги. Не знаю, сколько, но он слыл богачом, так что, наверное, их было долларов четыреста, не меньше. Вьехо вырыл глубокую яму и положил в нее деньги, а потом засыпал их землей, а потом набросал сверху сосновых игл, чтобы никто не мог догадаться, что тут копали. Но когда он вернулся, яма была раскопана, а от денег и помину не осталось.

Губы Пирата беззвучно повторяли каждое слово. На лице его был написан ужас. Его пальцы перебирали жесткую шерсть на загривке Сеньора Алека Томпсона. Друзья переглянулись и на время переменили тему. Они заговорили о любовных делах Корнелии Руис.

Ночью Пират выскользнул из дома, собаки выскользнули вслед за ним, а Пилон выскользнул вслед за всеми ними. Пират быстро углублялся в лес, уверенно перепрыгивая через поваленные деревья и кучи хвороста. Пилон кое-как поспевал за ним. Но когда они прошли так мили две, Пилон совсем запыхался и был весь исцарапан. Он остановился, чтобы перевести дух, и вдруг заметил, что впереди все звуки прекратились. Он подождал, прислушался, порыскал вокруг, но Пират как сквозь землю провалился.

Только через два часа усталый Пилон добрался

до дома. Там в углу среди своих собак крепко спал Пират. Когда Пилон вошел, собаки подняли головы, и Пилону показалось, что они ехидно ему улыбнулись.

На следующее утро в овраге происходило совещание.

— Выследить его невозможно, — сообщил Пилон. — Он исчезает. Он видит в темноте. Он знает в лесу каждое дерево. Надо найти какой-то другой способ.

— Может, это в одиночку трудно, — предположил Пабло. — Вот если мы все пойдем за ним, так, может, кто-нибудь его и проследит.

— Сегодня вечером мы опять будем разговаривать, — сказал Хесус Мария, — только страшнее. Одна моя знакомая дама хочет подарить мне немного вина, — скромно добавил он. — Может, если Пират чуточку выпьет, ему будет труднее от нас ускользнуть.

На этом и порешили.

Знакомая дама подарила Хесусу Марии целый галлон вина. Что может сравниться с восторгом Пирата, когда в этот вечер перед ним поставили банку, полную вина, и он, сидя в кругу друзей, попивал вино и слушал их беседу? Такая радость редко выпадала на долю Пирата. Он жаждал об-

нять этих чудесных людей и сказать им, как он их любит. Но сделать это было нельзя, так как они могли подумать, что он пьян. Он жалел, что не может совершить чего-нибудь замечательного, чтобы показать им свою любовь.

— Вчера мы говорили о зарытых деньгах, — сказал Пилон. — Сегодня мне припомнился мой двоюродный брат, очень умный человек. Уж если кто-нибудь в мире мог найти для денег надежный тайник, так это он. И вот он взял свои деньги и спрятал их. Может, вы его видели, жалкого нищего, который бродит по пристаням, выклянчивая рыбьи головы себе на похлебку? Так это мой двоюродный брат. Кто-то украл его зарытые деньги.

Лицо Пирата вновь омрачилось тревогой.

История следовала за историей, и в каждой на тех, кто прятал свои деньги, сыпались всевозможные беды.

— Лучше хранить деньги у себя под рукой, тратить их понемножку и делиться со своими друзьями, — закончил Дэнни.

Они не спускали глаз с Пирата и в разгар самой страшной из историй увидели, что тревога исчезла с его лица, сменившись улыбкой облегчения. Теперь он спокойно потягивал свое вино, и глаза его радостно блестели. Друзья пришли в

отчаяние. Все их планы провалились. Им было невыносимо тяжело. Вот как им отплатили за их доброту, за их милосердие! Пират каким-то образом умудрился избежать тех благ, которыми они собирались его осыпать. Они допили свое вино и угрюмо разошлись по постелям.

Даже ночью бдительность не покидала Пилона. Его уши бодрствовали, когда все остальное его тело предавалось сну. Он услышал, как Пират и его собаки крадучись вышли из дома. Он тут же разбудил своих друзей, и через секунду все четверо уже шли за Пиратом в лес. Среди сосен стояла непроглядная тьма. Четверо друзей натыкались на стволы, путались в плетях ползучих растений, и все же в течение долгого времени слышали впереди шаги Пирата, и тут внезапно наступила тишина — только лес шелестел да шуршал легкий ночной ветерок. Они обшарили весь лес и все заросли кустарника, но Пират вновь бесследно исчез.

В конце концов, замерзшие, полные уныния, они отыскали друг друга и устало поплелись назад в Монтерей. Заря занялась задолго до их возвращения. Лучи солнца уже искрились в волнах залива. До них донесся запах утреннего дыма из кухонных труб Монтерея.

Пират вышел на крыльцо, чтобы поздороваться с ними, и лицо его светилось счастьем. Они угрюмо прошли мимо него в комнату. Там на столе лежал большой парусиновый мешок.

Пират тоже вошел в комнату.

— Я сказал тебе неправду, Пилон, — заговорил он. — Я сказал тебе, что у меня нет денег, потому что я боялся. Я ведь не знал тогда, что у меня есть друзья. Вы рассказывали о том, что спрятанные деньги всегда воруют, и я опять испугался. Только вчера вечером я понял, что делать. Мои деньги будут в безопасности у моих друзей. Никто не сможет украсть их, если мои друзья будут стеречь их для меня.

Все четверо в ужасе уставились на него.

— Забери свои деньги назад в лес и спрячь их там, — свирепо потребовал Дэнни. — Мы не хотим их стеречь.

— Нет, — сказал Пират. — Я буду бояться за них, если я их закопаю. Но я буду счастлив и спокоен, зная, что мои друзья стерегут их для меня. Вы не поверите этому, но две прошлые ночи кто-то выслеживал меня в лесу, чтобы украсть мои деньги.

Как ни ужасен был удар, Пилон, это воплощение находчивости, попытался отвести его.

— Прежде чем отдать нам эти деньги, — сказал он вкрадчиво, — может, ты возьмешь себе немножко на расходы?

Пират покачал головой:

— Этого я сделать не могу. Деньги обещанные. У меня уже почти тысяча четвертаков. Когда я наберу их тысячу, я куплю золотой подсвечник для святого Франциска Ассизского. У меня была очень хорошая собака, и она заболела; и я обещал проработать тысячу дней, чтобы купить золотой подсвечник, если собака поправится. И, — он протянул вперед свои огромные ладони, — эта собака поправилась.

— Одна из этих собак? — осведомился Пилон.

— Нет, — сказал Пират. — Ту через несколько дней задавил грузовик.

Итак, все было кончено, не осталось никакой надежды увернуться от этих денег. Дэнни и Пабло угрюмо подняли тяжелый мешок с серебряными монетами, отнесли его в соседнюю комнату и положили под подушку на кровати Дэнни. Со временем мысль о том, что эти деньги лежат у них под подушкой, стала приносить им радость, но в эту минуту горечь поражения была невыносима. И ничего нельзя было сделать. Счастье поманило их и обмануло.

Пират стоял перед ними, и в глазах его сверкали блаженные слезы, ибо он доказал свою любовь к друзьям.

— Подумать только, — сказал он, — столько лет я прожил в курятнике, не зная никаких радостей. Но зато теперь, — докончил он, — зато теперь я очень, очень счастлив.

VIII

О том, как друзья Дэнни в канун Дня святого Андрея искали заколдованный клад. О том, как Пилон нашел его и как позже саржевые брюки дважды переменили владельца

Если бы Португалец был героем, он истерзался бы, служа в армии. Но он был Большой Джо Португалец, прошедший хорошую тренировку в монтерейской тюрьме, и это не только избавило его от мук неудовлетворенного патриотизма, но и укрепило в следующем убеждении: как каждый день своей жизни человек делит пополам между сном и бодрствованием, так и каждый год человеческой жизни положено делить пополам между тюрьмой и волей. Однако пока шла война, Джо Португалец проводил в тюрьме значительно больше времени, чем на воле.

В гражданской жизни человека наказывают за то, что он делает; однако военные уставы добавляют к этому совершенно новый принцип — они наказывают человека за то, чего он не делает. Джо Португалец никак не мог этого понять. Он не

чистил своей винтовки, он не брился и раз или два не возвращался из отпуска. Эти прегрешения усугублялись, кроме того, склонностью Большого Джо вступать в словесные перепалки, когда начальство пыталось его образумить.

Прежде он проводил в тюрьме половину своей жизни; из двух лет службы в армии он провел в тюрьме восемнадцать месяцев. И тюремная жизнь в армии ему совсем не нравилась. Монтерейская тюрьма приучила его к покою и приятному обществу. В армии его принуждали работать. В Монтерее его всегда обвиняли только в одном: в пьянстве и нарушении общественного порядка. Обвинения, предъявлявшиеся ему в армии, настолько сбили его с толку, что это, вероятно, оставило неизгладимый след на его рассудке.

Когда война кончилась и солдаты были распущены по домам, Большому Джо еще предстояло отсидеть шесть месяцев. Обвинение гласило: «Появление в пьяном виде в расположении полка. Нанесение сержанту удара канистрой из-под керосина. Попытка отрицания своей личности (Джо начисто забыл, кто он такой, и поэтому на все вопросы отвечал отрицательно). Кража шестнадцати фунтов вареных бобов и самовольная

отлучка на лошади майора».

Если бы перемирие еще не было подписано, Большого Джо, вероятно, расстреляли бы. Он вернулся в Монтерей много позже остальных ветеранов, когда те уже успели пообъесть все сладкие плоды победы.

Когда Большой Джо соскочил с поезда, на нем были армейская шинель, гимнастерка и синие саржевые брюки.

В городе все осталось по-старому, если не считать «сухого закона», а в заведении Торрелли все осталось по-старому, несмотря на «сухой закон». Джо сменял свою шинель на галлон вина и отправился искать друзей.

Истинных друзей он в этот вечер не встретил, хотя ему в изобилии попадались те гнусные и криводушные гарпии и мошенники, которые всегда рады заманить человека в пучину порока. Джо, не отличавшийся высокой нравственностью, не испытывал никакого отвращения к пучине; она ему нравилась.

Довольно скоро вино его иссякло, а денег у него не было и раньше. И тут гарпии попробовали изгнать Джо из пучины, но он ни за что не хотел уходить. Ему в пучине было уютно.

Когда они попытались пустить в ход силу,

Большой Джо в справедливом и ужасающем негодовании переломал всю мебель, перебил все стекла в окнах, выгнал полураздетых визжащих девиц в ночной мрак и напоследок поджег дом. Вводить Джо в искушение было делом опасным: он и не думал ему противиться.

В конце концов явился полицейский и забрал его. Большой Джо испустил счастливый вздох. Теперь он почувствовал, что действительно вернулся домой.

После короткого судебного разбирательства без участия присяжных он получил тридцать дней тюремного заключения, с наслаждением разлегся на жесткой койке и проспал без просыпу десятую часть своего срока.

Большой Джо любил монтерейскую тюрьму. В ней всегда можно было рассчитывать на хорошую компанию. Стоило остаться тут подольше, и он успевал по очереди повидать всех своих друзей. Время летело незаметно. Ему взгрустнулось, когда пришлось с ней расстаться, но грусть эту смягчала мысль, что он может вернуться сюда в любую минуту.

Он с радостью погрузился бы вновь в пучину порока, но у него не было ни денег, ни вина. Он исходил все улицы в поисках своих старых

друзей — Пилона, и Дэнни, и Пабло, но так их и не встретил. Полицейский сержант сказал, что давно уже не забирал их в участок.

— Значит, они все умерли, — сказал Португалец.

В тоске он забрел к Торрелли, но Торрелли не жаловал людей, у которых не было ни денег, ни ценных вещей, и Большой Джо не нашел у него утешения. Однако Торрелли все-таки сообщил ему, что Дэнни получил в наследство дом в Тортилья-Флэт и что все его друзья живут теперь у него.

Большого Джо охватила нежность к друзьям и горячее желание увидеть их. Вечером он отправился на холм в Тортилья-Флэт, чтобы отыскать Дэнни и Пилона. Пока он поднимался по крутой улочке, уже совсем стемнело, и тут ему навстречу попался Пилон, спешивший куда-то с озабоченным видом.

— Здравствуй, Пилон. А я как раз иду к тебе.

— Здравствуй, Джо Португалец, — торопливо сказал Пилон. — Где ты пропадал?

— В армии, — ответил Джо.

Мысли Пилона были заняты другим.

— Ну, мне пора, — бросил он.

— Я пойду с тобой, — сказал Джо.

Пилон остановился и смерил его взглядом.

— А ты помнишь, какая сегодня ночь?

— Нет. А какая?

— Сегодня канун Дня святого Андрея.

Тут Большой Джо Португалец понял все: это была ночь, когда все пайсано, за исключением тех, кто сидел в тюрьме, бродили до утра в лесу. Это была ночь, когда все погребенные в земле клады испускали слабое фосфоресцирующее сияние. А сокровищ в лесу было спрятано немало. За двести лет Монтерей много раз подвергался нашествию врагов, и каждый раз люди закапывали свои богатства в землю.

Ночь была ясная. Пилон, как это иногда с ним случалось, сбросил с себя жесткую дневную скорлупу. В эту ночь он был идеалистом, дарителем даров. В эту ночь он выполнял благородную миссию.

— Ты можешь пойти со мной, Большой Джо Португалец, но если мы найдем клад, решать, что с ним делать, буду я. Если ты на это не согласен, то иди один и ищи свой собственный клад.

Большой Джо не умел самостоятельно расходовать свою энергию.

— Я пойду с тобой, Пилон, — сказал он. — А без клада я обойдусь.

Когда они вошли в лес, наступила ночь. Их ноги ступали по ковру из опавшей хвои. И Пилон понял, что ночь эта совершенна. Небо подернулось туманной дымкой, и лунный свет между деревьями колыхался, как легкая газовая ткань. Исчезла четкость форм, которую мы привыкли отождествлять с реальностью. Стволы сосен казались не черными деревянными колоннами, а мягкими полупрозрачными тенями. В неверном свете смутные пятна кустов непрерывно меняли свои очертания. В такую ночь привидения могли смело разгуливать по земле, не страшась людского неверия, ибо это была колдовская ночь и ее чарам не поддался бы лишь самый тупой и нечувствительный человек.

Иногда Пилону и Джо встречались другие искатели кладов, без устали выписывавшие среди сосен сложные зигзаги. Они шли молча, опустив голову, и не окликали встречных. И кто мог сказать, все ли они были живыми людьми из плоти и крови? Джо и Пилон знали, что по лесу бродят и призраки тех, кто когда-то закопал тут клады, ибо в канун Дня святого Андрея они возвращаются на землю присмотреть, чтобы никто не тронул их золота. На шее Пилона поверх одежды висела ладанка с изображением его святого, и поэтому

он не боялся духов. Большой Джо шел, сложив пальцы крестом. Хотя их и одолевал страх, они знали, что надежно защищены от таинственных сил этой ночи.

Пока они ходили так, поднялся ветер, и по бледному лунному диску, словно вода, чуть замутненная серой акварельной краской, заструился туман. Зыбкий туман привел в движение лес: каждое дерево тихонько кралось куда-то, и бесшумно, как большие черные кошки, кружили кусты. Вершины деревьев хрипло шептались на ветру, предсказывали судьбу, пророчили смерть. Пилон знал, что лучше не слушать речи деревьев. Провидение будущего никому еще не приносило добра, а кроме того, этот шепот нес погибель человеческим душам. Пилон не стал слушать речи деревьев.

Он зигзагами шел по лесу, а Большой Джо шел рядом с ним, словно громадный насторожившийся пес. Одинокие безмолвные люди проходили мимо и шли дальше, не окликнув их; и мертвецы бесшумно проходили мимо и шли дальше, не окликнув их.

Далеко внизу, на маяке, завыла в сгустившемся тумане сирена; она рыдала, изливая свою печаль по всем славным кораблям, разбившимся на

безжалостном рифе, и по всем тем, которым еще суждено было там разбиться.

Пилон содрогнулся, и ему стало холодно, хотя ночь была теплой. Еле слышным шепотом он начал читать «Ave Maria».

Им встретился серый человек, который шел, опустив голову, и не окликнул их.

Минул час, а Пилон и Большой Джо все еще бродили по лесу так же неприкаянно, как мертвецы, которыми была полна эта ночь.

Вдруг Пилон остановился. Его рука нащупала локоть Джо.

— Видишь? — шепнул он.

— Где?

— Вон там, прямо впереди.

— Кажется, вижу.

Пилону мнилось, что он видит смутный столп бледно-голубого света, исходящий из земли в десяти ярдах перед ним.

— Большой Джо, — прошептал он, — найди две палки фута в три длиной. Я боюсь отвести глаза. Я могу его потерять.

Он стоял, как пойнтер над дичью, а Большой Джо кинулся за палками. Пилон слышал, как он отломил две сухие сосновые ветки. Потом раздалось потрескивание — это Большой Джо

очищал ветки от сучков. А Пилон по-прежнему смотрел на бледное призрачное сияние. Оно было таким слабым, что порой вовсе исчезало. Иногда Пилону казалось, что оно ему только чудится. Он не отвел взгляда, когда Большой Джо сунул ему в руку две палки. Пилон сложил палки под прямым углом и медленно пошел вперед, держа перед собой крест. Когда он приблизился, свет словно растаял, но Пилон уже заметил там, откуда он пробивался, совершенно круглую впадину в ковре из сосновых игл.

Пилон положил свой крест на эту впадину и произнес:

— Все, что лежит тут, принадлежит мне по праву открытия. Прочь, все злые духи. Прочь, души тех, кто зарыл клад. In Nomen Patris et Filii et Spiritus Sancti![15] — Тут он перевел дух и сел на землю.

— Мы нашли его, друг мой Большой Джо, — вскричал он. — Много лет я искал его и вот нашел.

— Давай копать, — сказал Большой Джо.

Но Пилон досадливо помотал головой.

— Когда все духи свободно бродят по земле?

---

[15] Примечания: 15
Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! (*лат.*)

Когда даже быть здесь опасно? Ты дурак, Большой Джо. Мы просидим тут до утра, потом заметим место, а копать будем завтра ночью. Света больше никто не увидит, потому что мы придавили его крестом. А завтра ночью никакой опасности уже не будет.

Теперь, когда они уселись на сухую хвою, ночь показалась им еще более жуткой, но крест, словно маленький костер, источал теплоту святости и спокойствия. Однако, как всякий костер, он грел их только спереди. А спины их были открыты холодной и злой нечисти, бродившей по лесу.

Пилон встал, очертил место, где они сидели, большим кругом и, замыкая его, оказался внутри.

— Да не преступит никакая нечисть этой черты, заклинаю ее именем Пресвятого Иисуса, — проговорил он нараспев.

Потом он снова сел. И у него, и у Большого Джо стало легче на душе. Они слышали приглушенные шаги измученных, неприкаянных духов; они видели огоньки, мерцавшие на проходивших мимо призрачных фигурах; но спасительная черта надежно защищала их. Никакие злые силы ни здешнего, ни потустороннего мира не могли проникнуть в круг.

— А что ты сделаешь с деньгами? — сказал Большой Джо.

Пилон бросил на него презрительный взгляд.

— Видно, ты никогда не ходил искать кладов, Большой Джо Португалец, ведь ты даже не знаешь, как это делается. Я не могу оставить этот клад себе. Если стану выкапывать его для себя, он будет уходить все глубже и глубже в землю, как устрица в песок, и не дастся мне в руки. Нет, так кладов не ищут. Этот клад я выкопаю для Дэнни.

Вся жившая в Пилоне мечта об идеальном вырвалась наружу. Он рассказал Большому Джо, как добр был Дэнни к своим друзьям.

— А мы ничего для него не делаем, — говорил он. — Мы не платим за жилье. Иногда мы напиваемся и ломаем мебель. Мы деремся с Дэнни, когда злимся на него, и обзываем его разными словами. Мы все очень плохие, Большой Джо. И вот все мы — Пабло, и Хесус Мария, и Пират, и я — потолковали между собой и кое-что придумали. Сегодня мы все пошли в лес искать клад. И клад этот мы ищем для Дэнни. Дэнни такой хороший, Большой Джо. Он такой добрый, а мы такие плохие. Но если мы принесем ему большой мешок сокровищ, он обрадуется. И потому, что сердце мое чисто от корысти, мне было дано найти клад.

— И ты ничего себе не возьмешь? — недоверчиво спросил Большой Джо. — Даже на бутылку вина?

В Пилоне в эту ночь не осталось даже крупицы скверного Пилона.

— Нет, ни единой золотой пылинки! Ни единого цента! Это все для Дэнни, все целиком.

Большой Джо был разочарован.

— Я столько ходил, и не получу за это даже стаканчика вина! — пожаловался он.

— Когда мы отдадим эти деньги Дэнни, — тактично сказал Пилон, — он, быть может, купит немножко вина. Конечно, я об этом и не заикнусь, потому что клад принадлежит Дэнни. Но мне думается, что он, может быть, и купит немножко вина. И в таком случае, если ты сделал ему что-нибудь хорошее, он, пожалуй, угостит и тебя.

Большой Джо утешился. Он давно знал Дэнни и считал вполне вероятным, что Дэнни купит довольно много вина.

Над ними струилась ночь. Луна зашла, и лес погрузился в глухую тьму. Сирена на мысу выла, не умолкая. И всю ночь напролет Пилон хранил непорочную чистоту души. Он даже принялся читать наставление Большому Джо, как это свойственно новообращенным.

— Быть добрым и великодушным дело стоящее, — сказал он. — Благие деяния не только возводят нам приют блаженства на небесах, но и приносят скорую награду здесь, на земле. По животу разливается золотое тепло, словно после глотка крепкой перцовки. Дух Божий облекает тебя в пиджак, мягкий, словно из верблюжьей шерсти. Я не всегда был хорошим человеком, Большой Джо Португалец. Я признаюсь в этом по доброй воле.

Большой Джо был прекрасно осведомлен об этом и без его признания.

— Я был плохим, — в экстазе продолжал Пилон, наслаждаясь своей речью. — Я лгал и воровал. Я предавался распутству. Я прелюбодействовал и поминал имя Божье всуе.

— И я тоже, — радостно вставил Большой Джо.

— А к чему это привело, Большой Джо Португалец? Меня томил страх. Я знал, что попаду в ад. Но теперь я вижу, что нет такого грешника, который не мог бы обрести прощения. Хотя я еще не побывал у исповеди, я чувствую, что перемена во мне угодна Богу, ибо его благодать осенила меня. Если и ты тоже изменишь свою жизнь, Большой Джо, если ты оставишь пьянство, и драки, и девочек Доры Уильямс, то, быть может, ты почувствуешь

то же, что и я.

Но Большой Джо крепко спал. Он всегда быстро засыпал, как только переставал двигаться.

Пилон уже не так явственно ощущал осенившую его благодать, потому что не мог больше рассказывать о ней Большому Джо, но он продолжал сидеть и смотреть на место, под которым покоился клад, а небо из темного становилось серым, и за туманами занималась заря. Он видел, как деревья обретали форму и выступали из сумрака. Ветер затих, из кустов выбежали маленькие голубоватые кролики и запрыгали по сухой хвое. Глаза Пилона слипались, но он был счастлив.

Когда рассвело, он ногой растолкал Большого Джо:

— Пора идти домой к Дэнни. Уже день.

Пилон отбросил крест, так как он больше не был нужен, и стер спасительную черту.

— А теперь, — сказал он, — мы должны запомнить это место по деревьям и камням, потому что никаких заметок делать нельзя.

— Давай выкопаем его сейчас, — предложил Большой Джо.

— И пусть вся Тортилья-Флэт явится к нам на подмогу, — саркастически закончил Пилон.

Они внимательно осмотрели все кругом, замечая:

— Вот три дерева рядом справа и два слева. Вон там кусты, а тут большой камень.

Наконец они ушли от клада, старательно запоминая дорогу.

В доме Дэнни они увидели усталых друзей.

— Вы что-нибудь нашли? — осведомились те.

— Нет, — быстро ответил Пилон, предупреждая признание, готовое сорваться с губ Большого Джо.

— Пабло думал, что видит свет, но свет исчез прежде, чем он до него добрался. А Пират видел призрак старухи, и с ней была его собака.

Пират заулыбался:

— Старуха сказала, что моя собака теперь счастлива.

— Со мной пришел Большой Джо Португалец, он вернулся из армии, — возвестил Пилон.

— Здорово, Джо.

— У вас тут очень неплохо, — сказал Португалец, непринужденно опускаясь в кресло.

— Держись подальше от моей кровати, — предупредил его Дэнни, ибо он знал, что Джо Португалец отсюда больше не уйдет. В том, как он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, чувство-

валась домашняя небрежность.

Пират вышел во двор, забрал свою тачку и отправился в лес рубить дрова; но остальные пятеро улеглись, подставляя себя тем солнечным лучам, которые успели пробиться сквозь туман, и вскоре крепко уснули.

Когда они проснулись, день был уже в разгаре. Пробудившись, они потянулись, сели и скучным взглядом уставились на залив, на коричневый танкер, который медленно выходил в открытое море. Пират оставил на столе свои сумки, и друзья, открыв их, достали еду, которую собрал Пират.

Большой Джо направился по дорожке к покосившейся калитке.

— Вечером увидимся, — крикнул он Пилону.

Пилон провожал его тревожным взглядом, пока не убедился, что Большой Джо спускается по холму в Монтерей, а не поднимается к лесу. Четверо друзей расположились поудобнее и в приятной дремоте следили за тем, как наступает вечер.

В сумерках вернулся Джо Португалец. Пилон отвел его в угол двора, подальше от дома, и они коротко посовещались.

— Мы возьмем инструменты взаймы у миссис Моралес, — сказал Пилон. — Лопата и мотыга

прислонены к ее курятнику.

Когда совсем стемнело, они отправились в путь.

— Мы идем в гости к девочкам, знакомым Джо Португальца, — сообщил Пилон остальным.

Пилон и Джо осторожно проникли во двор миссис Моралес и взяли взаймы лопату и мотыгу. И тут Большой Джо вытащил из придорожного бурьяна бутыль вина.

— Ты продал клад, — в ярости крикнул Пилон, — ты предатель, о собачья собака!

Большой Джо невозмутимо успокоил его.

— Я не сказал, где лежит клад, — заявил он с достоинством. — Я сказал вот так: «Мы нашли клад, — сказал я. — Но он принадлежит Дэнни. Когда Дэнни его получит, я займу у него доллар и заплачу за вино».

Пилон был ошеломлен.

— И тебе поверили и тебе дали вина? — с сомнением в голосе спросил он.

— Ну, — запнувшись, объяснил Большой Джо. — я оставил одну вещь в залог того, что я принесу доллар.

Пилон молниеносно повернулся и схватил его за горло.

— Что ты оставил?

— Только одно крохотное одеяло, Пилон, — жалобно проскулил Большой Джо. — Всего одно одеяло.

Пилон принялся его трясти, но Большой Джо был так грузен, что Пилону удалось встряхнуть только самого себя.

— Какое одеяло? — крикнул он. — Говори, какое одеяло ты украл?

Большой Джо захныкал:

— Только одно — у Дэнни. Одно-единственное. Ведь у него их два. Я взял только самое-самое крохотное. Не бей меня, Пилон. Второе было больше. А это Дэнни получит обратно, когда мы выкопаем клад.

Пилон одним рывком повернул его и вложил все свое негодование в меткий пинок.

— Свинья, — сказал он. — Подлый ворюга. Ты вернешь это одеяло, а не то я из тебя ремней понаделаю.

Большой Джо попробовал смягчить его.

— Я подумал, что ведь мы стараемся для Дэнни, — прошептал он. — Я подумал: «Дэнни будет так рад, и он сможет купить себе сто новых одеял».

— Замолчи, — сказал Пилон. — Ты вернешь это самое одеяло, или я тебя изобью камнем.

Он взял бутылку, откупорил ее и сделал несколько глотков, чтобы успокоить свою возмущенную щепетильность; а потом воткнул пробку обратно и не дал Португальцу ни капли.

— За эту кражу копать будешь ты. Бери инструменты и иди за мной.

Большой Джо заскулил, как щенок, и повиновался. У него не хватало мужества восстать против праведного гнева Пилона.

Они долго искали заветное место. Было уже очень поздно, когда Пилон наконец указал на три стоящие рядом дерева.

— Тут, — заявил он.

Они рыскали по прогалине, пока не нашли круглую впадину. В эту ночь лес не был затянут туманом, и им помогал лунный свет.

Теперь, поскольку ему не надо было копать, Пилон начал развивать новую теорию добывания кладов.

— Иногда деньги закапывали в мешках, — сказал он. — И мешки эти сгнивали. Если ты будешь копать прямо на этом месте, то можешь растерять часть денег.

Он очертил впадину широким кругом.

— Так вот, вырой по этой черте глубокую канаву, и мы подберемся к сокровищу снизу.

— А ты разве копать не будешь? — спросил Большой Джо.

Пилон дал выход своей ярости.

— Значит, это я ворую одеяла? — кричал он. — Это я краду вещи с постели друга, который приютил меня?

— Ну, один я копать не стану, — заявил Большой Джо.

Пилон схватил сосновый сук, который еще накануне был половиной святого креста, и грозно приблизился к Большому Джо Португальцу.

— Вор! — прорычал он. — Грязная свинья, фальшивый друг! Бери лопату.

Храбрость Большого Джо испарилась, и он нагнулся за лопатой. Он, возможно, и заспорил бы, но совесть его была слишком нечиста, и Пилон, на чьей стороне были правота и сосновая дубинка, внушал ему сильный страх.

Большой Джо питал сильное отвращение к самой идее копания. В траектории движущейся лопаты не было ничего эстетического. Цель же всей работы, то есть извлечение земли из одного места и перенесение ее в другое, не может не показаться человеку с более возвышенными устремлениями бесполезной и нелепой. Чего достигнет он, если посвятит копанию всю свою

жизнь? Правда, чувства Большого Джо не были столь сложны. Он просто не любил копать. Он записался в армию, чтобы драться, а вместо этого только и делал, что копал.

Но Пилон зорко следил за ним, и вокруг места с кладом начала изгибаться канава. Ссылки на болезнь, голод и непосильность подобного труда не приносили плоды. Пилон был неумолим и не переставая попрекал Джо преступной кражей одеяла. Джо хныкал, жаловался, протягивал руки, чтобы показать ссадины и мозоли, но Пилон не давал ему передышки и заставлял копать.

Наступила полночь, и глубина канавы достигла трех футов. Закукарекали петухи в Монтерее. Луна зашла за деревья. И наконец Пилон отдал приказ подбираться к сокровищу. Земля все медленнее вылетала из канавы. Большой Джо был совсем измучен. Перед самым рассветом его лопата ударилась о что-то твердое.

— Ой! — вскрикнул он. — Вот он, Пилон!

Находка была большой и квадратной. Они принялись лихорадочно выкапывать ее, хотя в темноте совсем не видели, что это такое.

— Осторожнее! — предостерег Пилон. — Не повреди его.

Утро наступило прежде, чем они успели выко-

пать свой клад. Пилон почувствовал под рукой что-то металлическое и наклонился в сером полумраке, стараясь разглядеть, что же они нашли. Нашли они бетонную плиту внушительных размеров. Сверху в нее была вделана круглая бронзовая бляха. Пилон прочел по складам:

«Геодезическая служба Соединенных Штатов + 1915 + Высота шестьсот футов».

Пилон сел на дно ямы, и плечи его уныло сгорбились.

— Значит, это не клад? — жалобно спросил Большой Джо.

Пилон ничего не ответил. Большой Джо внимательно осмотрел плиту, и брови его задумчиво сдвинулись. Он повернулся к опечаленному Пилону.

— Может, мы отдерем эту прекрасную медную дощечку и продадим ее?

Пилон поднял склоненную в горести голову.

— Джонни Помпом нашел такую штуку, — сказал он со спокойствием безмерного разочарования. — Джонни Помпом отодрал медную дощечку и попробовал ее продать. За выкапывание таких штук полагается год тюрьмы, — тоскливо заключил Пилон. — Год тюрьмы и две тысячи долларов штрафа.

Томимый страданием, Пилон хотел только одного: поскорее уйти от этого рокового места. Он встал, вырвал пук высокой травы, чтобы завернуть бутылку, и начал спускаться с холма.

Большой Джо сочувственно затрусил позади.

— Куда мы идем? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Пилон.

Когда они добрались до берега моря, солнце уже сияло вовсю, но Пилон не остановился даже здесь. Он брел по слежавшемуся песку вдоль самой воды до тех пор, пока Монтерей не остался далеко позади, и только песчаные дюны Сисайда да сверкающие волны залива могли видеть его печаль. Наконец он сел на сухой песок под горячими лучами солнца. Большой Джо сел рядом с ним, и ему показалось, что в молчаливых страданиях Пилона почему-то повинен он.

Пилон снял траву с бутылки, вытащил пробку и сделал несколько больших глотков; но печаль — это матерь сострадания, и он протянул бесчестному Джо принадлежащую ему же бутылку.

— Как мы старались! — вскричал Пилон. — Как влекли нас наши мечты! Я уже думал: вот мы несем Дэнни мешки с золотом. Я видел, каким станет его лицо. Он удивился бы. И долго-долго не мог бы этому поверить. — Пилон отобрал

бутылку у Большого Джо и сделал чудовищный глоток. — И ничего этого не будет. Нынешняя ночь развеяла все надежды.

Солнце уже сильно припекало. И, несмотря на свое тяжкое разочарование, Пилон почувствовал, что его охватывает коварное успокоение, предательское желание отыскать в случившемся хорошую сторону.

Джо Португалец, по обыкновению, втихомолку отпил больше, чем ему полагалось. Пилон в негодовании отобрал у него бутылку и несколько раз основательно к ней приложился.

— В конце концов, — философски заметил он, — если бы мы отыскали золото, оно, быть может, и не пошло бы на пользу Дэнни. Он ведь всегда был бедняком. И, разбогатев, мог бы рехнуться.

Большой Джо торжественно кивнул. Вино в бутыли все убывало и убывало.

— Счастье лучше богатства, — сказал Пилон. — Если мы постараемся сделать его счастливым, это будет куда лучше, чем дарить ему деньги.

Большой Джо снова кивнул и разулся.

— Сделать его счастливым — это ты правильно говоришь.

Пилон меланхолично напустился на него.

— Ты всего только свинья и недостоин того, что-

бы жить с людьми, — коротко сказал он. — Тебя, похитителя одеяла Дэнни, следовало бы держать в конуре и кормить картофельными очистками.

Теплые солнечные лучи совсем их разморили. Маленькие волны, шепчась, набегали на песок. Пилон разулся.

— Остаток пополам, — сказал Большой Джо, и они допили все вино до последней капли.

Пляж мерно покачивался, подымаясь и опускаясь, как океанская зыбь.

— Ты неплохой человек, — сказал Пилон.

Но Большой Джо Португалец уже спал. Пилон снял куртку и прикрыл ею лицо. Через несколько секунд он тоже погрузился в сладкий сон.

Солнце описывало в небосводе привычную дугу. Прилив разлился по пляжу и вновь отступил. К спящим, подпрыгивая, стайками приблизились зуйки и внимательно их осмотрели. Бродячая собака обнюхала их. Две пожилые дамы, собиравшие морские раковины, увидели их неподвижные тела и торопливо прошли мимо, — а вдруг эти мужчины проснутся и кинутся вслед, чтобы напасть на них с преступными намерениями! Просто ужасно, единодушно решили они, что полиция не желает принимать никаких мер для предотвращения подобных случаев.

— Они пьяны, — сказала одна из дам.

Другая обернулась и посмотрела на спящих.

— Пьяные скоты, — согласилась она.

Когда наконец солнце скрылось за соснами на холме позади Монтерея, Пилон проснулся. Рот его пересох, словно обожженный квасцами, голова болела, а тело совсем затекло от долгого лежания на жестком песке. Большой Джо продолжал храпеть.

— Джо! — окликнул его Пилон, но Джо даже не пошевелился.

Пилон приподнялся на локте и посмотрел на море.

«Не худо бы смочить рот глотком вина», — подумал он и поднес к губам бутыль, но ни единая капля не увлажнила его сухого языка. Тогда он вывернул карманы в надежде, что в них, покуда он спал, произошло чудо, — однако чуда в них не произошло. Он обнаружил только сломанный перочинный нож, за который уже раз двадцать тщетно пытался получить стакан вина. И еще рыболовный крючок в куске пробки, обрывок грязной бечевки, собачий зуб и несколько ключей, не подходящих ни к одному из известных Пилону замков. Среди всей этой коллекции не было ни одной вещи, на которую Торрелли

польстился бы даже в припадке умопомешательства.

Пилон задумчиво посмотрел на Большого Джо.

«Бедняга, — подумал он. — Когда Джо Португалец проснется, его будет мучить точно такая же жажда. Он будет рад, если я припасу для него глоток вина».

Он попробовал растолкать Большого Джо, но тот, буркнув что-то невнятное, продолжал храпеть, и Пилон обшарил его карманы. Он нашел медную брючную пуговицу, металлическую бляху с надписью «В «Голландце» кормят вкусно», пять обгорелых спичек и кусок жевательного табака.

Пилон присел на корточки. Выхода не было. Хотя его глотка властно требовала вина, ему оставалось только иссохнуть в этих песках.

Тут его внимание привлекли саржевые брюки Португальца, и он тихонько пощупал их.

«Хорошая материя, — подумал он. — С какой стати должен этот подлый Португалец расхаживать в штанах из такой хорошей материи, когда все его друзья носят бумажные?»

Затем он вспомнил, как плохо сидят эти брюки на Большом Джо, как тесны они ему в поясе, даже когда он не застегивает верхних пуговиц, как

они ему коротки. «А ведь человек благопристойного роста был бы счастлив обзавестись такими штанами».

Пилон вспомнил, в каком преступлении повинен Большой Джо, и почувствовал себя ангелом-мстителем. Как смеет эта чумазая дылда наносить Дэнни подобные оскорбления!

«Когда он проснется, я изобью его!.. Однако, — тут же возразил на это Пилон-моралист, — он совершил кражу. И ему было бы хорошим уроком узнать, каково это, когда у тебя что-нибудь крадут. Какой толк в наказании, если оно ничему не учит?»

Позиция Пилона была совершенно неуязвима. Если он одним махом сумеет отомстить за Дэнни, проучить Большого Джо, преподать урок этики и раздобыть вина, кто во всем мире решится осудить его?

Он изо всех сил толкнул Португальца, но Большой Джо только отмахнулся от него, как от мухи. Пилон ловко стянул с него брюки, скатал их и небрежной походкой направился в ту сторону, где за дюнами лежал Монтерей.

Торрелли не было дома, и дверь Пилону открыла миссис Торрелли. Несколько минут он напускал на себя таинственность, но в конце

концов предъявил ей брюки.

Она решительно покачала головой.

— Но поглядите же хорошенько, — не отступал Пилон. — Вы видите только грязь и пятна. А вы поглядите, какая под ними хорошая материя! Подумайте, сеньора! Вы выводите эти пятна и отглаживаете брюки! Приходит Торрелли. Он молчит, у него дурное настроение. И тут вы показываете ему эти великолепные штаны. Посмотрите, как весело заблестели его глаза! Посмотрите, как он рад! Он сажает вас к себе на колени! Посмотрите, как он улыбается вам, сеньора! Столько счастья — и всего за один галлон красного вина!

— Штаны сзади совсем протерлись, — сказала она.

Пилон поднял брюки и посмотрел их на свет.

— Разве сквозь них можно что-нибудь разглядеть? Нет! Просто они стали мягкими и удобными. Они как раз в самом лучшем состоянии.

— Нет, — твердо сказала она.

— Вы жестоки к своему мужу, сеньора. Вы лишаете его счастья. И я не удивлюсь, если увижу, что он ухаживает за другими женщинами, не такими бессердечными. Ну, не галлон, так хоть кварту?

В конце концов миссис Торрелли не устояла, и Пилон получил свою кварту. Он тут же выпил все вино.

— Вы сбиваете цену счастья, — сказал он с упреком. — Я должен был бы получить по крайней мере полгаллона.

Миссис Торрелли была тверже гранита. Больше Пилон не получит ни капли. Пилон сидел на кухне миссис Торрелли и угрюмо размышлял: «Бессовестная ростовщица. Она задаром выманила у меня штаны Большого Джо».

Пилон с грустью вспомнил о своем друге, оставшемся там, среди дюн. Что с ним теперь будет? Если он пойдет в город, его арестуют. А что сделала эта гарпия, чтобы заслужить такие штаны? Она попыталась купить у Пилона штаны, принадлежащие его другу, за жалкую кварту никудышного вина. Пилон почувствовал, как в нем закипает гнев против нее.

— Я ухожу, — объявил он миссис Торрелли. Брюки уже висели в чуланчике за кухней.

— Всего хорошего, — ответила через плечо миссис Торрелли и отправилась в маленькую кладовку за припасами для обеда.

По пути на улицу Пилон прошел мимо чуланчика и захватил с собой не только брюки Большого

Джо, но и одеяло Дэнни.

Пилон шагал по пляжу, направляясь к тому месту, где он оставил Большого Джо. На песке впереди пылал яркий костер, и Пилон вскоре заметил, что на фоне огня мелькают маленькие силуэты. Уже совсем стемнело, и он шел, ориентируясь на огонь. Приблизившись, он сообразил, что это пикник девочек-скаутов. Дальше Пилон продвигался крадучись.

Сперва он никак не мог найти Большого Джо, но в конце концов разглядел его: тот лежал, по пояс зарывшись в песок, совсем потеряв голос от холода и страха. Пилон твердым шагом приблизился к нему и протянул ему брюки.

— Бери их, Большой Джо, и радуйся, что получил их обратно.

У Джо зуб на зуб не попадал.

— Кто украл мои штаны, Пилон? Я лежу здесь уже не знаю сколько часов — я ведь не мог уйти из-за этих девчонок.

Пилон услужливо заслонил Португальца от девочек, хлопотавших около костра. Большой Джо стряхнул с ног прилипший к ним холодный сырой песок и натянул брюки. Потом они с Пилоном бок о бок побрели по темному пляжу туда, где огни Монтерея, словно нити бус, опоясывали

холм. В глубине пляжа, припав к земле, как усталые гончие, лежали дюны, а волны потихоньку разучивали удары и чуть-чуть шипели. Ночь была холодна и надменна, ее теплая жизнь исчезла без следа, и она горько и грозно напоминала человеку, что он одинок в мире и одинок среди себе подобных и что нигде его не ждет утешение.

Пилон был все еще погружен в мрачные мысли, и Джо Португалец не мог не почувствовать, что его друг чем-то глубоко взволнован. Наконец Пилон повернулся к нему.

— Это учит нас, что доверять женщине — величайшая глупость.

— Значит, мои штаны украла какая-то женщина? — в волнении спросил Большой Джо. — Кто это? Я ей покажу!

Но Пилон только грустно покачал головой, как старик Иегова, который, отдыхая в седьмой день творения, узрел, что созданный им мир нуден и плох.

— Она наказана, — сказал Пилон. — Можно даже сказать, что она сама себя наказала, а что может быть лучше? Она приобрела твои штаны, она завладела ими в алчности, а теперь она их лишилась.

Подобные рассуждения были выше понима-

ния Большого Джо — в них крылись тайны, с которыми лучше не связываться. Именно этого и добивался Пилон. Большой Джо смиренно сказал:

— Спасибо, Пилон, что ты вернул мои штаны.

Но Пилон так погрузился в философские размышления, что даже благодарность потеряла всякую цену в его глазах.

— Пустяки, — ответил он. — Во всем этом деле важен только урок, который мы можем из него извлечь.

Они свернули с пляжа к холму и миновали огромную серебристую башню газового завода.

Большой Джо Португалец был невыразимо счастлив оттого, что он идет рядом с Пилоном.

«Вот человек, который заботится о своих друзьях, — думал он. — Даже когда они спят, он бодрствует, чтобы с ними не случилось беды».

Он принял твердое решение когда-нибудь сделать Пилону что-нибудь приятное.

IX

О том, как Дэнни попал в ловушку пылесоса, и о том, как друзья Дэнни спасли его

Долорес Энграсиа Рамирес жила в собственном домике на дальнем конце Тортилья-Флэт. Она помогала по хозяйству нескольким монтереевским дамам и была одной из подлинных дочерей Золотого Запада. Она не была хорошенькой, эта пайсано с худым лицом, но в ее движениях порой сквозила томность, а в голосе звучала хрипотца, которая нравилась некоторым мужчинам. Иногда в ее глазах, туманя их, загоралась дремотная страсть, которую мужчины, подвластные велениям плоти, находили привлекательной и манящей.

Она отличалась раздражительностью, и когда давала ей волю, никому не показалась бы желанной, но сердце у нее было влюбчивое, и недаром в Тортилья-Флэт ее прозвали Конфеткой Рамирес.

Когда она находилась во власти нежного чувства, на нее было просто приятно смотреть. Как она облокачивалась о свою калитку! Каким воркующим становился ее голос! Как колыхались ее

бедра, то прижимаясь к самому забору, то плавно отступая, то вновь к нему прижимаясь, словно ленивые летние волны, накатывающиеся на песок! Кто еще мог так томно произнести простые слова:

— Ai, amigo! A'onde vas?[16]

Правда, чаще голос ее бывал визгливым, лицо — жестким и острым, как лезвие топора, фигура — неуклюжей, а намерения — самыми эгоистичными. Вторая, более мягкая сторона ее натуры просыпалась в ней только раза два в неделю, и к тому же обычно по вечерам.

Когда Конфетка услышала, что Дэнни получил наследство, она порадовалась за него. Теперь она мечтала о том, чтобы стать его спутницей жизни, как, впрочем, и все обитательницы Тортилья-Флэт. Вечер за вечером она стояла у калитки, ожидая, чтобы он прошел мимо и угодил в ее тенета. Но в течение долгого времени на ее приманку попадались только бедные индейцы и пайсано, у которых не было собственных домов и даже одежда порой оказывалась беглянкой из чьих-то более полных гардеробов.

Конфетку это не устраивало. Дом ее был рас-

---

[16] Примечания: 16
Здравствуй, дружок! Куда ты идешь? (*исп.*)

положен выше по склону, в той части квартала, куда Дэнни заглядывал редко. Сама же Конфетка не могла отправиться искать его. Она была порядочной женщиной и строго соблюдала правила приличия. Вот если бы Дэнни прошел мимо, и они поболтали бы, как положено старым друзьям, и он зашел бы к ней выпить стаканчик вина, и если бы затем природа оказалась слишком сильной, а она сопротивлялась бы не слишком упорно, вот тогда приличия почти не были бы нарушены. Но она и помыслить не могла о том, чтобы покинуть свою паутину у калитки.

Месяцы шли, а ей по-прежнему приходилось довольствоваться только теми поклонниками, у которых в карманах было пусто. Но в Тортилья-Флэт не так уж много улиц. Рано или поздно Дэнни неизбежно должен был пройти мимо калитки Долорес Энграсиа Рамирес; и так в конце концов и случилось.

За все время их давнего знакомства Дэнни ни разу не проходил мимо дома Конфетки при более благоприятных для нее обстоятельствах. Дело в том, что не далее как в это утро Дэнни нашел ящик медных гвоздей, потерянный Центральной компанией поставок. Поскольку рядом не было видно никого из служащих компании, он решил,

что это бесхозное имущество. Поэтому Дэнни извлек гвозди из ящика и переложил их в мешок. Затем он позаимствовал тачку Пирата, а заодно и самого Пирата, чтобы эту тачку толкать, и отвез свою находку на склад Западной компании поставок, где продал гвозди за три доллара. Ящик он подарил Пирату.

— Ты можешь хранить в нем всякие вещи, — сказал он. И Пират очень обрадовался.

И вот теперь Дэнни спускался с холма, направляясь по прямой линии к заведению Торрелли, а в кармане у него покоились три доллара.

Голос Долорес был полон сладостной хрипотцы, словно жужжание шмеля:

— Ai, amigo. A'onde vas?

Дэнни остановился. Планы его внезапно изменились.

— Как поживаешь, Конфетка?

— А не все ли равно? Моим друзьям это неинтересно, — кокетливо сказала она. И бедра ее томно заколыхались.

— Как так? — спросил он.

— А разве мой друг Дэнни хоть разок навестил меня?

— Ну вот я здесь, — галантно заявил он.

Она чуть-чуть приоткрыла калитку.

— Может, ты зайдешь выпить в честь дружбы стаканчик вина?

Дэнни последовал за ней в дом.

— Что это ты делал в лесу? — проворковала она.

И тут Дэнни совершил роковую ошибку. Он тщеславно поведал о заключенной им на вершине холма сделке и похвастал своими тремя долларами.

— Правда, вина у меня только-только на две рюмочки, — сказала она.

Они расположились на кухне и выпили по стаканчику вина. Вскоре Дэнни весьма рыцарственно и пылко покусился на добродетель Конфетки, но, к своему удивлению, встретил отпор, совершенно неожиданный для женщины ее телосложения и репутации. Это его очень рассердило, ибо в нем пробудился безобразный зверь похоти. Только когда он уже собрался уходить, все объяснилось.

Воркующий голос произнес:

— Может, ты зайдешь навестить меня вечерком, Дэнни?

Глаза Конфетки затуманились дремотным призывом.

— Соседи… — тактично вздохнула она.

Тут он все понял.

— Я приду вечером, — сказал он.

До вечера было еще далеко. Дэнни шел по улице, вновь направляясь прямо к Торрелли. Зверь в нем чудесно преобразился. Из разъяренного рычащего волка он стал большим, мохнатым сентиментальным медведем.

«Я куплю вина для этой милой Конфетки», — думал Дэнни.

И тут ему навстречу попался Пабло, а у Пабло было две палочки жевательной резинки. Он протянул одну Дэнни и пошел рядом с ним.

— Куда ты идешь?

— Сейчас не время для дружбы, — досадливо сказал Дэнни. — Сперва я собираюсь купить вина и подарок одной даме. Если хочешь, можешь пойти со мной, но больше чем на один стаканчик не рассчитывай. Мне надоело покупать вино для дам, чтобы его все до капли выпивали мои друзья.

Пабло согласился, что это действительно невыносимо. Самому же ему нужно общество Дэнни, а не его вино.

Они зашли в заведение Торрелли и выпили по стаканчику вина, отлив его из только что купленной бутыли. Дэнни заявил, что неприлично

угощать друга одним-единственным стаканчиком вина. Как ни горячо отказывался Пабло, они выпили по второму.

«Дамам, — думал Дэнни, — не следует пить много вина. Они от него глупеют; а кроме того, вино усыпляет те чувства, которые делают даму особенно приятной».

Они выпили еще несколько стаканчиков. Полгаллона — вполне приличный подарок, решили они, тем более что Дэнни собирается спуститься в город купить ей что-нибудь еще. Они отмерили полгаллона и выпили все, что было выше черты. Затем Дэнни спрятал бутыль в канаве среди бурьяна.

— Я буду рад, если ты пойдешь со мной покупать подарок, Пабло, — сказал он.

Пабло понимал, чем объясняется это предложение. Во-первых, Дэнни не хотел расставаться с другом, а во-вторых, он опасался, что вино не уцелеет, если оставить Пабло бродить где ему вздумается. С большим достоинством и подчеркнуто твердым шагом они спустились с холма в Монтерей.

Мистер Саймон из «Фирмы Саймона: вклады, ювелирные изделия, ссуды» любезно пригласил их в свою лавку. Название фирмы достаточно

точно указывало ассортимент товаров, которыми она торговала: на прилавке были выставлены саксофоны, радиоприемники, ружья, ножи, удочки и старинные монеты — каждая вещь подержанная, но тем не менее куда лучше новой, так как ее части только-только приработались.

— Вам что-нибудь показать? — спросил мистер Саймон.

— Да, — сказал Дэнни.

Хозяин лавки начал перечислять свои товары, но вскоре остановился на полуслове, заметив, что Дэнни не спускает глаз с большого алюминиевого пылесоса. Пылесборник был синий в желтую клетку. Электрический шнур — длинный, черный и глянцевитый. Мистер Саймон нагнулся над пылесосом, потер его ладонью, отступил на шаг и бросил на него восхищенный взгляд.

— Что-нибудь вроде пылесоса? — спросил он.

— Сколько?

— За этот — четырнадцать долларов.

Собственно говоря, мистер Саймон не столько назначал серьезную цену, сколько старался выяснить, какими капиталами располагает Дэнни. А Дэнни был охвачен желанием приобрести пылесос — ведь он был таким большим и блестящим! Ни у одной хозяйки в Тортилья-Флэт

не было пылесоса. В эту минуту Дэнни забыл, что в Тортилья-Флэт не было также и электричества. Он положил на прилавок свои два доллара и терпеливо ждал, пока утихнет буря: бешенство, негодование, печаль, вопли о нищете, о разорении, о надувательстве. Ему указывали на качество лака, на цвет пылесборника, на особую длину шнура, на то, что один металл стоит дороже! А когда все кончилось, Дэнни вышел из лавки, унося под мышкой пылесос.

Нередко в часы дневного досуга Конфетка доставала пылесос и прислоняла его к стулу. А когда приходили соседки, она начинала возить его по полу, чтобы показать, как легко он движется. И она тихонько жужжала, подражая мотору.

— Мой друг — человек богатый, — говорила она. — Вот погодите, скоро мне в дом протянут провода, полные электричества, а тогда — жж, жж, жж! — и в комнате чисто.

Соседки пытались опорочить подарок, заявляя: «Ах, как жалко, что эта машина не работает». Или: «Нет, щетка и совок, если только уметь ими пользоваться, куда надежнее!»

Но их завистливая хула не могла повредить пылесосу. Обладание им подняло Конфетку на самую вершину общественной лестницы Тор-

тилья-Флэт. Те, кто не знал ее имени, говорили просто — «ну, эта, с подметальной машиной». Нередко, когда мимо дома Конфетки проходили ее враги, можно было видеть, как она возит пылесосом по полу, жужжа во весь голос. По правде говоря, она каждый день, кончив подметать пол, обрабатывала его пылесосом, руководствуясь следующей теорией: с электричеством он чистил бы лучше, но ведь нельзя же иметь все сразу.

Ей завидовала вся округа. Она держалась теперь с большим достоинством и надменной любезностью и высоко задирала нос, как и надлежит владелице подметальной машины. В любом разговоре она не забывала упомянуть о пылесосе: «Рамон проходил по улице сегодня утром, когда я пылесосила», «Луиза Митер порезала руку сегодня днем, часа через три после того, как я кончила пылесосить».

Но и упиваясь своим величием, она не забывала о Дэнни. В его присутствии голос ее становился хриплым от избытка чувств. Она покачивалась, как сосна на ветру. И все свои вечера он проводил в доме Конфетки.

Сперва его друзья не обращали внимания на эти отлучки, ибо каждый человек имеет право на увлечения. Но недели шли, и, наблюдая, как

Дэнни от семейной жизни становится все более бледным и апатичным, его друзья пришли к выводу, что бурная благодарность Конфетки вредна для его здоровья. Они ревновали его к Конфетке, потому что, по их мнению, все это слишком затянулось.

И Пилон, и Пабло, и Хесус Мария, каждый по очереди, принимались в отсутствие Дэнни ухаживать за дамой его сердца, но Конфетка, хотя и была польщена, продолжала хранить верность тому, кто поднял ее на такую завидную высоту. Она была бы не прочь припасти их дружбу на будущее, так как знала, что счастье капризно, но сейчас она наотрез отказывала друзьям Дэнни в том, на что пока имел право только Дэнни.

И вот его друзья в отчаянии составили заговор, чтобы погубить ее.

Быть может, Дэнни в глубине души уже начал уставать от нежной привязанности Конфетки и от необходимости платить ей взаимностью. Однако, если это и было так, он не признавался в этом даже самому себе.

Как-то днем, часа в три, Пилон, Пабло и Хесус Мария, за которыми в отдалении плелся Большой Джо, торжествуя, возвращались домой после крайне напряженного утра. Для выполнения

их плана потребовалась вся стальная логика Пилона, вся артистическая изобретательность Пабло, вся доброта и человечность Хесуса Марии Коркорана. Большой же Джо не внес в это дело никакой лепты.

И вот теперь, словно четыре охотника после травли, они возвращались тем более довольные, что добыча далась им нелегко. А в Монтерее совсем сбитый с толку бедняга итальянец постепенно приходил к заключению, что его надули.

Пилон тащил бутыль вина, тщательно обернутую плющом. Они радостно прошествовали в дом Дэнни, и Пилон поставил бутыль на стол.

Дэнни, очнувшись от крепкого сна, мягко улыбнулся, встал с постели и расставил на столе банки из-под варенья. Затем он разлил вино. Его четыре друга устало опустились на стулья, утомленные трудным днем.

Они молча и неторопливо потягивали вино, ибо настал тот предвечерний час, когда в жизни Тортилья-Флэт наступает затишье. Почти все ее обитатели отрываются в это время от своих занятий, чтобы обдумать происшествия минувшего дня и прикинуть, что сулит им вечер. И в этот час всегда есть много тем для разговора.

— Корнелия Руис завела себе сегодня нового

дружка, — заметил Пилон. — Он совсем лысый. Его зовут Килпатрик. Корнелия говорит, что ее прежний друг на той неделе три дня глаз домой не казал. А она этого не любит.

— Корнелия слишком непостоянна, — сказал Дэнни и со спокойным удовлетворением подумал о своем собственном прочном благополучии, зиждущемся на несокрушимом фундаменте пылесоса.

— Отец Корнелии был еще хуже, — подхватил Пабло. — Он никогда не говорил правды. Один раз он взял у меня взаймы доллар. Я сказал об этом Корнелии, а она хоть бы что.

— Одна кровь. «Скажи мне, какой породы твоя собака, и я скажу тебе, на что она годна», — назидательно произнес Пилон.

Дэнни снова наполнил банки, и бутыль опустела. Они грустно поглядели на нее.

Хесус Мария, это воплощение человечности, негромко сказал:

— Я встретил Сузи Франсиско, Пилон. Она говорит, что все в порядке. Она уже три раза каталась с Чарли Гусманом на его мотоцикле. Первые два раза, когда она давала ему твое приворотное зелье, ему становилось нехорошо. Она уже думала, что оно не поможет. Но теперь Сузи говорит, что-

бы ты приходил за сладкими булочками, когда захочешь.

— А из чего оно, это снадобье? — спросил Пабло.

Пилон ответил сдержанно:

— Всего сказать я не могу. А нехорошо Чарли Гусману было, наверное, от коры ядовитого дуба.

Галлон вина иссяк слишком быстро. Все шестеро испытывали жажду, мучительную, как любовное томление. Пилон мигнул друзьям, они мигнули в ответ. Заговорщики были готовы приступить к действиям. Пилон откашлялся.

— Что ты такого натворил, Дэнни? Почему над тобой смеется весь город?

Дэнни обеспокоился:

— Это ты о чем?

Пилон усмехнулся:

— Поговаривают, будто ты купил для одной дамы подметальную машину и что эта машина не будет работать, пока в дом не протянут провода. А эти провода стоят очень дорого. Вот некоторые и смеются над таким подарком.

Дэнни заволновался.

— Этой даме нравится подметальная машина, — сказал он, оправдываясь.

— Ну конечно, — согласился Пабло. — Она ведь

многим говорила, что ты обещал протянуть в ее дом провода, чтобы машина могла работать.

Дэнни совсем встревожился:

— Она это говорила?

— Да, так мне сказали.

— Ничего я ей не обещал! — воскликнул Дэнни.

— Если бы мне самому не было смешно, я бы очень рассердился, слушая, как смеются над моим другом, — заметил Пилон.

— А что ты будешь делать, когда она попросит протянуть к ней провода? — спросил Хесус Мария.

— Скажу ей «нет», — ответил Дэнни.

Пилон рассмеялся:

— Хотел бы я посмотреть, как ты это сделаешь. Не так-то просто сказать этой даме «нет».

Дэнни почувствовал, что друзья не одобряют его поведения.

— Что же мне делать? — спросил он растерянно.

Пилон подошел к решению этого вопроса с обычным педантизмом.

— Если у этой дамы не будет подметальной машины, ей не нужны будут провода, — сказал он после нескольких минут глубокого размыш-

ления.

Остальные согласно закивали.

— Поэтому, — продолжал Пилон, — надо забрать у нее подметальную машину.

— Она мне ее ни за что не отдаст, — возразил Дэнни.

— Ну так мы тебе поможем, — объявил Пилон. — Я заберу машину, а взамен ты сможешь подарить этой даме галлон вина. Она даже не узнает, куда делась подметальная машина.

— Соседи увидят, как ты будешь ее уносить.

— Ну нет, — ответил Пилон. — Ты оставайся дома, Дэнни, а я заберу машину.

Дэнни вздохнул с облегчением, потому что его добрые друзья пришли ему на помощь.

Пилон был осведомлен обо всем, что происходило в Тортилья-Флэт. Его память регистрировала все, что видели его глаза или слышали его уши. Он знал, что каждый день в половине пятого Конфетка отправляется за покупками. Именно на эту ее привычку он и рассчитывал, составляя свой план.

— Будет лучше, если ты останешься в стороне, — сказал он Дэнни.

Во дворе Пилон взял заранее приготовленный рогожный мешок. Вытащив нож, он срезал с розо-

вого куста пышную ветку и засунул ее в мешок.

Как он и рассчитывал, Конфетки дома не было. «А машина эта, собственно говоря, принадлежит Дэнни», — сказал он себе.

Потребовалась всего одна минута, чтобы войти в дом, положить пылесос в мешок и искусно замаскировать отверстие мешка веткой розы.

Выходя со двора, Пилон столкнулся с Конфеткой. Он вежливо снял шляпу.

— Я заходил на минутку, думал поболтать с тобой, — сказал он.

— Так, может, ты посидишь, Пилон?

— Нет. У меня дело в Монтерее. Уже поздно.

— Куда ты несешь этот розовый куст?

— Один человек в Монтерее хочет его купить. Очень хороший куст. Посмотри, какой он пышный.

— Ну так заходи в другой раз, Пилон.

Неторопливо шагая по улице, Пилон не услышал гневного вопля. «Может, она его не сразу хватится», — подумал он.

Половина задачи была решена, оставалась вторая половина. «Что будет делать Дэнни с этой машиной? — спросил себя Пилон. — Если он оставит ее у себя, Конфетка узнает, что это он ее взял. Может, выбросить? Нет, это ценная вещь. Значит,

надо от нее избавиться и при этом извлечь пользу из ее ценности».

Теперь задача была решена окончательно, и Пилон начал спускаться с холма по улице, ведущей к заведению Торрелли.

Пылесос был большой и сверкающий. Когда Пилон вновь начал подниматься по холму, он в каждой руке нес по бутыли с вином.

Когда он вошел в дом Дэнни, друзья встретили его молчанием. Он поставил одну бутыль на стол, а другую на пол.

— Я принес тебе подарок для твоей дамы, — сказал он Дэнни. — А вот немного винца и для нас.

Они весело придвинули к столу свои стулья, потому что в их глотках бушевал пожар. Когда первая бутыль была почти опорожнена, Пилон поднес свою банку к свече и посмотрел сквозь вино на ее огонек.

— То, что случается, не имеет значения, — произнес он. — Но из всего, что случается, можно извлечь урок. А из этого можно вывести, что подарок, особенно предназначенный для дамы, не должен быть таким, чтобы после него приходилось делать еще один подарок. И еще из этого можно вывести, что грешно делать слишком дорогие подарки, ибо они разжигают алчность.

Первая бутыль опустела. Друзья посмотрели на Дэнни, желая узнать, что он теперь сделает. До сих пор он молчал, но теперь понял, что друзья ждут его решения.

— Это была бойкая дама, — сказал он. — И с очень добрым сердцем. Но, черт побери, — сказал он, — до чего мне все это надоело! — И он откупорил вторую бутыль.

Пират, сидевший в углу среди своих собак, улыбнулся про себя и восхищенно прошептал:

— Черт побери! До чего мне все это надоело!

Эти слова показались Пирату прекрасными.

Они не выпили и половины второго галлона и успели пропеть всего две песни, когда в комнату вошел молодой Джонни Помпом.

— Я был у Торрелли, — сказал Джонни. — Он совсем взбесился. Он вопит как зарезанный. Он стучит кулаками по столу.

Друзья посмотрели на него без особого интереса.

— Если с Торрелли случилась какая-нибудь неприятность, то и поделом ему.

— Сколько раз он отказывал своим постоянным клиентам в стаканчике вина!

— А что случилось с Торрелли? — спросил Пабло.

Джонни Помпом, поблагодарив, взял протянутую ему банку с вином.

— Торрелли говорит, что он купил у Пилона подметальную машину, а когда он прицепил ее к своему проводу, она не стала работать. Тогда он заглянул в ее нутро, и оказалось, что в ней нет мотора. Он говорит, что убьет Пилона.

Пилон был возмущен.

— Я не знал, что у этой машины чего-то не хватает, — сказал он. — Но я ведь сказал — «поделом Торрелли, какая бы неприятность с ним ни случилась». Такая машина стоит не меньше четырех галлонов вина, а этот сквалыга Торрелли поскупился дать больше двух.

Дэнни все еще испытывал к Пилону горячую благодарность. Он отхлебнул вино и почмокал губами.

— Эта бурда, которой торгует Торрелли, с каждым днем становится все хуже, — сказал он. — Она и всегда была свиным пойлом, но теперь уже до того дошло, что даже Чарли Марш не станет ее пить.

Тут все почувствовали, что отчасти свели счеты с Торрелли.

— Пожалуй, — сказал Дэнни, — если Торрелли не образумится, мы будем покупать вино у кого-

нибудь другого.

X

О том, как друзья Дэнни утешали капрала, а взамен получили урок родительской этики

Хесус Мария Коркоран всегда был исполнен человеколюбия. Страдания он стремился облегчать, печаль он старался смягчить, радость он разделял. Никто никогда не видел Хесуса Марию суровым или удрученным своими заботами. Сердце его было в распоряжении любого человека, которому оно могло понадобиться. Его силы и его ум всегда были к услугам тех, у кого их было меньше, чем у Хесуса Марии.

Это он четыре мили нес Хосе де ла Нарис, когда Хосе сломал ногу. Когда миссис Палочико потеряла свою любимую козу и могла остаться без молока и сыра, это Хесус Мария искал козу, нашел ее у Большого Джо Португальца, остановил занесенный нож убийцы и заставил Большого Джо вернуть ее хозяйке. И это Хесус Мария как-то вытащил Чарли Марша из канавы, где тот лежал в собственных нечистотах, — подвиг, для свершения которого требовалось не только доброе

сердце, но и крепкий желудок.

Но Хесус Мария не только умел творить добро, но был также одарен способностью оказываться под рукой, когда требовалось творить это добро.

И о нем шла такая слава, что Пилон однажды заметил:

— Если бы наш Хесус Мария стал священником, у Монтерея появился бы в календаре собственный святой, уж вы мне поверьте.

Из какого-то бездонного кармана своей души Хесус Мария неустанно черпал доброту, но от этого ее не становилось меньше.

Хесус Мария имел обыкновение каждый день ходить к почте, во-первых, потому, что там он встречал очень много знакомых, а во-вторых, потому, что на этом ветреном углу он мог любоваться ножками множества девушек. Не следует полагать, что в этом его увлечении было хоть что-нибудь пошлое или низменное. Ведь не бросаем же мы подобного упрека тем, кто посещает музеи или концерты. Хесусу Марии просто нравилось смотреть на женские ножки.

Однажды, когда он уже часа два напрасно простоял, прислонившись к стене почты, он увидел грустное зрелище.

Полицейский вел по тротуару юношу лет шест-

надцати-семнадцати, а юноша нес крохотного младенца, завернутого в лоскут серого одеяла.

Полицейский говорил:

— Ну и что ж, что я тебя не понимаю. Сидеть в канаве весь день не положено. Мы о тебе все узнаем.

А юноша отвечал по-испански с каким-то необычным акцентом:

— Но, сеньор, я ничего плохого не сделал. Почему вы меня арестовали?

Тут полицейский заметил Хесуса Марию.

— Эй, пайсано! — окликнул он его. — Что бормочет этот парень?

Хесус Мария отошел от стенки и обратился к юноше:

— Чем я могу вам служить?

Юноша обрадованно разразился потоком слов:

— Я приехал сюда искать работы. Мне в Мексике говорили, что здесь есть работа, а ее вовсе и нет. Я сидел и отдыхал, а этот человек подошел и забрал меня.

Хесус Мария кивнул и повернулся к полицейскому.

— Этот малыш совершил какое-нибудь преступление?

— Нет, но он часа три просидел на краю канавы

на улице Альварадо.

— Это мой друг, — сказал Хесус Мария. — Я позабочусь о нем.

— Ладно, только пусть он больше не сидит по канавам.

Хесус Мария и его новый друг стали подниматься на холм.

— Я отведу вас в дом, где я живу. Там вам дадут поесть. А что это за младенец?

— Это мой сын, — ответил юноша. — Я капрал, а он мой сын. Он сейчас болен, но когда он вырастет, он будет генералом.

— А чем он болен, сеньор капрал?

— Не знаю. Он просто болен, и все. — С этими словами юноша приоткрыл личико младенца, который и в самом деле выглядел очень больным.

Хесус Мария проникся к нему еще большим сочувствием:

— Дом, в котором я живу, принадлежит моему другу Дэнни, и он очень хороший человек, сеньор капрал. Он всегда рад помочь тому, кто попал в беду. Послушайте, мы пойдем туда, и Дэнни приютит вас. У моей доброй знакомой миссис Палочико есть коза. Мы попросим у нее молока для маленького.

На лице капрала впервые появилась улыбка.

— Хорошо иметь друзей, — сказал он. — В Торреоне у меня много друзей, которые согласились бы стать нищими, лишь бы помочь мне. — Он не утерпел, чтобы не похвастаться: — У меня есть богатые друзья, но они, конечно, не знают о моей беде.

Хесус Мария распахнул калитку, и они вошли во двор. Дэнни, Пабло и Большой Джо сидели в большой комнате, ожидая ежедневного чуда ниспослания ужина. Хесус Мария втолкнул юношу в комнату.

— Вот молодой солдат. Он капрал, — объяснил он. — У него с собой младенец, и младенец этот очень болен.

Его друзья вскочили на ноги. Капрал откинул край серого одеяла с лица младенца.

— Он и правда болен, — сказал Дэнни. — Надо бы послать за доктором.

Но солдат покачал головой:

— Не нужно докторов. Я не люблю докторов. Маленький не плачет и почти ничего не ест. Может, когда он отдохнет, он поправится.

Тут в дом вошел Пилон и внимательно оглядел ребенка.

— Этот младенец болен, — сказал он.

Пилон немедленно принялся отдавать рас-

поряжения, Хесуса Марию он послал к миссис Палочико занять козьего молока; Большому Джо и Пабло было приказано раздобыть ящик из-под яблок и устлать его сухой травой, а на нее положить овчинную куртку. Дэнни предложил свою кровать, но она была отвергнута. Капрал стоял в большой комнате и тихо улыбался, глядя на этих добрых людей. В конце концов младенец был уложен в ящик, но глазки его оставались тусклыми, и он не стал пить молока.

Пришел Пират с сумкой, полной макрели. Друзья изжарили рыбу и поужинали. Но малыш не стал есть даже макрель. То и дело один из друзей вскакивал и бежал посмотреть на него. Поужинав, все уселись возле печки и приготовились провести вечер в спокойной беседе.

Капрал продолжал молчать и ничего не сообщал о себе. Друзей это немного обидело, но они знали, что он им все расскажет в свое время. Пилон, для которого всякое знание было словно скрытое в земле золото, попробовал пробить пару шурфов в сдержанности капрала.

— Не так-то часто случается увидеть молодого солдата с младенцем, — деликатно намекнул он.

Капрал гордо улыбнулся.

Пабло добавил:

— Этот младенец, наверное, был найден в саду любви. А такие младенцы — самые лучшие, потому что в этом саду не может быть ничего плохого.

— Мы тоже были солдатами, — сообщил Дэнни. — Когда мы умрем, нас повезут на кладбище на пушечном лафете, и над нашей могилой дадут залп из винтовок.

Они умолкли, выжидая, поймет ли капрал, зачем все это было сказано. Капрал с уважением посмотрел на них.

— Вы были добры ко мне, — сказал он. — Вы были добры и заботливы, как были бы добры и заботливы мои друзья в Торреоне. Это мой сын и сын моей жены.

— А где твоя жена? — спросил Пабло.

Улыбка исчезла с лица капрала.

— Она в Мексике, — сказал он, но тут же снова оживился. — Я говорил с одним человеком, и он сказал мне очень интересную вещь. Он сказал, что мы можем вырастить из младенцев кого захотим. Он сказал: «Повторяй младенцу почаще, кем ты хочешь, чтобы он стал, и когда он вырастет, так и будет». И вот я все время повторяю моему сыну: «Ты будешь генералом». Как вы думаете, станет он генералом?

Друзья вежливо кивнули.

— Может быть, — сказал Пилон. — Правда, я про такое средство не слыхал.

— Я повторяю двадцать раз в день: «Мануэль, ты станешь генералом. У тебя будут большие эполеты и шарф. У тебя будет золотая сабля. Ты будешь ездить на красивом коне. Какая у тебя будет хорошая жизнь, Мануэль!» Этот человек сказал, что он наверняка станет генералом, если я буду так говорить.

Дэнни встал и подошел к ящику из-под яблок.

— Ты будешь генералом, — сказал он младенцу. — Когда ты вырастешь, ты будешь великим генералом.

Остальные столпились вокруг и смотрели, не возымело ли уже это заклинание какого-либо действия.

Пират прошептал:

— Ты будешь генералом. — И стал раздумывать, не подействует ли такой метод на собаку.

— Маленький очень болен, — сказал Дэнни. — Надо следить, чтобы ему было тепло.

Они снова уселись.

— Твоя жена в Мексике… — подсказал Пилон.

Капрал нахмурился и немного подумал; потом он ослепительно улыбнулся:

— Я расскажу вам. Таких вещей чужим людям не рассказывают, но вы мои друзья. Я был солдатом в Чиуауа, и я очень старался: всегда чистил свою одежду и хорошо смазывал винтовку, так что меня произвели в капралы. И тогда я женился на красивой девушке. Не знаю, может, она пошла за меня только из-за моих нашивок. Но она была очень красивая и совсем молодая. Глаза у нее были большие, зубы ровные и белые, а волосы длинные и блестящие. И скоро у нас родился вот этот сын.

— Это хорошо, — сказал Дэнни. — Я хотел бы быть на твоем месте. Что может быть лучше младенца?

— Да, — сказал капрал. — Я очень обрадовался. А потом мы пошли крестить его, и я надел шарф, хотя в уставе об этом ничего не говорится. А когда мы вышли из церкви, мою жену увидел капитан с эполетами и серебряной саблей. И скоро моя жена ушла от меня. Тогда я пошел к капитану и сказал: «Отдайте мне мою жену», — а он сказал: «Видно, тебе жизнь не дорога, что ты осмеливаешься так разговаривать со своим начальником». — Капрал протянул вперед ладони и пожал плечами в бессильной покорности судьбе.

— Подлый вор! — крикнул Хесус Мария.

— Ты собрал своих друзей. Ты убил этого капитана, — с надеждой подсказал Пабло.

Капрал смутился:

— Нет. Ничего нельзя было сделать. В тот же вечер кто-то выстрелил в меня через окно. А на другой день пушка выстрелила по ошибке, и снаряд пролетел так близко, что ветер сбил меня с ног. Поэтому я ушел оттуда и взял маленького с собой.

Лица друзей исказились от гнева, в глазах их горела ярость. Пират в своем углу злобно заворчал, а его собаки принялись рычать.

— Почему нас там не было! — вскричал Пилон. — Мы заставили бы этого капитана пожалеть, что он родился. Один священник причинил зло моему деду, и дед привязал его голым в загоне и пустил туда бычка. Многое можно придумать!

— Я был всего только капралом, — сказал юноша. — Мне пришлось бежать. — На его глаза навернулись слезы стыда. — Капралу негде искать защиты, если его невзлюбил капитан, поэтому я убежал с маленьким Мануэлем. Во Фресно я повстречал того мудрого человека, и он сказал мне, что я могу сделать из Мануэля кого хочу. Я каждый день говорю ему двадцать раз: «Ты будешь генералом. У тебя будут эполеты и

золотая сабля».

Перед такой трагедией приключения Корнелии Руис казались скучными и пустыми. Разумеется, в подобном случае настоящим друзьям не полагалось бы сидеть сложа руки. Но все это произошло так далеко, что ничего нельзя было предпринять. Они с восхищением смотрели на капрала: такой молодой, а столько уже пережил!

— Хотел бы я, — мрачно произнес Дэнни, — чтобы мы сейчас оказались в Торреоне. Пилон придумал бы для нас какой-нибудь план. Жаль, что мы не можем поехать туда.

Большой Джо Португалец не задремал ни разу за весь вечер — даже его потряс рассказ капрала. Теперь он подошел к ящику и заглянул в него.

— Ты будешь генералом, — начал он и вдруг воскликнул: — Поглядите-ка, что это с ним?

Его друзья столпились вокруг ящика. Маленькое тельце сводила судорога. Ножки дернулись и согнулись. Ручонки беспомощно хватали воздух, а потом ребенок весь скорчился и забился.

— Доктора! — крикнул Дэнни. — Надо позвать доктора.

Но и он сам, и все остальные знали, что доктор не поможет. Приближающаяся смерть облечена в плащ, который каждый узнает сразу. И пока они

смотрели, маленькое тельце застыло и перестало бороться за жизнь. Ротик раскрылся, и ребенок умер. Дэнни сострадательно прикрыл ящик лоскутом одеяла. Капрал стоял, выпрямившись во весь рост, и глядел прямо перед собой — он был словно оглушен и не мог ни говорить, ни думать.

Хесус Мария положил руку ему на плечо и подвел его к стулу.

— Ты еще такой молодой, — сказал он. — У тебя еще будет много детей.

Капрал застонал.

— Он умер. Он никогда не станет генералом с шарфом и саблей.

У друзей в глазах стояли слезы, собаки в своем углу жалобно скулили. Пират уткнул свою большую голову в мех Сеньора Алека Томпсона.

Пилон заговорил мягко, словно благословляя:

— Теперь ты сам должен будешь убить капитана. Мы чтим столь благородный план мести; но он не удался, и ты должен будешь отомстить сам, а мы поможем тебе, если это будет в наших силах.

Капрал поглядел на него безжизненным взглядом.

— Отомстить? — спросил он. — Убить капитана? О чем ты говоришь?

— Но ведь твой план было нетрудно разгадать, — сказал Пилон. — Твой сын вырастет и станет генералом, а потом найдет капитана и убьет его медленной смертью. Это был хороший план. Долгое ожидание, а потом — удар. Мы, твои друзья, чтим тебя за такой план.

Капрал с недоумением смотрел на Пилона.

— О чем ты говоришь? — спросил он. — Что я могу сделать этому капитану? Ведь он — капитан.

Все были удивлены.

Пилон воскликнул:

— Так зачем же ты хотел сделать из младенца генерала? Что это был за план?

Тут капрал немного смутился:

— Отец должен заботиться о своем сыне. Я хотел, чтобы Мануэлю жилось лучше, чем мне.

— Только и всего? — воскликнул Дэнни.

— Ну, — сказал капрал, — моя жена была очень красива и вовсе не распутница. Она была хорошей женщиной, но капитан отобрал ее у меня. У него были маленькие эполеты и узенький шарф, а сабля у него была всего только серебряного цвета. Вот подумайте, — капрал развел руками, — если этот капитан с маленькими эполетами и узеньким шарфом мог забрать у меня жену, то чего

только не сможет забрать генерал с широким шарфом и золотой саблей!

Наступило долгое молчание. Дэнни, Пилон, Пабло, Хесус Мария, Пират и Большой Джо Португалец старались понять такую точку зрения. А когда поняли, то подождали, чтобы первым заговорил Дэнни.

— Как жаль, — сказал наконец Дэнни, — что немногие родители так заботятся о счастье своих детей. И нам еще грустнее, что маленький умер, потому что, имея такого отца, он лишился поистине счастливой жизни.

Все его друзья печально закивали.

— Что же ты будешь делать теперь? — спросил Хесус Мария, первооткрыватель.

— Я вернусь в Мексику, — сказал капрал. — Я хочу быть солдатом. Может быть, если я буду хорошо смазывать винтовку, меня самого сделают офицером. Как знать!

Шестеро друзей смотрели на него с восхищением. Они гордились знакомством с таким человеком.

XI

О том, как на Большого Джо Португальца при самых неблагоприятных обстоятельствах снизошла любовь

Любить для Большого Джо Португальца означало действовать. И это — рассказ об одном из его любовных похождений.

В Монтерее лил дождь; с высоких сосен весь день капала вода. Пайсано Тортилья-Флэт не выходили из дому, но над каждой трубой подымалась спираль голубого дыма, и в воздухе разливался свежий и душистый запах горящих смолистых поленьев.

К пяти часам дождь на несколько минут прекратился, и Большой Джо Португалец, который почти весь день провел на пляже под перевернутой лодкой, выбрался наружу и зашагал вверх по холму к дому Дэнни. Он совсем окоченел и ужасно хотел есть.

Когда он добрался до окраины Тортилья-Флэт, хляби небесные снова разверзлись, и опять хлынул ливень. В одно мгновение Большой Джо вымок до нитки. Он вбежал в ближайший домик,

чтобы укрыться от дождя, а в этом домике жила tia[17] Игнасиа.

Этой даме было лет сорок пять, и она уже давно и небезуспешно вдовела. Она всегда была молчаливой и суровой, так как в ее жилах текло больше индейской крови, чем это считалось приличным в Тортилья-Флэт.

Когда вошел Большой Джо, она как раз откупорила бутыль красного вина и готовилась налить себе стаканчик, чтобы полечить желудок. Она попыталась сунуть бутыль под стул, но не успела. Большой Джо уже стоял в дверях, и с его одежды на пол стекала вода.

— Входи и обсушись, — сказала тиа Игнасиа.

Большой Джо, не сводя глаз с бутыли, словно терьер с жука, переступил порог. По крыше грозно барабанил дождь. Тиа Игнасиа помешала дрова в железной печурке.

— Не выпьешь ли стаканчик вина?

— Выпью, — сказал Большой Джо.

Его глаза снова впились в бутыль, хотя он еще не успел докончить первого стакана. Он выпил их три, прежде чем соблаговолил произнести хоть слово и алчный огонь погас в его глазах.

---

[17] Примечания: 17
Тетушка (*исп.*).

Тиа Игнасиа смирилась с тем, что ее непочатая бутыль безвозвратно потеряна. И она стала пить с ним, чтобы и самой хоть немножко попользоваться своим вином. Только когда Большой Джо в четвертый раз взял полный стакан, он наконец сел поудобнее и начал пить со вкусом.

— Это вино не от Торрелли, — сказал он.

— Да, я беру его у одной итальянской дамы, моей подруги.

Она снова налила стаканы.

Сгустились ранние сумерки. Тиа Игнасиа зажгла керосиновую лампу и подбросила дров в печурку. Раз уж вино будет выпито, пусть оно будет выпито, подумала она и критически осмотрела дюжую фигуру Большого Джо. В груди у нее потеплело.

— Бедный, ты работал на дожде, — сказала она. — Сними куртку, дай ей просохнуть.

Большой Джо лгал редко. На это у него не хватало сообразительности.

— Я спал на берегу под лодкой, — ответил он.

— Но ты же насквозь промок, бедняга.

Она испытующе посмотрела на него, ожидая, что ее внимание вызовет хоть какой-нибудь отклик; но лицо Большого Джо выражало только удовольствие оттого, что он сидит в сухой, теплой

комнате и пьет вино. Он протянул ей пустой стакан. Весь день у него во рту не было ни крошки, и вино быстро туманило ему голову.

Тиа Игнасиа сделала новую попытку.

— Вредно сидеть в мокрой куртке. Ты простудишься. Дай я помогу снять тебе куртку.

Большой Джо только плотнее уселся в кресло.

— Мне и так хорошо, — сказал он упрямо.

Тиа Игнасиа подлила себе вина. Дрова в печурке громко потрескивали, и этот уютный звук заглушал стук дождя по крыше.

Большой Джо и не думал вести себя любезно или хотя бы вежливо — он просто не замечал присутствия своей хозяйки. Он большими глотками пил вино. Он глупо улыбался печке. Он легонько покачивался в кресле.

Тиа Игнасиа почувствовала, что ее охватили гнев и отчаяние. «Свинья, — думала она, — грязная скотина. Да лучше бы я привела в дом с дождя какую-нибудь корову. Другой человек хоть спасибо сказал бы!»

Большой Джо снова протянул ей пустой стакан.

Тиа Игнасиа сделала героическое усилие.

— Хорошо в теплом домике в такую непогожую ночь, — сказала она. — Когда льет дождь, а печка

хорошо топится, приятно о чем-нибудь дружески поболтать. Ведь правда?

— Само собой, — отозвался Большой Джо.

— Может, яркий свет тебе глаза режет? — заботливо сказала она. — Хочешь, я задую лампу?

— Он мне не мешает, — ответил Большой Джо. — Но если тебе жалко керосина, валяй задувай.

Тиа Игнасиа задула огонек, и комната погрузилась во мрак. Потом она вернулась на свое кресло и стала ждать, когда в Большом Джо пробудится галантность. Она слышала, как скрипит, покачиваясь, его кресло. Багровели щели печурки, и на углах мебели играли легкие блики. Комната почти светилась теплом. Тиа Игнасиа услышала, что кресло его перестало покачиваться, и подобралась, готовая оттолкнуть его. Но ничего не произошло.

— Подумать только, — сказала она, — что ты мог бы остаться без крова в такую бурную ночь и дрожал бы сейчас в каком-нибудь сарае или лежал бы на холодном песке под лодкой. А ты сидишь в удобном кресле и пьешь вино в обществе дамы, которая к тебе хорошо относится.

Большой Джо молчал. Тиа Игнасиа не видела его и ничего не слышала. Она допила стакан.

Приходилось пренебречь этикетом.

— Моя подруга Корнелия Руис рассказывала мне, что некоторые из ее лучших друзей приходили к ней с дождя мокрые и замерзшие. Она привечала их, и они становились ее добрыми друзьями.

Из того угла, где сидел Большой Джо, донесся легкий стук. Тиа Игнасиа поняла, что он уронил свой стакан. Но затем снова наступила полная тишина.

«Может, он заболел? — подумала она. — Может, ему дурно?»

Она вскочила, зажгла спичку и поднесла ее к фитилю лампы. А потом повернулась к своему гостю.

Большой Джо спал богатырским сном. Ноги его были вытянуты. Голова откинулась, рот широко открылся. И пока тиа Игнасиа глядела на него, вне себя от изумления и негодования, из его рта вырвался оглушительный храп. Когда Большому Джо бывало уютно и тепло, он просто не мог не заснуть.

Прошло несколько секунд, прежде чем тиа Игнасиа разобралась в охватившей ее буре чувств. В ее жилах текло немало индейской крови, и она не стала кричать. Нет, хотя она дрожала от ярости,

она не стала кричать, а подошла к корзине с хворостом, выбрала подходящую палку, взвесила ее в руке, положила обратно и взяла другую. Только тогда она медленно приблизилась к Большому Джо Португальцу. Первый удар пришелся ему в плечо и свалил его с кресла.

— Свинья! — вопила тиа Игнасиа. — Мусорная куча! Убирайся вон!

Джо покатился по полу. Следующий удар оставил грязную полосу на его штанах. Теперь Большой Джо быстро просыпался.

— А? — спросил он. — Что случилось? Что ты делаешь?

— Я тебе покажу, — завизжала она и, распахнув дверь, бросилась назад к нему.

Под градом ударов Большой Джо, шатаясь, поднялся на ноги. Палка молотила его по спине, плечам и голове. Он выбежал за дверь, прикрывая голову руками.

— Брось! — умолял он. — Ну брось же! Что случилось?

Разъяренная фурия преследовала его, как оса, по садовой дорожке и выскочила за ним на раскисшую от дождя улицу. Гнев ее был ужасен. Она бежала за ним по улице, осыпая его ударами.

— Эй! — крикнул он. — Довольно!

Он обхватил ее, не давая поднять рук, а она изо всех сил вырывалась, стараясь еще раз ударить его палкой.

— Подлая свинья! — кричала она. — Скотина!

Он не мог отпустить ее, потому что она снова накинулась бы на него, и поэтому только крепче сжимал руки. И вот, пока он стоял так, на Большого Джо Португальца снизошла любовь. Она звенела в его мозгу, она как бурный поток разливалась по его телу, она сотрясала его, как тропический ураган сотрясает пальмовую рощу. Он так крепко сжал руки, что тиа Игнасиа перестала сердиться.

По ночам в Монтерее полицейский объезжает на мотоцикле улицы, следя за тем, чтобы ни с чем хорошим не приключилось ничего дурного. Джек Лейк ехал по улицам Монтерея, и его мокрый плащ тускло блестел. Настроение у него было очень скверное. На мощеных улицах было еще терпимо, но часть его маршрута пролегала по грязным проулкам Тортилья-Флэт, где из-под колес во все стороны летели комья мокрой глины. Свет его маленькой фары метался из стороны в сторону. Мотор чихал и кашлял от непосильной нагрузки.

Вдруг Джек Лейк вскрикнул от неожиданности

и остановил мотоцикл.

— Что за черт? Это еще что такое?

Большой Джо повернул к нему голову:

— А, это ты, Джек? Вот что, Джек, раз уж ты нас все равно заберешь, то погоди минутку.

Полицейский повернул мотоцикл.

— Ушли бы вы с улицы, — сказал он. — А то под машину попадете.

Мотоцикл взревел, выбираясь из вязкой колеи, луч его фары, мигнув, скрылся за поворотом. В деревьях Тортилья-Флэт тихо шуршал дождь.

XII

О том, как друзья Дэнни помогли Пирату выполнить обет, и о том, как в награду за добродетель собакам Пирата было дано узреть небесное видение

Каждый день Пират поднимался со своей тачкой на холм и вкатывал ее во двор Дэнни. Там он прислонял ее к забору и прикрывал дерюгой; потом он закапывал топор в землю — ведь всем известно, что сталь делается тверже, если ее закапывать в землю. И наконец он входил в дом, запускал пальцы в кисет, висевший у него на шее, доставал заработанную в этот день монету и отдавал ее Дэнни. После чего Дэнни в сопровождении Пирата и тех из друзей, которые были дома, торжественно отправлялся в спальню, переступая через разбросанные на полу постели. И все смотрели, как Дэнни засовывает руку под свою подушку, вытаскивает парусиновый мешочек и опускает в него очередную монету. Эта церемония повторялась изо дня в день в течение долгого времени.

Мешочек с деньгами стал символом их дружбы,

осью доверия, на котором держалось их братство. Они гордились этими деньгами, гордились тем, что честно берегут их. Хранение денег Пирата стало фундаментом, на котором выросло здание самоуважения и даже некоторого тщеславия. Человеку нужно знать, что ему доверяют. Для друзей эти монеты давно перестали быть денежными знаками. Правда, вначале они порой прикидывали, сколько вина можно было бы купить на такую сумму, но вскоре отвыкли считать это сокровище деньгами. Оно должно было превратиться в золотой подсвечник, а этот потенциальный подсвечник был собственностью святого Франциска Ассизского. Обмануть же святого куда опаснее, чем позволять себе некоторые вольности с законом.

Как-то вечером таинственный, но быстрый и точный телеграф принес известие, что вблизи Кармела наскочил на риф пограничный катер. Большой Джо Португалец отсутствовал по каким-то своим делам, но Дэнни, и Пабло, и Пилон, и Хесус Мария, и Пират, и его собаки веселой гурьбой отправились через гряду холмов к месту происшествия, потому что они очень любили подбирать на берегу всякие полезные предметы. Это представлялось им самым увлекательным

занятием на свете. Они немного опоздали, но быстро наверстали потерянное время. Всю ночь они рыскали по пляжу и набрали порядочно всякой всячины: пятифунтовую банку сливочного масла, несколько ящиков консервов, пропитанный водой астрономический календарь, две матросские куртки, бочонок пресной воды со шлюпки и пулемет. Когда рассвело, они охраняли весьма внушительную кучу всевозможного добра.

Они продали ее оптом за пять долларов одному из зевак, так как не собирались тащить подобную тяжесть шесть миль по крутым холмам до Тортилья-Флэт.

Пират, разумеется, не успел нарубить ежедневной порции дров; поэтому Дэнни дал ему двадцать пять центов, и он спрятал монету в свой кисет. Затем они побрели по холмам к Монтерею, усталые, но исполненные счастливого предвкушения.

Когда они добрались до дома Дэнни, было уже далеко за полдень. Пират, выполняя обычный обряд, открыл кисет и передал монету Дэнни. Вся компания направилась в соседнюю комнату. Дэнни сунул руку под подушку… и вытащил ее обратно пустой. Он отшвырнул подушку, поднял

матрац, а потом повернулся к своим друзьям, и глаза у него стали как глаза тигра. Он переводил взгляд с одного лица на другое, но на каждом видел только ужас и негодование, которые не могли быть притворными.

— Так, — сказал он, — так…

Пират заплакал. Дэнни обнял его за плечи.

— Не плачь, дружок, — сказал он зловеще. — Ты получишь свои деньги обратно.

Все молча вышли из спальни. Дэнни походил по двору, нашел тяжелую сосновую палку длиной футa в три и, примериваясь, взмахнул ею в воздухе. Пабло сбегал на кухню и принес старый консервный нож с грозным лезвием. Хесус Мария вытащил из-под дома рукоятку от лопаты. Пират недоумевающе смотрел на них. Потом все вернулись в дом и безмолвно расселись по углам.

Пират ткнул большим пальцем в сторону Монтерея и спросил:

— Он?

Дэнни медленно кивнул. Глаза у него словно подернулись пленкой, и взгляд их был тяжел и неподвижен. Он выставил вперед подбородок, и тело его слегка изгибалось, как у гремучей змеи, готовой ужалить.

Пират пошел в угол двора и выкопал свой то-

пор.

Они долго сидели так. Не было сказано ни одного слова, но по комнате прокатывались волны холодной ярости. Дом был словно скала в те минуты, когда огонек бикфордова шнура уже подползает к динамиту.

Незаметно подкрадывался вечер. Солнце зашло за холм. Вся Тортилья-Флэт, казалось, чего-то ждала, затаив дыхание.

На улице послышались его шаги, и все крепче сжали свои палки. Большой Джо неуверенно поднялся на крыльцо и вошел. В руке у него была бутыль вина. Его взгляд тревожно скользнул по их лицам, но друзья сидели неподвижно и как будто не смотрели на него.

— Здорово, — сказал Большой Джо.

— Здорово, — сказал Дэнни и, встав, лениво потянулся.

Он не смотрел на Большого Джо и шел не прямо к нему, а немного в сторону, как будто собираясь его обойти. Поравнявшись с ним, он нанес удар с молниеносной быстротой жалящей змеи. Палка опустилась точно на затылок Большого Джо, и Большой Джо без сознания свалился на пол. Дэнни вынул из кармана сыромятный ремешок и аккуратно связал им большие пальцы Джо.

— А теперь воды, — сказал он.

Пабло вылил на лицо Большого Джо ведерко воды. Большой Джо повернул голову и вытянул шею, словно цыпленок, а потом открыл глаза и ошеломленно посмотрел на своих друзей. Они не сказали ему ни слова. Дэнни тщательно примерился, словно игрок в гольф, прицеливающийся по мячу. Его палка опустилась на плечо Большого Джо, и началась хладнокровная и методичная обработка. Хесус Мария занялся ногами, Дэнни — плечами и грудью. Большой Джо вопил и корчился. Палки молотили по всему его телу, и каждый удар находил новое место. От криков Джо можно было оглохнуть. Пират растерянно стоял в стороне, держа топор.

Наконец, когда грудь и живот Джо превратились в один сплошной синяк, они остановились. Пабло опустился на колени около Большого Джо, сжимая свой консервный нож. Пилон снял с Португальца башмаки и взялся за палку.

Большой Джо взвизгнул от страха.

— Они зарыты у калитки, — крикнул он. — Ради Бога, не убивайте меня.

Дэнни и Пилон вышли за дверь и через несколько минут вернулись с парусиновым мешком.

— Сколько ты взял? — спросил Дэнни без вся-

кого выражения.

— Только четыре, ей-богу, только четыре. Я буду работать и верну их.

Дэнни нагнулся, взял его за плечи и перевернул на живот. Теперь друзья с той же жестокой точностью начали обрабатывать его спину. Крики слабели, но палки были брошены, только когда Большой Джо снова потерял сознание. Пилон стащил с него синюю рубаху, обнажив распухшую спину, и несколько раз легонько провел по ней консервным ножом, так что из каждой царапины выступила кровь. Пабло принес соли, и они вместе втерли ее в царапины. И только после этого Дэнни накрыл бесчувственное тело одеялом.

— Я думаю, теперь он будет честным, — сказал Дэнни.

— Надо пересчитать деньги, — заметил Пилон. — Мы их уже давно не считали.

Они открыли бутыль, которую принес Большой Джо, и разлили вино по банкам, потому что они устали от своей работы и их душевные силы иссякли. Потом они сложили монеты в столбики по десяти штук каждый и пересчитали их. И тут же в волнении пересчитали их еще раз.

— Пират! — воскликнул Дэнни. — Тут их на семь штук больше тысячи! Ты отработал обе-

щанный срок. Настал день, когда ты купишь подсвечник для святого Франциска!

Пират не выдержал стольких переживаний. Он ушел в угол к своим собакам, спрятал лицо в шерсти Пушка и истерически зарыдал. Собаки тревожно вертелись около, лизали его уши и тыкались мордами в его голову, но Пушок, хорошо понимая, какая ему выпала честь, лежал смирно и только трогал носом густые волосы на затылке Пирата.

Дэнни сложил деньги обратно в мешочек и снова спрятал его под подушку.

Большой Джо пришел в себя и застонал, потому что соль немилосердно жгла его спину. Никто не обращал на него внимания, но вскоре Хесус Мария, вечная жертва человеколюбия, развязал его руки и дал ему банку с вином.

— Даже враги Спасителя нашего не отказали ему в малом утешении, — сказал он, оправдываясь.

Его поступок положил конец наказанию. Друзья принялись хлопотать вокруг Большого Джо. Они заботливо уложили его на кровать Дэнни и промыли ему спину. Они клали на его лоб мокрые холодные тряпки и подливали ему вина. При каждом прикосновении Большой Джо ис-

пускал стон. Его нравственные принципы вряд ли изменились, но можно было с уверенностью предсказать, что больше он уже никогда ничего не будет красть у тех, кто живет в доме Дэнни.

Пират тем временем успокоился. Он пил свое вино и, сияя от удовольствия, слушал, как Дэнни объясняет, что он должен делать дальше.

— Если мы отнесем в банк столько одинаковых монет, там подумают, что мы их украли из игрального автомата. Надо отнести их к отцу Рамону и все ему рассказать. Тогда он купит золотой подсвечник и благословит его, и Пират пойдет в церковь. Может, отец Рамон упомянет его в своей воскресной проповеди. Значит, надо, чтобы Пират был там.

Пилон неодобрительно осмотрел грязные лохмотья Пирата.

— Завтра, — сказал он строго, — ты возьмешь семь лишних монет и купишь себе на них приличную одежду. В обычное время можно ходить и так, но нехорошо, если в такой праздник ты явишься в церковь, одетый словно последний нищий. Это не сделает чести твоим друзьям.

Пират ответил ему сияющей улыбкой.

— Завтра я все сделаю, — обещал он.

На следующее утро, выполняя свое обещание,

он отправился в Монтерей. Он сделал покупки с большим тщанием и торговался так умело, что трудно было поверить, будто в течение двух лет он ничего не покупал. Он с торжеством вернулся в дом Дэнни, неся огромный шейный платок в малиновую и зеленую клетку и широкий пояс, щедро усаженный драгоценными камнями, сделанными из стекла. Друзья одобрили его покупки.

— Но в чем ты туда пойдешь? — растерянно спросил Дэнни. — Через дырки, которые ты прорезал в башмаках, чтобы они не давили на твои мозоли, видно пальцы. У тебя ничего нет, кроме рваного комбинезона. Даже шляпы нет.

— Придется нам одолжить ему одежду, — сказал Хесус Мария. — У меня есть пиджак и жилет. У Пилона — прекрасная шляпа его отца. У тебя, Дэнни, есть рубашка, а у Большого Джо — его замечательные синие штаны.

— Но ведь тогда мы не сможем пойти в церковь, — запротестовал Пилон.

— Это не наш подсвечник, — сказал Хесус Мария. — Отец Рамон навряд ли скажет что-нибудь хорошее о нас.

В тот же день они отнесли сокровище к священнику. Он выслушал рассказ о больной собаке, и

взгляд его смягчился.

— ...и вот, святой отец, — говорил Пират, — лежит эта хорошая собачка, а нос у нее совсем сухой, и глаза точно бутылочное стекло, которое выбрасывает море, лежит и стонет, потому что ей больно внутри. И вот, святой отец, я обещал святому Франциску проработать тысячу дней и купить ему золотой подсвечник. Он ведь мой святой. И тут произошло чудо, святой отец! Потому что собачка три раза вильнула хвостом и сразу начала поправляться. Это ведь святой Франциск сотворил чудо, святой отец, ведь правда?

Священник серьезно кивнул.

— Да, — сказал он. — Это чудо сотворил наш добрый святой, Франциск Ассизский. Я куплю за тебя этот подсвечник.

Пират очень обрадовался, потому что не всякому по его молитве ниспосылается истинное чудо. Если бы об этом узнала Тортилья-Флэт, Пирата стали бы уважать там куда больше. Его друзья уже посматривали на него с некоторым почтением. Они по-прежнему невысоко ставили его интеллектуальные способности, но теперь они знали, что за его скудоумием стоят вся мощь небес и все силы святых.

Они шли к дому Дэнни, а следом за ними шли

собаки. Пират чувствовал, что он омыт золотой влагой благодати. По телу его пробегала сладостная дрожь. Друзья его тоже радовались при мысли, что сберегли в целости эти деньги, потому что тем самым и они обрели чуточку святости. Пилон испытывал большое облегчение, что не украл тогда клад Пирата. Кто знает, какие страшные беды постигли бы его, если бы он присвоил четвертаки, принадлежавшие святому! Все друзья притихли, словно находились в церкви.

Пять долларов, вырученные за вещи с катера, давно уже жгли карман Дэнни, но теперь он знал, что с ними делать. Они с Пилоном отправились на рынок и купили там семь фунтов жареного мяса, мешочек лука, хлеб и большой кулек сладостей. Пабло и Хесус Мария сходили к Торрелли за двумя галлонами вина и не выпили ни капли на обратном пути домой.

В этот вечер, когда затопили печку, на стол были поставлены две свечи, и друзья принялись пировать. Это был банкет в честь Пирата. Сам Пират держался с большим достоинством. Правда, он все время улыбался, даже когда ему следовало бы сохранять серьезный вид. Но с этим он ничего не мог поделать.

После того как они съели все, что могли съесть,

они откинулись на спинки стульев, медленно прихлебывая вино из банок. «Дружочек», — называли они Пирата.

Хесус Мария спросил:

— А что ты чувствовал, когда это случилось? Когда ты обещал подсвечник и собака начала поправляться, что ты чувствовал? Тебе было ниспослано какое-нибудь видение?

Пират напряг память.

— Да нет, как будто не было… А может, у меня и было маленькое видение… может, я и видел святого Франциска в воздухе, и он сиял, как солнце…

— Ну, этого ты бы не забыл! — заявил Пилон.

— Да… Я, кажется, помню… Святой Франциск посмотрел на меня… и он улыбнулся, потому что он добрый святой. Тогда я понял, что свершилось чудо. Он сказал: «Не обижай собачек, чумазый!»

— Он тебя так назвал?

— Ну, ведь я и был чумазый, а он не из тех святых, которые врут.

— По-моему, ты вовсе ничего этого и не помнишь, — сказал Пабло.

— Может, и не помню… Только мне кажется, что помню… — Пират был пьян от счастья, от гордости и от всеобщего внимания.

— Моя бабушка видела Пресвятую Деву, — сказал Хесус Мария. — Она была при смерти, и я сам слышал, как она крикнула: «Охей! Я вижу Матерь Божью! Охей! Благодатная моя Мария!»

— Некоторым дано видеть такие вещи, — заметил Дэнни. — Мой отец был не очень хорошим человеком, но он иногда видел святых, а иногда всякую пакость. Все зависело от того, был ли он в ту минуту хорошим или плохим. А у тебя бывали другие видения, Пират?

— Нет, — сказал Пират. — Я их боюсь.

Друзья долгое время вели себя очень чинно. Они знали, что в этот вечер они не одни. Они чувствовали, что сквозь стены, и окна, и крышу на них устремлены очи святых.

— В воскресенье твой подсвечник будет уже там, — сказал Пилон. — Мы не сможем пойти, потому что наша одежда будет на тебе. Я не говорю, что отец Рамон назовет тебя по имени, но, может, он скажет что-нибудь про подсвечник. Постарайся запомнить, Пират, что он скажет, а потом расскажешь нам.

Затем Пилон добавил строгим голосом:

— Сегодня, дружочек, по всему дому отца Рамона бродили собаки. Сегодня было можно, но в воскресенье не вздумай вести их в церковь.

Собакам в церковь ходить не полагается. Оставь собак дома.

Лицо Пирата вытянулось.

— Они хотят пойти туда, — воскликнул он. — Как же я их оставлю? И где я их оставлю?

Пабло был шокирован.

— До сих пор ты вел себя в этом деле достойно, дружок Пират. Так неужто в самом конце ты решил совершить кощунство?

— Нет, — скромно сказал Пират.

— Ну так оставь собак здесь, и мы о них позаботимся. А привести их в церковь было бы кощунством.

До чего же трезво пили они в этот вечер! Прошло три часа, прежде чем они хотя бы спели непристойную песню. А когда их мысли обратились к женщинам легкого поведения, стояла уже глубокая ночь. Когда же на ум им пришла драка, они уже совсем засыпали, и драки не получилось. Этот вечер отмечен в книге их жизни большим белым крестом.

Утро воскресенья было заполнено бурными приготовлениями. Они умыли Пирата, придирчиво заглядывая ему в ноздри и за уши. Большой Джо, закутавшись в одеяло, смотрел, как Пират облачается в его синие саржевые брюки. Пилон

достал шляпу своего отца. Они убедили Пирата не надевать усаженного самоцветами пояса поверх пиджака и показали ему, что если пиджак не застегивать, то будет видно, как сверкают драгоценные камни. Больше всего хлопот доставили башмаки. Только башмаки Большого Джо пришлись бы Пирату впору, но они были хуже даже его собственных башмаков, в которых он прорезал дырки, чтобы они не давили на мозоли. А сквозь эти дырки были видны пальцы. В конце концов Пилон вышел из положения с помощью горсточки сажи. После того как ее хорошо втерли в кожу, дырок почти совсем не стало видно.

Наконец Пират был готов: лихо сдвинутая на затылок шляпа, принадлежавшая отцу Пилона, рубаха Дэнни, штаны Большого Джо, огромный платок вокруг шеи и время от времени — вспышки драгоценных камней на поясе. Он прохаживался взад и вперед перед своими друзьями, а они придирчиво его осматривали.

— Не волочи ног, Пират.

— Выше поднимай пятки.

— Перестань теребить платок.

— Те, кто тебя увидит, подумают, что ты не привык носить приличную одежду.

Наконец Пират повернулся к своим друзьям.

— Можно собаки пойдут со мной? — жалобно сказал он. — Я им скажу, чтобы в церковь они не заходили.

Но друзья были неумолимы.

— Нет, — сказал Дэнни. — Вдруг они все-таки туда заберутся? Мы посторожим их тут.

— Им это не понравится, — тоскливо сказал Пират. — Им будет грустно. — Он повернулся к собакам, сидевшим в своем углу. — Вы останетесь здесь, — сказал он. — Вам вредно ходить в церковь. Побудьте с моими друзьями, пока я не вернусь.

Тут он поспешно вышел и закрыл за собой дверь. Немедленно в доме раздался оглушительный лай и вой. Только глубокая вера в непогрешимость его друзей помешала Пирату вернуться.

Шагая по улице, он чувствовал, что без своих собак стал нагим и беззащитным. Словно его лишили зрения или слуха. Ему было страшно идти по улице одному. Кто угодно мог напасть на него. И все-таки он храбро прошел по городу до церкви Сан-Карлос.

Служба еще не начиналась, и двери были открыты настежь. Пират омочил пальцы в мраморной чаше со святой водой, перекрестился,

преклонил колени перед Святой Девой, вошел в церковь, поклонился алтарю и сел. Внутри было довольно темно, но на высоком аналое пылали свечи. И в приделах перед статуями святых тоже мерцали огоньки свечек, поставленных прихожанами. Сладко пахло старым ладаном.

Сперва Пират смотрел на алтарь, но он был слишком величествен, слишком свят, чтобы о нем можно было долго думать, слишком недоступен для бедняка. Его глаза искали чего-нибудь потеплее, чего-нибудь не столь пугающего. И вдруг он увидел перед статуей святого Франциска красивый, совсем золотой подсвечник, а в нем — высокую зажженную свечу. Пират взволнованно вздохнул. И хотя церковь наполнилась людьми, хотя двери закрылись, служба началась, и Пират делал все, что положено, он ни на минуту не мог отвести взгляда от своего святого и от подсвечника. Подсвечник был такой красивый. Невозможно было поверить, что это он, Пират, подарил его. Он всматривался в лицо святого, стараясь угадать, понравился ли святому Франциску этот подсвечник. И он был уверен, что статуя иногда чуть-чуть улыбается, как улыбаются те, кто думает о чем-нибудь приятном.

Наконец началась проповедь.

— Наша церковь приобрела новое прекрасное украшение, — сказал отец Рамон. — Один из детей ее пожертвовал золотой подсвечник во славу святого Франциска.

Тут он рассказал о больной собаке, и нарочно рассказывал очень сухо. Он оглядывал своих прихожан, пока не заметил, что они начали улыбаться.

— В этом нет ничего смешного, — сказал он тогда. — Святой Франциск так любил животных, что даже проповедовал им.

Тут отец Рамон рассказал о злом волке из Губбио, и о диких голубках, и о сестрах-жаворонках. Пират смотрел на него и удивлялся тому, что слышал.

Внезапно у входа послышалась какая-то возня. Раздался яростный лай и царапанье. Дверь распахнулась, и в церковь ворвались Пушок и Рудольф, Энрике, Пахарито и Сеньор Алек Томпсон. Они повели носами и, пихая и толкая друг друга, кинулись к Пирату. Они прыгнули на него, тявкая и радостно повизгивая. Они накатились на него как волна.

Священник умолк и строго повернулся в их сторону. Пират беспомощно бросил на него взгляд, полный смертельной муки. Значит, все оказалось

напрасно и кощунство свершилось.

Тут отец Рамон засмеялся, а за ним засмеялась и его паства.

— Уведи собак, — сказал священник. — Пусть подождут снаружи, пока мы кончим.

Пират смущенно и виновато выпроводил собак из церкви.

— Это нехорошо, — сказал он им. — Я сержусь на вас. Мне стыдно за вас.

Собаки прижимались к земле и жалобно повизгивали.

— Я знаю, что вы сделали, — сказал Пират. — Вы покусали моих друзей, вы разбили окно и вот прибежали сюда. Теперь сидите тут и ждите, грешные собаки, собаки-богохульники.

Он оставил их, полных горя и раскаяния, и вернулся в церковь. Прихожане, все еще смеясь, поворачивали головы и смотрели на него, и, добравшись до своего места, он сжался, стараясь стать совсем незаметным.

— Не огорчайся, — сказал отец Рамон. — Не грешно снискать любовь своих собак и не грешно любить их. Послушай, как любил святой Франциск зверей и птиц. — И он рассказал про доброго святого еще несколько историй.

Пират перестал смущаться. Губы его зашеве-

лились.

«Ах, — подумал он, — если бы собаки могли слышать отца Рамона. Им было бы приятно узнать все это!»

Когда проповедь кончилась, в его ушах по-прежнему звучали рассказы священника. Он машинально крестился и преклонял колени, но не слышал службы. Как только она кончилась, он кинулся к двери и первым вышел из церкви. Собаки подошли к нему, все еще грустные и пристыженные.

— Пошли! — крикнул он. — Я хочу вам что-то рассказать!

Он побежал вверх по склону к сосновому лесу, а собаки бежали рядом, прыгая и резвясь. Когда Пират наконец добрался до опушки, он не замедлил шага и остановился только на узкой прогалине между соснами, где ветви смыкались над головой, а стволы вздымались рядами, словно колонны. Несколько секунд он растерянно смотрел по сторонам.

— Я хочу, чтобы все было совсем так же, — сказал он. — Вот если бы вы были там и слышали, как говорил отец Рамон! — Он положил один камень на другой. — Вот это статуя, — объяснил он собакам и воткнул в землю прутик. — А прямо

вот тут — подсвечник со свечой.

На прогалине царил мягкий полумрак и воздух был напоен сладким запахом смолы. Деревья чуть слышно шептались под легким ветерком. Пират приказал:

— Энрике, садись вот сюда. А ты, Рудольф, сюда. Пушок сядет вот тут, потому что он самый маленький. Пахарито, дурачина, садись вот сюда и веди себя смирно. Сеньор Алек Томпсон, не смей ложиться!

Он усадил собак в два ряда — двух впереди, а трех сзади.

— Сейчас я вам все расскажу. Вас простили, хоть вы и вломились в церковь. Отец Рамон сказал, что на этот раз это не кощунство. А теперь слушайте внимательно. Я буду вам рассказывать.

Собаки смирно сидели на своих местах и не спускали с него глаз. Сеньор Алек Томпсон помахивал хвостом, но Пирату это не понравилось.

— Тут не место для таких вещей, — сказал он. — Святой Франциск не рассердился бы, но я не хочу, чтобы ты вилял хвостом, пока слушаешь. А сейчас я расскажу вам про святого Франциска.

В этот день его память была необыкновенной. Солнце пробиралось в просветы между ветками и ярким узором расписывало ковер из сосновых

игл. Собаки терпеливо сидели, глядя на губы Пирата. Он передавал им все, что говорил священник, — все его рассказы, все поучения, не пропуская ни единого слова.

Кончив, он торжественно поглядел на собак.

— Святой Франциск сделал все это, — сказал он.

Сосны перестали шептаться. В лесу стояла зачарованная тишина.

Вдруг позади Пирата раздался чуть слышный звук. Собаки посмотрели вверх. Пират боялся повернуть голову. Прошла долгая секунда.

И вдруг она кончилась. Собаки опустили глаза. Вершины деревьев снова пробудились к жизни, и солнечные узоры опять заплясали в прихотливом танце.

Пират был так счастлив, что у него защемило сердце.

— Вы его видели? — воскликнул он. — Это был святой Франциск? Ах, какие же вы хорошие собаки, если вам было дано узреть видение!

Его тон заставил собак вскочить. Их пасти раскрылись, а хвосты радостно завиляли.

XIII

О том, как друзья Дэнни поспешили на помощь даме в несчастье

Сеньора Тересина Кортес, ее восемь детей и ее дряхлая мать жили в уютном домике на краю глубокого оврага, который образует южную границу Тортилья-Флэт. Тересина была красивой матроной лет под тридцать. Ее матери, этой дряхлой, высохшей, беззубой старухе, обломку ушедшего поколения, было почти пятьдесят лет. Никто уже не помнил, что ее зовут Анхелика.

Все будние дни вьеха работала не покладая рук, ибо ей приходилось кормить, наказывать, уговаривать, одевать и укладывать спать семерых из восьми детей. Тересине хватало хлопот с восьмым и с приготовлениями к появлению девятого.

Но в воскресенье вьеха облачалась в черное атласное платье, еще более древнее, чем она сама, надевала мрачный и очень прочный головной убор из черной соломы, украшенный двумя почти настоящими вишенками из цветной замазки, и, сбросив с плеч бремя долга, решительным

шагом направлялась в церковь, где сидела так же неподвижно, как святые в их нишах. Раз в месяц она ходила исповедоваться. Было бы любопытно узнать, в каких грехах она исповедовалась и когда находила время их совершать — ведь дом Тересины был переполнен ползунками, косолапиками, карапузами, плаксами, котоубийцами и мастерами падать с деревьев, и каждый из ее подопечных каждые два часа вопил, требуя еды.

Так стоит ли удивляться, что вьеха обладала безмятежной душой и стальными нервами. Будь они какими-нибудь другими, они давно уже с визгом вырвались бы из ее тела, как фейерверочные шутихи.

Рассудок Тересины был всегда словно подернут легким туманом. Тело же ее было идеальной ретортой для дистилляции детей. Первый младенец появился у нее в пятнадцать лет, и это ошеломило ее — настолько ошеломило, что она разрешилась им ночью в парке возле бейсбольной площадки и, завернув его в газету, оставила там до прихода ночного сторожа. Это была тайна. Даже сейчас ее раскрытие грозило Тересине некоторыми неприятностями.

Когда ей исполнилось шестнадцать лет, на ней женился мистер Альфред Кортес; он подарил

ей свое имя и два краеугольных камня ее будущей семьи — Альфредо и Эрни. Мистер Кортес подарил ей это имя весьма охотно. Ведь он сам пользовался им лишь временно. Перед тем, как он приехал в Монтерей, и после того, как он оттуда уехал, его звали Гугльемо. Он уехал после того, как родился Эрни. Быть может, он предвидел, что брак с Тересиной не сулит ему спокойной жизни.

Регулярность, с какой она становилась матерью, всегда удивляла Тересину. Порой она не могла вспомнить, кто же отец будущего ребенка, а иногда почти склонялась к мысли, что отец вовсе и не обязателен. Даже когда она была помещена в карантин, как дифтерийный бациллоноситель, это ей не помогло. Однако, окончательно запутавшись в подобных сложностях, она имела обыкновение предоставлять решение вопроса Богородице, зная, что у той гораздо больше опыта, желания и времени для того, чтобы заниматься подобными вещами.

Тересина часто исповедовалась. Отец Рамон приходил из-за нее в отчаяние. Ведь он прекрасно видел, что в то время как руки, колени и губы Тересины каялись в прошлом грехе, ее томные потупленные глаза, сверкнув из-под опущенных

ресниц, обещали свершение нового.

Пока я рассказывал все это, родился девятый ребенок Тересины, и она временно была свободна. Вьеха получила еще одного подопечного, Альфредо перешел в третий класс, Эрни — во второй, а Панчито поступил в первый.

В те дни в Калифорнии среди медицинских сестер стало модным посещать школы и расспрашивать детей о разных интимных подробностях их домашней жизни. Третьеклассник Альфредо был вызван к директору, потому что он показался медицинской сестре чересчур худым.

Сестра, прошедшая специальный курс детской психологии, ласково спросила:

— Фредди, ты кушаешь столько, сколько хочешь?

— Ага, — сказал Альфредо.

— Вот как? Скажи мне, что ты кушаешь на завтрак?

— Тортильи и бобы, — сказал Альфредо.

Сестра посмотрела на директора и скорбно покачала головой.

— А что ты кушаешь, когда приходишь домой обедать?

— Я не хожу домой.

— Разве ты днем ничего не кушаешь?

— Кушаю. Я приношу с собой бобы, завернутые в тортилью.

В глазах сестры мелькнул легкий испуг, но она сдержалась.

— А вечером что ты кушаешь?

— Тортильи и бобы.

Сестра забыла все, что выучила про детскую психологию.

— И ты хочешь, чтобы я поверила, будто ты ничего не ешь, кроме лепешек и бобов?

Альфредо удивился.

— Господи Иисусе, — сказал он. — А этого что, мало?

В положенный срок муниципальный врач выслушал полный ужаса отчет сестры. И в один прекрасный день он подъехал к дому Тересины, чтобы заняться этим вопросом. Пока он шел по двору, вопли ползунков, косолапиков и карапузов сливались в одну душераздирающую симфонию. Доктор остановился на пороге кухни. Своими собственными глазами он увидел, как вьеха подошла к печке, зачерпнула уполовником в кастрюле и рассыпала по полу вареные бобы. Вопли разом стихли. Ползунки, косолапики и карапузы молча и деловито передвигались от боба к бобу, останавливаясь только для того, что-

бы прожевать находку. Вьеха вернулась на свое место, пользуясь несколькими минутами покоя. Доктор, загоревшись научным интересом, провел там два часа. Он ушел, недоуменно покачивая головой.

Он продолжал недоуменно покачивать головой, пока зачитывал свой доклад.

— Я подверг их всем известным мне проверкам, — сказал он. — Я проверил их зубы, кожу, кровь, кости, глаза и координацию. Господа, они питаются тем, что по сути своей является медленно действующим ядом, и питаются так со дня своего рождения. Господа, могу сказать только одно: в жизни я не видел более здоровых детей! — Тут выдержка ему изменила. — Поросята! — воскликнул он. — В жизни я не видел таких зубов! Никогда не видел!

Вы, наверное, недоумеваете, как Тересина добывала еду для своей семьи. На полях, в тех местах, где молотили бобы, остаются большие кучи бобовой мякины. Если вы расстелете на земле одеяло и в ветреный день начнете подбрасывать над ним мякину, то убедитесь, что и молотильщики не непогрешимы. Проработав так весь день, вы можете собрать двадцать фунтов бобов, а то и больше.

Осенью вьеха, захватив всех детей, которые уже умели ходить, отправлялась с ними в поля и провеивала мякину. Хозяева полей не гнали ее, потому что от нее не было никакого вреда. Только в самый неурожайный год вьеха собирала меньше четырехсот фунтов бобов.

А когда у вас в доме есть четыреста фунтов бобов, вы можете не бояться голодной смерти. Иногда случается чудо, и вы лакомитесь такими деликатесами, как сахар, помидоры, перец, кофе, рыба или мясо, — порой благодаря заступничеству Пресвятой Девы, порой благодаря вашей собственной ловкости или трудолюбию. Но как бы то ни было, у вас есть бобы, и вы в безопасности. Бобы — это надежный кров для вашего желудка. Бобы — это теплый плащ, предохраняющий от экономического холода.

Лишь одно могло поставить под угрозу жизнь и счастье семьи сеньоры Тересины Кортес — неурожай бобов.

Когда бобы созревают, все растения выдергиваются с корнем и складываются в кучи, чтобы стебли как следует просохли перед молотьбой. И тут надо молиться, чтобы не начались дожди. Когда на темных полях желтеют кучки бобовых стеблей, фермеры не спускают глаз с неба и хму-

рым взглядом провожают каждое проползающее в вышине облачко. Ведь если пойдет дождь, придется заново переворошить все кучки и ждать, пока они опять высохнут. А если снова пойдет дождь, их снова придется переворошить. Если же дождь начинается в третий раз, бобы покрываются плесенью, начинают гнить, и урожай потерян.

Когда подходило время сушки бобов, вьеха имела обыкновение ставить свечку Пресвятой Деве.

В тот год, о котором я рассказываю, бобовые стебли были уже собраны в кучи и свеча была поставлена. В доме Тересины лежали наготове рогожные мешки.

Молотилки были вычищены и смазаны.

Пошел дождь.

Дополнительно нанятые батраки бросились в поля ворошить слипшиеся груды бобовых стеблей. Вьеха поставила вторую свечку.

Снова пошел дождь.

На маленькую золотую монетку, которую она сберегала многие годы, вьеха купила еще две свечи. Батраки снова переворошили кучи, подставляя бобы солнечным лучам. И тут начался упорный холодный косой дождь. Ни одного фунта бобов не было собрано во всем графстве Монтерей. Плуги запахивали в землю гниющие стебли.

И тогда в дом сеньоры Тересины Кортес вошло отчаяние. Сломалась опора жизни, рухнул спасительный кров. Исчезла вечная истина — бобы. По ночам дети плакали от ужаса перед надвигающимся голодом. Им никто ничего не говорил, но они знали и так. Вьеха сидела в церкви, как обычно, но когда она смотрела на Пресвятую Деву, ее губы складывались в злобную усмешку. «Свечи-то мои ты забрала, — думала она. — Их-то ты взяла! Одолела тебя жадность к свечам, пустоголовая!» И она в гневе отдалась под покровительство святой Клары. Она рассказала святой Кларе о том, как несправедливо с ней поступили. Она даже позволила себе непочтительно отозваться о непорочном зачатии: «Знаешь, и Тересина иногда вот так же не помнит», — ядовито сообщила она святой Кларе.

Уже не раз говорилось, что Хесус Мария Коркоран был бесконечно добр. Кроме того, он обладал тем даром, который порой бывает присущ человеколюбцам, — его инстинктивно влекло туда, где была нужна его доброта. Сколько раз встречал он молодых девушек именно тогда, когда они нуждались в утешении! Его неотразимо влекло к любому страданию, к любой печали. Он уже много месяцев не бывал в доме Тересины. И если нет

какой-то таинственной симпатии между горем и человеколюбием, то почему же он пришел туда именно в тот самый день, когда в кастрюлю были брошены последние бобы прошлогоднего сбора?

Он сидел на кухне Тересины, ласково стряхивая детей со своих ног. И он смотрел на Тересину внимательными, полными страдания глазами, пока она рассказывала ему о своей ужасной беде. Он как завороженный следил за ней, когда она вывернула наизнанку последний мешок, чтобы показать, что у них не осталось ни единого боба. Он сочувственно кивал, когда она показывала на детей, от которых скоро останутся только кожа да кости, которые скоро умрут от голода.

Затем вьеха с горечью поведала, как ее провела Пресвятая Дева. Но тут Хесус Мария отказал ей в своем сочувствии.

— Откуда ты знаешь, старая? — спросил он строго. — Может, Пречистая была занята в каком-нибудь другом месте.

— А как же мои четыре свечи? — визгливо настаивала вьеха.

Хесус Мария холодно посмотрел на нее.

— Что такое четыре свечи для Пресвятой Девы? — сказал он. — Я раз был в церкви, где перед ней горели сотни свечей. Ее свечами не уди-

вишь.

Но мысль о беде Тересины жгла его как огонь. В тот же вечер он произнес перед друзьями в доме Дэнни вдохновенную и трогательную речь. Из глубин своего великого сердца он исторг красноречивейший, пламенный призыв помочь этим детям, у которых не осталось бобов. И слова его были исполнены такой силы, что огонь, пылавший в его груди, зажег сердца его друзей. Они вскочили на ноги. Глаза их засверкали.

— Эти дети не будут голодать! — восклицали они. — Мы клянемся в этом!

— Мы живем в роскоши, — сказал Пилон.

— Мы уделим им от нашего достатка, — согласился Дэнни. — А если им нужен дом, пусть живут здесь.

— Завтра мы начнем! — воскликнул Пабло. — Хватит лениться! За работу! Нам нужно многое сделать.

Хесус Мария почувствовал радость пророка, обретшего последователей.

И слова их не были пустой похвальбой. Они собирали рыбу. Они обчистили огород отеля «Дель Монте». Это было чудесно. Воровство, свободное от позорного клейма, преступление, совершаемое во имя благой цели, — что может

быть приятнее!

Пират повысил цену своих дров до тридцати центов и каждое утро заходил в три лишних ресторана. Большой Джо снова и снова крал козу миссис Палочико, и каждый раз она благополучно возвращалась домой.

Все больше и больше припасов накапливалось в доме Тересины. На ее крыльце лежали ящики с латуком, подпорченная макрель благоухала на весь квартал. Но пламя милосердия не угасало в груди друзей.

Если бы вы могли заглянуть в протоколы полицейского управления Монтерея, вы заметили бы, что в это время по городу прокатилась волна мелких краж. Полицейская машина металась от дома к дому. Тут украли курицу, там обобрали целую грядку тыкв. Компания Палдини сообщила об исчезновении двух стофунтовых ящиков морского уха.

В доме Тересины становилось тесно. Кухня была завалена всяческой снедью. Заднее крыльцо тонуло в овощах. По всей Тортилья-Флэт стоял запах продуктового склада. Друзья носились по городу, совершая одно тайное похищение чужого имущества за другим, и подолгу беседовали с Тересиной, обсуждая дальнейшие планы.

Сперва Тересина с ума сходила от радости при виде такого количества еды, а кроме того, ей очень льстило подобное внимание. Но через неделю в ее душу закрались некоторые сомнения. У младенца начались желудочные колики, у Эрни болел живот, лицо Альфредо пошло красными пятнами. Ползунки и карапузы хныкали не переставая. Тересине было очень неловко объяснять друзьям то, что объяснить было необходимо. Несколько дней она собиралась с духом, и за это время в дом прибыли пятьдесят фунтов сельдерея и ящик дынь. Дольше откладывать было нельзя. Соседи уже неодобрительно поднимали брови, встречаясь с ней.

Она пригласила всех друзей Дэнни к себе на кухню и сообщила им о своих тревогах с большим тактом и осторожностью, чтобы не обидеть их.

— Зелень и фрукты детям вредны, — объяснила она. — От молока у малышей начинается несварение, когда их отнимают от груди. — Она показала на заплаканных красных детей. — Видите, они все больны. Они едят то, что им вредно.

— А что им полезно? — спросил Пилон.

— Бобы, — ответила она. — На бобы можно положиться, они остаются у человека в животе.

Друзья молча ушли домой. Они притворялись

сами перед собой, будто это их огорчило, но они знали, что их энтузиазм уже несколько дней как остыл.

В доме Дэнни они стали держать совет.

О дальнейшем не следует рассказывать в некоторых сферах, ибо обвинение может оказаться серьезным.

Полночь давно миновала, когда четыре темные фигуры, которые останутся безымянными, крадучись пробежали по улицам города. Четыре смутные тени пробрались на железнодорожный склад «Вестерн Уэрхаус компани». Ночной сторож говорил потом, что он слышал какие-то звуки, внимательно все осмотрел, но ничего не обнаружил. Он не мог объяснить, каким образом это случилось, — как был взломан замок и открыта дверь склада. Только четыре человека знают, что сторож в ту ночь спал непробудным сном, но они его не выдадут.

Вскоре четыре тени покинули склад, но теперь они сгибались под тяжестью ноши. Было слышно, как тени пыхтят и отдуваются.

В три часа утра Тересину разбудил звук открывшейся задней двери.

— Кто там? — закричала она.

Ответа не было, но она услышала четыре глу-

хих удара, от которых содрогнулся дом. Она зажгла свечу и поспешила босиком на кухню. Там у стены стояли четыре стофунтовых мешка с розовыми бобами.

Тересина кинулась обратно в комнату и разбудила мать.

— Чудо! — кричала она. — Иди на кухню и посмотри!

Вьеха пристыженно смотрела на четыре крутобоких мешка.

— Подлая я грешница! — запричитала она. — О Пресвятая Матерь, сжалься над старой дурой. Каждый месяц до дня моей смерти ты будешь получать по свече.

В доме Дэнни четверо друзей блаженно вытянулись на своих постелях. Есть ли подушка лучше чистой совести? Они проспали чуть ли не до вечера, ибо долг их был исполнен.

А Тересина по хорошо известным ей признакам поняла, что у нее опять будет ребенок. И, насыпая в кастрюлю новые бобы, она от нечего делать прикинула, кто из друзей Дэнни к этому причастен.

XIV

О приятной жизни в доме Дэнни, о дареном поросенке, о страданиях Верзилы Боба и об отвергнутой любви вьехо Раванно

Пайсано Тортилья-Флэт не пользовались часами — ни стенными, ни наручными. Порой кто-либо из друзей вдруг становился обладателем часов, но лишь на тот срок, который требовался, чтобы выменять на них что-нибудь по-настоящему полезное. В доме Дэнни часы уважались, но только как средство обмена. А для собственных нужд друзья могли пользоваться огромными золотыми часами — солнцем. Эти часы были куда лучше наручных или карманных и гораздо надежнее — ведь их никак нельзя было снести к Торрелли.

Летом, когда стрелки механических часов подходят к семи, вставать бывает очень приятно, но что толку, когда они указывают тот же час зимой? Насколько удобней солнце! И летом и зимой самая пора вставать наступает только тогда, когда оно, выплыв из-за соснового леса,

щедрыми лучами заливает крыльцо. Это тот час, когда руки твои уже не дрожат, а в животе еще не щемит от голода.

Пират и его собаки спали в большой комнате, в своем теплом и уютном углу. Пилон, и Пабло, и Хесус Мария, и Дэнни, и Большой Джо Португалец располагались в спальне. Хотя Дэнни был добр и щедр, он никому не позволял спать на своей кровати. Большой Джо раза два пытался улечься на нее, но получал удар палкой по пяткам, так что даже он научился уважать неприкосновенность этой кровати.

Друзья спали на полу, и постели их отличались большим своеобразием. Пабло кутался в три сшитые вместе овчины. Хесус Мария отходил ко сну, засунув руки в рукава одного старого пальто, а ноги — в рукава другого. Пилон заворачивался в обрывок ковра. Большой Джо чаще всего свертывался калачиком, как собака, и спал одетым. Большой Джо был не способен долго владеть каким-либо имуществом, но зато умел поистине гениально обменять любую попавшую ему в руки вещь на вино. Так они спали, порой довольно звучно, но всегда сладко. Как-то холодной ночью Большой Джо попробовал одолжить одну из собак Пирата, чтоб согреть ноги, но был сильно

искусан, ибо собаки Пирата никому не желали одалживаться.

На окнах не было занавесок, но щедрая природа украсила стекла паутиной, пылью и следами дождевых капель.

— Надо бы вымыть окошко водой с мылом, — как-то заметил Дэнни.

Острый ум Пилона немедленно взялся за разрешение этой задачи, но она оказалась слишком легкой для него. Она была недостойна талантов Пилона.

— Тогда в комнате станет светлее, — сказал он. — Если у нас тут будет светло, мы будем меньше времени проводить на свежем воздухе. А ночью, когда свежий воздух вреден, нам свет не нужен.

Дэнни покинул поле боя, ибо если одно только упоминание о его планах вызвало столь быструю и уничтожающую критику, то какими сокрушительно логическими аргументами грозит попытка настаивать на них? Окна остались в прежнем виде, и по мере того как паутина обогащалась все большим количеством сухих оболочек тех мух, которые напитали семейство паука своей кровью, а на слой пыли ложился новый слой, спальня погружалась в приятный

полумрак, позволяющий спокойно спать там даже в самый ясный и солнечный полдень.

Друзья спали сладко, но когда по утрам солнечные лучи ударяли в окошко и, не сумев проникнуть внутрь, превращали пыль в серебро, а мушиные трупы — в маленькие радуги, друзья просыпались, потягивались и начинали искать свои башмаки. Они знали, что на крыльце тепло, раз солнце уже постучалось в окошко.

Просыпались они не сразу и не вскакивали с постели, не сотрясали свой организм каким-либо резким движением. Нет, они восставали от сна так же мягко и незаметно, как мыльный пузырь отрывается от соломинки. Еще не совсем проснувшись, они брели в овраг. Постепенно их воля выкристаллизовывалась из раствора дремоты. Они затапливали печку, кипятили чай, наливали его в банки из-под варенья, а затем усаживались на залитом солнцем крыльце. Пронизанные солнцем мухи вились над их головами, образуя сияющие нимбы. Жизнь вокруг них постепенно обретала форму, повторяя вчерашний день и предвещая завтрашний.

Беседа завязывалась медленно, ибо каждый бережно лелеял последнюю сладость еще не развеявшегося сна. А потом наступали долгие часы

интеллектуального общения. Приподымались крыши, обозревалась внутренность домов, обсуждались мотивы поступков, рассказывались всяческие происшествия. Для начала их мысли обращались обычно к Корнелии Руис, ибо поистине редко выпадали дни или ночи, когда с Корнелией не приключалось чего-нибудь интересного. А ведь почти из всякого происшествия можно извлечь полезное назидание.

Сосновая хвоя поблескивала в солнечных лучах. От земли исходил приятный сухой запах. Кастильская роза овеивала мир ароматом своих цветов. Это были лучшие часы жизни друзей Дэнни. Борьба за существование отступала куда-то далеко. Они судили своих ближних, но судили их не во имя морали, а просто из любопытства. Узнав какой-нибудь интересный случай, каждый приберегал рассказ о нем до этих часов. Большие шоколадные бабочки кружили над розовым кустом, опускались на цветы и долго сидели, медленно взмахивая крыльями, словно выкачивали нектар с их помощью.

— Я видел Альберта Расмуссена, — сказал Дэнни. — Он выходил из дома Корнелии. У этой Корнелии вечные скандалы. Каждый день какой-нибудь скандал.

— Так уж она живет, — сказал Пабло. — Я не из тех, кто бросит камень, но порой мне кажется, что Корнелия чересчур уж бойка. Она только и знает что любовь и драки.

— Ну, — сказал Пилон, — а чего тебе еще надо?

— Она не знает, что такое покой, — печально сказал Хесус Мария.

— А он ей и не нужен, — ответил Пилон. — Дай Корнелии покой, и она умрет. Любовь и драки. Это ты хорошо сказал, Пабло. Любовь, драки и немножко винца. Тогда человек всегда молод, всегда счастлив. А что вчера случилось с Корнелией?

Дэнни торжествующе посмотрел на Пилона. Пилон редко чего-нибудь не знал. Но на сей раз по его расстроенному виду Дэнни догадался, что это происшествие ему неизвестно.

— Вы все знаете Корнелию, — начал он. — Иногда ее друзья приносят ей подарки — курочку, или кролика, или кочан капусты. Какой-нибудь пустячок, но Корнелии это нравится. Так вот, вчера Эмилио Мурьетта принес Корнелии вот такого малюсенького поросенка — красивого такого розового поросенка. Эмилио нашел его в овраге. Свинья погналась за ним, когда он схватил поросенка, но он побежал очень быстро и принес

поросенка Корнелии. У этого Эмилио хорошо привешен язык. Он сказал Корнелии: «Поросенок в доме сущая благодать. Он ест что угодно. И ласковее всякой кошки. Такого поросенка нельзя не любить. Но потом из него вырастает свинья, и его характер меняется. Он становится злым и подлым, и его уже нельзя больше любить. Потом в один прекрасный день эта свинья тебя кусает, так что на нее нельзя не рассердиться. И тогда ты ее убиваешь и съедаешь».

Друзья одобрительно закивали головами, а Пилон сказал:

— Этот Эмилио не так глуп. Посмотрите, сколько приятного обнаружил он в одном поросенке: привязанность, любовь, месть и сытый желудок. Надо мне как-нибудь потолковать с этим Эмилио.

Однако друзья заметили, что Пилон завидует своему новоявленному сопернику в логических построениях.

— Рассказывай дальше про этого поросенка, — сказал Пабло.

— Ну, — продолжал Дэнни, — Корнелия взяла этого поросенка и поблагодарила Эмилио. Она сказала, что, когда придет время и она рассердится на этого поросенка, она обязательно угостит

и Эмилио. Ну, тогда Эмилио ушел, а Корнелия поставила у печки маленький ящик, чтобы поросенку было где спать. Тут к ней в гости пришли знакомые дамы, и Корнелия дала им подержать поросенка на руках и погладить его. А потом Конфетка Рамирес наступила ему на хвост. Он завизжал, как паровозный свисток. А дверь на улицу была открыта. И большая свинья пришла за своим поросенком. Все столы и вся посуда разлетелись вдребезги. Все стулья были переломаны. А большая свинья укусила Конфетку Рамирес и сдернула с Корнелии юбку, а потом, когда все дамы заперлись на кухне, свинья ушла, а с ней ушел и поросенок. Теперь Корнелия ужасно сердится. Она говорит, что изобьет Эмилио.

— То-то и оно, — сказал Пабло. — Вот она, жизнь: всегда все идет не так, как задумаешь. Совсем как в тот раз, когда Верзила Боб задумал покончить с собой.

Друзья обратили к Пабло исполненные ожидания лица.

— Ну, вы знаете Боба Смоука, — начал Пабло. — С виду он замечательный вакеро — ноги длинные, сам худой, только вот ездит верхом он плохо. Когда клеймят скот, он часто летает с лошади. Ну, так этот Боб всегда хочет, чтобы

им восхищались. Когда устраивают парад, он хочет нести флаг. Когда устраивают боксерский матч, он хочет быть судьей. На представлении он первый кричит: «Эй, впереди, садитесь!» Да, он хочет стать великим человеком, чтобы все на него смотрели и все им восхищались. И еще — чего вы, наверное, не знаете — он хочет, чтобы все его любили. А он, бедняга, из тех, над кем всегда смеются. Некоторые его жалеют, но большинство просто смеется над ним. А такой смех для Верзилы Боба Смоука хуже ножа. Может, вы помните тот раз, когда он был знаменосцем на параде? Боб ехал на большой белой лошади и держался в седле очень прямо. И вот как раз против того места, где сидят судьи, эта дура лошадь хлопнулась от жары в обморок. Боб перекувырнулся через ее голову, а флаг пролетел по воздуху, как копье, и воткнулся в землю не тем концом. И так с ним всегда. Чуть он состроит из себя великого человека, как что-нибудь да случится, и все над ним смеются. Помните, как он, когда стал собачником, целый день старался заарканить собаку? Весь город сбежался посмотреть. Он накидывал петлю, а собака прижималась к земле, петля соскальзывала, и собака убегала. Как все смеялись! Бобу было так стыдно, что он подумал: «Я убью

себя, и тогда им станет грустно. Они пожалеют, что смеялись». А потом он подумал: «Но я же буду мертвый. Я же не узнаю о том, как они жалеют». И он придумал план. «Я подожду, пока не услышу, что кто-то хочет ко мне войти. Тогда я приставлю пистолет ко лбу. Этот друг станет меня отговаривать. Он заставит меня обещать, что я не застрелю себя. И тогда все пожалеют, что довели меня до самоубийства». Вот что он придумал. Ну, пошел он к себе домой, а все встречные спрашивали: «Поймал ты эту собаку, Боб?» Домой он пришел совсем опечаленный. Взял он пистолет, зарядил его и сел ждать, чтобы кто-нибудь к нему зашел. Он обдумал, как это будет, и стал упражняться с пистолетом. Друг скажет: «Ай, что ты делаешь? Не стреляй в себя, бедный!» А Боб на это ответит, что не хочет больше жить, потому что все люди такие бессердечные. Он думал и думал об этом, но никто так и не пришел. Он прождал весь следующий день, и опять никто не пришел. Но на следующий вечер пришел Чарли Милер. Боб услышал его шаги на крыльце и приставил пистолет ко лбу. И взвел курок, чтобы все было как следует. «Теперь он станет меня уговаривать, — подумал Боб. — И я поддамся на его уговоры». Чарли Милер открыл дверь. Он увидел, что Боб прижимает ко лбу пи-

столет. Но он не стал кричать, нет. Чарли Милер подскочил к нему и ухватился за пистолет, а пистолет выстрелил и отстрелил Бобу кончик носа. И все стали смеяться еще больше. Об этом даже в газете писали. Весь город смеялся. Вы все видели нос Боба с отстреленным кончиком. Все смеялись, но это был нехороший смех, и всем стало не по себе. И с тех пор на каждом параде Верзиле Бобу поручают нести флаг. И муниципалитет купил ему сеть, чтобы ловить собак. Но из-за такого носа он все-таки не может быть счастлив.

Пабло умолк и, подняв с крыльца прут, стал похлопывать себя по ногам.

— Я помню, каким был его нос раньше, — сказал Дэнни. — Он неплохой человек, этот Боб. Вот спросите у Пирата, когда он придет. Пират иногда сажает всех собак в фургон Боба, и все думают, что Боб их изловил, и все говорят: «Вот собачник так собачник!» Не так-то легко ловить собак, когда ты должен ловить собак.

Хесус Мария о чем-то размышлял, прислонившись затылком к стене. Теперь он сказал:

— Уж лучше быть избитым, чем слушать, как над тобой смеются. Над стариком Томасом, Трясичником, смеялись, пока не свели его в могилу. А потом все жалели, что смеялись над ним. И, —

продолжал Хесус Мария, — смех смеху рознь. Этот рассказ о Верзиле Бобе очень смешной, но чуть откроешь рот, чтобы засмеяться, как сердце тебе словно рукой сжимает. Я знаю, почему старый мистер Раванно повесился в прошлом году. Это тоже смешная история, но смеяться над ней почему-то неприятно.

— Я кое-что об этом слышал, — сказал Пилон. — Но всего я не знаю.

— Ладно, — сказал Хесус Мария, — я расскажу вам об этом, и вы увидите, захочется вам смеяться или нет. Когда я был маленьким, я играл с Питом Раванно. Этот Пит был хороший, умный мальчишка, но очень уж озорной. У него было два брата и четыре сестры, и еще отец — старик Пит. Теперь их уже никого тут не осталось. Один брат в Сан-Квентине, другого убил японец-огородник, когда он накладывал в фургон краденые дыни. А девочки… ну, вы знаете, как это бывает с девочками, — они уехали; Сузи сейчас в Салинасе, в доме старухи Дженни. Остались тут только Пит и старик. Пит вырос и все продолжал озорничать. Он некоторое время пробыл в исправительном заведении, но потом вернулся. Каждую субботу он напивался, и каждый раз попадал в тюрьму до понедельника. Его отец был человек компа-

нейский. Он каждую неделю напивался вместе с Питом. И в тюрьму они попадали почти всегда вместе. Старик Раванно тосковал, если с ним там не было Пита. Очень он Пита любил. Что бы Пит ни затевал — и старик с ним, даже когда ему стукнуло шестьдесят.

Может, вы помните Грейси Монтес? — спросил Хесус Мария. — Она была не очень порядочной девушкой. Когда ей минуло двенадцать, в Монтерей пришла на стоянку военная эскадра, и Грейси родила своего первого, хотя сама была совсем еще девчонка. Очень уж она была хорошенькая и резвая и бойкая на язык. Она всегда словно убегала от мужчин, и поэтому мужчины особенно гонялись за ней. И иногда ловили. Но все равно толку было мало. Всегда казалось, что Грейси таит от тебя самое лучшее в себе — то, что пряталось у нее в глазах и говорило: «Если бы я только захотела, ты был бы счастлив со мной, как ни с одной другой женщиной мира».

Я знаю это, — продолжал Хесус Мария, — потому что я тоже бегал за Грейси. И Пит бегал за ней. Только у Пита это было не так, как у меня. — Хесус Мария по очереди посмотрел на каждого из своих друзей, чтобы придать этим словам особый вес.

— Пит до того тосковал по Грейси, что совсем

исхудал, и глаза у него стали большие и грустные, как у тех, кто курит марихуану. Пит не мог есть и совсем заболел. Старик Раванно пошел поговорить с Грейси. Он сказал: «Если ты не пожалеешь Пита, он умрет». Но она только засмеялась. Сердце у нее было недоброе. И тут в комнату вошла ее сестра Тониа. Тонии шел пятнадцатый год. Старик посмотрел на нее, и у него дыхание перехватило. Тониа была очень похожа на Грейси, да только, странное дело, сторонилась мужчин. Старик Раванно ничего не мог с собой поделать. Он сказал: «Подойди ко мне, деточка». Но Тониа не была деточкой. Она все понимала. Поэтому она засмеялась и убежала из комнаты. Тогда старик Раванно пошел домой. Пит сказал: «Что-то с тобой случилось, отец». — «Нет, Пит, — ответил старик. — Только я тревожусь, что ты все болеешь из-за этой Грейси». Горячая была кровь у всех этих Раванно!

А потом, что бы вы думали? — продолжал Хесус Мария. — Пит пошел потрошить каракатиц для Чин Ки и начал дарить Грейси подарки: бутылки цветочной воды, и ленты, и подвязки. Он заплатил за то, чтобы с нее сняли карточку, да еще раскрашенную. Грейси брала все подарки и убегала от него и смеялась. Слышали бы вы, как

она смеялась! Хотелось сразу и задушить ее и приласкать. Хотелось зарезать ее, чтобы посмотреть, что же такое она в себе прячет. Я это знаю. Я ведь сам бегал за ней, да и Пит мне рассказывал. От ее смеха Пит совсем сошел с ума. Он лишился сна. Он сказал мне: «Если Грейси выйдет за меня замуж в церкви, тогда она больше не посмеет от меня убегать, потому что она станет замужней женщиной и это будет грех». Он сказал ей, чтобы она с ним обвенчалась. А она засмеялась этим своим звонким смехом, от которого хотелось ее задушить. Пит совсем сошел с ума. Он отправился домой, привязал к балке веревку, влез на ящик и накинул себе на шею петлю, а потом оттолкнул ящик. Ну, тут как раз вернулся домой отец Пита. Он перерезал веревку и побежал за доктором. Но Пит открыл глаза только через два часа, а заговорить он смог только через четыре дня.

Хесус Мария умолк. Он с гордостью увидел, что друзья совсем захвачены его рассказом.

— Вот как это было, — сказал он.

— Но ведь Грейси Монтес вышла замуж за этого Пита Раванно! — взволнованно воскликнул Пилон. — Я знаю ее. Это очень порядочная женщина. Она не пропускает ни одной мессы и раз в месяц ходит исповедоваться.

— Теперь это так и есть, — согласился Хесус Мария. — Старик Раванно тогда очень рассердился. Он прибежал к Грейси и крикнул: «Смотри, как твоя глупость убивает моего сына! Он хотел повеситься из-за тебя, курица с навозной кучи, убийца!» Грейси испугалась, но все-таки ей было приятно, потому что не всякая женщина может заставить мужчину зайти так далеко. Она пришла навестить Пита, пока он лежал в постели с вывихнутой шеей. А вскоре они поженились. И все вышло так, как думал Пит. Раз церковь приказала ей стать хорошей женой, она стала хорошей женой. Она больше не пересмеивалась с мужчинами. И не подманивала их, не убегала, чтобы они гнались за ней. Пит продолжал потрошить каракатиц, и Чин Ки скоро поставил его готовить ящики. А потом он стал управляющим у него на фабрике. Так что, — заключил Хесус Мария, — это хорошая история. Такая, что ее мог бы рассказать священник в церкви, если бы только она на этом кончилась.

— Да, — сказал задумчиво Пилон, — эта история учит многому.

Друзья одобрительно закивали, потому что они любили, чтобы в историях была мораль.

— Я знавал в Техасе такую девушку, — сказал

Дэнни. — Только она не переменилась. Ее прозвали женой второго взвода. «Миссис Второй Взвод» — так ее прозвали.

Пабло жестом остановил его.

— Эта история еще не кончена, — сказал он. — Дайте Хесусу Марии досказать ее.

— Да, она еще не кончена. И конец у нее не такой хороший. Старику Раванно было уже за шестьдесят. А Пит и Грейси поселились отдельно. Вьехо Раванно почувствовал себя совсем одиноким, потому что до сих пор он всегда бывал с Питом. Он не знал, чем ему заняться. Он просто сидел и грустил, пока однажды снова не увидел Тониу. Тонии шел уже шестнадцатый год, и она была даже красивей Грейси. Половина солдат из форта ходили за ней по пятам, как щенята. И со стариком случилось то же, что с Питом. Он совсем иссох от любви. Он не мог ни есть, ни спать, щеки у него совсем ввалились, а глаза выпучились, как у курильщика марихуаны. Он принес Тонии конфеты, а она вырвала конфеты из его рук и стала над ним смеяться. Он сказал: «Ты не пойдешь погулять со мной, душечка? Я ведь твой друг!» А она опять засмеялась. Тогда вьехо рассказал обо всем Питу. А Пит тоже засмеялся. «Старый дурень, — сказал Пит. — Ты уже свое

отгулял. Нечего тебе бегать за младенцами». Но это не помогло. Старик Раванно совсем извелся. У них горячая кровь, у этих Раванно. Он прятался в траве и смотрел, как она проходит мимо. Сердце его совсем изныло. Ему нужны были деньги, чтобы покупать подарки, и он устроился работать на заправочную станцию. Он разравнивал песок на дорожках и поливал цветы около станции. Он заливал воду в радиаторы и протирал ветровые стекла. И все деньги до последнего цента он тратил на подарки Тонии — на конфеты, ленты и платья. Он заплатил, чтобы с нее сняли цветную карточку. А она только все больше смеялась, и вьехо чуть не помешался. И вот он придумал: «Если венчание в церкви сделало из Грейси хорошую жену, то оно и из Тонии сделает хорошую жену». Он попросил ее выйти за него замуж. Тогда она и вовсе принялась хохотать. И стала вертеться перед ним и дразнить его. Она была настоящим дьяволом, эта Тониа.

— Он вел себя как дурак, — неодобрительно сказал Пилон. — Старикам не следует бегать за молоденькими. Их дело сидеть и греться на солнышке.

Хесус Мария ответил с досадой:

— Эти Раванно не такие, у них очень горячая

кровь.

— Ну, он вел себя недостойно, — настаивал Пилон. — Только позорил Пита.

Ему ответил Пабло:

— Не мешай Хесусу Марии рассказывать. Это его история, Пилон, а не твоя. Когда рассказывать будешь ты, тогда мы будем слушать тебя.

Хесус Мария с благодарностью посмотрел на Пабло.

— Ну, как я говорил, вьехо не мог больше этого выносить. Но ему ничего не удавалось придумать. Он не был похож на Пилона. Он не сумел изобрести ничего нового. Вьехо Раванно думал примерно так: «Грейси вышла замуж за Пита потому, что он повесился. Я тоже повешусь, и, может, тогда Тониа выйдет за меня». А потом он подумал: «Если меня сразу не снимут, я умру. Надо, чтобы меня сразу сняли».

Вам следует знать, — продолжал Хесус Мария, — что на этой заправочной станции есть сарай с инструментами. Рано утром вьехо приходил туда, отпирал сарай, разравнивал песок и поливал цветы, прежде чем станция открывалась. Остальные приходили на работу к восьми часам. И вот как-то утром вьехо вошел в сарай и приладил там веревку. Потом он стал ждать

восьми часов. И когда он увидел, что остальные подходят к станции, он надел петлю на шею и спрыгнул с верстака. И как раз в эту минуту ветер захлопнул дверь сарая.

Лица друзей расплылись в улыбках. Порой, думали они, жизнь выкидывает очень, очень смешные штуки.

— Остальные хватились его не сразу, — продолжал Хесус Мария. — Они сказали: «Наверное, этот старик где-нибудь спит пьяный». Прошел час, прежде чем они заглянули в сарай.

Хесус Мария посмотрел на своих друзей.

На их лицах все еще были улыбки, но что-то в них изменилось.

— Вот видите, — сказал Хесус Мария. — Это смешно. Но от этого щемит сердце.

— А что сказала Тониа? — спросил Пилон. — Извлекла ли она из этого урок и стала ли жить по-другому?

— Нет, не стала. Пит рассказал ей, что случилось, а она засмеялась. Пит тоже засмеялся. Но ему было стыдно. Тониа сказала: «Вот был старый дурень!» — и посмотрела на Пита, как она умела смотреть. Тогда Пит сказал: «Хорошо иметь сестренку, такую, как ты. Как-нибудь вечерком мы пойдем с тобой погулять». Тогда Тониа снова

засмеялась и отбежала от него. И она сказала: «По-твоему, значит, я такая же красивая, как Грейси?» И Пит пошел за ней в дом.

Пилон сказал с сожалением:

— Это плохая история. В ней слишком много разного смысла и слишком много всяких уроков. И некоторые из этих уроков противоречат друг другу. Такую историю не стоит запоминать. Она ничего не доказывает.

— А мне она нравится, — возразил Пабло. — Потому что в ней нет никакого ясного смысла, и все-таки кажется, что смысл в ней есть. Я только не знаю какой.

Солнце миновало зенит, и было уже очень жарко.

— Интересно, какую еду принесет Пират, — сказал Дэнни.

— В залив пришла макрель, — заметил Пабло.

Глаза Пилона заблестели.

— Я придумал один план, — сказал он. — Когда я был маленьким, мы жили около железной дороги. Каждый день, когда мимо шел поезд, мы с братьями кидали камнями в паровоз, а кочегар кидал в нас куски угля. Иногда мы набирали целое ведро угля, чтобы отнести матери. Так вот, я думаю, может, мы отнесем на пристань камни.

Когда рыбачьи лодки подойдут поближе, мы станем ругаться и швырять камни. А что могут кинуть в нас рыбаки? Станут они кидать в нас весла или сети? Нет. Они смогут кидать только макрель.

Дэнни весело вскочил на ноги.

— Вот это план! — воскликнул он. — До чего наш дружочек Пилон о нас заботится! Что бы мы делали без нашего Пилона? Пошли, я знаю, где большая куча камней.

— Макрель — самая моя любимая рыба, — сказал Пабло.

XV

О том, как Дэнни затосковал и впал в безумие. О том, как дьявол в облике Торрелли покусился на дом Дэнни

В Монтерее есть нечто неизменное. Почти каждый день солнце бьет утром в окна на западной стороне улиц, а к вечеру — в окна на восточной их стороне. Каждый день красный автобус дребезжит между Монтереем и Пасифик-Гроув. Каждый день над рыбоконсервными заводами в небо поднимается вонь испорченной рыбы. На исходе каждого дня ветер дует с залива и раскачивает сосны на холмах. Удильщики сидят на скалах, сжимая удочки, и на лицах их написаны терпение и циническое неверие.

И в Тортилья-Флэт над Монтереем течение жизни так же неизменно, ибо количество приключений, которые могут случиться с Корнелией Руис и ее медленно меняющейся чередой женихов, имеет свой предел. Бывали даже случаи, когда она возвращалась к человеку, с которым давным-давно порвала.

В доме Дэнни перемен было еще меньше.

Жизнь, которую вели друзья, показалась бы невыносимо однообразной всякому, кроме пайсано: вставать утром, греться на солнце и обсуждать, что принесет Пират. Пират по-прежнему рубил дрова и продавал их на улицах Монтерея, но теперь на заработанные двадцать пять центов он покупал еду. Иногда друзьям удавалось раздобыть вина, и тогда они пели песни и дрались.

Вблизи моря Время гораздо более сложно, чем в любом другом месте, ибо, кроме круговращения солнца и смены времен года, еще и волны отбивают на скалах ход Времени, а приливы поднимаются и откатываются, как огромная клепсидра.

Дэнни начал ощущать биение Времени. Он смотрел на своих друзей и видел, что для них каждый день похож на предыдущий. Когда он вставал ночью с кровати и перешагивал через спящих, он сердился на них за то, что они лежат здесь. Все чаще, сидя на крыльце и греясь на солнце, Дэнни начинал грезить о днях былой свободы. Тогда летом он спал в лесу, а с наступлением зимних холодов — в теплом сене на сеновале. Тогда бремя собственности не тяготило его. Он помнил, что в те дни имя Дэнни было именем урагана. Какие драки! Бегство по лесу

с похищенной курицей под мышкой! Тайник в овраге, когда какой-нибудь оскорбленный муж собирался ему мстить. Борьба и буря, радостная буря! Когда Дэнни вспоминал о былых временах, он словно опять ощущал удивительный вкус ворованной еды и жаждал, чтобы они вернулись. С тех пор как полученное наследство подняло его на такую высоту, он дрался редко. Он напивался, но это не было приключением. И всегда бремя дома давило его, всегда он должен был думать о своих друзьях.

Дэнни погружался на крыльце в такую мрачную задумчивость, что друзья испугались, не болен ли он.

— Тебе надо бы выпить горячую настойку из целебных трав, — сказал Пилон. — Ты бы лег в постель, Дэнни, а мы приложим тебе к ногам горячие камни.

Но Дэнни не был нужен заботливый уход, ему нужна была свобода. Целый месяц он тосковал, упорно смотрел в землю, бросал на своих заботливых друзей угрюмые взгляды, пинками отгонял ластившихся к нему собак.

В конце концов тоска оказалась сильнее его. Как-то ночью он бежал. Он ушел в сосновый лес и не вернулся.

Когда утром друзья проснулись и хватились его, Пилон сказал:

— Это какая-нибудь дама. Он влюбился.

Больше они на эту тему не говорили, потому что каждый человек имеет право любить. Друзья продолжали жить, как раньше. Но когда прошла неделя, а о Дэнни по-прежнему не было ни слуху ни духу, они встревожились. Все вместе они отправились в лес на поиски.

— Любовь — вещь хорошая, — сказал Пилон. — Нельзя ругать человека, если он ухаживает за девушкой, но неделя — это неделя. Бойкая, должно быть, девушка, раз Дэнни неделю не был дома.

Пабло сказал:

— Немножко любви — это как немножко вина. Но от их избытка человек может заболеть. Может, Дэнни уже заболел? Может, эта девушка чересчур уж бойкая?

Хесус Мария тоже был встревожен:

— Наш Дэнни не мог исчезнуть так надолго. Случилось что-то плохое.

Пират захватил с собой в лес собак. Друзья приказали собакам:

— Найдите Дэнни. Может быть, он болен. Может быть, он лежит где-нибудь мертвый, добрый

Дэнни, который позволяет вам спать в его доме.

Пират шептал им:

— Злые, неблагодарные собаки, найдите нашего друга.

Но собаки только весело завиляли хвостами, отыскали кролика и кинулись за ним в погоню.

Друзья весь день бродили по лесу, звали Дэнни, осматривали места, которые они сами выбрали бы для ночлега, — удобные ложбинки между корнями деревьев, полянки среди кустов, устланные густым слоем сосновых игл. Они знали, какое место выбрал бы человек для ночлега, но они нигде не нашли никаких следов Дэнни.

— Может, он сошел с ума? — предположил Пилон. — Может, какая-нибудь тайная тревога лишила его рассудка?

Вечером они вернулись в дом Дэнни, открыли дверь и вошли. И остолбенели. Тут побывал вор. Исчезли одеяла Дэнни. Все припасы были украдены. Пропали две кастрюли.

Пилон посмотрел было на Большого Джо Португальца, но покачал головой:

— Нет, ты был с нами. Это сделал не ты.

— Это сделал Дэнни, — взволнованно крикнул Пабло. — Он и правда сошел с ума! Вон он бежит по лесу, словно какой-нибудь зверь!

Тревога и забота воцарились в доме Дэнни.

— Мы должны найти Дэнни, — твердили его друзья. — Наш друг безумен, и с ним может приключиться беда. Мы должны искать его по всему свету, пока не найдем.

Они забыли про лень. Каждый день они искали его, и до них начали доходить странные слухи: «Да, Дэнни был здесь вчера вечером. Пьяница! Вор! Поглядите — Дэнни ударил деда колом, который выдернул из забора, и украл бутылку граппы. Что это за друзья, которые позволяют своему другу вытворять такое!» — «Да, мы видели Дэнни. Глаза у него были закрыты, и он пел: «Пойдемте в лес плясать, красавицы», — но мы не пошли. Мы испугались. У Дэнни был очень буйный вид».

На пристани они получили новые сведения о своем друге. «Он был здесь, — сказали рыбаки. — Он хотел драться со всеми. Бенито сломал весло о его голову. Тогда Дэнни стал бить окна, и полицейский забрал его в тюрьму».

Они поспешили по горячему следу своего легкомысленного друга. «Макнир привел его вчера вечером, — сказал полицейский сержант. — Да только ночью он сбежал. Когда мы его поймаем, мы посадим его на шесть месяцев».

Друзья устали от погони. Они вернулись домой

и, к своему ужасу, обнаружили, что исчез полный мешок картофеля, который Пилон нашел только этим утром.

— Ну, это уж слишком! — вскричал Пилон. — Дэнни помешался, и он в опасности. С ним случится что-нибудь ужасное, если мы его не спасем.

— Мы будем искать его, — сказал Хесус Мария.

— Мы заглянем за каждое дерево и в каждый сарай, — поклялся Пабло.

— И под все лодки на берегу, — подсказал Большой Джо.

— Собаки нам помогут, — добавил Пират.

Пилон покачал головой:

— Так ничего не выйдет. Куда бы мы ни пришли, оказывается, что Дэнни оттуда уже ушел. Мы должны ждать его в таком месте, куда он обязательно придет. Мы должны действовать как умные люди, а не как дураки.

— Но куда же он обязательно придет?

И всех разом осенило:

— К Торрелли! Рано или поздно Дэнни придет к Торрелли. Мы должны быть там, чтобы поймать его, чтобы помешать ему безумствовать.

— Да, — согласились они, — мы должны спасти Дэнни.

Все вместе они отправились к Торрелли, но Торрелли не впустил их.

— Вы спрашиваете, — кричал он из-за двери, — видел ли я Дэнни? Дэнни принес три одеяла и две кастрюли, и я дал ему галлон вина. И что же тогда сделал этот дьявол? Мою жену он оскорбил, а меня обругал. Моего малыша он отшлепал, моей собаке дал пинка! Он украл гамак с моего крыльца. — Торрелли задохнулся от ярости. — Я погнался за ним, чтобы отобрать мой гамак, а когда я вернулся, он приставал к моей жене. Соблазнитель, вор, пьяница! Вот что такое ваш друг Дэнни! Я добьюсь, чтобы его упрятали за решетку!

Глаза друзей холодно блеснули.

— Корсиканская свинья, — негромко сказал Пилон. — Ты говоришь о нашем друге. Наш друг нездоров.

Торрелли запер дверь. Они услышали, как лязгнул засов, но Пилон продолжал говорить.

— Кровопийца, — сказал он. — Если бы ты не трясся так над своим вином, ничего бы этого не случилось. Следи, чтобы эта холодная лягушка, которая у тебя вместо языка, не марала нашего друга. Смотри обходись с ним вежливо, потому что у него много друзей. Мы выпустим тебе все

кишки, если ты его обидишь.

Торрелли, стоя у запертой двери, молчал, но эта угроза заставила его задрожать от ярости и страха. Он с облегчением услышал, что шаги друзей затихают на дорожке, ведущей к воротам.

В эту ночь, когда друзья уже легли спать, они услышали, что кто-то тихо шарит на кухне. Они знали, что это Дэнни, но он убежал прежде, чем они успели схватить его. Они бродили по темному двору и грустно звали:

— Вернись, Дэнни, наш милый дружок Дэнни! Мы скучаем без тебя!

Ответа не было, но метко брошенный камень попал Большому Джо в живот, и он, скорчившись, повалился на землю.

В какое отчаяние пришли друзья, как тяжело было у них на сердце!

— Дэнни себя погубит, — грустно говорили они. — Наш любимый друг попал в беду, а мы не можем ему помочь.

Вести хозяйство теперь стало труднее, так как Дэнни украл почти все, что было в доме. Один из стульев они обнаружили у бутлегера. Дэнни забрал все припасы, а как-то раз, когда они искали его в лесу, он украл даже железную печку, но она оказалась такой тяжелой, что он бросил

ее в овраге. Денег тоже не было, потому что Дэнни украл тачку Пирата и выменял на нее у Джо Ортиса бутылку виски. Мир и покой исчезли из дома Дэнни, их сменили тревога и печаль.

— Куда делось наше счастье? — жалобно вопрошал Пабло. — Значит, мы согрешили, сами того не ведая. А это — воздаяние. Нам надо бы пойти исповедаться.

Они больше уже не обсуждали брачные дела Корнелии Руис. Больше не рассказывали назидательных историй. Позабыты были добрые дела. Поистине прежняя счастливая жизнь лежала в развалинах. И развалины эти были окутаны черным туманом слухов:

«Дэнни покусился вчера на какую-то женщину».

«Дэнни выдоил козу миссис Палочико».

«Дэнни позапрошлой ночью дрался с какими-то солдатами».

Как ни печалило друзей нравственное падение Дэнни, они очень завидовали его веселому времяпрепровождению.

— Если он не сошел с ума, это ему даром не пройдет, — сказал Пилон. — Можете не сомневаться. Дэнни грешит так, что это бьет все известные мне рекорды. Сумеет ли он искупить все эти грехи, ко-

гда захочет снова стать порядочным человеком? За несколько недель Дэнни нагрешил больше, чем старик Руис за всю свою жизнь.

В эту ночь Дэнни, воспользовавшись тем, что собаки хорошо его знали, пробрался в дом, двигаясь бесшумно, как тень от ветки под уличным фонарем, и бессовестно украл башмаки Пилона. Утром Пилон сразу сообразил, что произошло. Твердым шагом он вышел на крыльцо, сел на солнцепеке и начал рассматривать свои ноги.

— Он зашел слишком далеко, — сказал Пилон. — Мы терпеливо сносили все его проказы, но он не остановился даже перед преступлением. Это не тот Дэнни, которого мы знали. Это другой человек, и плохой человек. Мы должны схватить этого плохого человека.

Пабло ласково посмотрел на свои башмаки.

— А может, это тоже только проказа? — заметил он.

— Нет, — строго сказал Пилон, — это преступление. Башмаки были не очень крепкие, но взять их — значило совершить преступление против дружбы. А хуже этого преступления нет ничего. Раз Дэнни начинает красть башмаки своих друзей, значит, он уже способен на любое злодеяние.

Друзья кивнули в знак согласия.

— Да, мы должны поймать его, — сказал Хесус Мария, человеколюбец. — Мы знаем, что он болен. Мы привяжем его к кровати и попробуем вылечить его болезнь. Мы попробуем развеять тьму, окутавшую его мозг.

— А пока мы его еще не поймали, — сказал Пабло, — мы должны помнить, что, ложась спать, надо прятать башмаки под подушку.

Дом оказался в осаде. Повсюду вокруг него бушевал Дэнни, и Дэнни наслаждался жизнью.

Лицо Торрелли очень редко выражало что-нибудь, кроме подозрительности и злобы. Будучи бутлегером и имея дело с обитателями Тортилья-Флэт, он постоянно испытывал эти два чувства, и они наложили свою печать на его лицо. Кроме того, Торрелли никогда никого не навещал. Ведь ему нужно было только не выходить из дому, и он мог увидеться с кем угодно. Вот почему, когда Торрелли как-то утром, улыбаясь зловещей улыбкой, словно предвкушая что-то приятное, поднимался по улице, ведущей к дому Дэнни, дети убегали к себе во двор и робко следили за ним сквозь щели в заборах, собаки мчались прочь, щекоча хвостом брюхо и со страхом оглядываясь, а встречные сторонились и на всякий случай

сжимали кулаки, опасаясь, как бы этот сумасшедший не бросился на них.

В это утро небо было затянуто туманом. Солнце после нескольких безуспешных авангардных боев сдалось и скрылось за серым занавесом. С сосен на землю падали мутные капли росы, а лица немногих прохожих были угрюмы и серы в тон этому дню. Не было слышно веселых приветствий. Не было и следа того вечного человеческого оптимизма, который дарит светлую надежду, что наступающий день будет лучше всех прежних.

Старый Рока, увидев улыбку Торрелли, пошел домой и сказал жене:

— Он только что убил и съел своих детей. Помяни мое слово!

Торрелли был счастлив. В его кармане, сложенная вчетверо, лежала драгоценная бумага. Он то и дело прижимал руку к пиджаку, и легкое шуршание убеждало его, что бумага цела. Он шел сквозь серый утренний туман и бормотал себе под нос:

— Змеиное гнездо! Я уничтожу эту чумную язву — друзей Дэнни. Больше я не буду давать вино за вещи, которые у меня тут же снова крадут. Каждый из них сам по себе еще ничего, но когда

они вместе!.. Мадонна, посмотри только, как я вышвырну их на улицу. Жабы, вши, жалящие блохи. Когда им снова придется спать в лесу, у них поубавится гордости. Они узнают, что победа осталась за Торрелли. Они думали обмануть меня, лишить мой дом мебели, а мою жену чести. Но они узнают, что Торрелли, великий страдалец Торрелли, может нанести ответный удар. Они это скоро узнают!

Так он шел и бормотал, а бумага в кармане шуршала под его пальцами. Деревья тоскливо роняли в пыль капли росы. В вышине с хриплым, полным отчаяния криком кружили чайки. Торрелли, как серая тень Судьбы, приближался к дому Дэнни.

В доме Дэнни царило уныние. Друзья не могли сидеть на крыльце, греясь на солнце, потому что солнца не было. А есть ли лучшая причина для уныния? Они давно водворили на место украденную печку. Теперь они подсели поближе к ней, а пришедший в гости Джонни Помпом рассказывал новости.

— Тито Ральф, — говорил он, — больше уже не надзиратель в городской тюрьме. Сегодня утром полицейский судья прогнал его.

— Мне нравился Тито Ральф, — сказал Пилон. — Когда человек попадал в тюрьму, Тито Ральф

приносил ему вина. И он знал больше интересных историй, чем сто рассказчиков, вместе взятых. А почему его прогнали, Джонни Помпом?

— Об этом я и говорю. Как вы знаете, Тито Ральф часто попадал в тюрьму и считался образцовым заключенным. Он знал, как нужно управлять тюрьмой, а вскоре он уже знал о тюрьме больше всех. Тут умер папаша Меркс, прежний надзиратель, и Тито Ральф поступил на его место. Никогда еще не бывало такого хорошего надзирателя, как Тито Ральф. Все, что он делал, было очень хорошо. Но у него есть одна скверная привычка. Стоит ему выпить вина, как он забывает, что он тюремный надзиратель. Он устраивает побег из тюрьмы, и его приходится ловить.

Друзья кивнули.

— Я знаю, — сказал Пабло. — Я еще слышал, что его не так-то легко поймать. Он прячется.

— Да, — продолжал Джонни Помпом. — Если бы не это, он был бы лучшим тюремным надзирателем, какого только видела наша тюрьма. Ну, а рассказать я хотел вот о чем. Вчера вечером у Дэнни было столько вина, что хватило бы на десятерых, а он его выпил один. Тогда он стал рисовать всякие картинки на окнах. У него было очень много денег, и он купил яиц, чтобы кидать

их в китайца. А одно из этих яиц не попало в китайца, а попало в полицейского. Поэтому Дэнни посадили в тюрьму. Но у него было очень много денег. Он послал Тито Ральфа купить вина, а потом еще вина. В тюрьме сидело четыре человека. Все они пили вино. И тут сказалась скверная привычка Тито Ральфа. Он устроил побег из тюрьмы, и все остальные бежали вместе с ним. Тито Ральфа сегодня утром поймали, и ему сказали, что он больше не надзиратель. Он так огорчился, что разбил окно, и теперь снова сидит в тюрьме.

— А Дэнни? — вскричал Пилон. — Что с Дэнни?

— Дэнни? — сказал Джонни Помпом. — Он тоже бежал, но его не поймали.

Друзья тревожно вздохнули.

— Дэнни совсем сбился с пути, — мрачно сказал Пилон. — Он плохо кончит. Интересно, где он достал денег?

Именно в эту минуту торжествующий Торрелли распахнул калитку и зашагал по дорожке к дому. Собаки Пирата встревожились и, рыча, подошли к двери. Друзья выглянули наружу и обменялись недоуменными взглядами. Большой Джо подобрал рукоятку лопаты, с которой недавно так основательно познакомился. Тяжелые уверенные шаги Торрелли прогремели по крыль-

цу. Дверь распахнулась, и Торрелли, улыбаясь, вошел. О, он не стал кричать на них и грозить им. Нет, он взялся за дело деликатно, как домашняя кошка. Он ласково гладил их, как кошка поглаживает таракана.

— Ах, друзья мои, — мягко сказал он, встретив их встревоженные взгляды. — Дорогие мои друзья и клиенты, сердце мое разрывается, потому что мне суждено принести дурные вести тем, кого я люблю.

Пилон вскочил:

— Что-то случилось с Дэнни! Он болен? Он ранен? Говори же!

Торрелли изящно покачал головой:

— Нет, мои крошки. Дело не в Дэнни. Сердце мое обливается кровью, но я принужден сказать вам, что вы здесь больше не живете.

Со злорадным удовольствием он наблюдал за действием своих слов. Все рты раскрылись, все глаза выпучились от удивления.

— Глупость какая! — воскликнул Пабло. — Почему это мы здесь больше не живем?

Рука Торрелли нежно нырнула в грудной карман, его пальцы извлекли оттуда драгоценную бумагу и помахали ею в воздухе.

— Вообразите мои страдания! — продолжал

Торрелли. — Этот дом больше не принадлежит Дэнни.

— Что? — вскричали они. — Что ты говоришь? Почему этот дом больше не принадлежит Дэнни? Говори же, корсиканская свинья!

Торрелли захихикал, и это было так страшно, что пайсано попятились.

— Потому что, — сказал он, — этот дом принадлежит мне. Дэнни пришел ко мне вчера вечером и продал мне свой дом за двадцать пять долларов.

С дьявольской радостью он следил за мыслями, отражавшимися на их лицах.

«Это ложь! — говорили их лица. — Дэнни не способен на такую подлость». А потом: «Но ведь Дэнни за последнее время делал много дурного. Он крал у нас. Кто знает, может, он и продал этот дом за нашей спиной?»

— Это ложь, — сказал Пилон вслух, — грязная корсиканская ложь.

Торрелли продолжал улыбаться и размахивать бумагой.

— Вот доказательство, — сказал он. — Вот бумага, которую подписал Дэнни. Это то, что мы, деловые люди, называем купчей.

Пабло в ярости подскочил к нему.

— Ты напоил его! Он не знал, что делает!

Торрелли чуть-чуть приоткрыл сложенный документ.

— Закон это не интересует, — возразил он. — И поэтому, мои дорогие друзья, неумолимый долг приказывает мне объявить вам, что вы должны покинуть мой дом. Я собираюсь распорядиться им по-другому. — Тут улыбка сбежала с его лица, и оно приняло обычное жестокое выражение. — Если вы не уберетесь к полудню, я пришлю полицейского.

Пилон с кротким видом подошел к нему. Берегись, Торрелли, если к тебе, улыбаясь, приближается Пилон! Беги, спрячься в каком-нибудь сейфе и захлопни за собой дверцу!

— Я этих вещей не понимаю, — мягко сказал Пилон. — Мне, конечно, очень грустно, что Дэнни так поступил.

Торрелли опять захихикал.

— Я ведь никогда не продавал домов, — продолжал Пилон. — Дэнни подписал эту бумагу, так?

— Да, — передразнил его Торрелли, — Дэнни подписал эту бумагу, именно так.

Пилон тупо продолжал расспрашивать:

— Значит, вот эта бумага доказывает, что дом принадлежит тебе?

— Вот именно, дурачок. Эта бумага это и до-

казывает.

Лицо Пилона выразило недоумение.

— А я думал, что ее надо отнести в город и зарегистрировать.

Торрелли презрительно рассмеялся. Берегись, Торрелли! Разве ты не замечаешь, как бесшумно движутся эти змеи? Вон Хесус Мария стоит у входной двери. Вон Пабло заслоняет дверь на кухню. Посмотри, как побелели пальцы Большого Джо, сжимающие рукоятку лопаты.

Торрелли сказал:

— Вы ничего не понимаете в делах, бродяжки и попрошайки. Когда я уйду отсюда, я отнесу эту бумагу в город и…

Это случилось так быстро, что последними словами он подавился. Его ноги мелькнули в воздухе. Он грохнулся об пол, хватаясь жирными руками за воздух. Он услышал, как звякнула дверца печи.

— Воры! — взвизгнул он. Шея и лицо его багровели. — Воры, крысы, собаки, отдайте мою бумагу!

Пилон, стоявший перед ним, удивился.

— Бумагу? — спросил он вежливо. — О какой бумаге ты говоришь с таким жаром?

— О моей купчей, о запродажной! Полиция

узнает об этом!

— Я не помню никакой бумаги, — сказал Пилон. — Пабло, ты не знаешь, о какой бумаге он говорит?

— Бумага? — сказал Пабло. — Он о газетной бумаге говорит или о папиросной?

Пилон продолжал перекличку:

— Джонни Помпом?

— Ему, наверное, что-нибудь померещилось, — сказал Джонни Помпом.

— Хесус Мария, ты что-нибудь знаешь о какой-нибудь бумаге?

— По-моему, он пьян, — возмущенно сказал Хесус Мария. — Стыдно напиваться с утра пораньше.

— Джо Португалец?

— Меня здесь не было, — отрезал Джо. — Я только что вошел.

— Пират?

— У него не было никакой бумаги. — Пират повернулся к своим собакам. — Была у него бумага?

Пилон снова обратился к посиневшему от злости Торрелли:

— Ты что-то путаешь, мой друг. Я, конечно, мог и ошибиться насчет этой бумаги, но ведь ты сам

убедился, что никто, кроме тебя, этой бумаги не видел. И ты не упрекнешь меня, если я скажу, что никакой бумаги вовсе не было. Наверное, тебе лучше пойти домой и лечь.

Торрелли был слишком оглушен, чтобы настаивать дальше. Они повернули его, помогли ему выйти за дверь, и он побрел домой, ошеломленный столь ужасным поражением.

Тут они взглянули на небо и обрадовались, потому что солнце снова вступило в бой и на этот раз пробило лазейку в тумане. Друзья не стали возвращаться в дом. Они со счастливыми улыбками расположились на крыльце.

— Двадцать пять долларов! — сказал Пилон. — И что только он сделал с этими деньгами?

Солнце, выиграв первую схватку, обратило туман в паническое бегство, и небо быстро светлело. Половицы крыльца нагрелись, и в солнечных лучах зажужжали мухи. Возбуждение покинуло друзей.

— Еле спаслись, — устало сказал Пабло. — Дэнни не следовало бы так поступать.

— Мы будем покупать все вино только у Торрелли, чтобы возместить ему убытки, — сказал Хесус Мария.

Пичужка опустилась на розовый куст и задер-

гала хвостиком. Новые петухи миссис Моралес воспользовались случаем и в неположенный час спели гимн солнцу. Собаки во дворе задумчиво чесались и грызли свои хвосты.

Услышав шаги на улице, друзья подняли головы и тут же вскочили на ноги, радостно улыбаясь. В калитку вошли Дэнни и Тито Ральф, и каждый нес два тяжелых мешка. Хесус Мария кинулся в дом и принес банки из-под варенья. Когда Дэнни поставил бутылки на крыльцо, друзья заметили, что у него очень утомленный вид.

— Пока влезешь на этот холм, совсем изжаришься, — сказал Дэнни.

— Тито Ральф! — вскричал Джонни Помпом. — А я слышал, что тебя посадили в тюрьму.

— Я снова бежал, — вяло ответил Тито Ральф. — Ведь ключи-то остались у меня.

Вино забулькало, и банки наполнились до краев. Друзья громко вздохнули — от облегчения, что все осталось позади.

Пилон отпил полбанки.

— Дэнни, — сказал он, — эта свинья Торрелли приходил сюда утром и без конца врал. У него была бумага, которую ты будто бы подписал.

Дэнни не то испугался, не то растерялся.

— Где эта бумага? — спросил он.

— Ну, — продолжал Пилон, — мы знали, что он врет, и поэтому мы сожгли эту бумагу. Ты же ее не подписывал, правда?

— Нет, — сказал Дэнни и осушил банку до дна.

— Хорошо бы чего-нибудь поесть, — заметил Хесус Мария.

Дэнни ласково улыбнулся:

— А я и забыл. В одном из этих мешков есть три курицы и хлеб.

Радость и облегчение Пилона были так велики, что он встал и произнес небольшую речь.

— Где еще найдется друг, подобный нашему другу? — почти пел он. — Он привечает нас в своем доме, спасая от холода, он делится с нами своей вкусной едой и своим вином. Охей! Какой хороший человек наш дорогой друг!

Дэнни смутился. Он уставился в пол.

— Это пустяки, — пробормотал он. — Что тут такого?

Но ликование Пилона было так велико, что он готов был прижать к сердцу весь мир и даже всех злодеев мира.

— Мы как-нибудь должны сделать что-нибудь приятное Торрелли.

XVI

О тоске Дэнни. О том, как ценой самопожертвования друзья Дэнни устроили вечеринку. О преображении Дэнни

Когда Дэнни вернулся в свой дом и к своим друзьям после долгих безумств, он не испытывал угрызений совести, но его томила усталость. Грубые пальцы бурно прожитых дней истерзали его душу. Он погрузился в апатию и вставал с постели только для того, чтобы посидеть на крыльце под кастильской розой, вставал с крыльца только для того, чтобы лечь в постель. Вокруг него лилась беседа, и он слушал, но ничто его не интересовало. Корнелия Руис блистательно сменила нескольких мужей, но Дэнни это нисколько не тронуло. Как-то вечером Джо Португалец забрался на его кровать, но Дэнни остался равнодушен даже к этому, так что Пилону и Пабло самим пришлось избить за него Большого Джо. Когда Сэмми Распер, с запозданием празднуя Новый год при помощи дробовика и бутылки виски, убил корову и угодил в тюрьму, Дэнни так и не удалось втянуть в обсуждение этической стороны этого

происшествия, хотя вокруг него бушевал горячий спор и все то и дело взывали к нему.

И вскоре друзья начали беспокоиться о Дэнни.

— Он изменился, — сказал Пилон. — Он стал стариком.

Хесус Мария высказал предположение:

— Дэнни уложил в три коротенькие недели столько радостей, сколько отведено на целую человеческую жизнь. Ему надоели все удовольствия.

Тщетно пытались друзья извлечь Дэнни из пучины его равнодушия. По утрам на крыльце они рассказывали самые смешные истории, какие только знали. И сообщали такие подробности любовной хроники квартала, что они проняли бы даже прозектора. Пилон просеивал сквозь сито всю Тортилья-Флэт и приносил Дэнни каждое зернышко интересных новостей, но глаза Дэнни оставались бесконечно старыми и усталыми.

— Ты нездоров, — тщетно убеждал его Хесус Мария. — Тебя мучит какая-то тяжелая тайна.

— Нет, — отвечал Дэнни.

Друзья заметили, что он позволяет мухам ползать по своим босым ногам, а если и отгоняет их, то лишь ленивым взмахом руки, в котором ничего не осталось от былого искусства. Постепенно

веселье и смех покинули дом Дэнни, утонули в темном пруду тихого равнодушия Дэнни. Грустно было смотреть на него — на Дэнни, который готов был драться во имя самого безнадежного дела, да и по любому поводу; на Дэнни, который мог перепить любого человека в мире; на Дэнни, который откликался на взгляд любви, как разбуженный тигр. Теперь он сидел на своем крыльце под солнечными лучами, подняв обтянутые синей материей колени к самой груди, бессильно свесив руки, так что пальцы болтались, будто неживые, и склонив голову, словно под гнетом черных мыслей. В его тусклых глазах не было ни желания, ни гнева, ни радости, ни горя.

Бедный Дэнни, жизнь рассталась с тобой! Вот ты сидишь, как первый человек, когда мир еще не возник вокруг него, и как последний человек, когда мир уже рассыпался в прах. Но посмотри, Дэнни! Ты же не один. Ты вовлекаешь в это и своих друзей. Они поглядывают на тебя уголком глаза. Они ждут, как ждут полные надежды щенки первого движения своего проснувшегося хозяина. Одно твое веселое слово, Дэнни, один веселый взгляд — и они залают и примутся ловить свои хвосты. Ты не можешь распоряжаться своей жизнью, Дэнни, потому что от нее зависят

другие жизни. Посмотри, как страдают твои друзья! Воскресни, Дэнни, чтобы твои друзья снова могли жить!

Вот что примерно сказал Пилон, хотя и не такими красивыми словами. Он протянул Дэнни банку с вином и сказал:

— Да ну же, — сказал он, — хватит просиживать задницу.

Дэнни взял банку и осушил ее до дна. А потом он откинулся на спинку стула и попробовал снова погрузиться в свое бесчувственное забытье.

— У тебя что-нибудь болит? — спросил Пилон.

— Нет, — сказал Дэнни.

Пилон налил ему еще банку вина и следил за выражением его лица, пока он пил. Тусклая пелена на миг исчезла из глаз Дэнни. Где-то в самой их глубине мелькнул прежний Дэнни. Он убил муху ударом, который не посрамил бы и величайшего мастера этого дела.

Губы Пилона медленно расползлись в улыбке. А потом он собрал всех друзей — Пабло, и Хесуса Марию, и Большого Джо, и Пирата, и Джонни Помпома, и Тито Ральфа.

Пилон отвел их в овраг позади дома.

— Я отдал Дэнни последнее вино, и оно пошло ему на пользу. Дэнни помогут вино и, может

быть, вечеринка. Где мы можем достать вина?

Их мысли обрыскали Монтерей, как фокстерьеры обрыскивают амбар в поисках крыс, но крыс не оказалось. Этими друзьями двигал альтруизм такой чистый, о каком многие люди не имеют даже представления. Они любили Дэнни.

Хесус Мария сказал наконец:

— Чин Ки консервирует каракатиц.

Их мысли рванулись в сторону, с любопытством обернулись и взглянули на это. Тихонько прокрались назад и обнюхали это. Прошло несколько секунд, прежде чем их возмущенное воображение смирилось с этим. «Но в конце концов, почему бы и нет? — безмолвно убеждали они себя. — Один день — это не так страшно. Всего один день».

По их лицам можно было ясно проследить, как развертывалось сражение и как во имя блага Дэнни они победили свои страхи.

— Мы это сделаем, — сказал Пилон. — Завтра мы все пойдем в город и будем потрошить каракатиц, а послезавтра мы устроим для Дэнни вечеринку.

Когда Дэнни проснулся на следующее утро, дом был пуст. Он встал с постели и оглядел безмолвные комнаты. Но Дэнни несвойственно было

предаваться бесплодным размышлениям. Сперва он перестал искать разгадку случившегося, а потом и думать о нем. Он вышел на крыльцо и вяло опустился на стул.

Или это предчувствие, Дэнни? Боишься ли ты судьбы, которая неумолимо надвигается на тебя? Неужели для тебя не осталось никаких удовольствий? Нет. Дэнни так же погружен в себя, как всю последнюю неделю.

Чего нельзя сказать о Тортилья-Флэт. Рано утром по кварталу пробежал слух: «Друзья Дэнни потрошат каракатиц для Чин Ки». Это было знаменательнейшее событие, подобное падению правительства или даже гибели всей Солнечной системы. О нем говорили на улицах, о нем сообщали через задние заборы дамам, которые как раз бежали к соседке, чтобы рассказать о нем же. «Все друзья Дэнни ушли в город потрошить каракатиц!»

Утро было наэлектризовано этой новостью. Должна же быть какая-нибудь причина! В чем разгадка этой тайны? Матери инструктировали своих детей и посылали их к фабрике Чин Ки. Юные матроны с нетерпением ждали за занавесками последних сообщений. И сообщения поступали:

«Пабло порезал руку ножом для потрошения каракатиц».

«Чин Ки выгнал собак Пирата».

Сенсация.

«Собаки вернулись».

«Пилон хмурится».

Заключались пари. Уже много месяцев в Тортилья-Флэт не происходило ничего столь интересного. В течение целого утра никто ни разу не упомянул о Корнелии Руис. И только в полдень разгадка наконец была найдена. Но зато о ней мгновенно узнали все:

«Они собираются устроить большую вечеринку для Дэнни».

«На нее приглашаются все».

С фабрики Чин Ки начали поступать распоряжения. Миссис Моралес стерла пыль со своего граммофона и отобрала самые громкие свои пластинки. Кремень выбил искру, а Тортилья-Флэт оказалась хорошим трутом. Семь друзей задумали устроить вечеринку для Дэнни! Тоже мне! Как будто у Дэнни всего только семь друзей! Миссис Сото ворвалась в свой птичник, вооруженная кухонным ножом. Миссис Палочико высыпала мешочек сахару в самую большую свою кастрюлю и принялась варить леденцы. Делегация девушек

отправилась в Монтерей и купила полный комплект цветной бумаги. По всему кварталу, пробуя голоса, взвизгивали гитары и аккордеоны.

Сообщение! Новое сообщение с фабрики Чин Ки! Они не отступят. Они тверды в своем решении. Они заработают не меньше четырнадцати долларов. Приглядите, чтобы были готовы четырнадцать галлонов вина.

Торрелли был завален заказами. Каждому хотелось купить бутыль вина, чтобы отнести ее в дом Дэнни. Да и сам Торрелли, захваченный общим ажиотажем, сказал жене:

— Может, мы пойдем в дом Дэнни. Я прихвачу несколько бутылей для своих друзей.

С приближением вечера волны возбуждения совсем захлестнули вершину холма. Доставались из сундуков и вывешивались проветриться платья, которые в последний раз надевала еще бабушка. С перил веранд, благоухая нафталином, свисали шали, по которым моль томилась более двухсот лет.

А Дэнни? Он сидел, словно наполовину растопленный. Он менял позу, только когда солнце меняло место на небосклоне. Если он и заметил, что все до одного обитатели Тортилья-Флэт прошли в этот день мимо его калитки, он ничем этого

не выдал. Бедный Дэнни! Не меньше четырех десятков глаз следили за его калиткой. В четыре часа он встал, потянулся и, выйдя на улицу, побрел в Монтерей.

Они еле дождались, чтобы он скрылся из виду. И пошли сплетаться гирлянды из зеленой, желтой и красной бумаги! И пошли крошиться на пол свечи! И пошли носиться дети, ровно втирая воск в половицы! Появилось угощение: миски с рисом, кастрюли с горячей курятиной, клецки, от которых можно было только ахнуть. Появилось и вино — не сосчитать, сколько бутылей. Мартинес выкопал из своей навозной кучи бочонок картофельной водки и отнес его в дом Дэнни.

В половине шестого друзья подымались вверх по холму усталые, окровавленные, но торжествующие. Так, наверное, выглядела старая гвардия, возвращающаяся в Париж после Аустерлица. Они увидели дом, пылающий красками. Они засмеялись, и усталость их как рукой сняло. Они были так счастливы, что на глазах у них показались слезы.

Мамаша Чипо вошла во двор в сопровождении двух сыновей, которые тащили лохань, полную подливки. Паулито, этот богатый бездельник, раздувал огонь под большим котлом бобов и крас-

ного перца. Крики, обрывки песен, визгливые крики женщин, вопли и смех взбудораженных детей.

Из Монтерея прибыла машина, полная встревоженных полицейских. «А, всего только вечеринка! Ну конечно, мы выпьем по стаканчику вина. Смотрите только никого не убивайте».

Где же Дэнни? Одинокий, как дымок в холодную ясную ночь, он бредет по вечернему Монтерею. Он заходит на почту, на вокзал, в бильярдную на улице Альварадо, на пристань, где черная вода грустно вздыхает между сваями. В чем дело, Дэнни? Отчего ты такой? Дэнни не знал. В его сердце была щемящая боль, словно от прощания с любимой; его томила смутная печаль, подобная осеннему отчаянию. Он прошел мимо ресторанов, где прежде с таким интересом нюхал воздух, — и в нем не проснулся голод. Он прошел мимо шикарного заведения мадам Зуки — и не обменялся непристойными шуточками с девицами, выглядывающими из окон. Он вернулся назад, на пристань. Он облокотился о перила и стал смотреть в глубокую, глубокую воду. Знаешь ли ты, Дэнни, что боги разливают вино твоей жизни по своим банкам из-под варенья? Видишь ли ты вереницу своих дней в маслянистой воде

между сваями? Он не шевелился и смотрел вниз неподвижным взглядом.

Когда стемнело, о нем начали беспокоиться в доме Дэнни. Друзья оставили гостей и бегом спустились с холма в город. Они спрашивали: «Вы не видели Дэнни?»

«Да, Дэнни прошел здесь час назад, он шел медленно».

Пилон и Пабло искали его вдвоем. Они проследили весь путь своего друга и наконец увидели его на краю темного причала. На него падал тусклый свет электрического фонаря. Они бросились к нему.

Пабло тогда об этом не упомянул, но потом, едва кто-нибудь заводил речь о Дэнни, он всегда принимался описывать, что он увидел, когда они с Пилоном пошли по причалу к Дэнни.

«Так он и стоял, — говорил Пабло. — Я только-только мог разглядеть, что он опирается на перила. Я посмотрел на него и тут увидел кое-что еще. Сперва мне показалось, что над головой Дэнни висит черное облако. А потом я рассмотрел, что это большая черная птица, величиной с человека. Она висела в воздухе, как коршун над кроличьей норой. Я перекрестился и прочел две «Богородицы». Когда мы подошли к Дэнни, птицы

уже не было».

Пилон не видел птицы. Пилон не помнил, чтобы Пабло крестился или читал «Богородиц». Но он никогда не вмешивался, потому что это была история Пабло.

Они быстро шли к Дэнни. Доски причала глухо постукивали у них под ногами. Дэнни не повернулся. Они взяли его за плечи и повернули к себе:

— Дэнни, что случилось?

— Ничего. Ничего со мной не случилось.

— Может, ты болен, Дэнни?

— Нет.

— Так отчего же ты такой печальный?

— Не знаю, — сказал Дэнни. — Я так чувствую, и все. Я ничего не хочу делать.

— Может, тебе сходить к доктору, Дэнни?

— Я же говорю вам, что я не болен.

— Ну так слушай! — воскликнул Пилон. — Мы устроили в твою честь вечеринку у тебя в доме. Там вся Тортилья-Флэт, и музыка, и вино, и курятина. Вина, наверное, двадцать, а то и тридцать бутылей. И дом украшен цветной бумагой. Разве ты не хочешь пойти туда?

Дэнни глубоко вздохнул. На мгновение он снова повернулся к черной, глубокой воде. Быть может,

он шепотом произнес обет богам или бросил им вызов. Он снова поглядел на своих друзей. Глаза его горели лихорадочным огнем.

— Да, черт побери, я хочу пойти туда. Побыстрей. Я хочу пить. Девочки там есть?

— Много. Они все пришли.

— Ну, так пошли. И побыстрей.

Он первый взбежал по холму. Задолго до того, как они добрались до дома, они уже слышали за соснами сладкую музыку и возбужденные счастливые голоса. Трое запоздавших явились, совсем запыхавшись. Дэнни задрал голову и завыл, подражая койоту. Со всех сторон ему протянули банки с вином, и он отхлебнул из каждой.

Вот это была вечеринка! С тех пор, стоило кому-нибудь похвалить вечеринку, кто-нибудь другой непременно спрашивал с благоговением: «А ты был на той вечеринке в доме Дэнни?» И первый говоривший, разумеется, был там, если только он не оказывался приезжим. Вот это была вечеринка! Никто потом и не пытался устроить вечеринку лучше. Об этом не приходилось и мечтать, ибо уже через два дня вечеринка Дэнни вознеслась на такую высоту, что никакое сравнение с ней было невозможно. Какой мужчина не мог похвастаться после этой ночи великолеп-

нейшими синяками и ссадинами? Никогда еще не бывало столько драк — и не схваток между двумя противниками, а шумных битв, в которых принимали участие десятки людей, и каждый дрался сам за себя.

А этот женский смех! Звонкий, переливчатый и хрупкий, как стеклянная канитель. Какие чопорные возгласы протеста доносились из оврага! Отец Рамон отказывался верить своим ушам во время исповедей на следующей неделе. Вся счастливая душа Тортилья-Флэт сбросила оковы сдержанности и взмыла в воздух одним блаженным целым. Они плясали так бурно, что пол в одном углу провалился. Аккордеоны играли так громко, что после этой ночи всегда хрипели, как загнанные лошади.

А Дэнни… Как ничто не может сравниться с этой вечеринкой, так никто не может сравниться с Дэнни. Пусть в будущем какой-нибудь выскочка начнет хвастать: «Вы меня видели? Вы видели, как я плясал с этими черномазыми девчонками? Вы видели, как мы носились по кругу, точно коты?» И на него тотчас обратится взгляд каких-нибудь старых, мудрых и негодующих глаз. И голос, насыщенный сознанием того, что ему известны пределы всех возможностей, спросит

негромко: «А ты видел Дэнни на той вечеринке?»

Когда-нибудь какой-нибудь историк, возможно, напишет холодную, сухую, отдающую плесенью историю вечеринки. Он, возможно, сошлется на ту минуту, когда Дэнни, размахивая ножкой от стола, готов был наброситься на всех гостей — на всех мужчин, женщин и детей. И возможно, он сделает такой вывод: «Замечено, что умирающий организм нередко оказывается способным к проявлению величайшей выносливости и силы». Коснувшись сверхчеловеческих любовных подвигов Дэнни в ту ночь, тот же историк может написать бестрепетной рукой: «Когда любой живой организм оказывается в опасности, вся его деятельность, насколько можно судить, обращается на воспроизведение».

Но я говорю — и то же скажут все обитатели Тортилья-Флэт: «К черту эту ерунду! Дэнни был настоящий мужчина!» Счета, разумеется, никто не вел, а впоследствии ни одна из дам, естественно, не желала по доброй воле объявить себя обойденной, так что доблесть Дэнни, возможно, несколько преувеличена. Даже одна десятая того, что ему приписывается, — уже невероятное преувеличение.

Дэнни был окружен ореолом великолепного

безумия. И в Тортилья-Флэт с пеной у рта утверждают, что Дэнни в одиночку выпил три галлона вина. Однако не следует забывать, что Дэнни теперь причислен к богам. Через несколько лет эти три галлона, возможно, превратятся в тридцать. Через двадцать лет будут ясно помнить, что облака запылали и сложились в гигантское слово ДЭННИ, что луна источала кровь, что вселенский волк пророчески выл на горах Млечного Пути.

Постепенно те, кто был скроен из менее крепкого материала, начали скисать, слабеть, потихоньку выбираться из-под танцующих ног. Оставшиеся, стараясь возместить потери, вопили громче, дрались упорнее, плясали все более лихо. В Монтерее пожарные машины стояли с работающими моторами, и пожарные в красных касках и плащах молча сидели на своих местах и ждали.

Ночь быстро подходила к концу, но буйное веселье Дэнни не шло на убыль.

То, что произошло, подтверждается многими свидетелями, как мужчинами, так и женщинами. И хотя ценность их показаний иногда подвергается сомнению на том основании, что они перед этим выпили тридцать галлонов вина и бочонок картофельной водки, в главном они с угрюмым упорством стоят на своем. Потребова-

лось несколько недель, чтобы разобраться, как все произошло: один сообщал одно обстоятельство, другой — другое. Но постепенно рассказ о случившемся обрел свою нынешнюю логическую форму и сохранит ее навсегда.

Облик Дэнни, говорят обитатели Тортилья-Флэт, быстро менялся. Дэнни стал огромным и страшным. Глаза его пылали, как автомобильные фары. В нем было что-то жуткое. Он стоял посреди большой комнаты своего дома. Он сжимал в руке сосновую ножку от стола, и даже она стала больше. И, стоя так, Дэнни бросил вызов всему миру.

— Кто будет драться? — вскричал он. — Неужто в мире остались только трусы?

Все вокруг трепетали от страха: ножка от стола, такая чудовищная, такая живая, внушала им ужас. Дэнни грозно размахивал ею. Аккордеоны умолкли с хриплым вздохом. Танцоры остановились. В комнате стало холодно, и тишина гремела в воздухе, как океан.

— Никто? — снова вскричал Дэнни. — Или я остался один во всем мире? Никто не будет драться со мной?

Мужчины содрогались, встречая его страшные глаза, и как завороженные следили за зигзагами, которые выписывала ножка от стола. И никто не

откликнулся на вызов.

— Ну, так я пойду к тому, кто будет драться. Я найду врага, достойного Дэнни!

Чуть пошатываясь, он двинулся к двери. Все в ужасе расступались перед ним. Он нагнулся, чтобы не задеть за притолоку. Все замерли, прислушиваясь.

Все слышали, как во дворе он громовым голосом повторил свой вызов. Они слышали, как, подобно метеору, свистела в воздухе ножка от стола. Они слышали, как он бросился вперед по двору. И тут из оврага за домом донесся ответный вызов, такой ужасный и леденящий, что их позвоночники ссохлись, как стебли настурции от мороза. Даже теперь, говоря о противнике Дэнни, люди понижают голос и пугливо оглядываются. Они слышали, как Дэнни ринулся в бой. Они слышали его последний пронзительный вызов, а потом глухой удар. А потом — тишина.

Долгую секунду все ждали, затаив дыхание, чтобы шелест воздуха, вырывающегося из их легких, не заглушил какого-либо звука. Но они прислушивались тщетно. Ночь безмолвствовала, и приближался серый рассвет.

Молчание нарушил Пилон.

— Что-то случилось, — сказал он.

И первым к двери бросился тоже Пилон. Храбрец, он превозмог свой ужас. Остальные последовали за ним. Они обошли дом, направляясь туда, где затихли шаги Дэнни, — но Дэнни там не было. Они подошли к краю оврага, откуда крутая тропа сбегала на дно этого древнего ложа ручья, который пересох еще в незапамятные времена. Те, кто следовал за Пилоном, увидели, что он бросился вниз по тропе. Они медленно спустились за ним в овраг. И на дне его нашли Пилона, склонившегося над изломанным телом Дэнни. Дэнни упал с высоты в сорок футов. Пилон зажег спичку.

— Кажется, он жив! — вскрикнул он. — Бегите за доктором. Бегите за отцом Рамоном.

Все бросились кто куда. Не прошло и пятнадцати минут, как обезумевшие от горя пайсано разбудили и вытащили из постелей четырех докторов. Им не дали собраться с той размеренной неторопливостью, при помощи которой доктора любят показывать, что волнение и тревога не имеют над ними никакой власти. О нет! Их торопили, подгоняли, совали им в руки чемоданчики с инструментами люди, не умевшие толком объяснить, что им, собственно, нужно. Отец Рамон, извлеченный из объятий сна, пыхтя, взбирался на холм, так и не разобравшись, предстоит ли

ему изгонять дьявола, крестить умирающего новорожденного или помешать самосуду. Тем временем Пилон, Пабло и Хесус Мария отнесли Дэнни домой и уложили его на кровать. Они поставили вокруг него свечи. Дэнни дышал хрипло и тяжело.

Первыми явились доктора. Они подозрительно посмотрели друг на друга, взвешивая, кому принадлежит первенство, но и эта минутная задержка заставила вспыхнуть гневом глаза окружающих их людей. Осмотр Дэнни не занял много времени. Они все успели осмотреть его еще до прихода отца Рамона.

Я не пойду в спальню за отцом Рамоном, ибо там были Пилон, и Пабло, и Хесус Мария, и Большой Джо, и Джонни Помпом, и Тито Ральф, и Пират, и собаки Пирата, и вся семья Дэнни.

Дверь за священником закрылась, и закрытой она останется. Ведь людям все-таки присуща гордость, и есть вещи, не предназначенные для любопытных глаз.

Но в большой комнате, где толпились обитатели Тортилья-Флэт, стояла напряженная, исполненная ожидания тишина. Священники и врачи за много веков научились особому способу общения с людьми. Когда отец Рамон вышел из

спальни, его лицо было таким же, как всегда, но женщины принялись громко и жалобно причитать. Мужчины начали переминаться с ноги на ногу, как лошади в стойле, а потом медленно вышли на улицу, в занимающийся рассвет. Но дверь спальни оставалась закрытой.

XVII

О том, как горюющие друзья Дэнни пошли наперекор условностям. О том, как были сожжены Магические Узы. О том, как каждый друг удалился своим путем

Смерть — это личное дело каждого, и она порождает печаль, отчаяние, жгучие муки или холодную философию. Похороны, с другой стороны, — это момент социальный. Вообразите, что вы поехали на похороны, не отполировав предварительно свой автомобиль. Вообразите, что вы стоите у могилы не в лучшем своем черном костюме и не в лучших своих черных ботинках, сверкающих как зеркало. Вообразите, что вы послали на похороны цветы, не снабдив их карточкой, доказывающей, что вы исполнили долг приличия. Похороны, как никакая другая социальная функция, подчинены точному и строгому ритуалу, определяющему каждый шаг человека. Вообразите, какое поднимется негодование, если священник попробует изменить свою проповедь или хотя бы придать своему лицу иной оттенок грусти. Подумайте, как были бы все шокированы,

если бы в зале, где происходит отпевание, были поставлены какие-нибудь другие стулья, а не эти желтые складные пыточные аппараты с узкими и жесткими сиденьями. Нет, пока человек умирает, его могут любить, ненавидеть, оплакивать, но стоит ему умереть, и он превращается в главное украшение официального общественного празднества, исполненного всяческих сложных формальностей.

Дэнни умер всего два дня назад, но он уже перестал быть Дэнни. Хотя лица людей были омрачены благопристойной печалью, в их сердцах царило радостное возбуждение. Правительство обещало военные похороны всем своим бывшим солдатам, буде они того пожелают. Дэнни был первым скончавшимся экс-солдатом Тортилья-Флэт, и Тортилья-Флэт приготовилась критически наблюдать, как правительство выполняет свои обещания. О смерти Дэнни уже сообщили в форт, и его тело было набальзамировано за счет правительства. Свежеокрашенный орудийный лафет уже дожидался на артиллерийском складе, а на нем лежал аккуратно сложенный новый флаг. В приказе на пятницу уже говорилось: «С десяти до одиннадцати утра — похороны. В эскорт назначаются эскадрон одиннадцатого кавалерийского

полка, оркестр одиннадцатого кавалерийского полка и стрелковый взвод».

Разве этого было недостаточно для того, чтобы все женщины Тортилья-Флэт бросились в Монтерей глазеть на витрины универмага? Весь день по улицам Монтерея бродили смуглые ребятишки, выпрашивая в садах цветы для похорон Дэнни. А ночью те же самые дети посетили те же самые сады, чтобы пополнить свои букеты.

Гости явились на вечеринку в своих лучших нарядах, и теперь за два дня нужно было почистить эти наряды, выстирать их, накрахмалить, починить и выгладить. Всюду царила суматоха. Возбуждение не выходило за рамки приличий, но все-таки было скорее радостным.

Вечером второго дня друзья Дэнни собрались в доме Дэнни. Туман первого потрясения и похмелья рассеялся, и теперь они были в ужасе: из всех жителей Тортилья-Флэт только они, больше всех любившие Дэнни, больше всех от него получившие, — только они не могли пойти на похороны Дэнни. Сквозь мутные потемки головной боли они и раньше осознавали эту страшную трагедию, но теперь она стала конкретной реальностью и надо было искать выход. Их одежда и вообще никуда не годилась. Вечеринка же

состарила их штаны и рубахи на много лет. Чьи штаны не порвались на коленях? Чья рубаха была без прорех? Умри кто-нибудь другой, они могли бы занять приличные костюмы, но все до одного обитатели Тортилья-Флэт собирались теперь на похороны, и, разумеется, в лучшей своей одежде. Только Коки Риордан не мог пойти, но Коки находился в карантине из-за оспы, а с ним в карантине была и его одежда. Можно было бы выпросить или украсть денег на один хороший костюм, но о том, чтобы раздобыть деньги на шесть костюмов, не приходилось и мечтать.

Вы скажете: неужели они так мало любили Дэнни, что не могли пойти на похороны в лохмотьях? А вы пошли бы в лохмотьях, когда все остальные блистают роскошью нарядов? И разве пойти на похороны Дэнни в лохмотьях не значило бы проявить к нему даже больше неуважения, чем вовсе на них не пойти?

Отчаяние, сжимавшее их сердца, не поддается измерению. Они кляли свою судьбу. Сквозь открытую дверь они увидели, как мимо прошествовал Гальвес. Гальвес купил новую одежду для похорон и надел ее за сутки вперед. Друзья сидели, подперев головы кулаками, сломленные своим несчастьем. Они уже обсудили все воз-

можности.

Пилон впервые в жизни пал до того, что начал говорить ерунду.

— Каждый может, конечно, попробовать ночью украсть себе костюм, — сказал он.

Но он знал, что сказал глупость, так как в эту ночь все костюмы будут лежать на стульях рядом с постелями своих хозяев. Пойти красть костюм значило бы пойти на смерть.

— Армия спасения иногда выдает одежду, — заметил Хесус Мария.

— Я был там, — отозвался Пабло. — У них на этот раз было четырнадцать платьев и ни одного костюма.

Судьба была против них. Вошел Тито Ральф — из его нагрудного кармана торчал кончик нового зеленого платка. Но его встретили так враждебно, что он удалился, виновато пятясь.

— Будь у нас неделя, мы могли бы потрошить каракатиц, — героически сказал Пилон. — Но похороны завтра. Мы должны смотреть правде в глаза. И на похороны мы пойти можем.

— Каким образом? — спросили друзья.

— Оркестр и провожающие пойдут по мостовой, а мы пойдем по тротуару. Вокруг кладбищенской ограды растет высокая трава. Мы спрячемся там

и все увидим.

Друзья посмотрели на Пилона с благодарностью. Они знали, что его острый ум без устали взвешивал каждую возможность. Но посмотреть на похороны — еще не самое главное. Куда важней самим показаться на похоронах. Однако другого выхода не было.

— Из этого мы должны извлечь урок, — сказал Пилон. — Нам следует позаботиться, чтобы у нас про запас всегда имелся хороший костюм. Никогда нельзя знать заранее, что может случиться.

Больше они об этом не говорили, но чувствовали, что потерпели поражение. Всю ночь они бродили по городу. Какой палисадник в ту ночь не лишился лучших своих цветов? Какое цветущее дерево осталось нетронутым? Утром яма на кладбище, готовая принять тело Дэнни, совсем исчезла под грудой лучших цветов из лучших садов Монтерея.

Готовя свои эффекты, Природа не всегда проявляет тонкий вкус. Правда, накануне Ватерлоо шел дождь; сорок футов снега отрезало путь отряду Доннера. Но в пятницу погода была чудесная. Солнце светило так, словно на этот день был назначен веселый пикник. Чайки летели через улыбающийся залив к рыбоконсервным заводам.

Удильщики заняли свои места на скалах, ожидая отлива. Аптека «Палас» опустила маркизы, чтобы защитить красные грелки в витринах от химического воздействия солнечных лучей. Мистер Мачадо, портной, повесил на окно своей мастерской записку: «Вернусь через десять минут», — и ушел переодеваться к похоронам. Три сейнера подошли к пристани с большим уловом сардин. Луи Дуарте покрасил свою лодку и изменил ее название «Лолита» на «Три кузины». Джек Лейк, полицейский, остановил отъехавший от отеля «Дель Монте» двухместный автомобиль, но отпустил его с миром и купил себе сигару.

Неразрешимая загадка. Как могла жизнь идти своим глупым путем в такой день? Как могла Мейми Джексон поливать тротуар перед своим домом? Как мог Джордж У. Мерк писать свое четвертое и самое возмущенное письмо водопроводной компании? Как мог Чарли Марш, по обыкновению, напиться мертвецки пьяным? Это кощунство. Это попрание всего, что должно быть свято.

Друзья Дэнни проснулись в тоске и поднялись с пола. Кровать Дэнни была пуста. Она походила на боевого коня, который без седока идет за гробом своего хозяина-офицера. Даже Большой

Джо Португалец не покусился на кровать Денни. Солнце радостно било в окно, отбрасывая на пол изящные тени паутины.

— В такое утро Дэнни бывал веселым, — сказал Пилон.

После обычной прогулки в овраг друзья некоторое время просидели на крыльце, отдавая положенную дань памяти друга. Они преданно перечисляли и восхваляли его добродетели. И преданно забывали его недостатки.

— И какой сильный, — сказал Пабло. — Он был силен, как мул! Он мог один поднять тюк сена.

Они рассказывали случаи, подтверждавшие доброту Дэнни, его храбрость, его благочестие.

Но слишком скоро настал час идти к церкви и стоять в лохмотьях на противоположном тротуаре. Они краснели в душе, когда к церкви потянулась вереница счастливчиков, великолепно одетых, отчаянно благоухающих цветочной водой. До друзей доносились музыка и визгливые отголоски заупокойных молитв. Со своего наблюдательного пункта они видели, как прибыли кавалерийский эскадрон, и оркестр с барабанами и обернутыми войлоком палочками, и стрелковый взвод, и орудийный лафет, запряженный тремя парами лошадей с ездовыми на каждой

правой лошади. Печальное цоканье лошадиных подков по асфальту наполняло сердца друзей отчаянием. Тоскливо смотрели они, как гроб вынесли из церкви, поставили на орудийный лафет и прикрыли флагом. Офицер свистнул в свой свисток, поднял руку и опустил ее. Эскадрон тронулся, стрелки взяли винтовки наперевес. Барабаны глухо загремели траурный марш. Орудийный лафет двинулся с места. Провожающие торжественно зашагали позади: мужчины держались прямо и сурово, женщины изящно приподымали юбки, оберегая их от неизгладимых следов, оставляемых кавалерией. Тут были все: Корнелия Руис, миссис Моралес, Гальвес, Торелли и его пухленькая жена, миссис Палочико, предатель Тито Ральф, Конфетка Рамирес, мистер Мачадо — короче говоря, все, кто хоть что-нибудь значил в Тортилья-Флэт, а также все остальные.

Так можно ли удивляться, что друзья не выдержали горького позора? Правда, поддерживаемые героической решимостью, они несколько минут все же брели по тротуару.

Первым сдался Хесус Мария. Он зарыдал от стыда, потому что его отец был богатым и всеми уважаемым боксером. Хесус Мария понурил голову и бросился бежать, пятеро друзей последовали

за ним, а позади, прыгая и резвясь, бежали пять собак.

Когда процессия приблизилась к кладбищу, друзья Дэнни уже лежали в высокой траве у ограды. Погребение было по-военному кратким. Гроб опустили в могилу, грянул винтовочный залп, труба пропела отбой, и, услышав ее, Энрике и Пушок, Пахарито, Рудольф и Сеньор Алек Томпсон задрали морды и завыли. Как гордился ими в эту минуту Пират!

Все кончилось слишком быстро. Друзья поспешно ушли, чтобы никто их не увидел.

На обратном пути они неминуемо должны были пройти мимо пустого дома Торрелли. Пилон влез в окно и вынес две бутыли вина. И тогда они медленно пошли к затихшему дому Дэнни. Они чинно разлили вино по банкам и стали пить.

— Дэнни любил вино, — говорили они. — Дэнни бывал счастлив, когда ему удавалось достать немного винца.

День кончился. Наступил вечер. И каждый, прихлебывая свое вино, мысленно бродил в прошлом. В семь часов пришел пристыженный Тито Ральф и принес коробку сигар, которую он выиграл в лотерею. Друзья закурили сигары, сплюнули и откупорили вторую бутыль, Пабло

запел начало песни «Тюли Пан», — просто чтобы проверить, не пропал ли у него голос.

— Корнелия Руис шла сегодня одна, — заметил Пилон.

— Может, не будет ничего дурного, если мы споем несколько грустных песен? — сказал Хесус Мария.

— Но Дэнни не любил грустных песен, — возразил Пабло. — Он любил забористые песни о бойких женщинах.

Все согласно закивали.

— Да, Дэнни знал толк в женщинах.

Пабло начал вторую строфу «Тюли Пан», Пилон стал потихоньку подтягивать, а под конец к ним присоединились и все остальные.

Когда песня была допета, Пилон затянулся, но оказалось, что сигара его погасла.

— Тито Ральф, — сказал он, — сходил бы ты за своей гитарой, чтобы нам лучше пелось.

Он закурил сигару и отбросил спичку. Маленькая горящая палочка упала на старую газету у стены. Все, как один, вскочили, чтобы затоптать ее, и на каждого снизошло одно и то же озарение, и они вернулись на свои места. Они поглядели друг другу в глаза и улыбнулись мудрой улыбкой бессмертных, лишенных надежды. Словно во

сне смотрели они, как пламя замигало и чуть не погасло, а потом воспрянуло, вновь ожив. Они увидели, как оно расцвело на газете. Так в ничтожных пустяках слышен голос богов. И люди с улыбкой смотрели, как догорает газета и как занимается сухая деревянная стена.

Так и должно быть, о мудрые друзья Дэнни. Узы, соединявшие вас, рассечены. Магнит, собравший вас, утратил силу. Дом этот перейдет к новому владельцу, к какому-нибудь унылому родственнику Дэнни. Так пусть же этот символ святой дружбы, этот добрый дом веселых вечеринок и драк, любви и покоя погибнет, как погиб Дэнни в последнем великолепном и тщетном восстании против богов.

Они сидели и улыбались. А огонь, как змея, всполз к потолку, пробил крышу и заревел. Только тогда друзья встали со своих стульев и словно во сне вышли на улицу.

Пилон, извлекавший пользу из каждого урока, захватил с собой остатки вина.

Из Монтерея донесся вой сирен. Заревели пожарные машины, взбираясь вверх по холму на второй передаче. Лучи прожекторов заметались среди сосен. Когда пожарные прибыли, дом уже превратился в тупой конус огня. Насосы полива-

ли деревья и траву, чтобы пожар не перекинулся на соседние дома.

В толпе сбежавшихся обитателей Тортилья-Флэт словно зачарованные стояли друзья Дэнни и смотрели, не отводя глаз, пока от дома не осталась только черная куча золы, над которой клубился пар. Тогда пожарные машины развернулись и с выключенной передачей покатили вниз по склону.

Обитатели квартала исчезли во тьме. Друзья Дэнни все еще стояли и смотрели на дымящееся пожарище. Порой они обменивались странными взглядами и глаза их снова обращались к сожженному дому. А потом они повернулись и медленно пошли прочь. И каждый шел один.

Консервный Ряд

Перевод с английского *Е. Сурис*

Консервный Ряд в Монтерее, в Калифорнии, — это стихи, и вонь, и скрежет, оттенок света, привычка, тягота, мечта. Консервный Ряд разбросан, тесен, это железо, ржавчина и жесть, щепа и щебень, и пустыри, и мусорные свалки, консервные фабрики, рифленые крыши, и бардаки, лаборатории, ночлежки, бакалеи. Кто-то как-то сказал, что живут там «шлюхи, сводни, жулики, сволочи», причем он сказал это про Всех. Погляди он на них в другую замочную скважину, он сказал бы: «бессребреники, ангелы, великомученики, святые», — и тоже про Всех. По утрам, после лова сардин, сейнеры с воем вваливаются в залив. Тяжело груженные суда стопорят у берегов, там, где фабрики окунают в залив свои хвосты. Образ этот — плод осторожных раздумий: если бы фабрики окунали в залив свои пасти, консервированный продукт, вылезающий с другого конца, оказывался бы, по крайней мере в метафоре, еще отвратительней. Потом вопят гудки, и мужчины

и женщины напяливают одежду и бегут по Ряду на работу. Потом сверкающие лимузины везут избранных: директоров, юристов, хозяев; они исчезают за дверьми контор. Потом из города катят толпы итальянцев, китайцев, поляков, мужчин и женщин в комбинезонах, куртках, фартуках. Они сбегаются сюда — шкерить, резать, бланшировать, рассовывать рыбу по банкам. Улица грохает, ухает, дребезжит и вопит, а серебряные реки рыбы катятся с судов, а суда все выше и выше подымаются в воде, пока не скинут последнего груза; фабрики грохают, визжат и вопят, пока ошкерят, нарежут, сбланшируют, сунут в банку последнюю рыбешку, и тогда снова вопят гудки, и потные, вонючие, замученные итальянцы, китайцы, поляки, мужчины и женщины, выбираются на свет и тащатся вверх по холму, в город, а Консервный Ряд снова становится самим собой, тихий и таинственный. Бродяги, брезгливо отступавшие под сень кипариса, вылезают посидеть на ржавых трубах пустыря. Девушки из заведения Доры выходят погреться на солнышке, если оно проглянет. Док появляется в дверях Западно-Биологической и пересекает улицу и входит в бакалею Ли Чонга за двумя квартами пива. Анри-художник, как эрдель, вынюхивает на

мусорной свалке деревяшки и металл для своей недостроенной лодки. Потом в улицу вплывает тьма, и перед заведением Доры зажигается фонарь — источник негасимого лунного света над Консервным Рядом. В Западно-Биологическую к Доку съезжаются гости, и он идет через улицу к Ли Чонгу за пятью квартами пива.

Как вживе изобразить стихи, вонь, скрежет, оттенок света, как передать бумаге привычку, тяготу, мечту? Когда собираешь морских животных, попадаются такие плоские черви, до того нежные, что их не поймать — они разлезаются, как только их тронешь. Надо, чтоб они сами, своей охотой, наползли, натекли на лезвие ножа, и тогда уж можно стряхивать их в бутылку с морской водой. Наверное, эту книгу так и надо писать — подставить страницы, а повесть пусть сама на них течет.

I

Не поражая опрятностью и чистотой, бакалея Ли Чонга являла зато чудо изобилия. Загроможденная, тесная, она вмещала в единственной комнате все, что нужно человеку для жизни и счастья: одежду, еду — свежую и в консервах, спиртное, табак, рыболовные снасти, инструменты, лодки, веревки, пистоны и свиные отбивные. У Ли Чонга можно было купить туфли, шелковое кимоно и бутылку виски и сигару. Можно было подбирать сочетания почти для всякой надобности. А тот товар, которого не держал Ли Чонг, поставляло заведение Доры, через дорогу.

Бакалея открывалась на заре и не закрывалась, покуда не отзвенит последний шальной заблудший шестипенсовик. Ли Чонг не то чтобы жадничал. Ничуть. Просто он помогал тем, кому хотелось потратиться. Положение Ли удивляло его самого, пока он еще умел удивляться. Все в Консервном Ряду были годами ему должны. Он не торопил должника, но, когда счет чересчур разрастался, прекращал кредит. И чем таскаться в город вверх по холму, должник обычно платил — или хоть старался.

Ли был круглолиц и вежлив. Он говорил на величавом английском, не прибегая к букве «р». Когда в Калифорнии разражались войны между китайскими кланами, Ли обнаруживал, как дорого ценится его голова. И он потихоньку отправлялся в Сан-Франциско и ложился в больницу пережидать заварушку. Никто не знал, что он делал со своими деньгами. Может, их у него и не было. Может, все его богатство состояло в неоплаченных счетах. Но жил он хорошо, и ближние его уважали. Он доверял клиентам до тех пор, пока доверие не становилось смехотворным. Случались и у него промашки, но и тут он умел извлечь или усмотреть выгоду. Например, с Ночлежным Дворцом. Другой бы на месте Ли Чонга счел сделку чистым убытком.

Ли Чонг обычно встречал покупателя за прилавком, где были сигары. Касса приходилась ему по правую руку, счеты — по левую. Перед ним под стеклом лежали коричневые сигары, сигареты «Булл Дарэм», «Чертова смесь», «Пять братьев», а за спиной Ли Чонга на полках блистали в пинтах и полупинтах «Старая зеленая река», «Старый особняк», «Старый полковник» и «Старое Теннесси», виски четырехмесячной выдержки, очень дешевое и известное в округе под названием

«Старой Тенниски». Ли Чонг неспроста стоял между клиентами и виски. Иные ловкачи не раз пытались отвлечь его внимание на другие отделы. За прочими прилавками стаивали братья, племянники, сыновья или невестки, сам же Ли Чонг не отходил от сигарного прилавка. Верхняя стеклянная крышка служила ему конторкой. Толстые, нежные руки Ли покоились на стекле, а пальцы двигались, как беспокойные сосиски. Массивным обручальным кольцом на среднем пальце — единственной своей драгоценностью — Ли молча постукивал по резиновой тарелочке для монет, на которой давно стерлись резиновые сосочки. Благосклонная улыбка Ли обнажала великолепный ряд зубов и приветливо сверкала золотом. Он носил очки с половинными стеклами, и, обходясь ими во всех случаях, он запрокидывал голову, когда глядел вдаль. Беспокойные сосиски-пальцы отщелкивали на счетах долги и проценты, приветливые карие глаза рыскали по бакалее, и ослепляли покупателя зубы.

Как-то вечером, стоя на пачке газет, чтобы не мерзли ноги, он с юмором и печалью размышлял о сделке, которая сладилась после обеда и в тот же день разладилась.

Как выйдешь из бакалеи, если пойти напря-

мик по заросшему пустырю, мимо ржавых труб, выброшенных с фабрик, скоро попадешь на выбитую в траве тропинку. Пойдешь по ней мимо кипариса, через железнодорожное полотно, мимо птичника и увидишь длинное, приземистое строенье, которое когда-то служило рыбным складом. Единственная комната под просторной крышей принадлежала бедняге Хорэсу Эбвилу. Хорэс имел двух жен и шестерых детей и за год-другой мольбами и убеждением добился долга в бакалейной лавке, непревзойденного во всем Монтерее.

В тот день после обеда он вошел в бакалею, и его тонкое усталое лицо передернулось от тени суровости в глазах Ли Чонга. Ли стучал толстым пальцем по тарелочке, Хорэс положил ладони на сигарный прилавок.

— Я, кажется, задолжал тебе кучу денег, — сказал он просто.

Ли сверкнул зубами, одобряя столь непривычное вступление. Он веско кивнул, но пока не понял, куда Хорэс гнет.

Хорэс тщательно провел языком по губам, с угла к углу рта.

— Детей жалко, — сказал он, — ты ведь больше не дашь им мятных лепешек.

Лицо Ли Чонга отразило согласие с этой посылкой.

— Куса денег, — сказал он.

Хорэс продолжал:

— Ты знаешь мой дом за дорогой — где рыба лежит?

Ли Чонг кивнул. Там лежала его рыба.

— Хочешь, я уступлю тебе дом, и мы будем квиты? — очень серьезно спросил Хорэс.

Ли запрокинул голову и смотрел на Хорэса через очки, пока в мозгу его проносились вычисления, а правая рука нашаривала счеты. Ли сопоставил паршивенькую постройку и участок, который мог оказаться прибыльным, если фабрике вдруг вздумается расширить площадь.

— Конесно, — сказал Ли Чонг.

— Ладно, тогда все подсчитай, и я тут же напишу закладную.

Хорэс ужасно куда-то спешил.

— Засем много бумаги, — сказал Ли. — Напису полный ластет.

Они достойно завершили сделку, и Ли Чонг выставил четверть пинты «Старой Тенниски». А потом Хорэс Эбвил, очень прямо держась, пересек пустырь, прошел мимо кипариса, через железнодорожное полотно, мимо птичника, вошел в дом,

который прежде был его домом, и застрелился на груде рыбы. И — хоть это, правда, к делу не относится — все дети Эбвила, вне зависимости от материнской линии, с тех пор всегда вдоволь лакомились мятными лепешками.

Но вернемся к тому вечеру. Хорэс лежал на козлах, пронзенный бальзамирующими иглами, а жены его, обнявшись, сидели на крыльце (они дружили, пока не похоронили Хорэса, а потом поделили детей и перестали кланяться). Ли Чонг стоял у сигарного прилавка, устремив в себя взор, полный спокойной и вечной китайской скорби. Он понимал, что ничего не мог поделать, но если б знать заранее, он бы хоть попытался. Отзывчивый и терпимый, Ли считал право на самоубийство неотъемлемым правом человека. Но друг иногда может сделать так, чтоб кончать с собой не стоило. Ли уже оплатил похороны и отослал по ведру бакалейных товаров пострадавшим семьям.

Так во владение Ли перешел дом Эбвила — крепкая крыша, хороший пол, дверь и два окна. Правда, на полу валялась рыба и тонко, пронзительно пахла. Сперва Ли Чонг решил отвести помещение под склад бакалейных товаров, но, поразмыслив, передумал. Очень уж далеко от лав-

ки, каждый, кому не лень, может залезть в окно. Он постукивал по тарелочке золотым кольцом и прикидывал, что ему делать с домом, когда дверь отворилась и вошел Мак. Мак был глава, вожак, наставник и отчасти эксплуататор небольшой группки, сплоченной отсутствием семей, денег и притязаний на что бы то ни было, кроме еды, выпивки и удовольствий. Но хоть столько народу так изводится, гоняясь за удовольствием, что потом от усталости его уже не получает, Мак с друзьями набредали на него случайно и преспокойно ему отдавались. Мак и Хейзл, молодой человек неслыханной силы, Эдди, замещавший в «Ла-Иде» буфетчика, Хьюги и Джон, иногда собиравшие лягушек для Западно-Биологической, сейчас жили в широких ржавых трубах на пустыре возле бакалеи. То есть в трубах-то они жили, когда шел дождь, а в хорошую погоду ночевали в тени черного кипариса на краю пустыря. Сучья загибались книзу, и получался полог, из-под которого открывался прекрасный вид на кипучую жизнь Консервного Ряда.

При виде Мака Ли Чонг застыл, взгляд его метнулся к дверному проему и, обнаружив, что там нет ни Хейзла, ни Эдди, ни Хьюги, ни Джона, тотчас вернулся к полкам с товарами. Мак выложил

карты с подкупающим чистосердечием.

— Ли, — сказал он. — Я сам слыхал, и Эдди, и ребята. Говорят, к тебе отошла квартира Хорэса.

Ли Чонг осторожно кивнул.

— Вот мы с ребятами и решили, значит, спросить у тебя, может, пустишь нас? Мы будем охранять твое имущество, — уточнил он. — Не дадим никому ничего ломать. А то дети, знаешь, могут все стекла повыбить, — предположил Мак. — Да все и сгореть может, если не присмотришь.

Ли задрал голову и поглядел сквозь очки прямо Маку в глаза, и толстый палец стал медленнее стучать по тарелочке — так глубоко задумался Ли.

В глазах Мака сияло добродушие, дружеское участие и стремление всех осчастливить. Почему же Ли учуял западню? Почему мысль его нашаривала выход осторожно, как кошка среди колючек? Ведь идея почти филантропическая. Ли прикинул всю вероятность, нет, — неминучую последовательность событий, и палец его стал еще медленнее стучать по тарелочке. Он представил себе, как он отказывает Маку, и представил себе выбитые окна. Мак, конечно, снова вызовется охранять имущество Ли, — и Ли уже учуял запах дыма после второго отказа, видел, как языки пламени поднимаются по стенам. Мак с ре-

бятами помогут тушить пожар. Палец Ли совсем перестал стучать по тарелочке. Дело гиблое. Ясно. У Ли оставалась только возможность соблюсти достоинство, и Мак, кажется, готов был пойти ему навстречу.

Ли сказал:

— Вы будешь платить за мой дом? Вы будешь жить там, как в отеле?

Мак улыбнулся широко и великодушно.

— Ну! — откликнулся он. — Это идея! Понятно, будем. Сколько?

Ли прикинул. Он знал, что деньги значения не имеют. Их ему все равно не видать. Оставалось запросить солидную сумму и соблюсти достоинство.

— Пять долла в неделю, — сказал Ли.

Мак стойко держался до конца.

— Спрошу ребят, — сказал он с сомнением. — А четыре не пойдет?

— Пять долла, — твердо сказал Ли.

— Ладно, обмозгую с ребятами, — сказал Мак.

Вот так оно и вышло. Ко всеобщему удовольствию. И хоть кое-кому покажется, что Ли Чонг понес чистый убыток, сам он рассуждал иначе. Окна стояли целые. Не вспыхнул пожар, и хоть квартирной платы Ли не получал, зато всякий

раз, как у его жильцов заводилось кое-что в кармане, — а такое случалось, и частенько, — им и в голову не приходило потратиться где-нибудь, кроме как в бакалее у Ли. Значит, он обзавелся группкой безотказных клиентов. Но мало этого. Если пьяный буянил в лавке, если со стороны Нью-Монтерея неслась грозная орава мальчишек, Ли Чонгу стоило кликнуть клич, и жильцы бросались ему на выручку. И еще одно: у собственного благодетеля красть не станешь. На банках с бобами, помидорах, арбузах и молоке Ли сэкономил больше, чем назначил за квартиру. А если в бакалейных лавках Нью-Монтерея вдруг обнаружились большие недостачи, Ли Чонга это не касалось.

Ребята водворились в доме, а рыбу оттуда выдворили. Никто уже не помнит, кому пришло в голову окрестить новое жилище Ночлежным Дворцом, но имя пристало. В трубах и под кипарисом негде поместить мебель и те предметы роскоши, какие не только поставляет, но и предписывает нам цивилизация. Поселившись в Ночлежном Дворце, друзья занялись обстановкой. Появилось кресло, раскладушка и еще одно кресло. Хозяин скобяной лавки выделил банку красной краски — без долгих раздумий и без

своего ведома; и, обзаведясь новым столом и скамейкой, друзья выкрасили их и сделали не только прекрасными, но и неузнаваемыми на случай, если объявится прежний владелец.

И пошла жизнь в Ночлежном Дворце. Мак с ребятами сиживали у двери и глядели через железнодорожное полотно, через пустырь, через улицу прямо в окна Западно-Биологической. По вечерам оттуда неслась музыка. И взгляд их провожал Дока, когда тот переходил улицу и входил к Ли Чонгу за пивом. И Мак говорил: «Док — отличный мужик. Надо бы что-нибудь для него сделать».

II

Слово — это знак и морок, и мороком оплетены люди, встречи, фабрики, и деревья, и цветы, и пекинцы. Вещь становится Словом и оборачивается Вещью, но уже новой, оттого что она вошла в сказочную мережу. Слово заглатывает Консервный Ряд, переваривает, сблевывает, а Ряд уже вобрал ослепительный плеск зеленого мира и поднебесно-лазоревых озер. Ли Чонг не просто бакалейщик-китаец, какое там. Наверно, Ли Чонг — само зло, уравновешенное добром, — азиатская планета, которую держит на орбите рука Лао-цзы и тащит от Лао-цзы центробежная сила кассы и счетов, — и Ли Чонг кружит, парит во взвеси между товарами и духами предков. Он сурово отстаивает банку фасоли, он нежно созерцает кости деда. Ибо Ли разрыл могилу на Китайском мысе и нашел там желтые кости и череп с налипшими седыми волосками. И Ли аккуратно сложил кости, бедренные и берцовые, и между ними поместил череп, так чтоб его покоил таз, а по бокам изгибались ребра. А потом Ли Чонг отправил хрупкого упакованного деда западным морем в освященную предками землю.

Мак с ребятами тоже кружат по своим орбитам. Каждый — Добродетель, Нежность и Краса в увечном безумии Монтерея, того всеобщего Монтерея, где, мучась страхом и голодом, все портят желудки в борьбе за ежедневный обед и, распаленно ища любви, делают себя для нее непригодными. Мак с ребятами — каждый — Добродетель, Нежность и Краса. В мире, где правят страдающие язвой тигры, где топчут торные дороги тупые волы, где рыщут слепые шакалы, Мак и ребята запросто обедают с тиграми, ласкают шалых телок и собирают хлебные крошки для чаек, летающих возле Консервного Ряда. Что пользы человеку весь мир обрести — и нажить вдобавок язву желудка, аденому простаты и очки для дали и близи? Мак с ребятами избегают капканов, обходят приваду, перепрыгивают через силки, а поколение отравленных, спутанных, попавшихся голосит, что они подонки, воры, дармоеды, бродяги и плохо-де они кончат. Отче наш, иже еси в природе, ты, хранящий от мора койота, простую крысу, воробья, муху и мотылька, ты, наверно, возлюбил великой, безмерной любовью бродяг, подонков и дармоедов, и Мака с ребятами. Их добродетель и нежность, благие порывы и лень. Отче наш, иже еси в природе.

III

Бакалея Ли Чонга стоит справа от пустыря (хоть никто не знает, почему называется пустырем место, сплошь заваленное старыми чанами, ржавыми трубами, тяжелыми брусьями и огромными котлами). Позади пустыря — железнодорожная насыпь и Ночлежный Дворец. Слева же пустырь граничит с достойным, строгим домом Доры Флад — почтенным, чистым, старомодным заведением, где можно выпить кружку пива в кругу друзей. Это вам не дешевый ночной притон, но почтенный, добродетельный клуб, основанный, налаженный и ведомый Дорой, мадам и девушкой под пятьдесят, которая с помощью такта, честности, щедрости и здравого смысла добилась уважения людей умных, образованных и обходительных. Зато нажила она и ненависть — у похотливых, верченых замужних старых дев, чьи мужья высоко чтут семейный очаг, но не очень-то к нему привязаны.

Дора — великая женщина, великая, большая женщина с огненно-рыжими волосами и слабостью к пронзительно-зеленым вечерним туалетам. Она не вздувает цен, не торгует спирт-

ным и не позволяет клиентам повышать голос. Некоторые девушки почти ни на что не годны из-за немощей или по возрасту, но Дора их не гонит, и хоть кое от кого, по ее словам, и три раза в месяц толку не добьешься, едят они все равно по три раза в день. В период особой популярности заведения Дора назвала его «Ресторан Медвежий флаг», и ходит много анекдотов про олухов, являвшихся туда перекусить. В доме обычно работают двенадцать девушек, считая старух, грек-повар и так называемый сторож, исполняющий ряд опасных и тонких обязанностей. Он разнимает драки, вышибает пьяных, успокаивает истерию, лечит головную боль и стоит за стойкой. Он перевязывает раны и порезы, днем коротает время с полицейскими, и так как чуть не половина девушек — приверженки Христианской науки, он каждое воскресенье по утрам читает им «Науку и здоровье». Его предшественник, личность не столь гармоничная, потерпел крах, но об этом речь дальше, а вот Элфрид поднялся над средой и поднял среду до себя. Он знает, что здесь требуется от мужчины и чего здесь от него не требуется. Подноготную граждан Монтерея он знает, как никто в городе.

Ну, а у самой Доры положение ужасно щекот-

ливое. Нарушая закон, во всяком случае, его букву, ей надо быть вдвойне законопослушной. Не дай Бог пьянка, драка, шум — и заведение тут же закроют. Да еще на нелегальном положении приходится усиленно заниматься филантропией. Под Дору подкапываются. Например, когда полиция устраивает вечер танцев в пользу полицейских-пенсионеров, все дают по доллару, а Дора — выкладывай пятьдесят. Когда Торговая палата собирала на удобрения, торговцы все дали по пять долларов, а с Доры содрали сто. И вечно так. Собирают ли на Красный Крест, в Фонд добровольных пожертвований или на бойскаутов, первыми в списке всегда значатся невоспетые, стыдные, тихие денежки Доры. И во время кризиса хуже всех пришлось той же Доре. Мало ей обычной благотворительности, так она насмотрелась на голодных детей, безработных отцов, на бедных-несчастных женщин, два года целых направо и налево платила по счетам в лавках и чуть совсем не разорилась. Девушки у Доры милые и воспитанные. Ни за что не заговорят с мужчиной на улице, даже если он у них ночью побывал…

Перед тем как заступил на должность Элфи, нынешний сторож, у Доры в «Медвежьем флаге» разыгралась форменная трагедия, всем на

огорченье. Прежнего сторожа звали Уильям, и он был унылый и мрачный тип. Днем, когда работы мало, он томился в женском обществе. Он видел в окно, как на пустыре Мак с ребятами сидят на ржавых трубах, свесив ноги в кусты мальвы, принимают солнечные ванны и не спеша, философски обсуждают не очень существенные, но увлекательные проблемы. У него на глазах они вытаскивали «Старую Тенниску» и, обтерев рукавом горлышко, передавали друг другу. И Уильяму захотелось присоединиться к честной компании. Как-то раз он подошел к ним и присел на трубу. Беседа тут же смолкла, и повисло настороженное молчание. Немного погодя Уильям встал, безутешно отправился в «Медвежий флаг», выглянул в окно, увидел, как снова оживилась беседа, и совсем пригорюнился. Лицо у него было мрачное, безобразное, а рот искривился от сплошных огорчений.

Назавтра он снова к ним подошел и прихватил бутылку виски. Виски ребята выпили — с ума пока еще не сошли, — но, кроме «Здорово» и «Ну, до скорого», ничего ему не сказали.

Уильям вернулся в ресторан, снова стал смотреть в окно и услышал, как Мак, нарочно погромче, сказал: «Вот гад-сводник!» Тут он явно

загнул, но Уильям этого не понял. Просто Маку с ребятами не нравился Уильям.

И сердце у Уильяма разбилось. Даже бродяги не принимают его в компанию. Презирают. Уильям был склонен к рефлексии и самоуничижению. Он надел шляпу и побрел вдоль берега, до самого Маяка. И остановился на крошечном кладбище, где не смолкает барабанная дробь волн. Уильям думал грустную, унылую думу. Никто его не любит. Никому он не нужен. Он числится сторожем, но он сводник, грязный сводник, хуже его никого нет. А потом он решил, что все равно имеет право жить и радоваться, Господи, ясно имеет. Он в сердцах зашагал обратно, но весь кураж его улетучился, как только он вернулся в «Медвежий флаг» и стал подниматься по лестнице. Уже настал вечер, граммофон играл «Осеннюю луну», и Уильям вспомнил, как одна девчонка, самая первая, что его подцепила, любила эту песню, а потом удрала, вышла замуж и сгинула куда-то. Песня нагнала на него жуткую тоску. Дора сидела в задней гостиной и пила чай, когда вошел Уильям. Она спросила:

— Чего это ты? Заболел?

— Нет, — сказал Уильям. — А что толку-то?.. Тошно мне. Хоть в петлю лезь.

Доре на своем веку приходилось успокаивать истерию. Она давно усвоила: главное, с ними не цацкаться.

— Ладно, займись этим в свободное время, а пока не пачкай мне ковер, — сказала она.

Черная туча легла на сердце Уильяма. Он прошелся взад-вперед по коридору и постучался к Еве Фланеган. Ева была рыжая и каждое воскресенье ходила к исповеди. Она содержала целый выводок братьев и сестер и была девица высокодуховная, но страшная пьяница. Ева красила ногти и черт-те что с ними вытворяла, когда вошел Уильям, и он понял, что она нагрузилась, а Дора не допускала пьяных к работе. Ева все пальцы вымазала лаком, и при виде Уильяма она разозлилась.

— Чего это ты шляешься с такой мордой? — спросила она.

Уильям тоже разозлился.

— Удавиться хочу, — рявкнул он.

Ева разоралась.

— Это поганый, подлый смертный грех! — визжала она, и еще: — Так я и знала, что ты выкинешь номер, когда я уже скопила на поездку в Сент-Луис! Недоносок паршивый.

Она все визжала, а Уильям вышел, хлопнув

дверью, и пошел на кухню. Бабы ему осточертели. Хотелось хоть с греком душу отвести.

Грек, в фартуке, засучив рукава, жарил на двух сковородищах свиные отбивные и переворачивал их косарем для льда.

— Привет, детка, — сказал он. — Как делишки? — На сковородах шипели и свистели отбивные.

— Ох, не знаю, Лу, — сказал Уильям. — Иногда думаю лучше — р-раз. — Он провел ребром ладони по горлу.

Грек положил косарь на плиту и выше засучил рукава.

— Сказать, что я слышал, детка? — сказал он. — Я слышал, что кто такое говорит, никогда такое не делает.

Рука Уильяма потянулась к косарю и его схватила. Глаза его глубоко заглянули греку в глаза, и он заметил там сомненье и ухмылку. Но он все смотрел в глаза греку, и в них вступила растерянность, а потом тревога. И Уильям заметил перемену, сперва увидел, как грек понял, что Уильям может сделать такое, а потом как грек понял, что Уильям сделает такое. И, прочитав это в глазах грека, Уильям понял, что ему никуда не деться. И опечалился — так все оказалось глупо.

Рука его поднялась, и косарь вошел в сердце. Прямо как по маслу вошел в сердце. Уильям служил сторожем до Элфрида. Все любили Элфрида. Он мог сидеть на трубах с Маком и с ребятами когда угодно, была бы охота. Его даже приглашали в Ночлежный Дворец.

IV

По вечерам, в сумерки, странная вещь случалась в Консервном Ряду. Случалась она в ту пору, когда солнце уже зашло, а фонарей еще не зажигали. Когда все серо и тихо. Вниз по холму, мимо Ночлежного Дворца, мимо птичника, через пустырь проходил старый китаец. Он был в древней соломенной шляпе, голубой спецовке и тяжелых башмаках; на одном отстала подошва и шлепала при каждом шаге. Он нес плетеную корзину. Лицо было худое и темное и морщинистое, как грецкий орех, и старые глаза тоже были темные, даже белки, и глубоко-глубоко запали. Он проходил точно в сумерки и пересекал улицу и шел проулком между Западно-Биологической и фабрикой Гедиондо. Потом он пересекал пляж и исчезал среди свай и столбов. И никто никогда больше не видел его до рассвета.

Но на рассвете, в ту пору, когда уже погашены фонари, а тьма еще не поредела, старый китаец выбирался из-за свай и пересекал пляж и улицу. С тяжелой мокрой корзины капала вода. Шлепала отставшая подошва. Он поднимался по холму на другую улицу, входил в ворота высокой ограды

и не показывался до новых сумерек. Кто слышал сквозь сон, как шлепает башмак, на минуту просыпался. Так шло годами, но к китайцу не привыкли. Одни думали, что это бог, а очень старые думали, что это смерть, а дети думали, что это очень смешной старый китаец. Все странное и старое им смешно. Но бегать и дразнить его они не решались, потому что его окутывало легкое облако страха.

Только один-единственный храбрый и прекрасный десятилетний мальчик — Энди из Салинаса — осмелился подойти к старому китайцу. Энди приехал в Монтерей в гости, увидел старика и понял, что он не он будет, если не окликнет китайца, но даже Энди, храбрый Энди, учуял это легкое облако страха. Каждый вечер Энди следил за стариком, и долг и ужас боролись в его душе. И вот наконец однажды вечером Энди взял себя в руки, пошел следом за стариком и тоненько, противно запел:

Как-то раз китаец – эх – по улице ходил,

Подкрался к нему белый – эх – и хвостик отрубил.

Старик остановился и обернулся. Энди остано-

вился. Глубокие темные глаза глянули на Энди, и шевельнулись тонкие сморщенные губы. Что случилось дальше, Энди так и не смог ни объяснить, ни позабыть. Потому что глаза китайца расширялись, расширялись, пока не осталось никакого китайца. А остался один только глаз, темный глаз, огромный, как церковная дверь. Энди заглянул в блестящую, прозрачную, темную дверь и увидел одинокую долину, плоскую на много миль, а за нею странные, дальние горы, как коровьи и собачьи морды, как шалаши и грибы. Густая низкая трава росла в долине, и там и сям торчали кочки. И зверек вроде бурундука сидел на каждой кочке. И, увидав эту покинутость, эту холодную, страшную одинокость, Энди тихонько заплакал, потому что никого не осталось на всем белом свете и все бросили его. Энди поскорее зажмурился, а когда открыл глаза, он снова очутился в Консервном Ряду, и старый китаец шлепал по проулку между Западно-Биологической и фабрикой Гедиондо. Энди единственный из всех мальчиков решился на такое, и больше он этого не делал.

V

Западно-Биологическая лаборатория смотрит на пустырь. Бакалея Ли Чонга от нее наискосок направо, а ресторан Доры — наискосок налево. Западно-Биологическая торгует прекрасным чудным товаром. Тут продаются милые морские твари — губки, моллюски, морские желуди, черви и раковины, — сказочные меньшие братья, живые цветы моря — медузы, и мелкие бандиты крабы, и колючие, шишковатые бродяги — морские ежи, и щелкающие креветки, и креветки до того прозрачные, что почти не отбрасывают тени. Продаются в Западно-Биологической и клопы, и змеи, и пауки, гремучие змеи и крысы, медовые пчелы и ящерицы. Эти все идут на продажу; а еще здесь есть маленькие нерожденные человечки; одни хранятся целиком, а другие тоненько нарезаны и лежат на стеклах. Для студентов тут есть акулы, только из них выкачана кровь, а в артерии и вены напущена красная и синяя жидкость. Это чтоб изучать кровеносную систему. Есть тут и кошки с цветными артериями и венами, и лягушки тоже. В Западно-Биологической можно заказать любую живность, только потерпеть, и

она будет твоя.

Низкое здание лаборатории выходит на улицу. В подвале кладовая, и там полки, полки, до самого потолка, и по всем полкам банки с заспиртованными животными. Еще в кладовой — водосточная раковина и инструменты для бальзамирования и уколов.

Если пройти задним двором к крытым навесам на сваях у самого берега, увидишь бетонные баки для крупных животных — акул, скатов и осьминогов — на каждого свой бак. Лестница прямо с улицы ведет наверх, в кабинет, а в кабинете стол завален нераспечатанной почтой, стоят ящики с картотекой и настежь распахнут сейф. Как-то раз сейф случайно захлопнули, а никто не умел его отпирать! А в сейфе была початая коробка сардин и кусок рокфора. Пока мастер, который делал запор, не прислал свой секрет, в сейфе черт-те что творилось. Тут Док и придумал, как в случае чего можно отомстить банку. Берешь напрокат сейф, кладешь туда целого лосося, а потом скрываешься на полгода. После той неприятности еду в сейфе не держат. Ее держат в ящиках с картотекой. За кабинетом — еще комнатка; там всякая живность в аквариумах, и там микроскопы, диапозитивы и шкафчики с лекарствами,

ящики с лабораторной посудой, рабочие столы, и моторчики, и химикалии.

Отсюда идут запахи — сушеных морских звезд и формалина, морской воды и ментола, карболовой кислоты и уксусной, запах оберточной бумаги, опилок, веревок, хлороформа, эфира и запах озона от моторов и стали и смазки — от микроскопов, запах бананового масла, резиновых труб, выстиранных шерстяных носков, ботинок, тонкий острый запах гремучих змей и мокрый, страшный запах крыс. А через заднюю дверь идет запах водорослей и морских желудей, когда отлив, а когда прилив — запах соли и брызг.

Дверь налево ведет в библиотеку. Тут книжные шкафы по стенам до самого потолка, ящики со статьями и оттисками и везде навалены книги — словари, энциклопедии, стихи, пьесы. У стены — большой патефон, и рядом гора пластинок. Под окном — кровать красного дерева. К стенам и книжным полкам прикноплены репродукции Домье, Грэхэма, Тициана, и Леонардо, и Пикассо, и Сальвадора Дали, и Георга Гросса — все не очень высоко, чтоб каждый на них любовался сколько душе угодно. Тут и кресла, и скамейки, и еще кровать. Сюда, бывало, набивалось по сорок человек.

За библиотекой, или музыкальной комнатой, или как ее назвать, — кухня, каморка с газовой плитой, колонкой и умывальником. И вот кое-какие припасы содержатся в ящиках с картотекой, а готовые блюда, жир и овощи хранятся в застекленных шкафах на кухне. Не ради оригинальности. Просто так вышло. С потолка свисают окорока, и кровяные колбасы, и черные трепанги. За кухней — душ и уборная. Уборная протекала пять лет, пока один умный и великодушный гость не залепил дыру жевательной резинкой.

Док — хозяин и управляющий Западно-Биологической. Он маленького роста, но рост обманчив, на самом деле Док сильный и выносливый, а если вспылит, с ним лучше не связываться. Док носит бороду, у него лицо Христа и сатира, и лицо не лжет. Говорят, он многих девушек выручил из беды и тут же втравил в новую. У Дока руки нейрохирурга и трезвый, горячий ум. Док приподнимает шляпу, когда едет мимо уличных собак, и собаки в ответ улыбаются и машут хвостами ему вслед. Он режет и препарирует, сколько надо для дела, но мухи не обидит ради собственного удовольствия. Однако страшно боится Док — как бы не замочить голову, поэтому и зимой и летом он ходит в капюшоне. Он бродит по горло в воде

как ни в чем не бывало, но с ума сходит, если ему на голову упадет дождевая капля.

За несколько лет Док прямо-таки врос в жизнь Консервного Ряда; и даже сам не знал, до чего глубоко. Он стал источником философии, и науки, и искусства. В лаборатории девушки Доры услыхали грегорианскую музыку. Ли Чонг слушал Ли Бо на английском. Анри-художник впервые услыхал Книгу Мертвых и так впечатлился, что перешел на новые средства выражения. Раньше Анри создавал живопись с помощью клея, ржавчины и крашеных птичьих перьев, а тут перешел на новый материал и последние четыре работы выполнил исключительно ореховыми скорлупками. Док выслушивал любую чепуху и с ходу превращал во всяческую премудрость. Ум его не знал границ, а доброта — удержу. Он говорил с детьми о самом серьезном, и дети его понимали. Он жил в мире чудес и вдохновенья. Блудливый, как кролик, тонкий, как черт. Все знакомые были ему должны. И, вспоминая его, каждый думал: «Вот бы сделать Доку что-нибудь приятное».

VI

Док собирал морских животных в Большой Заводи, у самого крайнего мыса Полуострова. Место тут неслыханное. В прилив с буя над рифом несутся валы и, как сливки, взбивают лохматую воду. А в отлив здесь мир и покой. Море ясное, и видна удивительная жизнь дна: борьба, еда и размножение. Колышутся водоросли, среди них шныряют крабы. Морские звезды подбираются к моллюскам, впивают в них миллионы присосков и, с невесть откуда взявшейся силой, отрывают от скал. А потом вываливается желудок морской звезды и окутывает жертву. Оранжевые, пестро-рифленые голожаберники изящно скользят между скал, помахивая мантиями, как юбками — испанские танцовщицы. Черные угри, высунувшись из расщелин, стерегут добычу. С громким треском щелкают креветки. Зачарованный водный мир виден до самой глуби. Расшалившимися сорванцами бегают по песчаному дну раки-отшельники. Вон там один нашел пустую раковину улитки, облюбовал, на миг показал врагам нежное, беззащитное тело и — скакнул в новую ракушку. Вот о мол разбилась волна, взби-

ла стеклянную гладь, и пошли по заводи пузыри — но сразу же все снова ясно, зловеще и тихо. Вот краб рвет ногу у брата-краба. Вот анемоны, словно нежные, сверкающие цветы, манят в объятья усталых и заблудших, но стоит юному вертопраху попасться на пурпурно-зеленый зов — тут же расправляются прекрасные лепестки, ядовитые иголки впиваются в простофилю, и он слабеет, никнет и, наверное, пребывает в наркотическом сне, пока едкие пищеварительные кислоты не разрушат его тело.

Вот крадется коварный убийца осьминог, он ползет тихо, мягко, как серый туман, то водорослью прикинется, то скалой, то гнилью, а злые козьи глазки холодно стерегут жертву. Он течет, он ползет к зазевавшемуся крабу, и когда тот близко, загораются желтые глазки, а тело злодея розовеет и дрожит от бешенства и нетерпения. Осьминог выгибается, как драчливая кошка, дико наскакивает на краба, взвивает поток черной жижи, и облако сепии скрывает картину убийства. На обнажившихся скалах морские желуди урчат, заперев дверцы, и обсыхают моллюски. Воздух набух острым йодистым запахом водорослей, известковым запахом тел и текучим запахом спермы. На скалах морские звезды гонят

между лучей семя и яйца. Воздух набряк запахом жизни и тлена, пищеварения, смерти, зачатья. И соленые струи брызжут на мол, а там океан ждет прибоя, снова просится в Большую Заводь. А буй качается на волнах и тихо мычит, как покорный печальный бык.

Док работал в заводи с Хейзлом. Хейзл жил в Ночлежном Дворце с Маком и ребятами. С именем у него вышла такая же неразбериха, как потом со всей его жизнью. Бедная мать родила за восемь лет семерых. Хейзл был восьмой, и, когда появился на свет, она не разобралась, какого он пола. Она совсем замоталась, стараясь прокормить и одеть семерых детей, а заодно их отца. Чего она только не перепробовала — делала бумажные цветы, разводила дома грибы, выращивала кроликов на мясо и шкурки, — а муж ее, сидя в кресле, изо всех сил помогал ей то критическим замечанием, то советом. У нее была тетка Хейзл, и она даже управляла страховой конторой. Восьмого ребенка назвали Хейзл, и уж потом до матери дошло, что это мальчик, но она уже освоилась с именем и не стала его менять. Хейзл вырос, четыре года провел в начальной школе, четыре года — в исправительной и ничему не научился. В исправительных школах полагается

приобретать порочность и преступные наклонности, но Хейзл учился плохо. Он вышел из исправительной школы, не ведая пороков, как не ведал правил умножения и дробей. Хейзл любил слушать разговор, но ловил не слова, а только тон. Он задавал вопросы не ради ответа, а ради разговора. Ему было двадцать шесть лет, он был темноволосый, миловидный, сильный и покладистый. Частенько он помогал Доку, и неплохо помогал, если только ему втолковать, что от него требуется. Пальцы его крались, как щупальца осьминога, сгребали и удерживали, как анемон. Он не оступался на скользких скалах, и он любил охоту. Док шел в капюшоне и резиновых сапогах, а Хейзл шлепал за ним в джинсах и тапочках. Они собирали морских звезд. Док получил заказ на триста штук.

Хейзл поднял изящную багряную звезду со дна заводи и сунул в почти полный дерюжный мешок.

— Интересно, на кой они нужны, — сказал он.

— Кто? — спросил Док.

— Да звезды эти, — сказал Хейзл. — Вот вы их продаете, бочками отсылаете. Ну, а потом-то что с ними делать? Их ведь не едят.

— Их изучают, — сказал Док терпеливо и вспом-

нил, что уже сто раз отвечал Хейзлу на этот вопрос. Но Док никак не мог избавиться от одной привычки. Когда ему задавали вопрос, Док думал, что от него ждут ответа. Он судил по себе. Он сам задавал вопросы, только интересуясь ответом, и не мог постигнуть, зачем их еще задавать. Но Хейзл любил слушать и наловчился использовать ответ на один вопрос как трамплин для второго, чтобы не умолкал разговор.

— А чего их изучать? — подхватил Хейзл. — Ведь звезды — они звезды и есть. Их вон мильоны валяются. Хотите, я вам мильон наберу?

Док взял звезд под защиту:

— Это сложные и интересные организмы. А эту партию, кстати, отправляют в Северо-Западный университет.

Хейзлу только того и надо было.

— А что, там морских звезд нету?

— Там нет океана, — сказал Док.

— У! — сказал Хейзл и стал отчаянно искать, к чему бы еще прицепиться. Он терпеть не мог, когда беседа замирала таким образом. Но он зазевался. Пока он раздумывал, что бы спросить, Док сам его спросил. Хейзл терпеть этого не мог, тут ему приходилось рыться в собственном мозгу, а рыться в мозгу у Хейзла было все равно что

блуждать по заброшенному музею, где полно экспонатов, а каталога нет. Хейзл ничего не забывал, но не разбирал своих воспоминаний. Все валялось, как рыболовные снасти на дне лодки — крючки, удилища, лесы, затравка, остроги, — в одной куче.

Док спросил:

— Как дела во Дворце?

Хейзл запустил пальцы в черные волосы и вгляделся в хаос своих мыслей.

— Ничего, — сказал он. — Этот малый, ну, Гэй, видно, к нам подастся. Жена его лупит, жуть. Ему плевать, когда он не спит, а она сперва дождется, пока он заснет, и — лупить. Он, понятно, злится. Надо ведь проснуться, чтобы ей пару раз врезать, а как уснет — она опять его лупит. Он совсем не высыпается, и решил, значит, к нам податься.

— Это что-то новое, — сказал Док, — раньше она всегда заявляла на него в полицию и его сажали.

— Э! — сказал Хейзл. — То раньше, еще когда в Салинасе новую тюрьму не построили. Раньше ему тридцать суток давали, и он дождаться не мог, чтоб отпустили. А в новой тюрьме — там радио, и кровати какие, и шериф добрый. Гэй как попадет туда — так ему выходить неохота. Ему там нравится, и жена больше не хочет его

сажать. И сообразила лупить его, когда он спит. Он говорит, нервы отказывают. Вы же сами знаете, — правда? — Гэю чего ее бить? Он всегда только из самолюбия ее бил. Жутко, говорит, устал. Наверно, к нам подастся.

Док распрямился. Волны уже бились о мол Большой Заводи. Начинался прилив, и вода уже струйками перехлестывала через скалы. Со стороны буя рвался ветер, из-за мыса несся лай морских львов. Док поправил капюшон.

— Хватит с нас звезд, — сказал он, и потом: — Слушай-ка, Хейзл, я знаю, у тебя на дне мешка шесть или семь мелких абалонов. Если нас остановит инспектор, ты ведь скажешь, что это для меня, да?

— Ну? — сказал Хейзл.

— Послушай-ка, — мягко сказал Док. — Вдруг я получу заказ на абалоны? Инспектор тогда подумает, что я чересчур часто пользуюсь своим разрешением. Еще решит, что я их ем, верно?

— Ну? — сказал Хейзл.

— Например, в Комитете по промышленному спирту. Они там очень подозрительные — думают, будто я пью их спирт. Они всех подозревают.

— А вы не пьете?

— Его много не выпьешь. Туда что-то добавля-

ют, вкус гнусный, а очищать — себе дороже.

— Ну, чего там гнусный, — сказал Хейзл. — Мы с Маком как-то пробовали. А чего туда добавляют?

Док собирался ответить, но вовремя сообразил, что это обычный маневр Хейзла.

— Пошли, — сказал Док. Он взвалил на плечо мешок с морскими звездами. И забыл про нелегальных абалонов в мешке у Хейзла.

Хейзл пошел за ним следом из заводи, по скользкой тропе, на твердую землю. Спугнутые крабы уступали дорогу. Хейзл хотел понадежней замять тему абалонов.

— Этот малый — художник — снова приходил во Дворец, — начал он.

— Да? — сказал Док.

— Ага! Понимаете, сделал с нас со всех портреты птичьими перьями, а теперь, говорит, надо переделывать ореховой скорлупой. Говорит, изменил свои — как их? — сре-средства.

Док усмехнулся:

— А лодку он все еще строит?

— А как же, — сказал Хейзл. — Все-все переделывает. Другая лодка совсем. Кончит — небось опять переделывать будет. Чокнутый он, а, Док?

Док сбросил тяжелый мешок на землю. Он запыхался.

— Чокнутый? — спросил он. — Да. Наверное. Чокнутый, как и мы, только на свой лад.

Такое Хейзлу и в голову не приходило. Себя он считал примером ясности ума, а свою жизнь — образцом непонятой добродетели. Последняя фраза Дока его задела.

— Ну да, а лодка! — закричал он. — Он семь лет на эту лодку убил! Стапеля сгнили, так он бетонные сделал. Каждый раз: почти кончит — и все по новой. Нет, он точно чокнутый. Это ж надо — семь лет на лодку убить!

Док сидел на земле и стягивал резиновые сапоги.

— Ты не понимаешь, — мягко сказал он. — Анри любит лодки, но он боится океана.

— А на кой ему тогда лодка? — спросил Хейзл.

— Он любит лодки, — сказал Док. — Но предположим, он кончит лодку. Все начнут спрашивать: «Почему ты ее на воду не спускаешь?» А когда он ее спустит, надо будет выйти в море, а он ненавидит воду. Вот он ее и не кончает — чтоб на ней не плавать.

Хейзл сначала следил за ходом рассуждения, но отвлекся, не дослушав до конца, и стал искать, как бы переменить тему.

— По-моему, он чокнутый, — уныло сказал он.

По черной земле, там, где цвел медяник, ползали сотни черных жуков. И у многих хвосты были задраны кверху.

— Глядите-ка, жуки, — заметил Хейзл, благодарный жукам за то, что так удачно подвернулись.

— Интересные, — сказал Док.

— Ага, а почему они зады задирают?

Док скатал шерстяные носки и вложил в резиновые сапоги, а из рюкзака вытащил сухие носки и тонкие мокасины.

— Не знаю почему, — сказал он. — Недавно я их наблюдал. Самые обычные существа, и обычнейшее их занятие — задирать зады. И в литературе даже не упомянут тот факт, что они задирают зады.

Хейзл поддел жука носком мокрой тапочки, и блестящая черная тварь отчаянно затрепыхала лапками.

— Ну, а сами-то вы как думаете, зачем это они?

— Я думаю, они молятся.

— Чего? — Хейзла покоробило.

— Удивительно не то, — сказал Док, — что они задирают зады. Самое удивительное и невероятное — что мы еще тут удивляемся. Лучше просто поставить себя на их место. Мы делаем нечто столь же странное и необъяснимое, только когда

молимся, — значит, возможно, молятся и они.

— Ой, пошли-ка лучше отсюда, — сказал Хейзл.

VII

У Ночлежного Дворца своя история. Когда Мак и Хейзл, Эдди, Хьюги и Джон еще только туда въехали, они считали Дворец в общем-то просто укрытием от дождя и ветра, местом, куда можно пойти, когда повсюду или уже закрыто, или радость от их визитов несколько омрачена их частотой. Дворец тогда был просто длинной, голой комнатой, и узкие два окна тускло освещали некрашеные, провонявшие рыбой бревна. Сперва им Дворец не нравился. Но Мак понимал необходимость организации, особенно для такой группы алчных индивидуалистов.

Армия на ученье без артиллерии и танков, с помощью маскарадных тележек и учебных пушек изображает разрушительную мощь, а солдаты закаляют дух и привыкают к полевым пушкам, развозя бревна на колесах.

Мак взял кусок мела и вычертил на полу пять прямоугольников, в семь футов длиной и четыре шириной, и на каждом прямоугольнике он написал имя. Это были как бы кровати. Каждый имел нерушимые права на свое пространство. И мог законно покарать всякого, кто посягнет на

его участок. Остальная часть комнаты считалась общим владением. Так и зажили они первые дни: сидели на полу, скорчившись, играли в карты и спали на голых досках. Они и до сих пор бы так жили, не вмешайся погода. На целый месяц зарядил небывалый ливень и разом все изменил. Ребятам надоело сидеть на корточках. Осточертело глядеть на голые бревна. Но они оценили дом, укрывший их от дождя. И приятно, когда не докучает возмущенный домовладелец. Ли Чонг даже близко к дому не подходил.

И вот однажды вечером Хьюги принес откуда-то раскладушку военного образца с прорванной парусиной. Два часа он зашивал дыру лесой. В ту ночь остальные, лежа на своих прямоугольниках, увидели, как Хьюги мягко погрузился на койку; они услышали вздох неземного блаженства, и Хьюги заснул и захрапел раньше всех.

На другой день Мак приволок ржавый набор пружин со свалки железного лома. Лень как рукой сняло. Ребята наперегонки обставляли Ночлежный Дворец, и через несколько месяцев мебели набралось, пожалуй, даже чересчур много. Были тут старые ковры, кресла с сиденьями и без сидений. У Мака был шезлонг ярко-красного цвета. Еще они разжились столом и старинными

часами без циферблата и без механизма. Стены побелили, и во Дворце стало почти светло. Появились картины — в основном листки из календаря с великолепными улыбками сладостных блондинок и бутылками кока-колы. Анри пожертвовал две работы периода птичьих перьев. Связку золоченых кошачьих хвостов поставили в углу, а на стене, возле старинных часов, повесили павлиний хвост.

Довольно долго приглядывали печь, а когда наконец подыскали что хотели — чудище в серебряных завиточках, с заслонкой в виде никелированного цветника, — начались новые трудности. Такую громадину не украдешь, а хозяин не желал расставаться с ней ради больной вдовы с восемью детишками, которую Мак изобрел и тотчас взял под опеку. Хозяин заломил полтора доллара и только через три дня уступил печь за восемьдесят центов, на эту сумму ребята выдали ему расписку, и, возможно, он до сих пор ее хранит. Сделка произошла в Сисайде, а весила печь триста фунтов. Мак и Хьюги десять дней перебирали все способы доставки печи и, только убедившись, что никто вместо них ее не потащит, взяли этот труд на себя. Трое суток заняла дорога до Консервного Ряда — расстояние в пять

миль, и ночевали они рядом с печью. Зато она стала в Ночлежном Дворце украшеньем, очагом и центром. Весело сияли никелированные цветы и листва. Когда печь топили, она согревала всю комнату; а на черной блестящей плите можно было жарить яичницу.

Вместе с печью пришла гордость очагом, и Дворец стал домом. Эдди посадил под дверью вьюнок, Хейзл присовокупил редкостные кусты фуксии в пятигаллонных бидонах, и хотя они загородили вход, зато сделали его парадным. Мак и ребята любили Дворец и иногда даже его подметали. Они презирали в душе бедолаг, не имеющих крова, и порою из гордости приводили кого-нибудь погостить на денек-другой.

Эдди замещал буфетчика в «Ла-Иде». Он работал, когда болел Пегий, главный буфетчик, а болел тот всегда, когда ему удавалось. Всякий раз, когда Эдди появлялся, несколько бутылок исчезало, так что особенно часто он работать не мог. Зато Пегий с легкой душой уступал ему место, потому что считал — и справедливо, — что не такой человек Эдди, чтобы метить на постоянную должность. Тут уж на Эдди можно было положиться. Не посягал он и на нескромные дозы спиртного. У него под стойкой стояла галлонная бутыль, и в

горлышко вставлена воронка. Прежде чем мыть стаканы, Эдди сливал в бутыль остатки. Под шум пенья или ссоры или попозже, когда дружеские чувства доходили до естественного предела, Эдди сливал в бутыль по полстакана, а то и по три четверти. В результате он приносил во Дворец всегда интересный, а порой неожиданный пунш. Без водки, пива, виски, содовой, рома, вина и джина, в общем, не обходилось, но, бывало, разборчивый посетитель заказывал апельсинную настойку, виски с мятным ликером или кюрасао, и это придавало пуншу изысканность. Перед уходом Эдди обычно добавлял в бутыль чуть-чуть хинной настойки. Эдди наполнял бутыль и на три четверти, если повезет. Его радовала мысль, что никого от этого не убудет. Он убедился, что с полстакана можно надраться в точности как с целого, была бы, конечно, охота надраться.

В Ночлежном Дворце Эдди ценили. К нему не приставали с уборкой и чистотой, а Хейзл как-то раз выстирал ему четыре пары носков.

В тот вечер, когда Хейзл ходил с Доком по Большой Заводи, ребята во Дворце смаковали последний опыт Эдди. Был тут и новенький — Гэй. Эдди задумчиво потянул из стакана и облизнулся.

— Вот интересно, — сказал он. — Вчера, к примеру. Человек десять, не меньше, заказали «Манхэттен». А бывает, «Манхэттен» за месяц закажут от силы раза два. А без гренадина в жизни такого вкуса не будет.

Мак отведал питья, распробовал, налил себе еще.

— Да, — сказал он мрачно, — все дело в тонкостях.

Он обвел всех глазами, проверяя, как они восприняли эту мудрость.

Один Гэй понял всю ее глубину.

— Да, — сказал он, — это уж точно…

— А Хейзл где? — спросил Мак.

— С Доком пошел, морских звезд собирать, — ответил Джон.

Мак веско кивнул.

— Док — отличный мужик, — сказал он. — Всегда поможет. Когда я порезался, он каждый день повязку менял. Отличный мужик.

Все закивали в знак согласия.

— Вот я давно думаю, — продолжал Мак, — что бы ему такое сделать? Что-нибудь хорошее. Чтоб понравилось.

— Ему бы девочку, — сказал Хьюги.

— Да у него их до фига, — сказал Джон. — Когда

он спускает эти свои шторы и ставит эту свою церковную музыку — тут уж все понятно.

Мак с укоризной спросил у Хьюги:

— Раз Док не гоняется за голыми бабами по улицам средь бела дня, так у него, по-твоему, и сексопыла нету?

— А что это — сексопыл? — спросил Эдди.

— Ну, когда женщину хочешь, — сказал Мак.

— Я вот думал, может, вечер ему устроить, — сказал Джон.

Все умолкли. Мак поерзал в шезлонге. Хьюги качнулся в качалке. Все глядели в пространство. Потом все взглянули на Мака. Мак сказал: «Гм».

Эдди сказал:

— А какой вечер, по-твоему, Доку понравится?

— Ясно какой — обыкновенный, — сказал Джон.

Мак задумался.

— Не понравится ему наша бутыль, — сказал он.

— С чего ты взял? — спросил Хьюги. — Ты же ему не подносил.

— Э, знаю я его, — сказал Мак. — Он в колледж ходил. Раз я видел, к нему одна вошла в меховом манто. Вошла и не вышла, я до двух часов следил. И все время церковная музыка играла. Нет, его

этим не угостишь! — Он налил себе еще стакан.

— После третьего стакана — отличный вкус, — тактично сказал Хьюги.

— Нет, — сказал Мак. — Для Дока не пойдет. Ему надо виски, и никаких.

— Он пиво любит, — сказал Джон. — Вечно ходит к Ли Чонгу за пивом — даже ночью.

Мак сказал:

— По-моему, пиво покупать — зря деньги переводить. Берешь восьмиградусное пиво, и девяносто два процента своих кровных швыряешь на воду, на подцветку, хмель и всякую муру. Эдди, — заключил он, — как думаешь, сможешь ты достать четыре-пять бутылок виски в «Ла-Иде», когда Пегий заболеет?

— Это-то да, — сказал Эдди, — достать я смогу, но тут я и накроюсь. Он вроде чего-то учуял. На днях говорит: «Повадился кувшин по выпивку ходить». Так что я уж лучше пока воздержусь.

— Что ты, — сказал Джон, — ты эту работу не упускай! Ведь случись чего с Пегим, ты там с недельку можешь продержаться, пока кого-то найдут. Я так считаю, если уж устраивать Доку вечер — виски надо купить. Почем оно галлон?

— Не знаю, — сказал Хьюги, — больше полпинты не брал. Ну, сразу не брал. По-моему, возьмешь

кварту — мигом куча дружков набежит, а берешь полпинты — и пьешь спокойно, пока — ну, пока кто не набежит.

— Устраивать Доку вечер — недешево встанет, — сказал Мак. — Ведь устраивать — так уж по первому классу. И торт надо большой. Интересно, когда у него деньрожденье?

— Почему именно деньрожденье? — сказал Джон.

— Так лучше, — сказал Мак. — Устроить Доку вечер, и чтоб не стыдно — встанет монет в десять-двенадцать.

Все задумчиво смотрели друг на друга. Хьюги рискнул:

— Фабрике Гедиондо требуются рабочие.

— Нет уж, — отрезал Мак. — Тут принцип. Если куда поступаем, мы все держимся на месте по месяцу, а то и больше. И когда надо, нас берут. А если мы станем хватать работу на день да на два — у нас марка будет уже не та. Захотим на работу, а никто нас не возьмет. — Все сразу закивали.

— Я, наверно, устроюсь месяца на два — на ноябрь — декабрь, — сказал Джон. — К Рождеству бы подзаработать. Можно индейку зажарить…

— Господи, мы ее и так зажарим, — сказал Мак. — Я одно местечко знаю, в Кармел-Вэлли, их

там навалом, стадами ходят.

— Вэлли, — сказал Хьюги. — Ага, я там с Доком всякое собирал. Черепах, раков, лягушек. Лягушки — никель штука.

— И я, — сказал Гэй, — один раз пятьсот штук поймал.

— Раз Доку нужны лягушки — тогда всё, — сказал Мак. — Прогуляемся до Кармел-Вэлли, Доку — ни гугу, а потом закатим ему колоссальный вечер.

В Ночлежном Дворце росло тихое волненье.

— Гэй, — сказал Мак, — глянь-ка, там машины Дока нету?

Гэй поставил стакан и посмотрел в окно.

— Еще нету, — сказал он.

— Ладно, скоро приедет, — сказал Мак, — так вот, значит, ребята…

VIII

В апреле 1932 года на консервной фабрике Гедиондо в третий раз за две недели лопнул котел, и правление фабрики, состоящее из мистера Рэндолфа и стенографистки, решило, что выгоднее купить новый котел и не закрывать так часто предприятие. Новый котел привезли, а старый бросили на пустыре между бакалеей Ли Чонга и «Медвежьим флагом». Там его и оставили ждать, когда мистера Рэндолфа осенит, как извлечь из него выгоду. А пока инженеры обобрали с котла всю арматуру — латать прочее изношенное оборудование фабрики Гедиондо. Котел стал похож на допотопный паровоз без колес: дверь в центре и низенькая дверца для топки. Постепенно весь котел покраснел от ржавчины, а вокруг выросли буйные сорняки, и ржавчина осыпалась в них хлопьями. Цветущий мирт взбирался по стенкам котла, и в воздухе вокруг котла висел дух дикого аниса. Потом кто-то выбросил на пустырь корень дурмана, выросло толстое дерево, и теперь над дверцей топки белели большие чашечки, а по ночам цветы пахли истомой и любовью — неслыханно сладким, будоражащим запахом.

В 1935 году в котел вселились мистер и миссис Мэллоу. От арматуры ничего не осталось, и котел представлял собой просторное, сухое и тихое жилье. Правда, в дверцу топки надо влезать на четвереньках, зато высокий потолок и на редкость тепло и сухо. Супруги протащили в дверцу матрас и обосновались в котле. Мистер Мэллоу был счастлив и доволен, миссис Мэллоу долгое время — тоже.

Недалеко от котла, на холме, фабрика Гедиондо повыбрасывала и множество широких труб. К концу 1937 года был огромный улов рыбы, фабрики работали день и ночь, и возник жилищный кризис. Тогда-то мистер Мэллоу и начал сдавать трубы на ночлег для одиночек за весьма умеренную плату. Обрывок ковра с одной стороны и просмоленная бумага с другой обращали трубу в удобную спальню, хотя тем, кто привык спать, свернувшись калачиком, приходилось либо менять привычку, либо съезжать. Еще жаловались некоторые, что их будит по ночам эхо собственного храпа от стенок, но, в общем, мистер Мэллоу наладил хорошее дело и был доволен.

Миссис Мэллоу тоже радовалась, покуда муж ее не заделался лендлордом, — и тут она переменилась. Сперва появился ковер, потом умывальник,

потом уж лампа с цветным шелковым абажуром. Наконец однажды она на четвереньках вползла в котел, распрямилась и сказала:

— У Хольманов распродажа занавесок. Настоящее кружево, голубая и розовая каемочка, и всего доллар девяносто восемь центов, вместе с гардиной.

Мистер Мэллоу так и сел на матрасе.

— Занавески? — спросил он. — Господи, да зачем тебе занавески?

— Я люблю, чтоб уютно, — сказала миссис Мэллоу, — я всегда, всегда старалась устроить тебя уютно. — И у нее задрожала нижняя губа.

— Послушай! — закричал Сэм Мэллоу. — Я не против занавесок. Я сам их люблю.

— Всего доллар девяносто восемь, — простонала миссис Мэллоу, — и тебе жалко на меня доллар девяносто восемь центов. — Она всхлипывала, и грудь у нее ходила ходуном.

— Ничего мне их не жалко, — сказал мистер Мэллоу, — только послушай, что ты станешь с ними делать, скажи, ради Христа? Окон-то у нас нету.

Миссис Мэллоу все плакала, а Сэм обнимал ее и утешал.

— Мужчина никогда, никогда не поймет чувств

женщины, — всхлипывала она. — Никогда не старается поставить себя на место женщины.

И Сэм лежал с нею рядом и гладил ее по спине, пока она не заснула.

IX

Машина Дока подкатила к лаборатории, и Мак с ребятами подсматривали, как Хейзл помогал выгружать мешки с морскими звездами. Вот Хейзл уже зашлепал мимо птичника к Дворцу. Джинсы до самых карманов вымокли в морской воде, а там, где просохли, пошли круглыми соляными пятнами. Он рухнул на раненую качалку (его собственность) и сбросил тапочки.

Мак спросил:

— Ну, как там Док?

— Замечательно, — сказал Хейзл. — Говорит чего-то — ничего не поймешь. Знаете, чего про жуков вонючих сказал? Нет, лучше не буду.

— Значит, настроение мирное, хорошее? — спросил Мак.

— Ага, — сказал Хейзл, — мы триста звезд собрали. Все нормально.

— Может, лучше всем вместе к нему пойти? — сам себя спросил Мак и сам же себе и ответил: — Нет, лучше пойти кому-то одному. Чего его беспокоить.

— А что? — спросил Хейзл.

— Да вот план у нас есть, — сказал Мак. — Я

один пойду, чего беспокоить человека? А вы тут ждите. Я мигом.

Мак вышел и враскачку побрел мимо птичника, через железнодорожное полотно. Мистер Мэллоу сидел на кирпиче у котла.

— Как жизнь, Сэм? — спросил Мак.

— Нормально.

— Как супруга?

— Нормально, — сказал Сэм Мэллоу. — Слушай, не знаешь, каким клеем материю к железу приклеить?

В другое время Мака увлекла бы эта задача, но сейчас он спешил.

— Не знаю, — сказал он.

Он пересек пустырь, перешел через улицу и вошел в лабораторию. Док снял капюшон, так как опасности намочить голову, в общем, уже не было, если только не лопнут водопроводные трубы. Он вынимал морских звезд из мокрых мешков и раскладывал на холодном цементном полу. Морские звезды скорчились и сцепились, они любят за что-нибудь цепляться, а в мешке им цепляться было не за что, только друг за дружку. Док выкладывал их длинными рядами, и медленно-медленно они распрямлялись и превращались в правильные, симметричные звезды

на цементном полу. Темная остроконечная бородка Дока вся взмокла от пота. Док с некоторой тревогой глянул на Мака. Не то чтобы Мак всегда вносил неприятности, но кое-что он всегда вносил в жизнь.

— Ну как, Док? — спросил он.

— Все в порядке, — ответил Док с сомненьем.

— Слыхали про Филис Мэй из «Медвежьего флага»? Надралась и сама себе зуб в кулак всадила, теперь заражение до самого локтя. Зуб я сам видел. Вставной. Бывают ядовитые вставные зубы, а, Док?

— Боюсь, что все выходящее из уст человеческих ядовито, — мрачно сказал Док. — А у врача она была?

— Пока что ее вышибала лечит.

— Я дам ей какого-нибудь сульфата, — сказал Док и смолк в ожидании бури. Он знал, что Мак не просто в гости зашел, и Мак знал, что он это знает.

Мак сказал:

— Док, вам какие-нибудь животные нужны?

Док вздохнул с облегчением.

— А что? — спросил он на всякий случай.

Мак отвечал задушевно и искренне:

— Сейчас скажу, Док. Мне и ребятам, в общем,

нужны деньги, во как нужны. На доброе дело, ну, даже для благородной цели.

— Для руки Филис Мэй?

Мак прикинул эту возможность, подумал и ее отмел.

— Нет, — сказал он. — Нам на другое, поважней. Что ей, б..., сделается? Нет, нам на другое. Вот мы и подумали, может, вам чего нужно, мы вам все наловим и подработаем.

Кажется, просто и невинно. Док выложил из мешка еще четырех морских звезд.

— Мне бы не помешали три-четыре сотни лягушек, — сказал он, — я бы сам наловил, да мне сегодня вечером надо в Ла-Хойу. Завтра будет хороший прилив, а мне нужны осьминоги.

— На лягушек цена прежняя? — спросил Мак. — Пять центов штука?

— Цена прежняя, — сказал Док.

Мак просиял.

— О лягушках не беспокойтесь, Док, — сказал он. — Наловим, сколько надо. Даже про них не думайте. Мы будем ловить в Кармел-Вэлли. Я там одно местечко знаю.

— Хорошо, — сказал Док, — я возьму все, что вы наловите, но нужно мне примерно триста штук.

— Даже не беспокойтесь, Док. Спите спокойно.

Будут вам лягушечки, штук восемьсот будет. — Он утешил Дока насчет лягушек, но вот легкая тучка набежала на лицо Мака.

— Док, — сказал он, — никак нельзя взять вашу машину на Кармел-Вэлли?

— Нет, — сказал Док, — я же тебе сказал. Мне надо вечером в Ла-Хойу, чтоб застать утренний прилив.

— А! — опечалился Мак. — А! Ну ладно, Док, не беспокойтесь. Мы, может, возьмем старую телегу Ли Чонга. — И тут лицо у него еще больше вытянулось. — Док, — сказал он. — Разговор деловой, так, может, выдадите авансом две-три монеты на бензин? Ли Чонг бензину не даст.

— Нет, — сказал Док. Он уже попадался на эту удочку. Однажды он оплатил поход Гэя за черепахами. Он снабдил его деньгами на две недели, а когда этот срок истек, Гэя по просьбе жены засадили за решетку, и за черепахами он так и не собрался.

— Ладно, тогда, видно, ничего не получится, — горестно заключил Мак.

Но Доку правда нужны были лягушки. Он попытался перенести начинание с филантропической на деловую почву.

— Знаешь что? — сказал он. — Я напишу запис-

ку на мою бензоколонку, чтобы тебе дали десять галлонов бензина. Ну как?

Мак улыбнулся.

— Это идея, — сказал он. — Всё. Значит, мы выезжаем завтра с утра пораньше. И как вернетесь с юга, у вас уже будет этих лягушек до фига, вы столько в жизни не видали.

Док подошел к ящику с картотекой и написал записку Рыжему Уильямсу с просьбой выдать Маку десять галлонов бензина.

— Ну вот, — сказал он.

Мак сиял.

— Док, — сказал он, — спите спокойно, о лягушках не беспокойтесь. Во все ночные горшки их напустим, пока вернетесь.

Док с некоторым сомнением проводил его взглядом. Сделки Дока с Маком и ребятами всегда бывали интересны, но редко выгодны для Дока. С тоскою вспомнил он тот случай, когда Мак продал ему пятнадцать котов, а поздно вечером за всеми явились хозяева.

Он тогда еще спрашивал: почему все как один коты?

Мак объяснил:

— Док, это моя личная тайна, но вам, так и быть, расскажу по знакомству. Делаешь боль-

шой проволочный капкан, и приманки не надо — просто сажаешь туда кошку. И — пожалуйста, лови всех котов.

Выйдя из лаборатории, Мак перешел улицу и вошел в бакалею Ли Чонга. Мисс Ли рубила сало на большой колоде. Кузен Ли взбивал чуть увядшие головки салата, как девушка взбивает прическу. На груде апельсинов дремала кошка. Ли Чонг стоял на своем обычном месте за сигарным прилавком, заслоняя полки со спиртным.

Удары пальца по тарелочке несколько участились, когда вошел Мак.

Мак взял быка за рога.

— Ли, — сказал он, — у нашего Дока, значит, такое дело. Ему нью-йоркский музей кучу лягушек заказал. Очень важный заказ. Тут и деньги — тут и ответственность. А Доку надо ехать на юг, и мы с ребятами пообещали его выручить. По-моему, если кто попал в беду, друзья должны выручить, особенно такого замечательного мужика, как Док. И небось он у тебя в лавке по семьдесят долларов в месяц оставляет. Это уж точно.

Ли Чонг молчал и ждал. Палец двинулся было к тарелочке, но только дернулся, как хвост драчливой кошки.

Мак покончил со вступлением.

— Может, дашь нам свою старую телегу — съездить в Кармел-Вэлли за лягушками для Дока — нашего чудесного Дока?

Ли победно улыбнулся.

— Она исполсена, — сказал он, — совсем лазвалилась.

Мак на мгновенье дрогнул, но тут же оправился. Он сунул под нос Ли Чонгу заказ на бензин.

— Гляди! — сказал он. — Доку нужны лягушки. Он даже мне записку на бензин написал. Как же это я Дока подведу! А Гэй хороший механик. Если он починит твою телегу — дашь нам ее?

Ли откинул голову и посмотрел на Мака через половинные стекла. Кажется, все без подвоха. Машина действительно испортилась, Гэй действительно хороший механик, а заказ на бензин свидетельствовал о доверии.

— А на сколько вы едешь? — спросил он.

— Может, на полдня, может, на день. Пока лягушек не наловим.

Ли приуныл. Выхода он не видел. Ли наперед знал, какие опасности сулит предприятие.

— Ладно, — сказал Ли.

— Порядок, — сказал Мак. — Я знал, что ты выручишь Дока. Сейчас Гэю скажу, пусть машину чинит. — И он собрался уходить. — Между

прочим, — добавил он, — Док платит нам пять центов за штуку, за этих лягушек. А у нас будет штук семьсот или восемьсот. Может, выдашь нам пока что пинту «Старой Тенниски»?

— Нет! — сказал Ли Чонг.

X

Фрэнки стал ходить в Западно-Биологическую, когда ему было одиннадцать лет. Сперва он целую неделю стоял у двери и смотрел. Потом вошел в дверь. Через десять дней прошел в переднюю. У него были очень большие глаза и курчавые волосы — темной грязной копной, и грязные руки. Он подобрал с полу стружку, положил ее в мусорное ведро и посмотрел на Дока. Док расклеивал этикетки на бутылки с пурпуровой велелой. Наконец Фрэнки подошел к рабочему столу и положил на стол грязные руки. Три недели готовился к этому Фрэнки, и в любую секунду он мог сорваться с места и удрать.

В конце концов Док с ним заговорил:

— Как тебя зовут, мальчик?

— Фрэнки.

— Где ты живешь?

— Там. — Он кивнул в сторону холма.

— Почему ты не в школе?

— Я не хожу в школу.

— Почему?

— Они не хотят.

— У тебя грязные руки. Ты не умываешься?

Фрэнки ужасно удивился, потом подошел к умывальнику и стал тереть руки, и потом он каждый день изо всех сил тер руки.

Он стал приходить в лабораторию каждый день. Дружба завязалась без долгих слов. Док по телефону удостоверился, что Фрэнки сказал правду. В школе не хотели, чтоб он туда ходил. Он не готовит уроков. У него нарушена координация движений. Неизвестно, куда его деть. Он не идиот, не опасен, у его родителей, верней, родительницы нет охоты платить за него в заведение. Фрэнки редко ночевал в лаборатории, но торчал там с утра до вечера. А иногда забирался в ящик с опилками на ночь. Видимо, когда дома происходили крутые события.

Док спросил:

— Почему ты сюда ходишь?

— Вы меня не бьете и монетки не даете, — сказал Фрэнки.

— А дома тебя бьют?

— Дома всегда дяди. Одни меня бьют и выгоняют, а другие дают монетку и выгоняют.

— Где твой отец?

— Умер, — сказал Фрэнки туманно.

— А где мать?

— С дядями.

Док остриг Фрэнки и вывел у него вшей. Он купил у Ли Чонга новые джинсы и полосатый свитер для Фрэнки, и Фрэнки стал его рабом.

— Я вас люблю, — сказал он как-то вечером. — Ой, до чего я вас люблю.

Он хотел работать в лаборатории. Он подметал каждый день, но все как-то не так. Он не мог чисто вымести пол. Он пробовал сортировать по размеру лангуст. Они были в ведре, все вместе. Нужно было их разложить по большим кастрюлям — отдельно трехдюймовых и четырехдюймовых и так далее. Фрэнки старался, пыхтел, потел, но у него ничего не получалось. Он просто не видел разницы в размерах.

— Нет, — говорил ему Док, — гляди-ка, Фрэнки. Кладешь ее рядом с пальцем и смотришь, какая куда доходит. Видишь? Вот эта доходит от конца указательного до начала большого. Ну, а теперь бери другую, чтоб тоже доходила от конца указательного до того же места — и все.

Фрэнки старался, но у него ничего не получалось. И Док поднимался наверх, а Фрэнки забирался в ящик с опилками и не вылезал оттуда до вечера.

Но Фрэнки был добрый, милый, славный мальчик. Он научился зажигать Доку сигары, и ему

хотелось, чтоб Док курил без конца.

Больше всего на свете Фрэнки любил, когда наверху, у Дока, собирались гости. Фрэнки любил, чтоб мужчины и женщины сидели и разговаривали и чтоб играла музыка. От музыки у него екало под ложечкой и перед глазами вставали прекрасные огромные картины. Он пристраивался на корточках в углу за креслом, его никто не видел, а он слушал и смотрел. Когда все смеялись над шуткой, которой он не понимал, Фрэнки заливался у себя за креслом, а когда шла речь об отвлеченных предметах, Фрэнки хмурился и сосредоточенно вникал.

Однажды вечером он решился на отчаянный поступок. В лаборатории собрался узкий круг гостей. Док разливал на кухне пиво. Рядом очутился Фрэнки. Фрэнки схватил стакан с пивом и бросился к девушке, которая сидела в большом кресле.

Она взяла стакан и сказала:

— О, спасибо! — И она улыбнулась Фрэнки.

И Док вошел в комнату и сказал:

— Да, Фрэнки у меня настоящий помощник.

Фрэнки не мог этого забыть. Он перебирал в памяти снова и снова, как он взял стакан, и где сидела девушка, и ее голос — «О, спасибо» — и голос

Дока: «Настоящий помощник — Фрэнки у меня настоящий помощник, — конечно, Фрэнки — настоящий помощник — Фрэнки», и — о Господи!

Он знал, что готовится большой вечер, потому что Док закупил бифштексов и много пива и позвал его наверх помогать с уборкой. Да что там уборка. Великий план созрел в голове у Фрэнки, и Фрэнки уже представлял себе, как все будет. Он только о том и думал. Все будет замечательно. Все будет хорошо.

И вот вечер начался, гости приходили и садились в гостиной, девушки, молодые женщины и мужчины. Фрэнки выжидал, пока он останется один за закрытой дверью кухни. Наконец он дождался, дверь на кухню закрыли. Он слышал разговор, слышал, как играет патефон. Он не спешил — сперва поднос, потом вынуть стаканы и ни одного не разбить. Потом — налить пива, потом пусть осядет пена и еще немного подлить.

И вот все готово. Он глубоко вздохнул и открыл дверь. В кухню ворвался гром музыки и разговора. Он поднял поднос с пивом и перешагнул порог. Он все знал. Он двинулся прямо к той молодой женщине, которая тогда его благодарила. И уже рядом с нею — что-то случилось, нарушилась координация, задрожали руки, нервы послали к

центрам срочные сигналы, но ответа не пришло. Поднос с пивом рухнул молодой женщине на платье. Фрэнки застыл. И бросился прочь.

Все притихли. Он прогрохотал вниз по лестнице, в подвал. Потом глухо прошуршало — и стихло.

Док спустился вниз и вошел в подвал. Фрэнки залез в ящик с опилками и закопался с головой. Док услышал, как он рыдает. Док немного обождал, потом тихо пошел наверх.

Тут он ровным счетом ничего не мог поделать.

XI

«Форд» модели «Т», грузовичок Ли Чонга, имел достославную историю. В 1923 году, еще легковой машиной, он принадлежал доктору В.-Т. Уотерсу. Доктор ездил на машине пять лет и продал ее страховому агенту Рэттлу. Мистер Рэттл был беспечен. Машину, доставшуюся ему в отличном состоянии, он гонял как безумный. По субботам мистер Рэттл пил, и машина от этого страдала. Крылья погнулись. Он не снимал ног с педалей, так что тросики приходилось то и дело менять. Когда мистер Рэттл присвоил деньги клиентов и удрал в Сан-Хосе, его поймали с ослепительной блондинкой и через десять дней упекли в тюрьму.

Кузов машины до того помялся, что новый владелец разрезал его пополам и заменил заднюю часть небольшим грузовым кузовом.

Следующий владелец снял верх кабины и ветровое стекло. Он перевозил каракатиц и хотел, чтобы лицо овевал морской ветерок. Звали его Фрэнсис Элмонс, и жизнь его была печальна. Он всегда зарабатывал чуточку меньше, чем хватило бы на прожитье. Отец оставил ему немного денег,

но год за годом, месяц за месяцем, как Фрэнсис ни потел, как ни экономил, деньги таяли, и в конце концов он совсем обнищал и куда-то сгинул.

Машина перешла к Ли Чонгу за долги Фрэнсиса в бакалейной лавке.

К тому времени от машины мало что осталось, кроме колес и мотора, и мотор стал капризным и мрачным, совсем одряхлел и требовал исключительной заботы и почтенья. Ли Чонг его этим не баловал, и потому машина вечно стояла в высокой траве позади бакалеи и между спицами прорастала мальва. На задних колесах были прочные, целые шины, а передние стояли на подпорках.

Наверное, любой бы из ребят легко починил машину, — в Ночлежном Дворце подобрались опытные механики, но Гэй был прирожденный механик. В применении к механикам нет такого термина, как абсолютный слух, а жаль. Есть люди, которым достаточно глянуть, послушать, тронуть, постукать, подвернуть — и механизм налаживается. Да, есть такие люди. От одного их присутствия машина идет лучше. И Гэй был такой. Пальцы его касались хронометра или карбюратора и делались добрыми, умными, точными. Он налаживал тонкие электрические

приборы в лаборатории. Он бы не переставая трудился на консервной фабрике, только б захотел, ибо в этой промышленности, горько сетующей на судьбу, когда ежегодная прибыль не покрывает общую сумму вложений, с оборудованием не так носятся, как с финансовыми бюллетенями. Да, если б можно было консервировать сардины с помощью гроссбухов, владельцы бы ликовали. Но им приходилось пользоваться выдохшимися, бессильными, страшными одрами, требовавшими постоянного внимания такого человека, как Гэй.

Мак рано поднял ребят. Выпили кофе и тут же отправились к машине по высокой траве. Гэй приступил к делу. Он лягнул переднее колесо.

— Насос у кого-нибудь возьмите, их накачать надо, — сказал он.

Потом он сунул палочку в бензиновый бак под доской, служившей сиденьем. Каким-то чудом там осталось немного бензина. Гэй взялся за главное. Он снял коробку передач, почистил, отрегулировал зазор и поставил коробку на место. Он открыл карбюратор и посмотрел, не течет ли бензин. Он подвернул заводную ручку — проверить, не заржавели ли вал и поршни в цилиндрах. Тут прибыл насос, и Эдди с Джоном стали, сменяя друг друга, накачивать шины.

Гэй напевал: «Тэк-тэк, тэк-тэк». Он вытащил свечи, почистил электроды, соскреб нагар. Потом Гэй вылил немного бензина в каждый цилиндр, прежде чем ставить свечи на место. Он распрямился.

— Нужна парочка батарей, — сказал он. — Спроси, может, Ли Чонг парочку подкинет.

Мак отбыл и почти тотчас возвратился с обобщающим «нет», которое Ли Чонг предназначал и для дальнейших ходатайств. Гэй призадумался.

— Я знаю, где можно достать парочку классных батарей, но сам туда пойти не могу.

— Где? — спросил Мак.

— В подвале, дома у меня, — сказал Гэй. — На них входной звонок работает. Если кто, ребята, пойдет ко мне в подвал — только чтоб жена не сцапала, — так это сразу налево. Чтоб только не сцапала!

Для этой задачи избрали Эдди, и он отбыл.

— Сцапает — смотри не расколись! — крикнул ему вдогонку Гэй.

Гэй пока что проверил тормоза. Педаль сцепления не доходила до пола, и Гэй понял, что от тросика там почти ничего не осталось. Тормозная педаль, наоборот, доходила до пола, и он понял, что тормозов уже нет, зато в педали заднего хо-

да трос был в порядке. С педалью заднего хода на «форде-Т» не пропадешь. Отказали тормоза? Используй педаль заднего хода. А если трос сцепления так изношен, что по крутому склону не подняться, пожалуйста, развернул машину на сто восемьдесят градусов и кати задним ходом вверх. Гэй убедился, что задний ход в порядке, и совершенно успокоился.

Эдди в целости и сохранности вернулся с батареями. Доброе предзнаменованье! Миссис Гэй возилась на кухне. Эдди слышал ее шаги, зато она не слышала, как вошел Эдди. Эдди на этом деле собаку съел.

Гэй подключил батареи, подкачал бензину и поставил позднее зажигание.

— Крутани-ка ей хвост! — сказал он.

Ну и чудо этот Гэй — маленький механик милостью Божией, Франциск Ассизский всего, что подкручивается, заводится, ломается, святой Франциск гаек, винтов, шестеренок. И если в один прекрасный день покалеченные «дузенберги», «бьюики», «десотто», «плимуты», «остины» и «изотта-фраскини» восславят Господа в дружном хоре — в том будет, конечно, заслуга Гэя и его собратьев.

Поворот рукоятки, один всего поворот — и

мотор заурчал, захлебнулся, заурчал опять. Гэй поставил более раннее зажигание и уменьшил подачу бензина. Он переключил зажигание на магнето, и «фордик» Ли Чонга крякнул, вздрогнул и весело застрекотал, словно почуял доброго хозяина. Все же у машины было два небольших технико-юридических дефекта. Отсутствие номера и отсутствие фар. Но сзади ребята небрежно и прочно навесили плед, а спереди аккуратно и густо заляпали машину грязью. Снарядились в поход скудно: взяли сети для ловли лягушек да несколько рогожных мешков. Выезжающие на охоту спорта ради волокут с собой из города целый воз еды и питья. Мак же справедливо считал, что продовольствие добывают на лоне природы. Взяли только две буханки хлеба и остатки в сборной бутыли Эдди. Забрались в машину. Гэй правил, Мак сидел рядом. Завернули за бакалею и загрохотали по пустырю, между трубами. Мистер Мэллоу сидел у котла, он им помахал. Переезжая улицу, Гэй затормозил и съехал с тротуара мягко и осторожно, все-таки на передних шинах здорово проглядывал корд. Как ни спешили, выбрались только после обеда.

Машина затормозила у бензоколонки Рыжего Уильямса. Мак вылез и протянул Рыжему свою

бумагу. Он сказал:

— У Дока мелочи не нашлось. Так что если нальешь только пять галлонов, а вместо остальных подкинешь доллар — Док спасибо скажет. Ему на юг надо, понимаешь. Важные дела у него там.

Рыжий добродушно улыбнулся.

— Понимаешь, Мак, — сказал он, — Док прикинул, нет ли у тебя хода, и он все вычислил. Он дико умный. В общем, он мне вчера звонил.

— Лей все десять, — сказал Мак, — хотя нет, погоди. Плескаться будет, разливаться. Вливай пять, а остальное давай в бидоне — у тебя есть такие, знаешь, запечатанные.

Рыжий совершенно просиял.

— Док и это обмозговал, — сказал он.

— Лей все десять, — сказал Мак. — И чтоб в шланге не осталось.

Экспедиция отправилась не через центр Монтерея. Из-за отсутствия номера и фар Гэй застенчиво избирал тихие улицы. И так еще четыре мили ехать в гору под Кармел-Хилл, а потом — целых четыре мили по шоссе, под носом у фараонов, пока можно будет свернуть на пустынную дорогу к Кармел-Вэлли. Гэй выехал боковой улочкой на главное шоссе у Питерс-Гейт, как раз там, где оно круто поднимается по Кармел-Хилл. Гэй с

грохотом понесся вверх, а через пятьдесят ярдов нажал на педаль и попытался переключить скорость. Он знал, что ничего у него не выйдет, уж очень паршивенький тросик. На ровном бы месте еще сгодился, а на холме никак. Поэтому Гэй остановился, развернулся и стал спускаться. Потом он прибавил газу, включил задний ход, а педаль заднего хода хорошо сохранилась. Машина медленно и упорно поползла задом вверх по холму. Радиатор, конечно, закипел, но некоторые специалисты считают, что модель «Т» неисправна, если он не кипит.

Надо бы написать ученый трактат о воздействии «форда» модели «Т» на здоровье, нравственность и эстетические взгляды среднего американца. Два поколения жителей Америки знали о сцеплении «форда-Т» больше, чем о солнечном сплетении, и о системе его тормозов больше, чем о Солнечной системе. Модель «Т» изменила понятия о частной собственности. Плоскогубцы сделались общественным достоянием, а насос доставался тому, кто его подберет. Большинство детей этого периода было зачато в «фордах» модели «Т», а кое-кто там даже родился. Англосаксонскую теорию о доме-крепости так исказили, что ее уже не удалось восстановить.

Машина храбро взобралась задом по холму, мимо дороги на Пик Джека и добралась до последнего, самого крутого подъема, но тут мотор ни с того ни с сего захрипел, засопел и заглох. Сразу стало очень тихо. Гэй правил вниз по холму, а потому проехал пятьдесят ярдов вниз, и его занесло на дорогу к Пику Джека.

— Ну, чего там? — спросил Мак.

— Карбюратор, видно, — сказал Гэй. Двигатель засвистел, заскрипел, и струя пара, прорвавшись через переливную трубу, зашипела, как аллигатор.

Карбюратор «форда» модели «Т» устроен несложно, зато для работы ему нужны все его детали. Есть в нем запорная игла, и у нее должен быть заостренный кончик, и надо, чтоб он плотно сидел в гнезде — иначе «форд» никуда не поедет.

Гэй взял иглу в руки и увидел, что кончик отломан.

— Ну как это вышло, а? — спросил он.

— Прямо сказки, — сказал Мак. — А починить можно?

— На фига? — сказал Гэй. — Новую надо.

— А почем они?

— Вроде доллар штука, если новые, а старую за четверть монеты достать можно.

— А есть у тебя монета? — спросил Мак.

— Ага, только я и без нее управлюсь.

— Ладно, тогда живо давай. Порядок? Мы тебя тут подождем.

— Ясно, куда вы без наконечника денетесь, — сказал Гэй. Он вышел на дорогу. Три машины не заметили его поднятого пальца, четвертая остановилась. Ребята видели, как он влез в машину и как она двинулась вниз по холму. Снова они его увидели только через сто восемьдесят суток.

О, бездна возможностей! Надо ж тому случиться, чтоб машина, подобравшая Гэя, сломалась на полпути! И не будь Гэй механиком — не починил бы он машину. А не почини он ее — неужели бы владелец стал приглашать его в бар Джимми Брачиа? И зачем, зачем именно в тот день было рожденье Джимми! Из всех возможностей на свете — а ведь их миллионы! — Гэю подвертывались только те, что прямиком вели его в салинасскую тюрьму. Франт Ивиа и Крошка Коллети помирились и помогали Джимми справлять день рожденья. Появление блондинки. Музыкальный диспут возле музыкального автомата. Приемы джиу-джитсу, которые новый друг Гэя показывал Франту, но неудачно, и остался со сломанной рукой. Расстройство желудка у полицейского…

Все-все вещи разные, не связанные — а вели к одному. Просто не Судьба была Гэю охотиться на лягушек, и Судьба не пожалела хлопот, людей и разных бед, только б его задержать. Когда наконец разбили стекло в обувной лавке Хольмана и стали мерить обувь в витрине, один Гэй не услышал сирены. Один Гэй не побежал на пожар, и потому полиция нашла его в витрине у Хольмана в черном лакированном ботинке на левой ноге и в коричневой тапочке на правой.

А ребята развели возле машины костер, когда стемнело и с океана повеяло холодом. В соснах у них над головами шуршал ветер. Ребята лежали на хвое и глядели сквозь ветви на грустное небо. Потолковали о том, что, видно, наконечник достать не так-то просто, но скоро стали говорить о другом.

— Зря мы его одного отпустили, — сказал потом Мак.

Около десяти часов Эдди поднялся.

— Повыше — строительная площадка, — сказал он, — пойду погляжу, может, у них есть «форд-Т».

XII

Монтерей — город с давней и блестящей литературной традицией. Он гордится тем, что здесь жил Роберт Льюис Стивенсон. Остров Сокровищ, натурально, повторяет топографию и береговую линию мыса Лобос. Недавно здесь снова побывал кое-кто из литераторов, но куда девался прежний аромат, прежняя прелесть истинной изящной словесности? А однажды город глубоко возмутило то, что жители сочли поруганием памяти писателя. Это связано со смертью Джоша Биллингса, великого юмориста.

Там, где теперь почта, был раньше глубокий ров, наполненный водой, а через него мосток. На одном берегу стояла уютная саманная постройка, а на другом жил доктор, ведавший всеми болезнями, рожденьями и смертями в городе. Занимался он и животными и, окончив курс во Франции, баловался нет-нет новым тогда делом — бальзамированием трупов. Иные ретрограды находили этот обычай сентиментальным, другие накладным, а третьи кощунственным, ибо ни в одной из священных книг не предусмотрено бальзамирование. Но семьи получше и побогаче

склонялись к обычаю, и он входил уже в моду.

Однажды утром почтенный мистер Кориага спускался от своего дома на холме к улице Альварадо. Он пересекал мосток, когда внимание его привлек маленький мальчик и вылезающая из рва собака. Мальчик держал в руках печень, а собака волочила несколько ярдов кишок, и на конце их болтался желудок. Мистер Кориага остановился и вежливо обратился к мальчику со словами:

— Доброе утро.

Мальчики в те времена были учтивы.

— Доброе утро, сэр.

— Куда ты тащишь эту печень?

— Хочу позвать ребят ловить вместе макрель.

Мистер Кориага улыбнулся и направился дальше, и тут ум его заработал. Это не бычья печень, нет, слишком маленькая. И не телячья печень, слишком красная. И не овечья. Тут мистер Кориага насторожился. На углу он повстречал мистера Райена.

— В Монтерее ночью умер кто-то? — спросил он.

— Нет, не слыхал, — отвечал мистер Райен.

— Убили кого-нибудь?

— Нет.

Дальше они пошли вместе, и мистер Кориага рассказал о мальчике с собакой.

В «Саманном баре» несколько граждан сошлись для утренней беседы. Мистер Кориага поведал им свою историю, и не успел он кончить, как в дверь вошел констебль. Уж он-то знал, умер ли кто в Монтерее.

— В Монтерее сегодня никто не умирал, — сказал он. — Но в отеле «Дель Монте» умер Джош Биллингс.

Все в баре смолкли. Одна мысль поразила всех. Джош Биллингс — великий человек, великий писатель. Он оказал честь Монтерею, тут опочив, а с ним обошлись недостойно. Без долгих споров избрали комитет, куда вошли все присутствующие. Суровые мужи зашагали ко рву, пересекли мосток и принялись колотить в дверь доктора, окончившего курс во Франции.

Накануне он работал допоздна. На стук он вылез из постели и, растрепанный, со взъерошенной бородой, в халате, подошел к двери. Мистер Кориага обратился к нему сурово:

— Бальзамировали вы Джоша Биллингса?

— Да, а что?

— Что вы сделали с внутренностями?

— Как «что»? Выбросил в ров, как всегда.

Его заставили поскорей одеться и повели к берегу. Будь мальчик чуть порасторопнее — и они бы опоздали! Он как раз садился в лодку, когда прибыл комитет. Кишки валялись в песке, где бросила их собака.

Французскому доктору велели все собрать. Его заставили тщательно промыть кишки, очистить от песка. И пришлось доктору купить на свои деньги свинцовый ящик, который вложили в гроб Джоша Биллингса. Не такой город Монтерей, чтобы допускать надругательство над служителем литературы.

XIII

Мак с ребятами мирно спали на сосновой хвое. К рассвету вернулся Эдди. Он долго шел, пока не набрел на «форд» марки «Т». А когда увидел его, не сразу решил, хорошо ли это будет, если взять оттуда иглу. Ведь, может, она и не подойдет. И он захватил весь карбюратор. Никто не проснулся, когда воротился Эдди. Он лег рядом с Маком и заснул под сосной. Что хорошо в «форде» марки «Т» — детали не только легко подобрать, но и нельзя опознать.

Со склона Кармел-Вэлли вид чудесный — извилистая бухта, белые волны, желтый песок, дюны, дюны по всему взморью, и к самому подножию холма нежно жмется город.

Мак поднялся на рассвете и облегчился, глядя вниз, на залив. Он видел, как пришло несколько сейнеров. Танкер набирал нефть. Из-за кустов за Маком подглядывали кролики. Потом встало солнце и вытряхнуло из воздуха ночной холод, как вытряхивают ковры. От тепла первых лучей Мак поежился.

Ребята поели хлеба, пока Эдди устанавливал новый карбюратор. А когда он кончил, они не

стали прибегать к помощи заводной ручки. Просто выжали сцепление и толкали машину, пока не завелся мотор. И вот Эдди повел «форд» по подъему, через вершину холма, а потом вниз, мимо Гэтон-Филд. Кармел-Вэлли вся была серо-зеленая от артишоков, а реку буйно опушали ивы. Эдди свернул налево, в долину. Им сразу улыбнулось счастье. Пропыленный рыжий петух забрел слишком далеко от родной фермы, вздумал перейти дорогу, и Эдди без труда на него наехал. Хейзл на заднем сиденье общипывал петуха, и перья разлетались из-под руки невиданно явственными уликами убийства, потому что с Джеймсберга веял бриз, и кое-какие перья оседали на мысе Лобос, а иные долетали до моря.

Кармел — пленительная речка. Она не очень-то длинная, но у нее есть все, что и у других рек. Она взбегает на горы, бросается в долины, бежит над отмелями, разливает озера у плотин, сочится в запруды, шуршит круглой галькой, лениво плывет под смоковницами, затекает в заводи, где живет форель, и заглядывает на отмели, где живет речной рак. Зимой она делается быстрым злобным потоком, а летом ее переходят вброд дети и прямо в воде стоят рыбаки. С отмелей на нее глазеют лягушки, и высокие папоротники

колышутся на берегах. Олени и лисы ходят к ней пить украдкой во тьме вечеров и по утрам, а иногда жадно припадает к воде пума. Фермы богатой долины жмутся к реке, чтоб было чем поливать сады и огороды. Перепела пересвистываются на берегах, а в сумерках воркуют дикие голуби. Тихо ступают вдоль воды еноты, подстерегая лягушек. Так что Кармел ничем не хуже других рек.

Пробежав несколько миль по долине, река разбивается о высокий утес, с него свисают лозняк и папоротники. Под утесом омут, глубокий, зеленый, а по другую сторону омута — чудесный пляж, где приятно посидеть и пообедать.

Мак и ребята счастливо добрались до пляжа. Отличное место. Уж где-где, а здесь лягушки найдутся. И вот где можно отдохнуть, насладиться жизнью. Им везло. Вдобавок к рыжему петуху они разжились мешком морковки, который свалился с грузовика, и десятком луковиц, которые оттуда не свалились. У Мака в кармане лежала пачка кофе. В машине стоял пятигаллонный бидон с отвинченной крышкой. В сборной бутыли Эдди было еще порядочно смеси. Захватили, конечно, и такие вещи, как перец и соль. Надо быть круглым идиотом, чтоб путешествовать без соли, перца и кофе.

Без усилий, споров и раздумий сдвинули четыре гладких камня. Петух, еще утром окликавший зарю, лежал разъятый в пятигаллонном бидоне вместе с очищенными луковицами, а между камнями потрескивал маленький костер из сухих ивовых прутьев, совсем маленький костер. Одни дураки разводят большие костры. На варку петуха требовалась уйма времени, ибо у него у самого уйма времени ушла на то, чтоб достичь таких размеров и жилистости. Зато, как только в бидоне забулькало, петух сразу чудесно запах.

Мак вселил в ребят бодрость духа.

— Лягушек лучше брать ночью, — сказал он, — так что давайте вздремнем, пока стемнеет.

Все уселись в тени, один за другим растянулись и уснули.

Мак был прав. Днем лягушки редко показываются; они прячутся под папоротниками и осторожно выглядывают из расщелин. Их полагается ловить ночью, с фонарями. Люди спали, зная, что им предстоит трудная ночь. Не спал один Хейзл. Он следил за огнем под петушиным бульоном.

Возле утеса не бывает золотого заката. Когда спустилось солнце, часа в два по берегу зашелестели тени. Зашуршали смоковницы. Водяные

змеи скользнули к берегу, осторожно окунулись и поплыли, держа головки над водой, как перископы, и оставляя крошечный пенистый след. Заплескалась крупная форель. Комары и москиты, прятавшиеся от солнца, повылезли из тайников и зажужжали над водой. Все жуки, все мухи, шершни, бабочки, осы и стрекозы вернулись восвояси. И когда тень добралась до пляжа, когда засвистел первый перепел, Мак с ребятами проснулись. Запах бульона надрывал сердце. Хейзл сорвал с прибрежного лавра свежий лист и положил в суп. Там же варилась морковка. Кофе в отдельной банке кипел на отдельном камне, чуть подальше от огня, чтоб не убежал. Мак проснулся, встал, потянулся, побрел к берегу, умылся, черпая воду ладонями, харкнул, плюнул, высморкался, прополоскал рот, пукнул, затянул ремень, поскреб ногу, причесался пятерней, отпил из бутылки, рыгнул и сел у костра.

— Ух ты, как пахнет, — сказал он.

Все мужчины, проснувшись, ведут себя примерно одинаково. Ребята почти точно воспроизвели действия Мака. И скоро все сидели у костра и нахваливали Хейзла. Хейзл вонзил перочинный нож в мышцу петуха.

— Не сказать, чтоб мягкий, — сознался Хейзл. —

Чтоб мягкий стал, его недели две варить надо. Как думаешь, Мак, сколько ему?

— Мне сорок восемь, а я не такой крепкий, — сказал Мак.

— А интересно, до сколько может протянуть петух, — сказал Эдди. — Если не заболеет и не переедут его?

— Ишь чего выдумал, — сказал Джон.

Приятно посидели. Бутыль ходила по кругу и согревала.

Джон сказал:

— Эдди, ты не обижайся. Просто знаешь чего? Ну, если б держать в баре три запасных бутыли, а? И в одну бы сливать все виски, в другую все вино, а в третью — пиво, а?..

Всем стало неловко.

— Да нет, ты не думай, — спохватился Джон. — Мне и так нравится. — И Джон еще долго говорил, он сам понял, что ляпнул ужасную глупость, и никак не мог остановиться. — Даже интересно, тут не знаешь, что с тобой будет. Вот виски, например, — заспешил он, — пьешь и знаешь, что с тобой будет. Любишь драться — подерешься, глаза на мокром месте — слезу пустишь. А тут, — Джон не жалел добрых слов, — тут, может, ты на дерево полезешь, а может, поплывешь до Санта-

Круса. Так интересней, — бормотнул он.

— Да, вот именно поплывешь, — вовремя вмешался Мак, чтоб перебить наконец Джона. — А что теперь с тем малым, Маккинли Мораном? Ну, с водолазом, помните?

— Помню я его, — сказал Хьюги, — мы с ним дружили. Как раз у него работы мало было, и он здорово запил. Это жуть — пить и нырять, и, конечно, неприятности. Ну, продал он скафандр, продал шлем и насос и подался куда-то. Не знаю даже куда. Он как нырял тогда за итальяшкой, который за якорь «Двенадцати братьев» зацепился, так все. Это ведь Маккинли тогда нырял. Барабанные перепонки у него лопнули. Ну, и все. А итальяшке — хоть бы хны.

Мак снова отдал должное сборной бутыли.

— У него во время «сухого закона» во денег было! — сказал Мак. — В день по двадцать пять монет с правительства огребал за то, что искал на дне спиртное, и с Луи по три доллара за ящик за то, что ничего не находил. Ну, для верности он по ящику в день поднимал, ради правительства, чтоб не так уж очень расстраивалось. Луи-то ничего. Ловчил, чтоб других водолазов никого на это дело не брали. Маккинли кучу денег загреб.

— Ага, — сказал Хьюги. — Только он как разные

прочие: денег загребет — и сразу давай жениться. Три раза женился, пока все не спустил. Я уж в нем разобрался. Как купит лису — гляди, не сегодня завтра женится!

— Интересно, а что это с Гэем? — спросил Эдди. О нем впервые вспомнили.

— А ну его, — сказал Мак. — Женатым веры нет. И ненавидит свою старуху, а все равно к ней приползет. Вроде совсем на нее озвереет, а все равно приползет. Им веры нет. Вот Гэй, ну? — сказал Мак. — Уж она его колотит. Так нет, Гэй три дня поживет без нее, переживает, себя же виноватым считает — и опять к ней на задних лапках.

Ели долго и со смаком, раздирали петуха, держали на весу капающие жиром куски, пока не остынут, и обгладывали с костей жилистое мясо. Разрезали морковь сухими ивовыми прутьями, а потом передавали бидон по кругу и пили бульон. А вечер подбирался к ним мягко, как музыка из отдаления. Перепела звали друг дружку к воде, в заводи плескала форель, мотыльки вились и дрожали над берегом, и дневной свет уже путался с тьмой. Передали по кругу кофе, согрелись, наелись и стихли. Наконец Мак сказал:

— Ох, черт, ненавижу, когда врут.

— Да кто врал-то? — спросил Эдди.

— Я же не против, если кто немного загнет для дела или для разговору. А кто врет сам себе — вот того ненавижу.

— Да кто, кто врал? — спросил Эдди.

— Я, — сказал Мак. — А может, и вы. Мы все, — сказал он серьезно. — Мы все, паскуды. Придумали вечер Доку устроить. Приперли сюда и загораем. А вернемся — сдерем с Дока денежки. Нас пятеро — значит, мы впятеро против него вылакаем. Эх, ребята, не для Дока мы стараемся. Для себя мы, ребята, стараемся. А Док такой мужик! Я второго такого сроду не встречал. И неохота мне за его счет наживаться. Знаете, я как-то хотел наколоть его на доллар. Такое нес! Нес, нес и вдруг вижу — допер Док, что я все это с ходу сочинил. Ну, я тут и говорю: «Док, хреновина все это!» А он лезет в карман и монету вытаскивает. «Мак, — говорит, — если кто врет ради доллара, значит, доллар ему позарез нужен», — и дал. Я ему назавтра отдал. Не разменял даже. До утра продержал — и отдал.

Хейзл сказал:

— Док жутко любит гостей. И мы хотим устроить ему вечер. Так какого тебе рожна?

— Сам не знаю, — сказал Мак. — Сделать бы что-то для него для самого, а чтоб самим не по-

пользоваться.

— Может, подарок? — предложил Хьюги. — Давайте купим виски, поднесем Доку, и пусть делает с ним чего хочет.

— Вот это дело, — сказал Мак. — Порядок. Подарим виски и слиняем.

— Сам знаешь, что дальше будет, — сказал Эдди. — Анри и вся шушера с Кармел-Хилл почуют виски, и вместо нас пятерых набежит человек двадцать. Док мне сам говорил, что весь Консервный Ряд до мыса Сур запах чует, когда он жарит бифштекс, ну, и кому какая прибыль. Уж ему выгодней, чтоб мы вместе с ним гуляли.

Мак взвесил этот довод.

— Может, и правда, — сказал он наконец. — А может, кроме виски еще что-нибудь подарить, запонки, например, именные?

— Да ну еще, — сказал Хейзл, — на фига Доку дерьмо такое.

Настала ночь. На небе белели звезды. Хейзл поправил огонь, и по берегу расплылось светлое пятно. За холмом злобно лаяла лисица. И, как всегда ночью, с холмов спустился запах шалфея.

Вода, выходя из глуби, булькала у камней.

Мак обдумывал последний довод, когда раздался звук шагов. Все обернулись. Из темноты

выступил высокий человек, за спиной у него висело ружье; рядом скромно, бесшумно ступал пойнтер.

— Вы что тут делаете? — спросил он.

— Ничего, — ответил Мак.

— Тут же написано. Не охотиться, не жечь костров, не удить, не ночевать. Собирайте манатки, гасите костер и мотайте.

Мак смиренно поднялся.

— Я не знал, капитан, — сказал он, — честно, мы никакой надписи не видали, капитан.

— Да они тут везде понатыканы. Не могли вы не заметить.

— Мы, капитан, виноваты, но вы уж извините, — сказал Мак. Он помолчал и пристально вгляделся в сутулую фигуру. — Вы военный? Точно, сэр? Я военного всегда отличу. Выправка. Не то что у разных-прочих. Я сам в армии служил и всегда отличу военного.

Плечи незнакомца неуловимо расправились, чуть заметно, но осанка изменилась.

— Я не позволяю тут у меня разводить костры, — сказал он.

— Ну да, вы уж извините, — сказал Мак. — Мы сейчас же, мы мигом, капитан. Понимаете, мы на группу ученых работаем. Вот, хотели раздобыть

немного лягушек. Ученые изучают рак, а мы помогаем им ловить лягушек.

Незнакомец помешкал.

— При чем тут лягушки? — спросил он.

— А как же, сэр, — сказал Мак. — Лягушкам прививают рак, а потом их изучают, разные опыты делают, были б лягушки — и тогда — все. Но раз нам нельзя оставаться на вашей земле, капитан, мы укатим. Знали бы, разве бы мы сунулись?

И тут Мак вдруг впервые заметил пойнтера.

— Господи, какая милая сучка! — вскричал он в восторге. — Похожа на Ноллу, которая еще приз взяла в Виргинии прошлый год, честно. Это виргинская собака, да, капитан?

Капитан замешкался, затем солгал.

— Да, — сказал он отрывисто. — Вот хромает: клещ укусил.

Мак проникся участием.

— Можно я посмотрю, капитан? Ко мне, лапка, ну-ну, лапка, ко мне.

Собака взглянула на хозяина и затрусила к Маку.

— Подбрось-ка сучьев, а то темно, — обернулся он к Хейзлу.

— Это высоко, она не может вылизать, — сказал капитан и нагнулся над плечом Мака.

Мак выдавил гной из зловещей с виду раны.

— У меня тоже собака была, и у ней тоже такая штука сделалась, и все хуже, хуже, пока не сдохла. Она у вас только ощенилась, да?

— Да, — сказал капитан, — шесть щенков. Я ей тут йодом мазал.

— Нет, — сказал Мак, — йодом не надо. А соли английской у вас нету?

— Есть — бутылка целая.

— Ага, тогда горячий компресс из английской соли, вот сюда. Она ослабла, понимаете, из-за щенков. Куда ей болеть… Тогда ведь и щенки пропадут.

Собака заглянула Маку глубоко в глаза и лизнула ему руку.

— Знаете чего, капитан? Я вам ее полечу. Английская соль — дело верное. Лучше всего.

Капитан погладил пойнтера по голове.

— Вообще-то у меня за домом — пруд, и там полно лягушек, спать не дают. Может, заглянете туда? Ночь напролет квакают. Я бы рад от них отделаться.

— Вот это вы здорово придумали, капитан, — сказал Мак. — Ученые вас благодарить будут, ей-богу. Только сперва надо собачке компресс поставить. — Он повернулся к ребятам. — Пога-

сите костер, — сказал он. — Затопчите, и чтоб ни искорки. И приберите получше. А я пойду с капитаном Ноллу лечить. Уберете — идите за нами.

Мак с капитаном удалились.

Хейзл засыпал огонь песком.

— Честно. Мак президентом бы сидел в Белом доме, если б только захотел, — сказал он.

— Охота ему была, — сказал Джон. — Чего он там не видел?

XIV

Раннее утро в Консервном Ряду — время чудес. Серая пора, когда светает, а солнце еще не встало, и Ряд плывет мимо времени в серебристом свете. Гаснут уличные фонари, зелено сверкает трава. Рифленое железо фабрик жемчужно отливает платиной или старым оловом. Ни единого автомобиля. Бизнес и прогресс молчат. И слышно, как мчатся волны и разбиваются о фабричные сваи. Время угомонилось, опустело, оно отдыхает. Кошки каплями патоки шлепаются с оград и растекаются по песку в поисках рыбных головок. Тихие ранние псы, чинно ступая, придирчиво высматривают, где поднять лапку. Чайки, хлопая крыльями, рассаживаются на фабричных крышах в ожидании отходов; они плотно обсиживают коньки. От скал с водной станции Хопкинса, как собачье тявканье, несется лай морских львов. Свежо и прохладно. Во дворах суслики накапывают сырые горки утренней земли и выползают за цветами и прячут их к себе в норы. Пешеходов мало, как раз столько, чтоб подчеркнуть пустоту улиц. Дорина девушка идет от клиента, которому немощи или богатство не позволяют лично

посещать «Медвежий флаг». Краска на лице размазалась, она еле плетется. Ли Чонг выносит баки с отбросами и ставит на тротуар. Старый китаец поднимается с берега и шлепает мимо Ночлежного Дворца. Сторожа выглядывают из будок и щурятся от света. Вышибала «Медвежьего флага» выходит на крыльцо в жилетке, потягивается, зевает, чешет живот. Из труб, как из бочки, гремит храп квартиросъемщиков мистера Мэллоу. Бледный, серый час — антракт между днем и ночью, когда время остановилось, чтобы прийти в себя.

В такое вот утро, в такой вот рассветный час гуляли по улице две девушки и двое солдат. Шли они из ресторана «Ла-Ида», очень усталые и очень счастливые. Девушки были крепкие, грудастые, сильные, и у них слегка растрепались светлые волосы. Вискозные платья помялись и облепили их. Обе надели солдатские фуражки: одна — на затылок, у другой козырек сполз чуть не на нос. Обе были губастые, курносые, крепкие, и обе очень устали.

Солдаты расстегнули мундиры и продели ремни под погоны. Они расслабили галстуки и расстегнули рубашки. Оба нахлобучили шляпки девушек — крошечный соломенный капор с пучком ромашек и белую в голубых медальонах

вязаную шапочку. Шли, взявшись за руки, и качали руками в такт ходьбе. Один нес бумажную сумку, а в ней банки пива.

Они брели в жемчужном свете. Отлично повеселились и теперь отдыхали. Они блаженно улыбались, как усталые дети, когда вспоминают, что было в гостях. Глядели друг на друга и улыбались и махали руками. Прошли мимо «Медвежьего флага» и крикнули «Эй!» вышибале, который чесал живот. Послушали храп из труб мистера Мэллоу и посмеялись. Стали у лавки Ли Чонга, поглядели в витрину на инструменты, одежду, еду. Добрели до конца Консервного Ряда и свернули к железнодорожным путям. Девушки пошли по рельсам, а солдаты придерживали их за пухлые талии, чтоб им не упасть. Миновали судоверфь и вышли к ярко-зеленому участку станции Хопкинса. Против станции крошечный пляж, взморье, миниатюрное взморье между двумя рифами. Ласковые ранние волны лизали берег и нежно шептались. Тонкий запах водорослей шел от прибрежных скал. Четверо вышли на пляж, и солнечная искра пронеслась над заливом, подожгла воду и подпалила скалы. Девушки уселись на песке чинно, оправив на коленях юбки. Солдат продырявил четыре банки пива и всем роздал по

банке. А потом мужчины легли на песок, положили головы девушкам на колени и стали на них смотреть. И в улыбках были усталость, и тишь, и веселая тайна.

От станции донесся лай — сторож, темный, угрюмый человек, заметил их, и его черный, угрюмый спаниель тоже их заметил. Сторож заорал, но они и не шелохнулись, и тогда он спустился на пляж, и пес его скучно, упорно лаял.

— Вас что, не касается? Тут нельзя лежать! Вон отсюда! Это частная собственность!

Солдаты его как будто и не слыхали. Они улыбались девушкам, а те гладили их волосы у висков. Наконец, очень медленно, один солдат повернул голову, вдавив щеку в девичьи колени. Он ласково улыбнулся сторожу.

— Пошел ты — знаешь куда? — сказал он мирно и отвернулся и стал смотреть в лицо своей девушке.

Она чесала солдату за ухом, и в волосах у нее сияло солнце. Они даже не заметили, как сторож повернулся и ушел.

XV

Когда компания поднялась на ферму, Мак уже был на кухне. Собака лежала на боку, а Мак прикладывал ей к больному месту тряпку, пропитанную английской солью. Толстенькие, пушистые кутята тыкались мордами ей в брюхо, а она терпеливо глядела Маку в лицо, объясняя: «Сами видите. Я толкую, а он не соображает». Капитан держал лампу и смотрел вниз, на Мака.

— Ну вот, спасибо, теперь буду знать, — сказал капитан.

Мак ответил:

— Конечно, дело ваше, сэр, чего мне соваться, но щенков бы отнять надо. У нее молока ни хрена, и они ее в клочья изжуют.

— Знаю, — сказал капитан. — Наверное, надо было одного оставить, а остальных утопить. Хлопот не оберешься. Теперь уж охотничьи собаки не в ходу, всем подавай доберманов, пуделей да боксеров.

— Известное дело, — сказал Мак, — а ведь лучше пойнтера собаки нету. Все, видно, с ума посходили. Но вы ведь не станете, ну, это, — топить их, а, капитан?

— Понимаете, — сказал капитан, — жена у меня занялась политикой, а я просто с ног сбился. Ее выбрали в окружной муниципалитет, и когда нет заседаний, она выезжает с речами. А когда дома, она все время занимается и пишет билли.

— Хрено… ой, то есть дерьмовое житье, — сказал Мак. — Мне бы такого щеночка, — он показал на барахтающегося щенка, — ой, я бы за три года такую охотничью собаку воспитал!

— Хотите щенка? — спросил капитан.

Мак поднял на него глаза:

— А то! Неужели подарите?

— Выбирайте, какой больше понравится, — сказал капитан. — Теперь мало кто понимает толк в охотничьих собаках.

Ребята стояли на кухне и производили беглый осмотр. Жена, очевидно, давно уж отлучилась — открытые банки, сковорода, облепленная галунами яичницы, крошки на кухонном столе, патронташ на хлебнице — все так и кричало об отсутствии женских рук; однако белые занавески, бумажки на полочках и узенькие полотенчики говорили о том, что женщина здесь побывала. И ребята порадовались, что сейчас ее нет. Женщины, покрывающие полочки бумагой и пользующиеся такими полотенчиками,

всегда недолюбливали Мака с ребятами. Такие женщины знали, что Мак и его ребята угрожают домашнему очагу, предлагая дружбу, заботу и удобства, исключающие чистоту, приличие и порядок. Ребята очень радовались, что ее нет.

Капитан уже, кажется, считал, что его разодолжили. Он не хотел их отпускать. Он робко спросил:

— Может, выпьете, ребята, сперва согреетесь, а потом за лягушками?

Все поглядели на Мака. Мак нахмурился, как бы обдумывая предложение.

— Когда мы собираем для науки, у нас вроде правило — в рот ни грамма, — сказал он, но тут же словно раскаялся в своей бестактности: — Но такое ваше отношение… и вообще… ладно, лично я не откажусь от одной. Вот не знаю, как ребята…

Ребята тоже не отказались от одной. Капитан взял фонарь и спустился в погреб. Было слышно, как он двигал ящики. Скоро он вернулся с пятигаллонным дубовым бочонком и поставил его на стол.

— Еще с «сухого закона» припрятал немного кукурузного виски. Думаю, пора взглянуть, что там с ним стало. Старое совсем. Чуть вообще про него не забыл. Понимаете — жена… — Он

не кончил фразу, всем и так все стало понятно. Капитан вышиб пробку из бочки и взял стаканы с полки, украшенной бумажными фестончиками. Нелегкое это дело — разливать по маленькой из пятигаллонной бочки. Каждый получил по полстакана темно-прозрачной жидкости. Чинно обождали хозяина, сказали: «Ну, поехали» — и опрокинули. Проглотили, облизнулись, крякнули, и взгляды подернулись мечтой.

Мак уставился в пустой стакан, словно на дне его начертана священная заповедь. Потом поднял глаза.

— Да, честно, — сказал он, — в бутылочки такое не нальют... — Он глубоко вздохнул и причмокнул. — В жизни такой вкуснятины не пробовал, — сказал он.

Капитан ободрился. Взгляд его вновь остановился на бочке.

— Оно хорошее, — сказал он, — может, еще по одной?

Мак снова заглянул в свой стакан.

— Ну, если по одной, — согласился он. — Может, лучше в графин отлить? А то еще прольется.

Через два часа вспомнили, зачем пришли.

Лягушачий пруд был прямоугольный — пятьдесят футов в ширину, семьдесят футов в длину

и четыре в глубину. Буйная, сочная трава росла по берегам, и по узкой канавке шла сюда вода из реки, а отсюда по маленьким канавкам шла вода к фруктовым садам. Лягушек здесь хватало — тысячи лягушек. Их голоса раздирали тишину, они квакали, каркали, ревели, гремели. Они возносили хвалы звездам, ущербной луне и щедрой мураве. Они выкликали призывы любви и воинские кличи. Люди прокрались во тьме к пруду. Капитан нес почти полный графин виски, и каждый захватил свой стакан. Капитан для всех раздобыл фонари. Хьюги и Джон волокли мешки. Спокойно подошли вплотную к пруду, и лягушки их услыхали. Ночь огласилась неистовым лягушачьим воплем и вдруг стихла. Мак, ребята и капитан сели на землю — выпить по последней и разработать план кампании. А план был дерзкий.

Все тысячелетья, пока люди и лягушки вместе живут на свете, люди, наверное, охотились на лягушек. И за это время выработались приемы охоты и обороны. Человек с сетью, или луком, или копьем, или ружьем бесшумно, как ему кажется, крадется к лягушке. Лягушке полагается сидеть, тихонько сидеть — и ждать. По правилам игры лягушка ждет до последней доли секунды, пока

не бросят сеть, не полетит стрела, пока палец не нажмет на курок, и тут-то лягушка прыгает, плюхается в воду, плывет на дно и ждет, пока человек удалится. Вот как это делается, вот как это делалось испокон веков. И лягушки вправе ожидать, что и впредь все так будет. Бывает, конечно, слишком быстро набросят сеть, ужалит копье, пробьет пуля — и тогда лягушке конец, но все по правилам, все честь по чести. Лягушкам не на что обижаться. Но разве могли они предугадать новый метод Мака? Разве предвидели такой кошмар? Вдруг вспышка света, людские крики, взвизги, топот. Лягушки, все как одна, побросались в воду и кинулись на дно. А затем в пруд вошла шеренга — спотыкаясь, баламутя воду, неистово шаркая по дну, дрыгая ногами. Лягушки в истерике прыгали с насиженных мест, уплывали от топающих, хлюпающих ног, а ноги их настигали. Лягушки — хорошие пловцы, но у них не хватает выдержки. Они плыли по пруду, пока их не оттеснили, не прижали к самому краю, а ноги не отступали. Иные лягушки — редкие — очертя голову бросились прямо под ноги, проплыли между ними и спаслись. Но прочие решили навеки покинуть этот пруд и поискать прибежища в иной стране, где невозможны по-

добные безобразия: обезумевшие, отчаявшиеся лягушки — крупные, мелкие, бурые, зеленые, самцы и самки — кидались на берег, прыгали, теснились, толкались. Они влезали на стебли травы, вцеплялись друг в друга, маленькие пришпоривали больших. И вот — о ужас! — их настиг свет фонаря. Двое людей собрали их, как ягоды. Шеренга выступила из воды, окружила их с тыла и собрала, как картошку. Десятками, сотнями их побросали в мешки, и мешки наполнились обессиленными, перепуганными, изверившимися лягушками, мокрыми, стонущими лягушками. Кое-кому, конечно, удалось бежать, а иные остались в пруду. Но вся лягушачья история не упомнит таких потерь. Лягушки — фунтами, десятками фунтов! Никто не считал, но было их штук шестьсот-семьсот, не меньше. Маку удалось перевязать мешки. Ребята вымокли до нитки, а ночь была холодная. Выпили еще по одной, тут же на берегу, чтобы не простудиться.

Вряд ли капитану случалось еще когда так веселиться. Мак с ребятами его облагодетельствовали. Потом, когда занавески загорелись и пришлось тушить их полотенчиками, капитан умолял ребят не беспокоиться. Он бы за честь почел, чтоб они спалили дом, лишь бы доставить

им удовольствие.

— Моя жена — замечательная женщина, — сказал он в заключение. — Изумительная женщина. Ей бы мужчиной родиться. Родилась бы мужчиной — я б на ней не женился.

Он долго смеялся над своей находкой, повторил это раза три или четыре и решил запомнить, чтобы потом всем рассказывать. Он наполнил графин виски и вручил Маку. Он попросился жить в Ночлежном Дворце. Он счел, что жене его понравились бы Мак и ребята, если б она с ними познакомилась. Наконец он лег спать на полу, уткнувшись лицом в щенят. Мак и ребята налили себе еще по одной и задумчиво на него посмотрели.

Мак сказал:

— Он подарил мне графин виски, точно? Все слыхали?

— Точно, — сказал Эдди. — Сам слыхал.

— И щенка подарил?

— Ну да, какого хошь, на выбор. Все слыхали, а чего?

— Пьяных отродясь не грабил и не собираюсь, — сказал Мак. — Ну, нам пора мотать. Проспится, будет ему тошно, и во всем мы виноваты окажемся. Неохота мне тут оставаться. — Мак оглядел

спаленные занавески, пол, блестевший от виски и щенячьей мочи, сальные пятна на плите. Он подошел к щенкам, внимательно их осмотрел, ощупал кости и шерстку, заглянул в глазки, проверил пасти и выбрал хорошенькую пятнистую сучку с густо-коричневым носом и милыми темно-желтыми глазками.

— Ко мне, Милка, — позвал он.

Они загасили лампу, чтоб не было пожара. Уже рассветало, когда они ушли.

— Хорошо мы погуляли, — сказал Мак. — Только как подумаю про его жену — меня прямо в дрожь кидает.

Щенок жалобно тявкнул, и Мак упрятал его за пазуху.

— А он малый что надо, — сказал Мак. — Когда, конечно, его до кондиции доведешь.

Он зашагал к тому месту, где они поставили «форд».

— Помните, ребята, все ведь это ради Дока, — сказал он. — И выходит, я вам скажу, Доку в жизни здорово везет.

XVI

Ни разу еще, наверное, у девушек Доры не было такой запарки, как тогда, в марте, во время большого лова сардин. И не только потому, что серебристыми биллионами текла рыба и денежки почти так же. В Президио расквартировался новый полк, а неприкаянная солдатня сперва всегда шляется без дела. У Доры, на грех, как раз оказалась нехватка рабочей силы, потому что Ева Фланеган взяла отпуск и уехала в Сент-Луис, Филис Мэй слезала с катера в Санта-Крусе и сломала ногу, а Эльси Задница посвятила себя новене[18] и больше почти ни на что не годилась. По вечерам отбоя не было от матросов с рыболовных судов. Они уходят в море в сумерки, ловят сардину ночь напролет, а после обеда им надо развлечься. Попозже заявлялись солдаты из нового полка, запускали граммофон, пили кока-колу и приглядывали девушек на будущее, когда разживутся деньгами. У Доры вышли кое-какие нелады с подоходным налогом, так как она запуталась в

[18] Примечания: 18

Новена — девятидневное моление у западных христиан. — *Примеч. ред.*

неразрешимой загадке, почему дело ее признано нелегальным, а податью облагается. Приходилось обслуживать и завсегдатаев, куда они денутся: рабочие с золотых приисков, наездники с ранчо, железнодорожники, которые ходят в парадную дверь, и крупные чины и выдающиеся деятели, которые являются с черного хода и для которых заведены уютные ситцевые гостиные.

Короче говоря, жуткий был месяц, и, ко всему, разразилась еще эпидемия гриппа. И захватила весь город. Заболели миссис Тэлбот с дочерью в отеле «Сан-Карлос». Том Уорк заболел. Заболели Бенджамен Пибоди с женой. Достопочтенная Мария Антония Филд заболела. Кроссы слегли всей семьей.

Доктора Монтерея — вообще-то их хватало на обычные немощи, несчастные случаи и нервные расстройства — совсем зашились. Они разрывались между теми больными, которые если и не платили по счетам, то хоть имели на это деньги. Консервный Ряд, производящий племя более стойкое, чем остальная часть города, долго противился эпидемии, но вот дошло и до него. Школы закрылись. Дома не было, где не лежали бы в жару дети и не болели родители. От гриппа не мерли, как в 1917 году, но у детей он часто

давал осложнения на уши. Доктора посбивались с ног, а пациенты в Консервном Ряду вдобавок не сулили большой прибыли.

А Док из Западно-Биологической лаборатории не имел права на медицинскую практику. Он не виноват, что каждый, кому не лень, обращался к нему за советом. Он не успел опомниться, как уже бегал из дома в дом, мерил температуру, давал лекарства, раздобывал и раздавал одеяла и даже разносил по домам еду, а матери глядели на него с постелей горячечными глазами, благодарили и возлагали на него всю ответственность за больных детей. В серьезных случаях он звонил какому-нибудь местному эскулапу, и тот являлся, если положение представлялось опасным. Но для домашних положение всегда представлялось опасным. Док почти не спал. Жил на одном пиве и консервах. Однажды он пришел к Ли Чонгу за пивом и встретил Дору, которая покупала маникюрные ножницы.

— У вас вид измотанный, — сказала Дора.

— Я правда измотался, — согласился Док. — Уже неделю не сплю.

— Знаю, — сказала Дора. — Слыхала-слыхала. Да, плохо, и надо же — в такое время.

— Правда, смертности пока нет, — сказал

Док, — но есть ужасно тяжелые дети. У Ранселей у всех детей осложнения.

— Может, я могу чем-то помочь? — спросила Дора.

Док сказал:

— Конечно. Сами знаете. Все так беспомощны, так растерялись. Рансели, например, ужасно волнуются, когда при них никого нет. Хорошо бы вы или кто-нибудь из девушек немножко с ними посидели…

Дора, вообще-то мягкая, как воск, иногда вдруг делалась твердой, как кремень. Она пошла в «Медвежий флаг» и организовала поддержку. Ей несладко пришлось, но она своего добилась. Грек-повар сварил полный десятигаллонный бидон крепкого бульона и держал бидон полным, а бульон — крепким. Девушки отрабатывали свое, а потом посменно ходили дежурить к больным и таскали с собой кастрюльки с бульоном. Дока теребили без конца. Дора распределяла девушек только по его совету. А «Медвежий флаг» процветал. Не умолкал граммофон. Рыбаки и солдаты стояли в очереди. И девушки обслуживали всех клиентов, брали кастрюльки с бульоном и шли сидеть у Ранселей, у Маккарти, у Ферна. Девушки ускользали черным ходом и, случалось, дежуря

возле спящих детей, сами засыпали в кресле. Они даже не красились для работы. Ни к чему было. Дора сама говорила, что могла бы нанять старух из богаделен. Такой запарки у девушек из «Медвежьего флага» еще не бывало. Они вздохнули с облегчением, когда все кончилось.

XVII

Несмотря на свое дружелюбие и друзей, Док был замкнутый и одинокий человек. Мак, наверное, как никто, это замечал. В компании Док был всегда сам по себе. Когда Док зажигал свет, задергивал занавески и большой патефон играл грегорианскую музыку, Мак смотрел на лабораторию из Ночлежного Дворца. Он знал, что у Дока сейчас девушка, но все равно из лаборатории веяло на Мака ужасным одиночеством. Мак чувствовал, что даже когда Док был с девушкой так, что ближе нельзя, он оставался один. Док был бессонный, полуночник. Всю ночь он не гасил свет, и днем он тоже не ложился. И полотнище музыки плескалось над Биологической в любое время дня и ночи. Иногда, когда свет гас и казалось, что Док наконец-то уснул, из его окон проливались нездешне-чистые голоса мальчиков Сикстинского хора.

Доку приходилось вечно собирать морских животных. Он норовил застать хорошие приливы. Морские скалы и отмели служили ему базой. Он знал, где что достать. Весь его товар располагался по берегу: где — морские желуди, где — осьми-

ноги, а где — креветки. Он знал, где какой товар раздобыть, но не все и не всегда мог заполучить, когда нужно. Природа держит добро на замке и выдает прихотливо. Мало вообще знать время приливов, надо еще угадать особенно удобный прилив в особенно подходящем месте. И когда такой прилив случался, Док складывал в машину инструменты, складывал банки, бутылки, растворы и предметные стекла и отправлялся на берег, или к отмели, или к скале, где имелось все, что ему нужно.

Он получил заказ на мелких осьминогов, а их можно достать только в Ла-Хойе, не ближе, между Лос-Анджелесом и Сан-Диего. Там есть такое место, усыпанное галькой, заливаемое прибоем, это — пятьсот миль в один конец, и Док хотел добраться туда, когда вода начнет отступать.

Мелкие осьминоги живут среди сидящих в песке валунов. Юные и робкие, они предпочитают дно, где много впадин, щелей и комьев грязи, где легко спрятаться от хищников и укрыться от волн. А там же обитают и уймы хитонов. Док, отправляясь выполнять заказ на осьминогов, хотел заодно пополнить и свои запасы хитонов.

Низшая точка отлива приходилась на 5.17 вечера в четверг. Выехав из Монтерея в среду

утром, Док легко поспевал к этому времени в Ла-Хойю. Он бы кого-нибудь захватил, но, как назло, кто оказался занят, кто куда-то подевался. Мак с ребятами собирали лягушек в Кармел-Вэлли. Те три молодые женщины, которых он бы с удовольствием взял с собой, все по будням сидели на службе. Анри-художник не мог отлучиться, потому что универсальный магазин Хольмана нанял для рекламы уже не седока на флагштоке, а конькобежца на флагштоке. На высокой мачте над магазином для конькобежца оборудовали круглую площадочку, и там он все катался по кругу на коньках. Так он провел три дня и три ночи. Он устанавливал рекорд на длительность катанья по платформе. Прежний рекорд был 127 часов, так что времени еще много оставалось. Анри занял пост через улицу у бензоколонки Рыжего Уильямса. Анри весь горел. Он задумал огромное абстрактное полотно: «Суть мечты конькобежца на флагштоке». Анри не мог уехать, пока конькобежец на площадке. Он уверял, что философские глубины конькобежного спорта на флагштоке никем покуда не раскрыты. Анри сидел на стуле, прислонив его к решетке входа в мужскую уборную на бензоколонке у Рыжего. Он не спускал глаз с горней вершины флагштока

и, естественно, не мог сопровождать Дока в Ла-Хойю. И Доку пришлось ехать одному, потому что прилив не ждет.

Едва забрезжило, он стал собираться. Сложил в небольшой ранец разные мелочи. В другом ранце лежали инструменты и шприцы. Упаковавшись, он расчесал и подровнял темную бороду, удостоверился, что ручка на месте, в кармане рубашки, а лупа прикреплена к вороту. Сложил в багажник бутылки, предметные стекла, растворы, резиновые сапоги и одеяло. Он провозился, пока совсем не рассвело, перемыл посуду за три дня, вынес мусор. Дверь он прикрыл, но не запер и выехал в девять.

Дорога всегда занимала у Дока больше времени, чем у других. Он ехал медленно и часто останавливался съесть шницель. Проезжая по Маячной, он помахал псу, а тот проводил его глазами и улыбнулся. Еще не выехав из Монтерея, он уже проголодался и остановился у Германа поесть и выпить пива. Он жевал бутерброд, потягивал пиво, и снова он вспомнил один разговор. Блэйседалл, поэт, как-то ему сказал: «Ты так обожаешь пиво. Ей-богу, ты еще додумаешься заказать молочный коктейль с пивом». Чушь дикая, а вот засело в голове у Дока. Интересно

все же попробовать этот молочный коктейль с пивом. Мысль стала навязчивой, он не мог от нее избавиться. Она всплывала всякий раз, когда он пил пиво. Свернется молоко или нет? А сахар туда класть надо? Вроде мороженого с креветками. Втемяшится же такое. Наваждение. Он съел бутерброд и расплатился с Германом. Он старался не глядеть на аппараты для молочных коктейлей, такие сверкающие по задней стенке. Если заказывать молочный коктейль с пивом, так уж лучше в городе, где тебя не знают. Но, с другой стороны, если ты мало что с бородой, да еще закажешь молочный коктейль с пивом в городе, где тебя не знают, там просто полицию позовут. Борода вообще вещь подозрительная. Ведь не скажешь же, что ходишь с бородой потому, что тебе так нравится. Люди не любят, когда им говорят правду. Вот и выдумываешь, будто у тебя шрам и ты не можешь бриться. Когда еще Док учился в Чикагском университете, ему не повезло в любви и вообще он измотался. И он решил далеко-далеко пройтись пешком. Он взял рюкзак и прошел через Индиану, и Кентукки, и Северную Каролину, и Джорджию до самой Флориды. Он встречал горняков и фермеров, встречал рудокопов и рыбаков. И все его спрашивали, зачем он

идет пешком.

Он любил правду, и он старался объяснить. Говорил, что расшатались нервы, и вообще захотелось на вольный воздух, надышаться полями, наглядеться на траву, и деревья, и птиц, почуять землю, — вот он и пошел по ней пешком. И никому не нравилось, когда он говорил правду. Кто хмурился, кто качал головой, кто вертел пальцем у виска, кто усмехался, давая понять, что раскусил и оценил тонкую ложь. А прочие, опасаясь за дочек или за поросят, гнали его подобру-поздорову, велели проваливать куда подальше, покуда цел.

И он перестал говорить правду. Говорил, что идет на пари, на сто долларов. И всем он нравился, все ему верили. Его усаживали обедать, стелили ему постель и кормили завтраком, желали удачи и прямо обожали его. Док по-прежнему любил правду, но понял, что не все разделяют его любовь и правда, наверное, очень опасная любовница.

В Салинасе Док не остановился съесть шницель. Но он останавливался в Гонзалесе, в Кинг-Сити, в Пазо-Роблес. В Санта-Марии он ел шницель и пил пиво даже дважды, потому что оттуда большой перегон до Санта-Барбары. В Санта-Барбаре он съел суп, капусту и салат из стручковой фасоли,

жареное мясо, картофельное пюре, ананасный пирог и сыр, выпил кофе, а потом заправился бензином и пошел в уборную. Пока на станции проверяли его шины и уровень масла, Док умылся и расчесал бороду, а когда вернулся к машине, ее уже обступили.

— Вы на юг, мистер?

Док достаточно намотался по большим дорогам. Он был стреляный воробей. Из тех, кто голосует, попутчика надо выбирать очень осторожно. Лучше брать того, кому голосовать — дело привычное, — эти всю дорогу молчат. А новичок старается заплатить за проезд увлекательной беседой. Один как-то Дока чуть до смерти не заговорил. Когда уже выберешь, на всякий случай надо сказать, что едешь недалеко, чтоб в случае чего его сразу сбросить. А в общем-то — вдруг тебе повезет и познакомишься с приятным человеком. Док осмотрел очередь и выбрал заморыша в голубом костюме, наверное, коммивояжера. Глубокие складки в углах рта, унылые темные глаза.

Он недовольно глянул на Дока:

— Вы на юг, мистер?

— Да, — сказал Док, — только недалеко.

— Не подбросите?

— Садитесь, — сказал Док.

До Венчуры добрались уже вскоре после плотного обеда, так что Док остановился только выпить пива. Попутчик пока не раскрывал рта. Док затормозил у придорожного буфета.

— Пива хотите?

— Нет, — сказал попутчик. — И вообще я так скажу, в пьяном виде машиной править не годится. Собственной жизнью распоряжайтесь как хотите, это дело не мое, но раз управляете автомобилем, он может стать смертоносным оружием в руках пьяного водителя.

Док сперва несколько опешил.

— Вылезайте-ка из машины, — сказал он мягко.

— Чего?

— Я сверну вам нос, если вы не уберетесь, пока я досчитаю до десяти. Раз, два, три.

Тот нащупал ручку — и выкатился. Но тут же завопил:

— Я полицейского позову. Вас арестуют!

Док открыл ящик на щитке и вытащил гаечный ключ. Его гость увидел ключ и поспешно удалился. Док, еще злой, подошел к буфетной стойке.

Официантка, белокурая красотка, с чуть-чуть увеличенной щитовидкой, ему улыбнулась:

— Вам?

— Молочный коктейль с пивом, — сказал Док.

— Что?

Ну все, наконец-то, о Господи! Лучше поздно, чем никогда!

Блондинка спросила:

— Шутки шутите?

Док вспомнил устало, что нельзя объяснять, нельзя говорить правду.

— У меня болезнь мочевого пузыря, — сказал он, — по-медицински — бифаличетсонектомия, и нужно пить молочный коктейль с пивом. Предписание врача.

Блондинка ободряюще улыбнулась:

— Ох, а я думала, шутите. Вы объясните, как его делают. Я же не знала, что вы больной.

— Очень больной, — сказал Док, — и будет все хуже и хуже. Налейте молока и добавьте туда полбутылки пива. Вторую половину дайте мне в стакане — сахару в пивной молочный коктейль не кладут.

Она все принесла, и он, скривясь, попробовал. И оказалось не так уж плохо — просто застоявшееся пиво с молоком.

— Кошмар, — сказала блондинка.

— Да нет, ничего, когда привыкнешь, — сказал Док. — Я его уж семнадцать лет пью.

XVIII

Док ехал медленно. Было уже поздно, когда он остановился в Венчуре, до того поздно, что, когда остановился в Карпентерии, он съел только кусок хлеба с сыром и пошел в уборную. В общем-то как следует поужинать он собирался в Лос-Анджелесе, а когда он туда приехал, совсем стемнело. Он проехал по городу и остановился у ресторанчика, где отлично жарили цыплят. Ему дали цыпленка с картошкой, горячих бисквитов с медом, кусок ананасного пирога и кусок сыра. Там же он налил в термос горячего кофе, захватил на дорогу шесть бутербродов с ветчиной и купил на завтра две кварты пива.

Ночью ехать не очень интересно. Ни тебе собак, не на чем взгляд остановить, шоссе да шоссе у тебя под фарами. Док набрал скорость, чтоб поскорей добраться до места. Он приехал в Ла-Хойю около двух и проехал через город к тому утесу, где была его зона прилива. Там он остановился, съел бутерброд, выпил пива, погасил фары, свернулся на сиденье и уснул.

Он обходился без часов. Так давно работал сообразно приливам и отливам, что и во сне чуял

изменения прибоя. На рассвете он проснулся, глянул в ветровое стекло и увидел, что вода уже отступает по каменистой отмели. Он выпил горячего кофе, кварту пива и съел три бутерброда. Сходит прилив незаметно. Обнажаются валуны, будто встают из вод, океан отступает и оставляет лужицы, оставляет мокрые водоросли, и мох, и губку, и радужность, и бурость, и рдяность, и синеву. Каких только отбросов не валяется по дну — осколки, останки ракушек, клешни, скелеты; все дно морское — невиданное кладбище, откуда в смятенье улепетывает вся живая тварь.

Док поскорей натянул резиновые сапоги и нахлобучил капюшон. Он взял бадьи, бидоны, взял ломик, положил бутерброды в один карман, термос в другой и спустился по утесу к зоне прилива. И стал обрабатывать дно, высвобожденное морем. Ломиком переворачивал валуны и то и дело запускал руку в стоячую воду и вытаскивал маленького, корчащегося осьминога, и тот, багровея от злости, плевался в Дока чернилами. Док бросал его в бидон с морской водой, к другим, и новичок в неразумном гневе задирал собратьев.

Охота шла удачно. Он поймал девятнадцать осьминогов. Собрал уйму хитонов и побросал в деревянную бадью. Прибой отступал, а он двигал-

ся следом, и уже рассвело и встало солнце. Отмель протянулась на двести ярдов, а дальше стояли заросшие скалы и за ними отвес и глубокая вода. Док добрался до скал. Он в общем-то собрал все, что хотел, а теперь просто заглядывал под камни, наклонялся, всматривался в блестящую пестроту луж, оставленных прибоем, волдыри, пузыри, копошенье. Так дошел он до обрыва, где полоскались в воде длинные бархатно-бурые водоросли. Красные морские звезды облепили скалы, и море пульсом билось о препону, выжидая своего часа. Между двух заросших скал вдруг мелькнуло что-то белое и тут же скрылось за прядями водорослей. Док пробрался до того места, твердо ступая по скользким камням, и раздвинул бурые водоросли руками. И оцепенел. На него снизу глядело девичье лицо, милое, бледное лицо с темными волосами. Глаза были открыты и ясны, а лицо спокойно, и нежно плескались волосы. Тело было скрыто, спрятано в расщелине. Губы чуть разжались, приоткрыв зубы, и на лице застыли тишина и покой. У самой поверхности было оно очень красивое под ясной водою. Док, кажется, долго-долго смотрел на это лицо, и оно выжглось в его памяти.

Очень медленно он отнял руку, и бурые водо-

росли вновь закрыли лицо. У Дока оборвалось сердце, и ему сжало горло. Он собрал бадьи, бидоны и ломик и медленно пошел по скользким камням на берег.

А то лицо шло перед ним. Он сел на берегу на колкий песок и стянул сапоги. В бидоне барахтались осьминоги, и каждый старался держаться подальше от других. Музыка звучала в ушах у Дока, чистая, тонкая, пронзительно сладкая флейта вела мелодию, которую он никак не мог вспомнить, а в ответ ей прибоем гремели трубы. Флейта забралась в выси, недоступные слуху, но и там текла и вилась ее непостижимая песня. По спине у Дока побежали мурашки. Его знобило, и на глазах выступили слезы, как бывает при виде великой красоты. Глаза у нее были серые и ясные, и колыхались, плескались вокруг белого лица темные волосы. Так это в нем и застряло. Он сидел, пока первые брызги не полетели через мол, возвещая о новом приливе. Он сидел и слушал музыку, а море уже снова накатило на каменистую отмель. Рука отбивала ритм, и в мозгу звенела неотвязная флейта. Глаза были серые, а рот чуть улыбался, или он приоткрылся в блаженном вздохе восторга.

Чей-то голос разбудил его. Рядом стоял чело-

век.

— Рыбу ловили?

— Нет, животных собирал.

— А… а каких?

— Осьминогов, детенышей.

— Спрутов, выходит. Не знал, что они тут водятся. А всю жизнь тут живу.

— Мне приходится их разыскивать, — устало сказал Док.

— Надо же, — сказал незнакомец. — Ой, да что это с вами? У вас вид прямо больной.

Снова взвилась флейта, а ниже дрогнули виолончели, а море кралось, наползало на берег. Док стряхнул музыку, стряхнул лицо, стряхнул с себя озноб.

— Есть тут поблизости полицейский участок?

— Только в городе. А что?

— Там в скалах — тело.

— Где?

— Там, зажато между двумя скалами. Девушка.

— Надо же, — сказал тот. — Если найдешь тело — вознаграждение причитается. Забыл сколько.

Док встал и начал собирать вещи.

— Может, вы и сообщите? Мне что-то плохо.

— Ну да, ясно. Небось в жутком состоянии? Сгнило совсем?

Док отвернулся.

— Вознаграждение возьмете себе, — сказал он, — мне не надо.

Он зашагал к машине. Только флейта — одна — еще чуть слышно пела в ушах.

XIX

Наверное, ни одна из затей дирекции универсального магазина Хольмана не имела такого успеха, как конькобежец на флагштоке. День за днем он кружил и кружил по круглой площадке, ну, а ночью его силуэт чернел на фоне неба, и каждый мог убедиться, что он еще наверху. Правда, никто не скрывал, что в центре площадки стальной столбик, и по ночам конькобежец прикрепляется к нему ремнем, но стоит, не присаживается, так что Бог уж с ним, с этим столбиком. Поглядеть на конькобежца приезжали из Джеймсберга и со всего побережья, даже с мыса Греймс. Из Салинаса народ валил валом, и тамошний совет налогоплательщиков сделал заявку на новое выступление конькобежца, когда тот захочет побить собственный рекорд и приумножить новым мировым рекордом славу Салинаса. Конькобежцев на флагштоках не так уж много, этот был явно лучший и то и дело побивал собственные рекорды.

Дирекция магазина ликовала. Белье, посуду и уцененный товар рвали с руками. На улице стояла толпа и, задрав головы, разглядывала

одиночку на платформе.

На второй день пребывания на флагштоке он сигнализировал вниз, что в него стреляют из духового ружья. Сыскной департамент взялся за расследование. Высчитали угол траектории и обнаружили злоумышленника. Старый доктор Мерриваль торчал у себя в кабинете за занавеской с духовым ружьем. Его не привлекли к ответственности, но он обещал, что больше не будет. Он имел большой вес в масонской ложе.

Анри-художник не сходил со стула на бензоколонке у Рыжего Уильямса. Он и так и сяк и все взвесил философски и пришел к выводу, что надо построить дома такую же площадку и самому попробовать. Конькобежец влиял на весь город. На отдаленных улицах торговля совсем закисла, а чем ближе к Хольману, тем больше оживлялась. Мак с ребятами пошли туда, с минуту поглядели и вернулись во Дворец. Конькобежец им не так чтоб очень понравился.

Дирекция поставила в витрине двухспальную кровать. Когда конькобежец побьет мировой рекорд, он спустится и будет спать прямо в витрине, не отвязывая коньков. Карточку фирмы, выпустившей матрас, поместили в ногах кровати.

В городе обсуждали выдающееся спортивное

событие, но о самом интересном вопросе, волновавшем буквально каждого, не упоминалось ни слова. Его никто не задавал, а мучил он всех. Над ним билась миссис Тролат, неся из шотландской булочной сумку со сдобой. Над ним бился мистер Холл в отделе мужской одежды. Три девицы Уилоуби фыркали всякий раз, как про это вспоминали. Но ни у кого не хватало духу про это заговорить.

Ричарда Фроста, молодого человека, блестящего и возвышенного, вопрос этот мучил еще больше, чем других. Он совсем измаялся. Ночь со среды на четверг он ворочался в постели, а с четверга на пятницу не сомкнул глаз. В пятницу вечером он напился и подрался с женой. Она поплакала, а потом притворилась, что уснула. Она услыхала, как он выскользнул из постели и пробрался на кухню. И еще немного добавил. А потом она услыхала, как он потихоньку оделся и ушел. Тут она снова поплакала. Было за полночь. Миссис Фрост не сомневалась, что муж отправился в «Медвежий флаг».

Ричард решительно зашагал сосновой аллеей с холма и дошел до Маячной. Там он свернул налево и двинулся к Хольману. Он прихватил с собой виски и перед самым магазином еще глотнул. Фонари погасли. Все опустело. Ни души. Ричард

стал посреди улицы и поглядел вверх.

Он смутно различил на высокой мачте одинокую фигуру конькобежца, Фрост еще глотнул виски. Он сложил ладони рупором и прохрипел: «Эй!» Ему не ответили. «Эй!» — гаркнул он погромче и оглянулся — не бегут ли с постов фараоны.

С небес раздался хмурый отзыв:

— Чего надо?

Ричард снова сложил ладони рупором:

— Как… ну… как вы в уборную ходите?

— У меня тут банка, — сказал голос.

Ричард повернулся и отправился назад той же дорогой. Прошел по Маячной и вверх по холму, сосновой аллеей, и дошел до своего дома и вошел. Раздеваясь, он понял, что жена не спит. Когда спала, она всегда чуть посапывала. Он лег, а жена посторонилась на постели.

— У него там банка, — сказал Ричард.

XX

Рано утром «форд» модели «Т» победно вкатил в Консервный Ряд, прогрохотал по желобам и проскрипел по заросшему пустырю к бакалее Ли Чонга. Ребята подняли передние колеса, перелили остатки бензина в пятигаллонный бидон, забрали лягушек и устало побрели к себе, в Ночлежный Дворец. И Мак пошел к Ли Чонгу с официальным визитом, пока ребята разводили в печи огонь. Мак, как полагается, поблагодарил Ли Чонга за машину. Упомянул о том, до чего им повезло, о сотнях добытых лягушек. Ли скромно улыбался и ждал неизбежного.

— В общем, блеск, — бодро сказал Мак, — Док платит по никелю за штуку, а у нас их чуть не тыща!

Ли кивнул. Цена была твердая. Всякому известно.

— Дока еще нету, — сказал Мак, — уж он обрадуется, как увидит эту лягушатину!

Ли снова кивнул. Он знал, что Дока нет, и он также знал, куда клонится беседа.

— Да, это между прочим, — сказал Мак, будто спохватившись. — Сейчас, понимаешь, нам

выпить охота. — Он сумел подчеркнуть исключительность этого обстоятельства.

— Нет виски, — сказал Ли Чонг и улыбнулся.

Мак оскорбился до глубины души.

— На кой нам твое виски? Да у нас галлон такого виски, какое тебе сроду не снилось. Цельный, так его и разэтак, все как надо — галлон. Ну вот, — продолжал он, — мы с ребятами и хотим, чтоб ты зашел выпить с нами по одной. Ребята просили тебя позвать.

Ли не мог сдержать радостной улыбки. Не стали бы они предлагать виски, если бы у них его не было.

— Ну вот, — сказал Мак, — понимаешь, какое дело. Нам выпить охота и жрать охота, а нечего. Ты знаешь, что лягушкам цена — двадцать штук на доллар. А Дока нету, а жрать охота. И вот мы чего решили. Чтоб тебя не обижать, даем тебе двадцать пять штук на доллар. У тебя пять лягушек прибыль, и всем хорошо.

— Нет, — сказал Ли Чонг, — нет деньги.

— Да ну тебя, Ли, нам бы только жратвы немного. В общем, ладно уж, честно тебе скажу — мы хотим устроить Доку праздник, когда он вернется. Выпивки у нас полно, а нам бы еще бифштексиков или там чего. Док ведь такой мужик! Когда у

твоей жены зуб болел — кто ей опий давал?

И точно, Ли был в долгу перед Доком, в неоплатном долгу. Трудность состояла только в том, чтоб понять, почему долг перед Доком обязывал его отпускать в кредит Маку.

— Расписки писать не будем, — продолжал Мак. — Передаем тебе в собственные руки по двадцать пять лягушечек на доллар, а ты отпускаешь нам товар и еще приходишь на праздник.

Ли принюхивался к предложению, как мышь к остаткам сыра в кухонном столе. Он не чуял подвоха. Все законно. Лягушки — те же деньги, раз имеешь дело с Доком; цена на них твердая, и тут выгода двойная. Прибыль в пять лягушек на доллар, а кроме того, на свой товар можно назначать любые цены. Правда, еще интересно, есть у них лягушки или нет.

— Надо глядеть лягусек, — сказал наконец Ли.

Возле Ночлежного Дворца Ли отведал виски, пощупал мокрые мешки с лягушками и дал согласие. Правда, оговорил, что дохлых лягушек не возьмет. Мак отсчитал пятьдесят лягушек, положил в банку, пошел в бакалею и получил на два доллара яиц, сала и хлеба.

Ли, предвидя оживленную торговлю, поставил в овощном отделе большой ящик. Он выпустил

туда пятьдесят лягушек и прикрыл ящик мокрым мешком, чтобы его подопечным было уютней.

И торговля пошла оживленная. Сперва Эдди взял «Булла Дарэма» на две лягушки. Джон чуть попозже обиделся, что с одной лягушки до двух подскочила цена на кока-колу. Недовольство росло, покуда день сходил на нет, а цены возрастали. К примеру, бифштексы. Вроде самому лучшему бифштексу красная цена десять лягушек за фунт, а Ли заломил двенадцать с половиной. Персиковый компот шел по безбожной цене — восемь лягушек банка. Ли их просто общипывал. Он не сомневался, что ни в «Экономической торговле», ни у Хольмана не одобрили бы новую финансовую систему. Но хочется ребятам бифштексов — пусть раскошеливаются. Всех возмутило, когда с Хейзла, давно мечтавшего о паре желтых шелковых нарукавников, содрали за них тридцать пять лягушек. Яд алчности отравлял невинную милую сделку. Горечь росла. Но росло и количество лягушек в ящике Ли.

Мысль о понесенных убытках не так уж терзала Мака и ребят. Они были люди бескорыстные. Они мерили радость не сбытым товаром, достоинство — не банковским счетом и любовь не тем, во сколько она им обошлась. Просто они немного

обиделись, что Ли вроде их за дураков считает, а тем временем яйца с беконом на два доллара уютно улеглись у них в желудках поверх доброго глотка виски, а поверх закуски снова уютно улегся добрый глоток. И они сидели на собственных стульях в собственном доме и смотрели, как Милка учится пить молоко из консервной банки. Милке исключительно повезло, ибо пятеро ее покровителей имели пять выношенных теорий собачьего воспитания, настолько несовместимых, что Милку вообще не воспитывали. Она сразу оказалась не по возрасту развитой сучкой. Кто последний ее задобрит, с тем и ложилась спать. Они сманивали ее друг у друга, жульничали. Иногда все пятеро решали, что дальше так нельзя и пора взяться за Милку, но дело кончалось обсуждением метода воспитания. Они все в нее влюбились. Они восхищались ее лужицами. Они изводили знакомых рассказами о ее остроумии, и она околела бы от обжорства, если бы у нее не хватило ума отказываться от еды.

Джон устроил ей постель в футляре от старинных часов, но Милка там не спала. Она спала с тем, кто ей приглянется. Она жевала одеяла, рвала матрасы, разбрасывала перья из перин. Она кокетничала со всеми своими владельцами

и натравливала их друг на друга. Они ею восторгались. Мак собирался обучить ее разным штукам и показывать в цирке, но не обучил ее даже проситься гулять.

Вечером они сидели, курили, переваривали, рассуждали и время от времени пропускали по одной. И каждый раз предупреждали друг друга, что пить надо поменьше, потому что виски — для Дока. Это уж точно.

— Как думаете, когда он вернется? — спросил Эдди.

— Всегда часов в восемь, девять приезжает, — сказал Мак. — Надо обмозговать, когда мы все устроим. Может, сегодня прямо?

— Ага! — согласились все.

— А может, он усталый, — заикнулся Хейзл. — Долго ехать-то.

— Да ну! — сказал Джон. — Лучший отдых — выпить в компании. Я один раз так устал, чуть не сдох, а выпил в компании — и как огурчик.

— Надо еще подумать, — сказал Мак. — Где мы все устроим? Тут?

— Да ну, Док так любит свою музыку. Всегда, когда гости, патефон заводит. Может, ему приятнее, чтоб у него устроить?

— Точно, — сказал Мак. — Но устроить-то надо,

чтоб был сюрприз. Ну, пришли мы. Ладно. А с чего он поймет, что это вечер? А если виски сразу приволочь — какой же сюрприз?

— А может, все там украсить? — предложил Хьюги. — Вроде как Четвертого июля или на Всех Святых.

Глаза Мака уставились в пространство, рот приоткрылся. Он все себе представил.

— Хьюги, — сказал он. — Это идея. Не ожидал от тебя, но, ей-богу, ты попал прямо в яблочко. — Голос его понежнел, глаза глядели в будущее. — Я прямо так все и вижу, — сказал он. — Док возвращается. Усталый. В лаборатории свет. Он думает — кто там приперся? Поднимается по лестнице, и — Господи! — все черт-те как разукрашено. Гирлянды, банты и во такой торт. И до него доходит, что это вечер. И не какой-нибудь тухлый, завалящий. А мы сперва прячемся, и он даже не знает, кто все устроил. А потом выскакиваем и ржем. Представляете? Ой, ну, Хьюги, ты даешь!

Хьюги покраснел. Его идея была, собственно, не столь смелой и восходила к встрече Нового года в «Ла-Иде», но он не отказался принять лавры на себя.

— Да, очень здорово, — сказал Мак. — И вот, ей-богу, когда Док очухается, я ему расскажу, кто все

придумал. — Они откинулись на спинки стульев и принялись мечтать. Украшенная лаборатория рисовалась им подобием оранжереи в отеле «Дель Монте». Потом еще немного добавили, просто в честь плана.

Склад у Ли Чонга был замечательный. Например, большинство лавок закупает черно-желтые бумажные гирлянды, черных картонных котов, маски и тыквы из папье-маше — в октябре. Перед Днем Всех Святых ими бойко торгуют, а потом они исчезают. Может, их распродали, может, разорвали, но в июне, скажем, их не купишь. К Четвертому июля — тоже флаги, знамена и фейерверки. Вот куда они деваются в январе? Исчезают — а куда? У Ли Чонга — дело другое. В ноябре запасайся себе на здоровье открыточкой на Валентинов день, а в августе — трилистниками, топориками, бумажными вишневыми деревцами. Ли хранил шутихи с 1920 года. Как Ли Чонг умещал эти припасы в тесной лавке — это профессиональная тайна. У него сохранились купальные костюмы еще с тех времен, когда носили длинные юбки, черные чулки и косынки. Велосипедные зажимы и старинные вязальные спицы. Значки «Помни о Майне» и спортивные знамена в честь «Победы Боба». Сувениры с Па-

намской международной выставки 1916 года, безделушки в форме башенок. И еще одно отклонение от общепринятого обычая отличало торговлю Ли Чонга: он не устраивал распродаж и не снижал цен. Что шло по тридцать центов, положим, в 1913 году — по-прежнему стоило тридцать центов, хоть могло показаться, что от плесени и мышей ценность вещи поубавилась. Нет, цена оставалась твердая. И если уж украшать лабораторию, украшать вообще, не считаясь с сезоном, но обращая ее в помесь сатурналии с шествием флагов всех наций, — самое милое дело было обратиться к Ли Чонгу.

Мак и ребята это знали. Но Мак сказал:

— А где большой торт достать? У Ли такого нет, у него только кексики несчастные.

Хьюги решил снова блеснуть.

— А может, Эдди торт спечет? — предложил он. — Эдди же кондитером в «Сан-Карлосе» работал.

Общий восторг захватил и Эдди, так, что он даже забыл, что тортов в жизни не пек.

Мак вдобавок все обосновал психологически:

— Доку так в сто раз приятней будет, чем покупное дерьмо. Главное, от души.

День и виски убывали, воодушевленье росло.

Без конца ходили к Ли Чонгу. Один мешок совсем освободился, а в ящике у Ли Чонга стало тесновато. К шести ребята прикончили галлон виски и стали покупать «Старую Тенниску», по пятнадцать лягушек полпинты, а на полу Ночлежного Дворца высились груды украшений — мили гирлянд в честь всех принятых торжеств и кое-каких отмененных.

Эдди хлопотал над тортом, как курица над выводком. Он пек его в умывальном тазу. Фирма, изготовившая полуфабрикат, гарантировала успех рецепта. Но торт сразу повел себя странно. Как только его замесили, он стал корчиться и пыхтеть, будто его раздирают изнутри дикие звери. Уже в печи он пустил пузырь вроде бейсбольного мяча, пузырь стал плотным, прозрачным, а потом зашипел и лопнул. В торте остался такой кратер, что Эдди замесил еще теста и залепил дыру. Но торт повел себя совсем уж непонятно, низ подгорел, пуская черный дым, а клейкая верхушка ходила ходуном и шла пузырями.

Когда Эдди наконец вынул его студить, торт напоминал батальную миниатюру Бела Геддеса на пласте лавы.

Торт вообще не удался, потому что, пока ребята украшали лабораторию, Милка его объела, потом

ее на него вырвало, и она легла спать на остатках теплого теста.

А Мак с ребятами взяли гофрированную бумагу, взяли маски, метелки, картонные тыквы, взяли красно-бело-синие флаги и двинулись по пустырю и через дорогу к лаборатории. Последних лягушек спустили на кварту «Старой Тенниски» и два галлона вина по сорок девять центов.

— Док любит вино, — сказал Мак, — по-моему, он вино даже лучше любит, чем виски.

Док никогда не запирал дверь. Он исходил из теории, что кто хочет вломиться в дом, всегда сумеет вломиться, что люди в основном честны да и в общем-то в лаборатории среднему человеку нечего красть. Самое ценное здесь были книги, пластинки, хирургические инструменты и оптические стекла, а уважающий себя взломщик на них и смотреть не станет. Теория, верная в применении к ворам, взломщикам и клептоманам, но совершенно неприменимая к друзьям. Книги часто «брали почитать». Ни одна банка бобов не пережила отсутствия Дока, а часто, вернувшись за полночь, он заставал гостей у себя в постели.

Ребята свалили украшения в прихожей, и тут Мак всех остановил.

— Что Доку будет дороже всего?

— Вечер! — сказал Хейзл.

— Нет, — сказал Мак.

— Украшения? — сказал Хьюги. Он чувствовал ответственность за украшения.

— Нет, — сказал Мак. — Лягушки. Это главное. А когда он вернется, Ли Чонг, может, уже закроет, и тогда Доку не видать своих лягушек аж до завтра. Э нет! — закричал Мак. — Пусть лягушечки будут в комнате тут как тут, а рядом — флажок и лозунг: «Добро пожаловать, Док!»

Комитет, посланный к Ли, встретил упорное сопротивление. Чего только не мерещилось подозрительному уму. Ли объяснили, что его приглашают на вечер, что он сможет следить за своей собственностью, что никто не оспаривает его прав. На всякий случай Мак даже составил бумагу, вводящую Ли во владение лягушками.

Когда протесты Ли несколько утихли, ребята перетащили ящик к Доку, обили его красной, белой и синей бумагой, начертали лозунг йодом на куске картона и начали украшать лабораторию. Виски они уже прикончили. Праздник шел полным ходом. Они развесили гирлянды и прикрепили к стенам тыквы. Прохожие присоединились к веселью и бросились к Ли за выпивкой. Ли Чонг сперва присоединился к гостям, но пресло-

вутый больной желудок скоро вынудил его уйти. В одиннадцать зажарили бифштексы и съели. Кто-то, роясь в пластинках, нашел Уильяма Бейси и пустил на полную громкость. Его слышали от судоверфи до «Ла-Иды». Клиенты из «Медвежьего флага» приняли Западно-Биологическую за конкурирующее заведение и бросились туда, радостно вопя. Их изгнали возмущенные хозяева, но лишь после долгой, кровавой битвы, от которой пострадали два стекла и дверь. К сожалению, разбились кружки. Хейзл шел через кухню в уборную, опрокинул на пол и на себя сковороду с горячим салом и жутко обжегся.

В полвторого забрел какой-то пьяный и отпустил замечание, которое сочли оскорбительным для Дока. Мак съездил ему по морде — мастерский удар, о котором вспоминают до сих пор. Бедняга оторвался от пола, описал траекторию и плюхнулся в ящик Ли Чонга, на лягушек. Кто-то хотел поменять пластинку, но уронил и сломал мембрану.

Законы умирающего веселья пока не изучены. Вот оно кипит, гремит, клокочет, но вот наступает агония, и потом тишина, и вдруг сразу все кончается, и гости идут по домам, или идут спать, или еще куда-то идут и оставляют мертвое тело.

В лаборатории сияли все огни. Входная дверь висела на одной петле. Пол усеяли осколки разбитого стекла. Повсюду валялись пластинки, разбитые, попорченные. Тарелки с налипшим салом и объедками были на полу, на книжных полках, под кроватью. Стаканы из-под виски грустно лежали на боку. Кто-то, пытаясь поднять этажерку, уронил целую стопку книг, и они рухнули на пол. И все опустело, все кончилось.

Через выломанную крышку ящика выскочила лягушка и присела, приглядываясь, не грозит ли откуда беда. За ней — вторая. Сквозь разбитые окна они чуяли свежий, чистый, сырой воздух. Одна уселась на рухнувший лозунг «Добро пожаловать, Док!», и обе робко запрыгали к двери.

Скоро поток лягушек заструился вниз по ступенькам, вихрящийся, бурлящий поток. Скоро весь Консервный Ряд кишел лягушками, был заполнен лягушками. Такси, отвозившее позднего посетителя в «Медвежий флаг», раздавило пятерых лягушек. Но до рассвета все они исчезли. Иные нашли сточные желоба, иные добрались до озера на холме, иные попали в канализационные трубы, прочие попрятались в густой траве пустыря.

А в тихой, пустой лаборатории сияли все огни.

XXI

В заднем помещении лаборатории метались, бились и пищали в клетках белые крысы. В отдельной клетке, в углу, мать-крыса лежала над выводком слепых голых детенышей и кормила их, озираясь настороженно и грозно.

В клетке гремучих змей, опершись на хвосты, лежали змеи и глядели в пространство мутными, хмурыми, черными глазами. В другой клетке ядозуб, сверкая, словно бисером расшитая мешковина, медленно вставал, тяжело и сонно цепляясь когтями за проволоку. Анемоны в аквариуме помахивали зелеными и рдяными щупальцами и блестели бледно-зелеными животами. Жужжал насосик с морской водой, и тоненькие струйки стекали в баки и пускали пузыри и шипели.

Был предрассветный час. Ли Чонг вынес урну с отбросами. Вышибала стоял на крыльце «Медвежьего флага» и почесывал живот. Сэм Мэллоу выполз из котла и сидел на дровах и глядел на занимающийся восток. За скалами у станции Хопкинса скучно лаяли морские львы. Старый китаец поднялся по берегу с мокрой корзиной и зашлепал вверх по холму.

Но вот в Консервный Ряд завернула машина, и Док подъехал к лаборатории. Веки у него покраснели от переутомления. Он ехал медленно, он очень устал. Он остановил машину, немного посидел, чтобы прийти в себя после дорожной тряски, потом вышел. При звуке его шагов гремучие змеи высунули раздвоенные языки и прислушались. Крысы заметались в клетках. Док поднялся по ступенькам. Он изумленно оглядел качающуюся дверь и разбитые окна. Усталость как рукой сняло. Быстро вошел он в дверь. Потом быстро прошел по комнатам, обходя битое стекло. Быстро нагнулся, поднял разбитую пластинку и прочел название.

На кухонном полу белой коркой застыло сало. Глаза у Дока загорелись от злости. Он сел на тахту и втянул голову в плечи и весь затрясся от гнева. Вдруг он вскочил и включил патефон. Поставил пластинку и опустил иглу. Одно шипенье. Док поднял иглу, остановил пластинку и снова сел на тахту.

Раздались неверные шаги, и вошел Мак. Лицо у него было красное. Он робко стал посреди комнаты.

— Док, — сказал он, — мы с ребятами…

Док сперва его будто и не заметил. Тут он вско-

чил. Мак попятился.

— Это вы натворили?

— Да, мы с ребятами…

Маленький, крепкий кулак Дока взметнулся и ударил Мака по челюсти. Глаза Дока горели красным, звериным бешенством. Мак тяжело осел на пол. Кулак у Дока был сильный и жесткий. У Мака были разорваны губы и сильно качался передний зуб.

— Вставай, — сказал Док.

Мак еле поднялся. Руки у него повисли. Док снова холодно, трезво, зло ударил его по челюсти. Кровь стекала с углов рта на подбородок. Мак попытался облизать губы.

— Ну, давай сдачи. Дерись, сволочь! — крикнул Док и снова его ударил и услышал хруст разбитых зубов.

У Мака дернулась голова, но он не упал, он теперь стоял твердо. А руки все висели.

— Давай, валяй, Док, — хрипло сказал он, с трудом шевеля разорванными губами. — Так мне и надо.

Док вдруг поник.

— Ах ты сволочь, — сказал он горько. — Скотина. — Он сел на тахту и поглядел на свои разбитые пальцы.

Мак сел на стул и посмотрел на Дока. В распахнутых глазах Мака стояла тоска. Он даже не вытирал кровь, стекавшую по подбородку. В голове у Дока зазвучали первые, мирные такты мадригала Монтеверди «Хор небесный и земной» — бесконечная печаль и примиренность плача Петрарки по Лауре. Док смотрел на разбитую челюсть Мака сквозь музыку, которая пела у него в голове, в комнате — которая пела. Мак сидел тихо-тихо, будто тоже музыку слышал. Док поглядел туда, где лежал альбом Монтеверди, и тут он вспомнил, что патефон разбит.

Он встал.

— Пойди умойся, — сказал он, вышел из комнаты, спустился с крыльца и пошел через улицу к Ли Чонгу. Ли не взглянул на него, доставая из холодильника две кварты пива. И молча отсчитал сдачу. Док зашагал через улицу обратно.

Мак в уборной тер окровавленное лицо мокрыми бумажными салфетками. Док откупорил бутылку и осторожно налил пива в стакан, слегка его наклонив, чтобы набегало поменьше пены. Он наполнил второй стакан и оба понес в гостиную. Мак вернулся, прижимая к губам салфетку. Док кивнул на пиво. Мак раскрыл рот и вылил туда пиво. Он бурно вздохнул и заглянул в стакан.

Док уже все выпил. Он сходил за бутылкой, снова налил оба стакана и сел на тахту.

— Что у вас тут случилось?

Мак глядел в пол, и капля крови стекала у него с губ в пиво. Он снова обтер разбитый рот.

— Мы с ребятами хотели вам вечер устроить. Ждали вас вчера.

Док кивнул:

— Ясно.

— Ну, и не вышло! — сказал Мак. — И чего мне извиняться-то? Всю дорогу извиняюсь. Привык уже. — Он сделал большой глоток. — Жена у меня была, — сказал Мак. — И то же самое. Чего ни сделаю — все плохо выходит. Она и не вытерпела. Даже вот уж задумаю чего хорошее — а все равно напорчу. Даже вот подарю ей чего — и все равно. Только обидно ей сделаю. И не вытерпела она: ничего у меня не выходит. Ну и заделался шутом гороховым. Все ребят смешу. А больше ничего не умею.

Док снова кивнул. Музыка снова звучала у него в ушах, — мольбой, и жалобой, и примиреньем.

— Ясно, — сказал он.

— Я уж обрадовался, когда вы меня двинули, — продолжал Мак. — Думал: «Может, чему научусь, может, запомню». Да разве же я запомню? Разве

же меня кто научит? Док, — крикнул Мак, — ведь я так хорошо задумал, чтоб всем было весело. И вам бы было приятно, что мы вам вечер устроили. И нам приятно. Как я задумал, получался такой вечер! — Он помахал рукой на обломки стекла и пластинок. — Когда женился вот тоже. Все хорошо задумал, а ничего не вышло.

— Ясно, — сказал Док. Он откупорил вторую кварту и доверху налил стаканы.

— Док, — сказал Мак. — Мы все уберем. И заплатим за все, что испортили. Хоть пять лет будем платить, а заплатим.

Док медленно покачал головой и обтер пену с усов.

— Нет, — сказал он. — Я сам уберу. Я знаю, где что лежит.

— Мы заплатим, Док.

— Нет, Мак, вы не заплатите, — сказал Док. — Будете думать, долго будете беспокоиться, но не заплатите. Один микроскоп стоил около трехсот долларов. Не говори, что вы заплатите. Конечно, вам станет неудобно. Может, только через два или три года вы все забудете и совершенно успокоитесь. Но заплатить не заплатите.

— Небось так и будет, — сказал Мак. — Эх, Док, точно, так и будет. Что же нам делать-то?

— Да ничего, что ж теперь делать? — сказал Док. — А по морде двигать — не в моих правилах. Давай об этом забудем.

Мак выпил пиво и встал.

— Ну, я пошел, Док, — сказал он.

— Ладно. Слушай, Мак, а где теперь твоя жена?

— Не знаю, — сказал Мак, — ушла она от меня. — Он тяжело спустился по ступенькам, пересек улицу и пошел через пустырь, мимо птичника, к Ночлежному Дворцу. Док, стоя у окна, проводил его взглядом. Потом, устало, он вытащил швабру из-за холодильника. Он убирал лабораторию целый день.

XXII

Анри-художник не был французом, и звали его не Анри. В общем-то он и художником не был. Анри так влез в историю о «левых» в Париже, будто всю жизнь там прожил, хоть в глаза Парижа не видал. Он лихорадочно ловил в периодике все сложные перипетии дадаистского движения, по-женски нелогичные обиды и заговоры, истовость и упрямство новых и отходящих школ. Он постоянно восставал против отжившей техники, устарелых средств. В один прекрасный сезон он отверг перспективу. На другой год отказался от красного и даже фиолетового, а заодно и синего. Наконец вообще отменил краски. Неизвестно, хороший художник был Анри или нет. Он так яростно бросался во все направления, что на живопись у него почти не оставалось времени.

Его живопись — вообще под вопросом. Что поймешь по работам из цветных перьев и ореховой скорлупы? Зато как судостроитель он не знал себе равных. Тут Анри был великолепный мастер. Давным-давно, пока еще не отстроил каюту и камбуз, Анри жил в палатке. Но когда он отстроил каюту и уютно обосновался на суше, он взялся

за лодку вплотную. Он не просто ее срубил, как некоторые. Тридцатипятифутовая лодка вечно менялась. Одно время у нее был нос как у клипера и зюйдвестка как у миноносца. Одно время она смутно напоминала каравеллу. Из-за отсутствия денег у Анри уходило по нескольку месяцев на то, чтобы раздобыть доску, или кусок железа, или дюжину медных гвоздей. Но Анри не горевал, потому что вовсе не хотел кончать лодку.

Лодка стояла под соснами, на участке, который Анри снимал за пять долларов в год. Плата покрывала налог и устраивала хозяина участка. Лодка стояла на бетонном фундаменте. Сбоку свисала веревочная лестница. Приходя домой, Анри ее убирал и спускал, только когда приходили гости. В каюте вдоль трех стен были мягкие сиденья, вроде диванов. Тут он спал, тут садились гости. Стол раскладывался, когда нужно, и с потолка свисала лампа. Камбуз удивительно удобный, но каждая деталь стоила долгих раздумий и трудов.

Анри был смуглый и мрачный. Он ходил в берете, когда все и думать про них забыли, курил трубку из горлянки и носил длинные волосы. У Анри было много друзей, которых он делил в общих чертах на тех, кто кормил, и тех, кого надо накормить. Названия у лодки не было. Анри

обещал придумать название, когда он ее кончит.

Анри жил в лодке и строил ее уже десять лет. За это время он дважды женился и вступал в несколько более или менее прочных связей. И все юные дамы бросали его по одной причине: семифутовая каюта мала для двоих. Кому приятно вечно стукаться головой о потолок и кому понравится жить без уборной? Гальюн для суши не приспособишь, а мириться с жалким сухопутным сортиром Анри не хотел. Ему и подругам приходилось удаляться за сосны. И одна за другой возлюбленные бросали Анри.

Когда девица, которую Анри прозвал Алисой, бросила его, с ним приключилась странная история. Обычно, когда его бросали, он для приличия скорбел, но в глубине души испытывал облегчение. Можно растянуться на диванчике. Есть что попало. Приятно на время освободиться от неодолимой женской опеки.

Анри выработал привычку — каждый раз, как его бросят, купить галлон вина, вытянуться на уютном жестком ложе и пить до бесчувствия. Изредка он позволял себе даже всплакнуть и после такой роскоши особенно блаженствовал. Читал вслух Рембо с ужасным произношением и восхищался беглостью своей французской речи.

И вот во время ритуальной скорби по Алисе началось что-то странное. Была ночь, горела лампа, Анри еще не упился, и вдруг он почувствовал, что он не один. Он оглядел каюту, и на сиденье напротив оказался черт-те какой молодой человек, темный, красивый молодой человек. Глаза светились умом и жизнью, зубы сверкали. Было что-то прелестное и все же ужасное в его лице. А рядом сидел златокудрый мальчик, почти дитя. Молодой человек смотрел на ребенка, а ребенок смотрел на него и смеялся восхищенно, будто ждал чуда. А потом молодой человек глянул на Анри, улыбнулся и перевел взгляд на мальчика. Из верхнего левого кармана жилетки он вынул старую бритву, какими давно перестали бриться. Он раскрыл ее и показал ребенку. Он потрепал мальчика по кудрям, и тот зашелся в хохоте, и тогда молодой человек взял мальчика за подбородок и полоснул бритвой по горлу, а ребенок все хохотал. Анри взвыл от ужаса. Он очень не скоро заметил, что ни молодого человека, ни мальчика в каюте уже нет.

Как только у Анри чуть унялась дрожь, он бросился из каюты, спрыгнул на землю и отправился вниз сосновой аллеей. Он долго шел и наконец добрался до Консервного Ряда.

Док работал с кошками, когда ворвался Анри. Док работал и слушал Анри, а когда тот кончил, Док пристально взглянул на него, гадая, сколько тут страха и сколько наигрыша. Страха оказалось больше.

— Это не призраки, а? — спросил Анри. — Может, следы каких-то воспоминаний или фрейдистские страхи, или я спятил? Я их видел, понимаете — видел. Ну, вот как вас сейчас вижу.

— Не знаю, — сказал Док.

— Пошли ко мне, посмотрим, может, они еще придут, а?

— Нет, — сказал Док, — если я их увижу, значит, это призраки, и мне будет страшно, потому что в призраков я не верю. А если вы их опять увидите, а я — нет, значит, это галлюцинации, и тогда испугаетесь вы.

— Но что же делать? — спросил Анри. — Не дай Бог я их снова увижу, я же просто умру. И знаете, ни за что б не сказал, что он убийца. С виду такой милый, и парнишка такой милый, надо же. Но он разрезал ему горло. Я сам видел.

— Не знаю, — сказал Док. — Психиатром никогда не был, на злых духов пока не охотился и впредь не собираюсь.

За дверью послышался женский голос:

— Эй, Док, можно к тебе?

— Входи, — сказал Док.

Девушка оказалась очень хорошенькая и бойкая. Док представил ей Анри.

— Вот он тут страдает. То ли привидение видел, то ли совесть мучит, не может разобраться. Расскажите-ка ей, Анри.

Анри рассказал все сначала, и глаза у девушки заблестели.

— Вот ужас, — сказала она, когда он кончил. — А я в жизни призраков и не нюхала. Пошли посмотрим, вдруг он еще вернется.

Док не без досады поглядел им вслед. Все же не для того он назначал ей свиданье.

Призраков она не увидела, но ей понравился Анри, и только через пять месяцев тесная каюта и отсутствие уборной вынудили ее с ним расстаться.

XXIII

Черная туча сгустилась над Ночлежным Дворцом. Веселье покинуло его стены. Мак вернулся из лаборатории с разорванной губой и выбитыми зубами. В виде своеобразной епитимьи он не стал умываться. Прошел прямо к кровати, лег, натянул на голову одеяло и весь день не вставал. Не только губа — сердце его истекало кровью. Он припомнил все плохое, что делал в жизни, и все, что он делал, казалось ему плохим. Он ужасно тосковал.

Хьюги и Джон долго сидели, уставясь в пространство, а затем мрачно отправились на фабрику Гедиондо наниматься на работу и нанялись.

Хейзл совсем измаялся, пошел в Монтерей, затеял драку и нарочно поддался. Ему чуть полегчало, когда его начисто поборол солдатик, которого Хейзл мог сделать одной левой.

Только Милка веселилась вовсю. Весь день она весело поедала ботинки Мака у него под кроватью. Она была умная собака, и зубы у нее были острые. Мак дважды в тяжком унынии запускал руку под кровать, хватал Милку и клал рядом, но она увертывалась и снова ела его ботинки.

Эдди задумчиво пошел в «Ла-Иду» потрепаться с другом-буфетчиком. Он выпил виски, а потом занял несколько никелей и пять раз извлек из музыкального ящика «Печальное дитя».

Все осудили Мака с ребятами, и они это поняли и поняли, что так им и надо. Добропорядочное общество от них отвернулось. Об их благих намерениях позабыли. Никто и не упоминал, что вечер устраивался для Дока. Историю обсуждали в «Медвежьем флаге», перетолковывали на фабриках. Пьяные в «Ла-Иде» обсасывали ее со всех сторон. Ли Чонг отмалчивался. Он страдал от убытков. В конце концов получилось, будто они украли виски и деньги. Подло вломились в лабораторию и все изломали — исключительно по злобе. И даже те, кто знал, в чем дело, этому поверили. Пьяные в «Ла-Иде» не раз собирались устроить им темную, чтоб неповадно было гадить Доку.

Лишь сплоченность и физическая сила спасали Мака с ребятами от мщения сограждан. Наконец-то нашелся повод для праведного гнева, а то многие давно не знали, куда девать свою праведность. Больше всех возмущался Том Шелегэн, который, конечно, пришел бы на вечер, если б его позвали.

Мак с ребятами оказались вне общества. Сэм Мэллоу не здоровался с ними, когда они проходили мимо котла. Они замкнулись в себе, и никто не мог предсказать, чем это кончится. Возможны два отклика на общественный остракизм — либо человек решает стать лучше, чище и добрей, либо становится совсем нехорошим, злобится на всех и вся и пускается на еще более мерзкие поступки. И второй отклик куда распространенней.

Чаша весов колебалась. Ребята носились с Милкой. Друг с другом разговаривали вежливо и терпеливо. Оправясь от первого потрясения, они навели в Ночлежном Дворце неслыханную чистоту. Отполировали резную дверцу, выстирали всю одежду и одеяла. Они стали скучно платежеспособны. Хьюги и Джон работали и приносили жалованье. Еду покупали в «Экономической торговле», чтоб не видеть упрека в глазах Ли Чонга.

В это время Док как раз пришел к одному умозаключению, возможно и верному, но Доку не хватало последнего доказательства, и потому неизвестно, прав он был или нет. Четвертого июля Док сидел в лаборатории с Ричардом Фростом. Пили пиво, слушали новые пластинки Скарлатти и смотрели в окно. Возле Ночлежного Дворца, на бревнах, под полуденным солнцем,

сидели Мак и ребята. Они не отрывали глаз от лаборатории.

Док сказал:

— Поглядите на них. Вот ваши истинные философы. Я думаю, — продолжал он, — что Мак с ребятами знают все, что бывало на свете, а может, и все, что еще будет. Думаю, кто-кто, а уж они-то доживут до глубокой старости в нашем прекрасном мире. Другие страдают от честолюбия, нервов и жадности, а эти совершенно спокойны. Все наши так называемые преуспевающие мужи — люди больные, у них испорчены желудки, попорчены души, а Мак с ребятами здоровы и удивительно чисты. Делают что хотят. Удовлетворяют свои потребности и называют вещи своими именами. — От этой речи у Дока пересохло горло, и он залпом выпил пиво. Он помахал двумя пальцами и улыбнулся. — Ничего нет лучше первого глотка пива, — сказал он.

Ричард Фрост сказал:

— А по-моему, они такие же, как все, просто у них нет денег.

— Они могли бы заработать, — сказал Док. — Загубить свою жизнь и заработать деньги. У Мака проблески гениальности. Все они очень умные, если чего-нибудь захотят. Они просто смотрят

вглубь и предпочитают ничего не хотеть.

Если б Док знал о печали Мака и ребят, он бы не сказал последней фразы, но никто не говорил ему об общественном осуждении, которому подверглись обитатели Дворца.

Он не спеша долил пива в стакан.

— Наверное, я смогу вам это доказать. Ну вот. Примерно через полчаса по Маячной пройдет парад в честь Четвертого июля. Стоит им повернуть головы — и они увидят парад, стоит встать — и они проследят за ним, да и дойти до парада недалеко — два небольших квартала. Так вот, спорим на кварту пива, они и головы не повернут.

— Ладно, не повернут, — сказал Ричард Фрост. — Ну и что из этого?

— Что из этого? — закричал Док. — Да просто они знают, что будет на параде. Знают, что впереди проедет мэр в машине, разукрашенной знаменами. За ним проскачет Длинный Боб на белом коне, с флагом. Потом — муниципалитет, потом две роты солдат из Президио, потом — Лоси с красными зонтиками, потом Рыцари-Храмовники, в белых страусовых перьях, с мечами в руках, потом Рыцари Колумба, в красных страусовых перьях, с мечами в руках. Мак с ребятами все это знают. Будет играть оркестр. Они все это уже

видели. Им незачем смотреть.

— Нет на свете такого человека, которому незачем смотреть парад, — сказал Ричард Фрост.

— Ну — спорим?

— Ладно, спорим.

— Я всегда удивлялся, — сказал Док, — почему те качества, которыми мы восхищаемся — доброта, великодушие, щедрость, искренность, честность, чуткость, отзывчивость, — при нашей системе залог неудач. А те черты, которые мы презираем — грубость, жадность, собственничество, низость, эгоизм и мелочность, — способствуют успеху. И прекрасными качествами восхищаются, но предпочитают судьбу, обеспечиваемую иными чертами.

— Кому захочется быть хорошим и при этом голодать? — сказал Ричард Фрост.

— Э, не в голоде дело. Тут совсем другое. Губят себя, чтобы весь мир получить, совершенно добровольно и почти все — но не все. Повсюду на свете есть такие вот Мак с ребятами. Я видел одного такого мороженщика в Мексике и одного такого алеута на Аляске. Знаете, они хотели устроить для меня вечер, и почему-то у них не вышло. Но они хотели устроить для меня вечер. Был такой порыв. Послушайте-ка, — сказал

Док, — кажется, оркестр? — Он быстро налил два стакана пива, и оба они с Ричардом Фростом приникли к окну.

Мак с ребятами уныло сидели на бревнах и смотрели на лабораторию. Звуки оркестра донеслись с Маячной, эхом от стен грянул барабанный бой. И вот из-за угла вынырнула машина мэра, и с радиатора свисали знамена и развевались на ветру. Потом — Длинный Боб на белом коне, с флагом, потом оркестр, потом солдаты, Лоси, Рыцари-Храмовники, Рыцари Колумба. Ричард и Док чуть не легли на подоконник, но смотрели они на тех, кто сидел на бревнах.

И ни одна голова не повернулась, не вытянулась ни одна шея. Парад прошествовал мимо, а они не шелохнулись. И парад удалился. Док выпил пиво, поднял два пальца, помахал ими и сказал:

— Ха! Ничего нет лучше первого глотка пива!

Ричард направился к двери:

— Вам какого?

— Такого же, — ласково сказал Док. Он улыбался в окно Маку с ребятами.

Легко сказать «время все залечит, все пройдет, все позабудется» и прочее, пока тебя самого не припечет; но когда припечет — и время не идет, и

ничто не забывается, и все остается по-прежнему. Док не знал про боль обитателей Дворца, про их убийственное недовольство собою, а то бы уж он облегчил их участь. Мак с ребятами ничего не знали про чувства Дока, а то бы у них отлегло от сердца.

Настали черные дни. По пустырю угрюмо бродило зло. Сэм Мэллоу ругался с женой, и она все время плакала. Эхо отдавалось от стен, и плач шел будто из-под воды. Неприятности так и сыпались. Славный вышибала «Медвежьего флага» вышибал пьяного, не рассчитал силу, а тот возьми да сломай позвоночник. Пришлось Элфриду три раза таскаться в Салинас, кланяться — удовольствие маленькое. В общем-то он был прекрасный вышибала, никого не калечил. Каждое движение отработано — любо-дорого смотреть.

А тут еще группа благонамеренных дамочек потребовала спасти от гибели американское юношество и закрыть притоны разврата. Такое случалось примерно раз в году на мертвый сезон между Четвертым июля и окружной ярмаркой. Дора обычно на неделю закрывала «Медвежий флаг». Невелика беда, все равно у всех отпуска и можно подремонтировать водопровод, подклеить обои. Но тут дамочки прямо в крестовый

поход двинулись. Жаждали крови. Лето выдалось скучное, их заела тоска. До того дошло, что пришлось им разъяснять, кому на самом деле принадлежат прибежища порока, что такое налоги и к каким осложнениям привело бы закрытие вертепов. Вот до чего дошло.

Дора закрылась на целых две недели. В Монтерее прошло три конференции, пока «Медвежий флаг» был закрыт. Поползли слухи, и сразу полетело пять конференций, намеченных на следующий год. Словом, хорошего мало. Доку пришлось взять заем в банке, чтоб заплатить за микроскоп, разбитый во время вечера, Элмер Рехатти лег спать на рельсах Тихоокеанской железной дороги и лишился обеих ног. Внезапный шторм ни с того ни с сего сорвал с якоря сейнер и два катера, покалечил и швырнул на берег Дель Монте.

Еще не объяснено, почему беда никогда не приходит одна. Каждый ругает себя. Роется в нечистой совести, припоминает тайные грешки и боится, что корень зла в них. Один припишет все пятнам на солнце, а другой сошлется на теорию вероятностей и ему не поверит. Даже врачам было мало радости. Болели-то многие, но болезни все шли недоходные. Ничего такого, с чем бы

не справились готовые средства или сильный организм.

И в довершение всего заболела Милка. Хорошенький, толстый кутенок за пять дней болезни превратился в скелет, обтянутый кожей. Светло-коричневый нос побагровел, десны побелели. Глаза лихорадочно блестели, все тельце горело, а она дрожала от холода. Она не ела, не пила, живот присох к спине, и даже в хвосте сквозь кожу просвечивали позвонки. Не иначе как подхватила чумку.

Тут в Ночлежном Дворце началась настоящая паника. Над Милкой они тряслись. Хьюги и Джон сразу ушли с работы, чтобы выхаживать Милку. Дежурили по очереди. Клали мокрые холодные тряпки ей на лоб, а она все хирела и чахла. В конце концов, как они ни отнекивались, Хейзла и Джона отправили к Доку. Когда они пришли, он работал над схемой приливов и ел куриное рагу, правда, изготовленное не столько из курицы, сколько из трепанга.

Им показалось, что он взглянул на них довольно холодно.

— Мы насчет Милки, — сказали они. — Болеет она.

— Что с ней?

— Мак говорит — чумка.

— Я не ветеринар, — сказал Док. — Я не знаю, как ее лечат.

Хейзл сказал:

— Может, хоть одним глазком бы взглянули? Совсем плохая она.

Они стояли кружком, пока Док осматривал Милку. Он посмотрел ей глазные яблоки, десны, проверил уши. Пощупал ребра, торчавшие словно спицы, жалкую спину.

— Не ест? — спросил он.

— Ничего, — сказал Мак.

— Надо заставлять — крепкий бульон, яйца, рыбий жир.

Им показалось, что он держится сухо и официально. Он вернулся к схемам приливов и куриному рагу.

Но у Мака с ребятами появилась забота. Они кипятили бульон, доводя его до крепости виски. Они пихали рыбий жир в Милкину пасть, и кое-что попадало куда надо. Они держали ей морду и вливали в пасть холодный бульон — глотай или захлебывайся. Они ее кормили и поили через каждые два часа. Раньше они спали сменами, теперь вообще не ложились. Сидели и ждали, когда у Милки наступит кризис.

Он наступил рано утром. Ребят сморила дрема, но Мак не спал и не отрывал глаз от щенка. Он увидел, как ушки дважды дрогнули, а грудь тяжело поднялась. Милка еле-еле встала на жалкие ножки, дотащилась до двери, принялась лакать воду и тут же рухнула.

Мак заорал, все проснулись. Он пустился в пляс. Все орали наперебой. Ли Чонг услыхал и про себя усмехнулся, вынося урну с отбросами. Вышибала Элфрид услыхал и решил, что у них опять вечер.

К девяти часам Милка по доброй воле съела сырое яйцо и полпинты сбитых сливок. К двенадцати начала заметно полнеть. К вечеру немножко побегала, а к концу недели выздоровела.

Наконец стена сплошного злосчастья дала трещину. Признаков было не счесть. Сейнер снова спустили на воду, и он преспокойно поплыл. Дора получила указание открыть «Медвежий флаг». Эрл Вейкфилд поймал двухголового головастика и продал музею за восемь долларов. Стена злосчастья и ожиданья рухнула. Она разлетелась в прах. В лаборатории в ту ночь были спущены занавески и до двух часов играла грегорианская музыка, а потом музыка смолкла, и никто не вышел из лаборатории. Что-то проняло Ли Чон-

га, и в некий восточный миг он простил Маку с ребятами лягушачий долг, который раздражал его с самого начала. И чтоб доказать ребятам, что он их простил, он взял пинту «Старой Тенниски» и преподнес обитателям Ночлежного Дворца. Их сношения с «Экономической торговлей» его обижали, но теперь все прошло. Визит Ли совпал с первым здоровым разрушительным порывом Милки. Милка испортилась донельзя, и никто уже не думал ее воспитывать. Когда Ли Чонг вошел со своим даром, Милка весело и тщательно грызла единственную пару резиновых сапог Хейзла, а хозяева умиленно за ней наблюдали.

Мак никогда не посещал «Медвежий флаг» как клиент. Это бы ему показалось кровосмешеньем. Он опекал один дом возле бейсбольного парка. Так что, когда он вошел в бар, все решили, что он за пивом. Он направился к Элфриду.

— Дора тут? — спросил он.

— А чего тебе от нее надо? — спросил Элфрид.

— Вопрос один есть.

— Какой?

— Не твое собачье дело, — сказал Мак.

— Ладно. Гляди. Пойду узнаю, захочет она говорить с тобой или нет.

Через минуту он ввел Мака в святилище. Дора

сидела за секретером. Оранжевые волосы она уложила локонами, глаза защитила зеленым козырьком. Она подновляла толстым пером свои отчеты, — добрый, старый, солидный гроссбух. На ней был роскошный красный шелковый халат с кружевами на рукавах и у ворота. Когда Мак вошел, она повернулась на вертящемся стульчике и посмотрела ему в лицо. Элфрид остался в дверях. Мак стоял, пока Элфрид не закрыл за собой дверь.

Дора подозрительно его изучала.

— Ну, чем могу служить? — спросила она наконец.

— Понимаете, мэм, — сказал Мак. — В общем, вы, наверно, сами слыхали, что у нас с Доком вышло.

Дора сдвинула козырек на лоб и положила перо в старомодную пружинную подставку.

— Да! — сказала она. — Слыхала!

— Ну и вот, мэм, мы же для Дока старались. Не хотите — не верьте, мы собирались вечер ему устроить. Просто он тогда не вернулся, и... и — в общем, не вышло.

— Ну, — сказала Дора, — а я-то при чем?

— Да вот, — сказал Мак, — мы с ребятами решили вас спросить. Вы же знаете, как мы думаем

про Дока. И хотели вас спросить, что посоветуете сделать, чтоб ему доказать?

Дора сказала:

— Гм, — и откинулась на вертящемся стуле, и закинула ногу на ногу, и поправила на коленях халат. Она вытряхнула из пачки сигарету, зажгла и стала разглядывать. — Вы устроили ему вечер, а он на него не попал. Так устройте другой, и чтоб он на него попал, а? — сказала она.

— Вот ведь! — говорил Мак потом, когда рассказывал все ребятам. — Надо же, а? Жуть, какая баба. Недаром стала мадамой. Жуть, какая баба.

XXIV

Мэри Тэлбот, то есть миссис Том Тэлбот, была прелестна. Рыжие волосы с зеленой искрой, кожа золотистая с зеленым отливом, и глаза зеленые в золотую крапинку. Лицо у нее было треугольное — широкие скулы, широко расставленные глаза и узкий подбородок. Ноги у нее были длинные, как у танцовщицы, и ходила она почти не касаясь земли. Когда она волновалась — а она почти все время волновалась, — лицо у нее вспыхивало золотом. Ее прапрапрапрапрапрабабушку сожгли на костре за колдовство.

Больше всего на свете Мэри Тэлбот любила вечера. Она любила устраивать вечера и любила, когда ее звали. Том Тэлбот зарабатывал немного, и Мэри не могла каждый день устраивать вечера, поэтому она устраивала так, чтоб их устраивали другие. Она звонила подруге и говорила прямо:

— Когда в гости позовешь?

День рожденья Мэри праздновала шесть раз в году, а кроме того, устраивала вечера-маскарады, вечера-сюрпризы и просто вечера. Под Рождество в ее доме бог знает что творилось. Мэри вся горела и даже заражала возбуждением Тома.

До возвращения Тома с работы Мэри иногда устраивала чай для окрестных кошек. Ставила на ножную скамеечку кукольные чашки и блюдца. Собирала всех кошек — а их была тьма — и вела с ними долгую, интересную беседу. Ей очень нравилась эта игра — милая комедия, заслонявшая от Мэри тот факт, что платье у нее старое, а денег нет вовсе. Тэлботы еле сводили концы с концами, но, даже сидя на мели, Мэри ухитрялась устроить вечер.

Это она умела. Она умела всех заразить весельем и пускала свой дар в бой против тоски, которая вечно бродила под окнами, подстерегая Тома. Мэри считала главной своей обязанностью оберегать мужа от тоски, потому что Тома — наверняка — ждал в жизни большой успех.

Обычно ей удавалось прогнать неприятности из дому, но иногда они настигали Тома и его одолевали. Он часами сидел мрачный, а Мэри открывала по неприятностям встречный огонь веселья.

Как-то раз первого числа пришел счет за воду, не было уплачено за дом, из «Кольерса» вернули рукопись, а из «Нью-йоркера» — карикатуры, и Тома мучил кашель. Он прошел в спальню и лег на кровать.

Мэри тихонько вошла к нему, потому что серо-зеленая тоска Тома просачивалась сквозь дверную щель и замочную скважину. Мэри держала букетик перечников в бумажном кружевном кульке.

— Понюхай, — сказала она и ткнула букетик ему в нос. Он понюхал цветы и ничего не сказал.

— Знаешь, какой сегодня день? — спросила она и стала думать, чем бы этот день мог быть знаменателен.

Том сказал:

— Зачем играть в прятки? Мы нищие. Мы гибнем. Зачем закрывать на это глаза?

— А вот и нет, — сказала Мэри, — мы заколдованные. И всегда так было. Помнишь, как ты десять долларов в книге нашел? А помнишь, как брат тебе пять долларов прислал? Все будет хорошо.

— Сколько можно? — сказал Том. — Ты прости, — сказал он. — Словами тут ничего не исправишь. Мне надоело кривляться. Пора взглянуть правде в глаза. Пора.

— А я хотела сегодня гостей позвать, — сказала Мэри.

— На какие шиши? Или опять хочешь содрать с магазина вывеску и потчевать людей картонной

ветчиной? Надоело мне дурачиться. Не смешно. Грустно.

— Я бы маленький такой вечерочек устроила. Крошечный. Все в простых платьях. Сегодня годовщина основания Цветочной Лиги, а ты забыл.

— А ну ее, эту Лигу, — сказал Том. — Пусть я негодяй, но мне даже с постели вставать неохота. Ты бы лучше вышла, и дверь закрой и оставь меня в покое, а то я только тебе настроение порчу.

Она внимательно на него посмотрела и поняла, что он правда хочет остаться один. Она тихонько вышла и притворила дверь, а Том отвернулся к стене и закрыл лицо руками. Он слышал, как она что-то двигает в соседней комнате. Она украсила дверь старыми елочными игрушками и мишурой и повесила плакат «Добро пожаловать, великий Том». Потом приложила ухо к двери и ничего не услышала. Почти уныло она вытащила ножную скамеечку и покрыла салфеткой. Посередке поставила букет в стакане, а с краев четыре чашечки с блюдечками. Пошла на кухню и поставила чайник. Потом вышла во двор.

Китти Рэндолф принимала солнечные ванны, лежа на заборе. Мэри сказала:

— Мисс Рэндолф, сегодня ко мне кое-кто зайдет на чашку чая, приходите, пожалуйста.

Китти Рэндолф томно перевернулась на спину, нежась под теплым солнышком.

— Только не позже четырех, — сказала Мэри. — Мы с мужем идем сегодня на прием в честь столетнего юбилея Цветочной Лиги.

Она обошла вокруг дома, вышла на задний двор, заросший черной смородиной. Китти Казини сидела на земле, урчала про себя и раздраженно помахивала хвостом.

— Миссис Казини, — начала Мэри и осеклась, разглядев, что делает кошка. Казини поймала мышку. Она ласково похлопала жертву мягкой лапкой, и та отчаянно рванулась прочь, волоча отнявшиеся задние лапки. Китти выждала, пока мышь дошла до смородинных кустов, потом мягко прыгнула и выпустила коготки. Она изящно запустила когти в спину зверька, а хвост ее затрепетал от наслаждения.

Том, кажется, задремал, и тут он вдруг услышал свое имя, еще и еще раз. Он вскочил и крикнул:

— А? Что? Ты где?

Он услышал, что Мэри плачет. Он выскочил во двор и все увидел.

— Отвернись! — крикнул он и убил мышку. Китти Казини вспрыгнула на забор и оттуда возмущенно смотрела на Тома. Том поднял камешек,

попал ей в живот и согнал с забора.

Дома Мэри еще немного поплакала. Она налила в чайник воды и поставила его на стол.

— Садись сюда, — сказала она Тому, и он сел на корточки возле ножной скамеечки.

— Можно я возьму большую чашку? — спросил он.

— Китти не виновата, — сказала Мэри. — Кошки все такие. Она не виновата. Но — ой, Том!

Она внимательно взглянула на Тома и увидела, что морщины на лбу у него разгладились и он уже не щурится так ужасно.

— А потом, я совсем замоталась с этой Лигой, — сказала она. — Прямо ничего не успеваю.

Скоро Мэри Тэлбот устроила вечер по случаю своей беременности. И все говорили:

— Господи, вот будет весело ее ребеночку!

XXV

Конечно, весь Консервный Ряд, а то и весь Монтерей почуял перемену. Хотите — не верьте приметам. Кто в них верит? Но зачем зря рисковать? Вот никто и не рискует. В Консервном Ряду живут люди не суеверней других, только зачем же проходить под приставной лестницей или раскрывать в комнате зонтик? Док был настоящий ученый и начисто лишен суеверий, и все равно, когда пришел домой и увидел на пороге белые цветы, он очень даже огорчился. А большинство обитателей Консервного Ряда всякое такое просто отрицает, но учитывает.

Мак сразу понял, когда для Ночлежного Дворца началась темная полоса. Он обдумал весь несчастный вечер и сделал вывод, что неприятности ползут во все щели, что беды вьются, как мошкара на закате. А когда попадешь в такую полосу — самое милое дело забраться в постель и переждать. Тут уж ничего не попишешь. А вообще-то Мак был несуеверный.

И вдруг проблески радости забрезжили в Консервном Ряду. Доку привалило счастье сразу с несколькими прекрасными посетительницами.

Он палец о палец не ударил. Милка росла как на дрожжах и, имея дрессированных предков бог знает от какого колена, сама стала дрессироваться. Ей опротивели лужи на полу, и она стала выходить по нужде на двор. Оказалось, что Милка растет умной и славной собакой. И чумка обошлась без осложнений.

Благословенное веяние как газ ползло по Консервному Ряду. Оно дошло до самого буфета Германа, оно дотекло до отеля «Сан-Карлос». Джимми Брачиа почуял его, и Тонни-буфетчик. Франт Ивиа почуял его и радостно подрался с тремя новичками из городских полицейских. Оно дошло до салинасской тюрьмы, и Гэй, который жил припеваючи, поддаваясь шерифу в шашки, вдруг обнаглел и стал подряд выигрывать. Он утратил все льготы, зато снова почувствовал себя человеком.

Морские львы почуяли перемену, и тявканье их обрело ритм и тембр, которые потешили бы сердце Франциска Ассизского. Зубрилы-девчонки поднимали глаза от учебников и фыркали ни с того ни с сего. Наверное, тончайший электроприемник определил бы источник всех этих радостей и удач, а методом триангуляции его, конечно, обнаружили бы в Ночлежном Дворце. Да, во Дворце

радости было хоть отбавляй. Мак с ребятами от нее прямо лопались. Джон вскакивал со стула, отбивал чечетку и садился. Хейзл улыбался без причины. Радость заполнила всех, и Маку стоило труда организовать ее и направить куда надо. Эдди теперь довольно регулярно работал в «Ла-Иде» и собирал солидный погребок, пива в сборную бутыль он больше не доливал. Говорил, что оно букет портит.

Сэм Мэллоу обсадил котел табаками. Он приспособил к котлу небольшой навес, и они с женой сидели под этим навесом по вечерам. Она вышивала полог для постели.

Радость захватила и «Медвежий флаг», дела шли хорошо. Нога у Филис Мэй срослась удачно, и Филис собиралась вот-вот приступить к работе. Ева Фланеган приехала из Сент-Луиса и радарадешенька была, что вернулась. В Сент-Луисе оказалась дикая жара и вообще все не так чудесно, как раньше. Просто, наверное, она раньше молодая была, ну, и понравилось.

План нового вечера вызрел не сразу. Он рос исподволь, его вынашивали, как куколку, в коконе воображенья.

Мак рассуждал трезво.

— В тот раз мы поспешили, — сказал он ребя-

там, — а куда спешить-то? Надо, чтоб все, как тесто, само подошло.

— Ну, и когда ж это будет? — поинтересовался Джон.

— Не знаю, — ответил Мак.

— Это сюрприз будет? — спросил Хейзл.

— Да, правильно! Лучше всего сюрприз, — сказал Мак.

Милка нашла и принесла ему теннисный мячик, и он бросил мячик в траву. Она помчалась его искать.

Хейзл сказал:

— Если б знать, когда Док родился, можно ему деньрожденье устроить.

У Мака даже челюсть отвалилась. Хейзл вечно его удивлял.

— Ну, Хейзл, ты даешь! И как ты допер! — заорал он. — Ведь где деньрожденье, там и подарки! Ну дела! Узнать бы только, когда он родился.

— А чего? — сказал Хьюги. — Может, прямо пошли да спросим?

— Э, — сказал Мак, — он сразу догадается. Человека спрашивают, когда его деньрожденье, да еще после того, как ему уже раз устроили вечер! Нет, он сразу поймет! Лучше уж я пойду потихоньку разведаю.

— И я с тобой, — сказал Хейзл.

— Нет, если мы вдвоем припремся, он поймет, что у нас чего-то на уме.

— Придумал-то все я, — сказал Хейзл.

— Знаю, — сказал Мак. — И если все хорошо пройдет, я сам скажу Доку, кто придумал, а сейчас лучше я один пойду.

— А как он? Ничего, не злой? — спросил Эдди.

— Нет, нормально.

Когда Мак пришел, Док был в нижнем этаже лаборатории. Он надел длинный резиновый фартук и еще резиновые перчатки, чтоб не портить руки формалином. Он впрыскивал подкрашенную массу в вены и артерии мелких налимов. Маленькая шаровая мельница вертелась, вертелась и намешивала голубую массу. А в шприце уже была красная жидкость. Тонкие руки Дока работали четко — он вводил иглу, нажимал пневматический спуск, и подцветку гнало по венам. Отработанных налимов он складывал аккуратными рядами. Он собирался ввести им же в артерии голубую жидкость. Из налимов получаются прекрасные препараты.

— Гм, Док, — сказал Мак. — Работаете все?

— Работаю, сколько работается, — сказал Док. — Как щенок?

— Нормально! А сдох бы, если б не вы тогда.

На секунду волна подозрительности захлестнула Дока, но тут же укатила. Обычно комплименты его настораживали. Он давно имел дело с Маком. Но в тоне была одна сплошная благодарность. Док знал, как Мак любит щенка.

— Как дела во Дворце?

— Лучше некуда, Док. Два новых стула. Может, зашли бы когда? У нас очень хорошо.

— Зайду, — сказал Док. — Эдди все носит бутыль?

— А то как же, — сказал Мак. — Он теперь туда пива не льет, и вроде даже лучше получается. Больше забирает.

— Забирало и раньше достаточно, — сказал Док.

Мак терпеливо ждал. Пусть Док сам набредет на подходящую жилу. Мак ждал. Пусть у Дока в голове засядет, что он сам завел этот разговор. Оно верней. Мак всегда применял такую тактику.

— Давно что-то Хейзла не видно. Он ведь здоров, правда?

— Да, — сказал Мак и открыл кампанию. — С Хейзлом все нормально. Они с Хьюги чуть не подрались. Целую неделю спорили. — Он усмехнулся. — Вот ведь смех: спорят — об чем сами не

понимают. Я уж молчу, я сам тут не понимаю, а они все спорят, чуть не подрались.

— А насчет чего? — спросил Док.

— Могу рассказать, сэр, — сказал Мак. — Хейзл все покупает эти разные карты и смотрит там, какие дни счастливые и всякое такое. А Хьюги говорит, это муть. Хейзл говорит, если знать, когда человек родился, по картам можно все про него узнать, а Хьюги говорит, карты продают, чтоб драть по двадцать центов за штуку. Ну, а я лично в этом не разбираюсь. А вы как считаете, Док?

— Я, пожалуй, согласен с Хьюги, — сказал Док. Он остановил шаровую мельницу, промыл шприц и наполнил его голубой массой.

— Вчера вечером жуть как спорили, — сказал Мак. — Спрашивают меня, когда родился, я сказал, двенадцатого апреля. Ну, Хейзл сразу купил карту и все про меня прочел. Кой-чего вроде сходится. Правда, там больше хорошее, а когда про тебя хорошее — ясно, поверишь. Вышло, что я смелый и умный и добрый к друзьям. Хейзл говорит, все сходится. А ваше когда деньрожденье, Док?

В конце долгого рассужденья вопрос звучал более чем естественно. Комар носу не подточит. Но не надо забывать, что Док знал Мака очень давно.

Если б он знал Мака не так давно, он назвал бы 18 декабря (то есть свой день рожденья), а не 27 октября (то есть совершенно другой день).

— Двадцать седьмое октября, — сказал Док, — спроси-ка у Хейзла, что я собой представляю.

— Небось муть это все, — сказал Мак, — а Хейзл верит. Скажу ему, Док, пусть про вас поглядит.

Мак ушел, а Док стал думать, где тут закавыка. Ясно, это ход. Он знал технику Мака, его приемы. Он узнавал его стиль. И недоумевал, на какой предмет понадобились Маку эти данные. Только потом уж, когда поползли слухи, Док сообразил, что к чему. А пока вздохнул с облегчением. Он все боялся, что Мак под конец стрельнет у него доллар.

XXVI

Двое мальчишек играли во дворе судоверфи, но вот на заборе показалась кошка. Они за ней бросились, выгнали на рельсы и на насыпи стали набивать карманы камнями. Кошка спаслась в высокой траве, а камни они оставили себе, потому что камни были — лучше не надо, и размер подходящий, и форма, и вес. Такие всегда пригодятся. Мальчишки повернули к Консервному Ряду и запустили камнем в рифленый фасад фабрики Мордена. Из окна глянул всполошенный служащий, метнулся к двери, но где ему было догнать мальчишек. Пока он спускался, они уже спрятались за дровами, а там их хоть сто лет ищи — не найдешь.

— Ему нас в жизни не найти, — сказал Джо.

Но когда никто не ищет — прятаться скучно, и они зашагали по Консервному Ряду. Долго стояли у витрины Ли Чонга, облизывались на клещи, ножовки, бананы. Потом перешли улицу и сели на нижнюю ступеньку лестницы, которая вела во второй этаж лаборатории.

Джо сказал:

— А у этого дядьки заспиртованные дети есть

— в бутылках.

— Какие еще дети? — спросил Уиллард.

— Обыкновенные, только они не родились еще.

— Врешь ты все, — сказал Уиллард.

— Нет, правда. Спрейг сам видел. Говорит, они во-от такие, и у них ручки, и ножки, и глазки есть.

— И волосы? — спросил Уиллард.

— Про волосы не говорил.

— А ты б спросил. Врет небось.

— Смотри, как бы он не услыхал, — сказал Джо.

— Пожалуйста, можешь ему сказать. Подумаешь, испугался я его! Тебя испугался! Я никого не боюсь. Ну, что ты мне сделаешь? А?

Джо не ответил.

— Ну?

— Ничего, — сказал Джо. — Я вот думаю... пошли к этому дядьке и прямо спросим, есть у него дети в бутылках или нет. Может, он покажет? Ну, если они у него есть.

— Нету его дома, — сказал Уиллард. — Когда он дома, тут всегда машина стоит. Куда-то укатил. Небось вранье. Спрейг врун. И ты врун. Ну? Что ты мне сделаешь?

День получался скучный. Уиллард из кожи лез, чтобы развеселиться.

— А еще ты трус. Что ты мне сделаешь, а?

Джо промолчал. Уиллард переменил тактику.

— А где теперь твой папаша? — спросил он дружелюбно.

— Умер, — сказал Джо.

— Ну да? А я и не знал… От чего?

Минутку Джо помолчал. Он знал, что Уиллард все знает, но не подал виду, потому что тогда надо было драться с Уиллардом, а Джо его боялся.

— Он покончил… Он отравился.

— Ну да? — Уиллард скорчил удивленную мину. — Как это он?

— Съел крысиного яду.

Уиллард просто покатился со смеху:

— Что же он — думал, что он крыса?

Джо усмехнулся, отдавая должное остроумию Уилларда.

— Ага, он думал, что он крыса, — кричал Уиллард. — Наверно, пополз — вот так — гляди, Джо. Так, Джо? И делал носом — так? А хвост у него был? А? — Уиллард помирал со смеху. — Чего же он к крысоловке не подошел, башку туда не сунул? А, Джо? — Уиллард иссяк. Было уже не смешно. Но он не унимался. — Ну а какой он

был? Такой? — Он скосил глаза, открыл рот и высунул язык.

— Он целый день промучился, — сказал Джо. — А умер ночью. У него все болело.

Уиллард сказал:

— А на кой это он?

— Не мог работу найти, — сказал Джо. — Чуть не год не мог работу найти. И знаешь, как интересно? Наутро к нему пришли на работу его нанимать.

Уилларду не хотелось расставаться с удачной шуткой.

— Наверно, он подумал, что он крыса, — сказал он, но ему и самому было не смешно.

Джо встал и сунул руки в карманы. В водосточном желобе блеснула монета, и он двинулся к ней, но не успел он к ней подойти, Уиллард его отпихнул и поднял монету.

— Чур моя, — закричал Джо, — отдай!

— А что ты мне сделаешь? — сказал Уиллард. — Ну, что будешь делать? Может, крысиного яду съешь?

XXVII

Мак с ребятами — красавцы, праведники, блаженные — сидели у себя в Ночлежном Дворце, а благое их влияние, как от камня, брошенного в воду, шло кругами по всему Консервному Ряду и дальше, к Пасифик-Гроув, к Монтерею и дальше, дальше, через холмы до самой Кармел.

— Теперь-то уж, — сказал Мак, — выясним наверняка, придет он на вечер или нет. А нет — так и устраивать нечего.

— А где мы теперь устроим? — спросил Джон.

Мак качнул свой стул, краем спинки опер об стену и обнял ногами его передние ножки.

— Сам вот голову ломаю, — сказал он. — Можно бы сюда пригласить, только тогда какой же сюрприз. И Док свою лабораторию любит. Там у него музыка. — Мак обвел комнату суровым взором. — Не знаю, кто там в прошлый раз поломал ему граммофон, — сказал он. — Но теперь кто хоть пальцем его тронь — не обрадуешься.

— Да, видно, лучше у Дока устроить, — сказал Хьюги.

О вечере никому не сообщали, весть вызревала сама. Никого не приглашали. Все собирались

пойти. 27 октября означилось у всех в воображении красной цифрой. Ну, а раз это день рожденья, нужны еще и подарки. Девушки Доры, например. Все они когда-никогда захаживали в лабораторию за советом, лекарством или просто с нерабочим визитом. И видали кровать Дока. И на ней лежало старое выцветшее красное одеяло, все в репье, колючках и в песке, потому что Док всюду таскал его с собой. Если заводились деньги, он покупал оборудование для лаборатории, а новое одеяло и не думал покупать. Девушки Доры делали стеганое лоскутное одеяло, шелковую прелесть. Брались лоскуты, в общем, от нижнего белья и вечерних туалетов, и одеяло роскошно переливалось телесным, бежевым, белоснежным и вишневым. Над одеялом трудились поздно утром и вечерами, пока не заявятся ребята, занятые на ловле сардин. Общая благородная цель сплотила их и совершенно вытеснила присущие бардакам интриги и ссоры.

Ли Чонг достал со склада и тщательно осмотрел двадцатипятифутовую нитку шутих и большой мешок китайских фонариков. Он полагал, что лучше для праздника ничего не придумаешь.

Сэм Мэллоу давно вынашивал теорию антикварных вещей. Он понял, что мебель, стекло и

фарфор, сперва ничего собой не представляющие, с течением времени обретают ценность и цену, совершенно независимо от красоты и прока. Он слыхал, что за один старый стул выручили пятьсот долларов. Сэм собирал детали автомобилей устарелых марок и не сомневался, что когда-нибудь коллекция сказочно его обогатит и будет покоиться на черном бархате в лучших музеях. Сэм долго думал о вечере, а потом осмотрел свои сокровища, которые хранил в большом запертом ящике позади котла. Он решился подарить Доку один из перлов коллекции — шатун с поршнем от «чалмера» 1916 года. Он тер и полировал эту драгоценность, пока она не заблистала, как древняя кольчуга. Он сделал для подарка специальный футляр и выстлал его черным сукном.

Мак и ребята тоже долго думали и пришли к заключению, что Доку вечно нужны кошки и он вечно мучается, раздобывая их. Мак пустил в ход свою двойную клетку. Взяли напрокат кошку во взволнованном состоянии и расставили ловушки у кипариса и на краю пустыря. За углом возле Дворца соорудили железную клетку, и группа неистовствовавших котов разрасталась из ночи в ночь. Джону приходилось дважды на дню ходить на фабрику за рыбьими головами, чтоб прокор-

мить пленников. Мак справедливо считал, что двадцать пять котов — лучший подарок Доку.

— Украшений делать не будем, — сказал Мак. — Просто серьезный вечер и выпивки — залейся.

Известие о вечере дошло до Гэя, в салинасскую тюрьму, и он уговорил шерифа, чтоб отпустил его на одну ночь и дал взаймы два доллара на автобус туда и обратно. Гэй всегда хорошо обращался с шерифом, и не такой человек был шериф, чтобы не помнить добро, да вдобавок надвигались выборы, и Гэй мог, по крайней мере обещался, подкинуть шерифу парочку голосов. Ну, а тот же Гэй при желании мог и черт-те как ославить салинасскую тюрьму.

Анри-художник вдруг открыл, что старомодные подушки для булавок — вид искусства, достигший расцвета в девяностые годы прошлого века, а затем пришедший в упадок. Он воскресил это искусство и восхищался новыми средствами. Картину не надо кончать — ее можно менять, перемещая булавки. Анри готовил несколько таких вещей для персональной выставки, но, услыхав о вечере, сразу забросил начатую работу и задумал гигантскую подушку для Дока — сложное, волнующее полотно из зеленых, желтых и голубых булавок, в приглушенных тонах, под названием

«Память о старом Уэльсе».

Друг Анри Эрик, образованный парикмахер, собирал первые издания писателей, не выпускавших в свет ни второго издания, ни второй книги. Он решил подарить Доку машину для обучения гребле, которая досталась ему после процесса о банкротстве одного клиента, за три года задолжавшего ему за бритье. Машина была в прекрасном состоянии. Никто ею не пользовался. Никто не пользуется машинами для обучения гребле.

Заговор разрастался, ходили друг к другу, советовались о подарках, напитках и о том, когда начинать и как бы кто чего не ляпнул Доку.

Док не помнил, когда он впервые заметил, что вокруг него что-то затевается. Когда он входил к Ли Чонгу, там смолкала беседа. Сначала ему показалось, что все к нему охладели. Когда человек десять спросили его, что он поделывает 27 октября, он страшно удивился, так как совершенно упустил из виду, что это якобы его день рожденья. Сперва он действительно интересовался показаниями гороскопа в связи с этой произвольной датой, но Мак к разговору не возвращался, и Док про него забыл.

Как-то вечером он остановился у одной гости-

ницы. Там держали бочковое пиво, которое Док любил, — и не слишком ледяное, но и не теплое. Он опрокинул первый стакан, собрался смаковать второй и тут услышал, как пьяный говорит буфетчику:

— Идешь на вечер?

— Какой еще вечер?

— Ну, — пьяный понизил голос, — знаешь Дока, из Консервного Ряда?

Буфетчик оглядел бар и снова упер взгляд в пьяного.

— Ну, — сказал пьяный, — ему устраивают колоссальное деньрожденье.

— Кто устраивает?

— Все.

Док призадумался. Этого пьяного он в жизни в глаза не видел.

Док испытал смешанные чувства. Его чрезвычайно тронуло, что ему хотят устроить вечер, и в то же время он содрогнулся, припомнив тот, который ему уже устроили.

Теперь все встало на свои места — вопрос Мака и молчанье, наступавшее, когда он входил. Он долго не спал в ту ночь. Все осмотрел, решая, какие вещи запереть. Он знал, что вечер недешево ему обойдется.

На другой день он тоже стал готовиться к вечеру. Лучшие пластинки отнес в заднюю комнату и спрятал. Бьющиеся предметы оборудования все до единого отнес туда же. Он все знал заранее — голодные гости еды не принесут. Выпьют все быстро, так всегда бывает. Док побрел в «Экономическую торговлю», где был тонкий и понимающий мясник. Вместе они обдумали угощенье. Док заказал пятнадцать фунтов мяса для бифштексов, десять фунтов помидоров, двенадцать головок салата, шесть батонов хлеба, большую банку арахисового масла и банку клубничного джема, пять галлонов вина и четыре кварты крепкого, хоть и не изысканного виски. Первого числа ему предстояло ругаться с банком. Еще три-четыре таких вечера, думал Док, и он вылетит в трубу.

А в Консервном Ряду подготовка шла полным ходом. Док угадал, про еду никто не подумал, но все — по пинте, по кварте — припасали выпивку. Коллекция подарков росла и росла, а если б завести список гостей, получилась бы перепись населения. В «Медвежьем флаге» без конца спорили, что надеть. Раз не надо работать, надевать форму — длинные вечерние платья — девушкам не хотелось. Решили надеть расхожие. Да,

но легко сказать, Дора потребовала, чтобы не подводили постоянных клиентов и установили дежурства. Разделились на две смены. Спорили, кто пойдет в первую: первая смена увидит лицо Дока, когда ему поднесут роскошное одеяло. Оно висело в столовой на станке, почти готовое. Миссис Мэллоу пока отложила свой полог. Она вязала Доку шесть салфеточек под пивные стаканы. Первое возбуждение в Консервном Ряду улеглось, нагнеталась серьезность. В клетке возле Ночлежного Дворца скопилось пятнадцать котов, и по ночам их вой нервировал Милку.

XXVIII

Рано или поздно Фрэнки должен был узнать о вечере. Потому что Фрэнки скользил по улицам как облачко. Если сходилось несколько человек, он оказывался тут как тут. Его не замечали, на него не обращали внимания. Непонятно, прислушивался ли он к разговорам. Но Фрэнки прослышал о вечере и прослышал о подарках, и его распирало чувство мучительной полноты жизни, и боль, и томленье.

В витрине ювелирной лавки Джекобса стояла вещь, прекраснейшая во всем белом свете. Ее выставили давно. Это были часы черного оникса с золотым циферблатом, но самая-то красота сияла у них наверху. Часы украшала бронзовая группа — святой Георгий, побивающий дракона. Дракон повержен навзничь и отчаянно когтит воздух, а грудь его пронзает копье святого Георгия. Святой во всей амуниции, с поднятым забралом, на откормленном толстозадом жеребце. Копьем он пригвождает дракона к земле. Но — что самое удивительное — у него острая бородка и он чуточку похож на Дока.

Фрэнки несколько раз в неделю ходил на улицу

Альварадо — полюбоваться святым Георгием. Ему снились часы, снилось, что он трогает блестящую гладкую бронзу. Уже несколько месяцев думал он про эти часы, когда услыхал про вечер и подарки.

Фрэнки целый час простоял на мостовой, прежде чем войти в лавку.

— Чего тебе? — спросил мистер Джекобс. Он прикинул возможности Фрэнки и сделал вывод, что у него нет и семидесяти центов.

— Сколько это стоит? — спросил Фрэнки хрипло.

— Что?

— Это.

— Часы, что ли? Пятьдесят долларов, а со скульптурой — семьдесят пять.

Фрэнки ничего не ответил и вышел. Он спустился на берег, заполз под опрокинутую лодку и оттуда глядел на серую зыбь. Бронзовое сокровище запало ему в душу, так и стояло перед глазами. И мучительное желание накатило на Фрэнки. Надо заполучить прекрасную скульптуру. И от этой мысли взгляд у Фрэнки твердел.

День он провел под лодкой, а когда стемнело, вышел оттуда и вернулся на улицу Альварадо. Шли в кино, выходили, шли в «Золотой мак», а он

все шагал взад-вперед по кварталу. Он не устал и не хотел спать, а красота святого Георгия огнем жгла ему сердце.

Прохожих становилось все меньше, наконец улицы опустели — уехали последние машины, и город погрузился в сон.

Полицейский долго приглядывался к Фрэнки.

— Ты что тут делаешь? — спросил он.

Фрэнки пустился бежать, обогнул угол и спрятался в сквере, за урной. В полтретьего он прокрался к двери Джекобса и дернул ручку. Дверь не поддавалась. Фрэнки вернулся в сквер, сел за урной и стал думать. На земле возле урны он увидел осколок бетона и подобрал.

Полицейский докладывал, что он услышал треск и бросился на шум. Оказалось, разбита витрина Джекобса. Он настиг и задержал убегавшего нарушителя. Непонятно, как это мальчишка ухитрился так далеко оттащить пятидесятифунтовые часы, а ведь чуть не удрал. Не угоди в тупик, поминай бы как звали.

На другой день начальник полиции вызвал Дока.

— Зайдите, пожалуйста. Мне надо с вами поговорить.

Ввели Фрэнки, чумазого, растрепанного. Глаза

были красные, но рот плотно сжат. При виде Дока он даже слегка улыбнулся.

— Что случилось, Фрэнки? — спросил Док.

— Вот вчера ночью вломился к Джекобсу, — сказал начальник. — Украл одну вещь. Связались с матерью. Она говорит, знать ничего не знает, говорит, он все время у вас торчит.

— Фрэнки, ну зачем ты это сделал? — сказал Док. Тяжкий камень обреченности лег ему на сердце. — Может, отдадите его на поруки? — спросил Док.

— Нет, судья не отдаст, — сказал начальник. — Тут была психиатрическая экспертиза. Вы знаете, что с ним?

— Знаю, — сказал Док.

— А знаете, что может случиться после переходного возраста?

— Да, — сказал Док, — знаю. — А камень страшно давил ему на сердце.

— Врач считает, лучше его изолировать. Раньше мы не могли, ну, а после уголовщины оно легче.

Фрэнки слушал, и приветная улыбка гасла в его глазах.

— Что он украл? — спросил Док.

— Большие дорогие часы с бронзовой скульп-

турой.

— Я возмещу их стоимость.

— Что вы, мы же их вернули. Судья, наверно, и слушать не захочет. Но такое может повториться. Сами знаете.

— Да, — мягко сказал Док. — Знаю. Но может, у него была своя причина. Фрэнки, — сказал он, — зачем ты их взял?

Фрэнки долго на него смотрел.

— Я вас люблю, — сказал он.

Док выбежал, сел в машину и поехал собирать морских животных возле мыса Лобос.

XXIX

В четыре часа 27 октября Док заспиртовал последнюю медузу, а было их страшно много. Он вымыл бутыль из-под формалина, почистил пинцет и снял перчатки. Он поднялся наверх, покормил крыс и сложил кое-какие любимые пластинки и микроскопы в задней комнате. Потом он ее запер. Бывало, воодушевленный гость желал поиграть с гремучей змеей. Предусмотрев все случайности, Док надеялся сделать вечер как можно менее летальным и притом не скучным.

Он поставил кофейник, завел Большую фугу и принял душ. Он действовал очень проворно и успел переодеться в чистое и выпить кофе, пока кончилась пластинка.

Он посмотрел в окно на пустырь и дальше, на Дворец, но никого не увидел. Док не знал, сколько гостей к нему придет и какие будут гости. Но он знал, что за ним следят. Он весь день это чувствовал. Правда, он никого не видел, но его держали в поле зрения. Значит, это будет сюрприз. Надо, стало быть, чтоб его застали врасплох. Надо вести себя как ни в чем не бывало. Он прошел к Ли Чонгу и купил две кварты пива. Док почуял в

семействе Ли подавленный восточный восторг. Значит, и эти будут. Док вернулся в лабораторию и налил себе стакан пива. Он утолил жажду первым стаканом и налил второй — для вкуса. На пустыре и на улице все еще не было ни души.

Мак с ребятами сидели во Дворце за закрытой дверью. Весь день шипела печь, нагревая воду для мытья. Даже Милку искупали и повязали ей красный бант на шею.

— Как думаете, когда пойдем? — спросил Хейзл.

— Ну, не раньше восьми, — сказал Мак. — А пока что вроде бы можно чуть подзаправиться, чтобы, это, согреться немного.

— А может, и Доку согреться? — сказал Хьюги. — Может, я пойду снесу ему бутылочку, вроде так просто?

— Нет, — сказал Мак. — Док только сходил к Ли Чонгу за пивом.

— Думаешь, не догадался он? — спросил Джон.

— Ну, откуда? — удивился Мак.

В клетке возле Дворца два кота затеяли борьбу, а все остальные ее судили, урча и выгнув спины. Попалось только двадцать два кота. Программу не выполнили.

— Как нам их туда втащить? — сказал Хейзл. —

Такая клетища и в дверь-то не пролезет.

— А на кой тащить? — сказал Мак. — Вспомни-ка, что с лягушками вышло. Нет уж, просто скажем Доку, так, мол, и так. Приходите — получите. — Мак встал и откупорил одну из сборных бутылей Эдди. — Ну давайте, ребята, согреемся, — сказал он.

В пять тридцать старый китаец прошлепал вниз по холму, мимо Дворца. Он пересек пустырь, перешел улицу и исчез в проулке между Западно-Биологической и фабрикой Гедиондо.

В «Медвежьем флаге» девушки заканчивали последние приготовления. Смены назначались жеребьевкой. Условились сменяться каждый час. Дора была великолепна. Она завила и уложила свежевыкрашенные оранжевые волосы. Надела обручальное кольцо, большую брильянтовую брошь и шелковое платье — белое в черных бамбуках.

Жизнь в «Медвежьем флаге» шла шиворот-навыворот. Кто оставался — сидели на постелях в длинных вечерних туалетах, а в гости шли в коротеньких ситцевых платьицах. Те, что уходили, все были очень хорошенькие. Одеяло, законченное, снятое со станка, лежало в баре, в большой картонке. Вышибала слегка роптал, так как его на

вечер решили не брать. Кому-то надо же присмотреть за домом. Невзирая на запрет, все девушки припрятали по пинте и ждали только сигнала, чтоб подкрепиться перед праздником.

Дора проплыла в кабинет и затворила дверь. Она отперла верхний ящик секретера, вынула бутылку и стакан и налила себе немного. И бутылка нежно звякнула о стакан. Девушка, подслушивавшая под дверью, услышала звяканье и оповестила прочих. Теперь Дора ничего не учует. И девушки кинулись в комнаты к бутылкам. Сумерки опустились над Консервным Рядом, серая пора, когда день погас, а фонари не горят. Филис Мэй выглянула из-за занавески в главной гостиной.

— Видно тебе его? — спросила Дорис.

— Ага. Свет зажег. Сидит, читает вроде. Ох, Господи, сколько он читает! Как только глаза не попортит. В руке стакан с пивом держит.

— Ну и хорошо, — сказала Дорис, — давай и мы выпьем.

Филис Мэй еще немного хромала, но была как огурчик. Говорила, что хоть кого может уморить.

— Интересно, правда? — сказала она. — Сидит и не знает, что сейчас будет.

— Никогда к нам развлечься не зайдет, —

взгрустнула Дорис.

— Некоторым мужикам платить неохота, — сказала Филис Мэй. — Ну, а так себе дороже, только не соображают они.

— А может, они ему нравятся?

— Кто?

— Девушки эти, которые к нему ходят.

— Может, и нравятся. Я к нему заходила. Никогда ко мне не лез.

— Ясное дело, — сказала Дорис. — А вот если б ты тут не работала, небось еще как бы на тебя накинулся.

— Думаешь, ему наша профессия не нравится?

— С чего ты взяла? Просто, может, он считает, если девушка работает — она не такая, как все.

Выпили еще по одной.

Дора в кабинете налила себе еще, выпила и снова заперла секретер. Она поправила перед зеркалом несравненные волосы, осмотрела сияющие красные ногти и прошла в бар. Вышибала Элфрид дулся. Правда, он ничего не говорил и выражение лица было как всегда, но все равно он дулся. Дора холодно его оглядела.

— По-моему, ты считаешь, что тебя жутко обидели? А?

— Нет, — сказал Элфрид. — Все нормально.

От этого «нормально» Дора взвилась.

— Нормально? Ах так? У вас работа, мистер. Нужно вам это место или нет?

— Все нормально, — снова отчеканил Элфрид. — Я что? Я молчу. — Он положил локти на стойку и стал изучать себя в зеркале. — Идите, веселитесь, — сказал он. — А я тут пригляжу. Вы уж не беспокойтесь.

Сердце Доры растопили его страданья.

— Слушай, — сказала она, — я не хочу оставлять дом без мужчины. Мало ли что пьяный какой-нибудь выкинет, а девочкам с ним не справиться. Но попозже ты приходи — будешь в окошечко сюда поглядывать. Ну? Ведь если что, ты и оттуда углядишь.

— Ладно, — сказал Элфрид, — я с удовольствием. — Он смягчился. — А потом еще загляну на минутку — что, чего. Тут вчера такой пьяный был — жуть. И вообще, Дора, я как вот свернул задницу тому мужику, все психую. Совсем настроения нет. Все боюсь, двину кого для острастки, а он вдруг и того.

— Тебе отдохнуть надо, — решила Дора. — Я, может, уговорю Мака, он тебя заменит недельки на две, и ты отдохнешь.

Замечательная мадам была Дора, ничего не

скажешь.

У себя в лаборатории Док переложил пиво чуточкой виски. Он был слегка под мухой. Славно, что для него устраивают вечер. Он поставил «Павану по мертвой принцессе», и от нее стало грустно и защемило сердце. И поэтому он поставил «Дафниса и Хлою». Там было одно место, что-то еще напоминавшее Доку. Афинские лазутчики перед Марафонской битвой донесли, что видят ползущую по долине полосу пыли, и они услышали лязг оружия и услышали элевсинские гимны. И одно место в музыке напоминало Доку эту картину.

Пластинка кончилась, он выпил еще виски и стал решать вопрос о Бранденбургском концерте. Он бы разом вывел его из слезливого настроения. А чем плохо слезливое настроение? Даже приятно.

— Что хочу, то и поставлю, — вслух сказал он. — Хочу — поставлю «Clair de Lune»[19] или «Девушку с льняными волосами». Я сам себе хозяин.

Он налил виски и выпил. И пошел на компромисс — поставил «Лунную сонату». Мелькали неоновые фонари «Ла-Иды». Перед «Медвежьим

---

[19] Примечания: 19
«Лунный свет» (*фр.*).

флагом» зажгли фонарь.

Рой огромных темных жуков забился у фонаря, а потом они попадали на землю, суча ножками и щупая сяжками воздух. Кошка уныло прогуливалась вдоль сточного желоба в поисках приключений. Она недоумевала, куда подевались все коты, увлекательная жизнь и кошмарные ночи.

Мистер Мэллоу на корточках высматривал из котла, не собираются ли уже гости. Во Дворце ребята не спускали глаз с черных стрелок будильника.

XXX

Природа вечеров недостаточно изучена. Но всякому известно, что у каждого вечера — свои отклонения от нормы, что каждый вечер — как особая личность, и чаще всего — не без причуд. И еще всякому известно, что вечер почти никогда не идет по задуманному плану. За исключением, конечно, тех обязательных унылых вечеров, где вас подавляют, подстегивают и тиранят профессиональные хозяйки-людоедки. Да их и вечерами-то не назовешь, это демонстрации и акты, свободные, примерно как перистальтика, и увлекательные, как ее результат.

Наверно, все в Консервном Ряду заранее представляли себе вечер — приветственные возгласы, поздравления, радость, шум. А началось совсем по-другому. Ровно в восемь Мак с ребятами, причесанные, умытые, захватив сборные бутыли, прошли мимо птичника, через железнодорожное полотно, по пустырю, через улицу и по ступеням Западно-Биологической. Все смущались. Док стоял в дверях. Мак произнес небольшую речь:

— Поскольку сегодня ваше деньрожденье, то мы с ребятами от всего сердца поздравляем вас с

деньрожденьем, и у нас есть двадцать две кошки для вас в подарок.

Он кончил. Они потерянно стояли на ступенях.

— Заходите, заходите, — сказал Док. — Я… вот уж не ожидал… Даже не думал, что вы знаете, когда у меня день рожденья.

— Все коты, — сказал Хейзл. — Только мы их не принесли.

Они чинно сели слева по стенке. Помолчали.

— Ну как, — сказал Док, — раз вы пришли — может, немного выпьем?

Мак сказал:

— Мы кое-что захватили. Для вас. — И указал на три бутыли, собранные Эдди.

— Пива я не добавлял, — сказал Эдди.

Док взглянул на бутыли уже без содроганья.

— Нет, — сказал он. — Сперва выпьем моего. Кстати, у меня случайно есть как раз немного виски.

Только они расположились, деликатно потягивая виски, как вошла Дора с девушками. Поднесли одеяло. Док положил его на кровать. Прелестное одеяло. Девушки тоже согласились немного выпить. Тут явились мистер и миссис Мэллоу со своими дарами.

— Многие даже не представляют, сколько это

будет когда-нибудь стоить, — сказал Сэм Мэллоу, извлекая из футляра шатун с поршнем от «чалмера» 16-го года. — Может, во всем мире их трех таких уже не найти.

Тут гости повалили валом. Анри пришел с подушкой в три на четыре фута. Он хотел прочитать лекцию о новых средствах выражения, но официальная часть не удалась. Явились мистер и миссис Гэй. Ли Чонг преподнес длинную нитку шутих и китайских фонариков. Кто-то съел китайские фонарики в одиннадцать часов, шутихи оказались долговечней. Из «Ла-Иды» пришла группа сравнительно незнакомых людей. Натянутость быстро испарялась. Дора сидела как на троне, в сиянии оранжевых волос. Она держала стакан виски, изящно отставив мизинец. И приглядывала за девушками, чтобы вели себя прилично. Док поставил танцевальную музыку, и пошел на кухню, и стал жарить бифштексы.

Первая драка была пустячная. Кто-то пришел из «Ла-Иды» и сделал гнусное предложение одной девушке. Она возмутилась, и Мак с ребятами, оскорбленные таким неприличием, тут же вышвырнули нахала за дверь и ничего при этом не разбили. Они радовались, что принесли пользу обществу.

Док на кухне жарил бифштексы на трех сковородках, нарезал помидоры и раскладывал хлеб. Ему было очень хорошо. Мак лично присматривал за патефоном. Он нашел запись трио Бенни Гудмана. Начались танцы, вечер набирал силу и глубину. Эдди прошел в кабинет и отбил чечетку.

Док захватил на кухню пинту и пил прямо из бутылки. На душе у него становилось все лучше и лучше. Все удивились, когда он выставил еду. Есть никому особенно не хотелось. Всё тут же съели. Сытость повергла гостей в лирическую пищеварительную негу. Виски кончилось, и Док выставил галлон вина.

Дора со своего трона сказала:

— Док, поставьте что-нибудь красивое. А то наш музыкальный ящик так надоел — ужас один.

И Док поставил «Ardo» и «Amor» из альбома Монтеверди. И гости притихли, устремив глаза в себя. Дора наслаждалась. Двое незнакомцев проскользнули вверх по лестнице и тихонько вошли. Док ощутил сладкую золотую печаль. Все молчали, когда кончилась музыка. Док достал с полки книгу и начал читать густым, низким голосом:

И теперь

Если б дева, у которой глаза были полны
чащоб и туманов,
Тяжкую ношу любви снова ко мне принесла,
Я снова бы предал ее голодным рукам-близнецам
И пил бы вино с ее губ, неблагодарно, как шмель,
Что, к лилии белой припав,
Грабит любимой богатство.

* * *

И теперь
Если б только увидеть,
Как лежит, истомясь, моя радость,
И во взоре печаль, и разлука, и непереносимая нежность,
Я снова бы сплел из любви сладко-тяжелую цепь,
И ночь бы качала на смуглой груди
Веселую голову дня.

* * *

И теперь
Мне глаза, что наскучили зрелищем жизни,
Все рисуют, рисуют портреты ее,
Луч солнца на шелке щеки,
Магнолии нежностью равной,
Белейший пергамент, на котором злосчастные губы мои
Выводили те стансы, каких уж вовек не напишут.

* * *

И теперь
Смерть мигает напудренным веком,
Не дает мне забвенья о теле, любовью казненном.
Покой и отраду дарили мне эти сосцы,
Как два рдяных цветка.
И мучает память цветок ее уст,
Что печатью легли на мой рот.

* * *

И теперь

Торгаши на базарах судачат

О слабости той, что сильна и меня полюбила.

А сами, ничтожные, они продаются за деньги.

Принц заморский тебя не возвел на нечистое ложе.

Ты одна. Ты со мной. Ты, как платье,

Плотно меня облекла. Моя радость.

* * *

И теперь

Я люблю те глаза.

Они веселы были и полны печали,

И тени пушистых ресниц я люблю, тоже полные ласки.

Я люблю аромат тех единственных уст,

И волос ее тонкий дымок,

И веселое, тонкое пенье браслетов.

* * *

И теперь
Помню я, как менялось лицо,
Как ты нежно делила мой пламень. Мы единою были душой…
О, я знаю любовные игры служительниц Рати.
На закате луны я их видел.
Истомленные, в зале, обитой коврами,
Тотчас они засыпали и все забывали.

Филис Мэй рыдала в голос, когда он кончил, и сама Дора утирала слезы. Хейзла так очаровали звуки, что в смысл он не вникал. И на всех нашла легкая мировая скорбь. Каждому вспомнилась давняя любовь, каждому — недавнее свиданье.

Мак сказал:

— Ух, Господи, хорошо-то как. Помню, одна девчонка… — И он не кончил.

Все наполнили стаканы и затихли. Вечер соскальзывал в русло нежной печали, Эдди пошел в кабинет, отбил чечетку, вернулся и сел. Вечер уже клонило к концу, ко сну, когда на лестнице раздался топот. Кто-то орал:

— Где девочки?

Мак встал, почти осчастливленный, и быстро прошел к двери. И улыбка радости осветила лица Хьюги и Джона.

— Каких вам девочек? — любезно осведомился Мак.

— А чего? Нам надо в бардак. Шеф говорит, тут.

— Ошибаетесь, мистер. — У Мака был радостный голос.

— Ага, а кто ж тогда эти дамочки?

И они вступили в битву. Это была команда с рыболовного судна из Сан-Педро, добрые, сильные, веселые, закаленные в битвах ребята. Первым же натиском они прорвались к гостям. Девушки Доры сняли туфельки и держали за носки, чтоб бить противников по головам острыми каблучками. Дора побежала на кухню и вернулась, грозя мясорубкой. Док тоже наслаждался. Он молотил во все стороны шатуном с поршнем от «чалмера» 1916 года.

Славная была битва. Хейзл споткнулся и, пока поднялся на ноги, дважды схлопотал по морде. Печка-франклинка с грохотом рухнула на пол. Оттесненные в угол пришельцы защищались тяжелыми книгами, попадавшими с полок. Но постепенно их оттуда изгнали. Разбили два окна

на фасаде. Элфрид услыхал через улицу шум и внезапно атаковал врага с тыла своим излюбленным оружием — ракеткой от пинг-понга. Дерущиеся спустились с лестницы, на улицу и дальше — на пустырь. Снова дверь лаборатории повисла на одной петле. Доку порвали рубашку, поцарапали в кровь сильное, сухопарое плечо. Неприятель отступил уже до середины пустыря, когда раздалась сирена. Поздравители Дока только вернулись в лабораторию, закрыли сломанную дверь и потушили свет, как подоспела полицейская машина. Но фараоны остались с носом. Гости сидели в темноте, посмеивались и пили. Из «Медвежьего флага» пришла свежая смена. Тут уж поднялся дым коромыслом, пошла настоящая гульба. Полицейские вернулись, заглянули, прищелкнули языками и остались. Мак с ребятами использовали полицейскую машину для поездки к Джимми Брачиа за вином, и Джимми Брачиа тоже приехал. Шум несся по всему Консервному Ряду. Вечер имел все достоинства мятежа и ночи на баррикадах. Команда с рыболовного судна из Сан-Педро скромно прокралась обратно и присоединилась к гостям. Их приняли с заботой и любовью. Одна женщина в пяти кварталах от лаборатории хотела из-за шума вызвать

полицию, но никого не застала. Полицейские сообщили, что у них украли машину, потом они нашли ее на набережной. Док сидел на столе, поджав ноги, улыбался и отстукивал пальцами по колену. Мак занимался индийской борьбой с Филис Мэй. А свежий морской ветерок задувал в разбитые окна. Вот тогда кто-то поджег двадцатипятифутовую нитку шутих.

XXXI

Молодой суслик, в расцвете сил, обосновался в зарослях мальвы на пустыре Консервного Ряда. Место он выбрал отличное. Густые зеленые стебли тянулись вверх, свежие и роскошные, и, вызревая, соблазнительно клонили головки. И для норы земля самая подходящая — черная, мягкая и хоть и песчаная, но не крошилась и не засыпала проходов. Суслик был толстый, гладкий, в защечных мешках всегда вдоволь еды, ушки аккуратные и хорошо поставлены, а глаза — черные, как головки старомодных булавок, и такого же примерно размера. Передние лапы — лапы копателя — были у него на редкость сильные, светлый мех на груди — на диво пушистый и мягкий, а мех на спине темно лоснился. У него были длинные загнутые желтые зубы и коротенький хвостик. Словом, красавец суслик и в самой поре.

Он добрался сюда по суше, облюбовал и заложил нору на пригорке, чтоб смотреть сквозь стебли мальвы, как по Консервному Ряду идут машины. Он видел ноги Мака и ребят, когда те шли по пустырю во Дворец. Он вкопался в

угольно-черную землю, и место ему еще больше понравилось, потому что под почвой лежали большие камни. И просторную кладовую он вырыл под камнем, чтоб не осела, какие б ни лили дожди. Тут можно обосноваться и без конца выводить потомство; и нору можно копать и копать во все стороны сколько угодно.

В одно прелестное раннее утро он впервые высунул морду из норы. Сквозь стебли цедился зеленый свет, и первые лучи солнца падали в нору и грели, и суслик наслаждался.

Выкопав кладовую, четыре запасных выхода и водонепроницаемую комнату на случай потопа, суслик стал запасаться. Он сгрызал только безукоризненные стебли и точно подравнивал, а потом стаскивал и складывал их в кладовой так, чтоб не сгнили и не скисли. Наконец суслик вздохнул спокойно. Вблизи никаких садов, никаких ловушек. Кошек, правда, хватало, но они объедались рыбьими головами и кишками с фабрики и думать забыли об охоте. Песчаная почва быстро впитывала воду, и в норе не разводилась сырость. Суслик трудился, трудился и доверху набил кладовую. Тогда он сделал еще маленькие боковые комнатки для детей. Пусть через несколько лет тысячное потомство расползается во все стороны

от родного очага.

Но время шло, и суслик уже терял терпенье, потому что самка все не являлась. По утрам он сидел у входа и пищал проникновенно, доходчиво, хоть недоступно людскому слуху. А самка не являлась. Наконец, весь потный, он двинулся через полотно и дальше, пока не набрел на другую сусличью нору. Он зазывно запищал у входа. Он услышал шорох и почуял самку, и вот из норы вышел старый, закаленный в битвах матерый суслик и долго тузил и терзал его, так что он едва добрался домой и три дня отлеживался в большой комнате, и в этой битве он потерял два когтя с передней лапы.

И снова он ждал и пищал у входа в свое уютное жилье, но самка так и не явилась, и пришлось ему перебраться. Он перебрался на два квартала выше по холму, где был георгиновый сад и каждую ночь расставляли ловушки.

XXXII

Док просыпался медленно и тяжко, так тучник вылезает из бассейна. Сознание то выкарабкивалось на поверхность, то снова валилось вглубь. На бороде у него была помада. Он приоткрыл один глаз, увидел сверкающее одеяло и зажмурился. Но скоро он снова огляделся. С одеяла взгляд скользнул на пол, к разбитой пластинке в углу, к стаканам на столе, перевернутом кверху ножками, к винным лужам и книгам, распростертым, как тяжелые большие бабочки. И всюду комья свернувшейся красной бумаги и вонь от жженых шутих. Сквозь дверь на кухню он увидел высокую стопку тарелок из-под бифштексов и сковородки — все в застывшем сале. Сотни окурков прилипли к полу. И сквозь вонь от шутих прорывалась тонкая смесь духов, вина и виски. На минуту взгляд его задержался на шпильках, валявшихся посреди комнаты.

Он медленно перевернулся, оперся на локоть и взглянул в проломленное окно. Консервный Ряд затих под ярким солнцем. Дверь котла была открыта. Дверь Ночлежного Дворца — закрыта. Кто-то мирно спал в траве посреди пустыря. В

«Медвежьем флаге» закрыли все двери и окна.

Док встал, прошел на кухню и по пути в уборную зажег газовую колонку. Потом вернулся и сел на край постели, озирая разгром. С церкви на холме несся колокольный звон. Колонка зашумела, он пошел в ванную и принял душ и надел синие джинсы и фланелевую рубашку. Ли Чонг еще не открывал, но увидел, кто стоит за дверью, и открыл. Он тут же пошел к холодильнику и принес кварту пива. Док заплатил.

— Повеселились? — спросил Ли. Его карие, припухшие глаза покраснели.

— Повеселились! — сказал Док и вернулся в лабораторию с холодным пивом. Он сделал бутерброд с арахисовым маслом, на закуску к пиву. На улице было тихо-тихо. Ни души. В голове у Дока звучала музыка — скрипки и виолончели. И они вели прохладную, нежную мелодию, утешную, ускользающую. Он ел бутерброд, потягивал пиво и слушал музыку. Покончив с пивом, Док прошел на кухню и вынул из раковины грязные блюда. Он пустил горячую воду и бросил туда мыльные хлопья, и от них поднялась густая белая пена. Потом он подобрал все уцелевшие стаканы. Он сунул их в мыльную воду. Тарелки из-под бифштексов громоздились на плите, склеенные

темным соусом и белым салом. Док расчистил на столе место для вымытых стаканов. Потом отпер дверь в заднюю комнату и вынес оттуда один альбом грегорианской музыки и поставил «Pater Noster» и «Agnus Dei». Ангельские, бесплотные голоса наполнили лабораторию. Нездешне сладкие, чистые. Док трудился над стаканами осторожно, чтоб не звякнули и не испортили музыку. Мальчишеские голоса вели мелодию просто, но с той тугой полнотой, какой не бывает в другом пении. Пластинка кончилась, Док вытер руки и ее снял. Он увидел у ножки кровати книгу, подобрал и сел на кровать. Первую минуту он читал про себя, но потом губы его зашевелились, и он стал читать вслух — медленно, паузами разделяя строки:

И теперь,

Когда слушаю мудрые мысли ученых мужей,

В размышленьях пустых юность свою растерявших,

Я тоскую по давнему лепету

Девы далекой и близкой,

По странным и мудрым словечкам,

Текучим, медвяным и сонным, как сонные воды реки.

В раковине остывала густая белая пена, булькали, лопались пузыри. О пирсы бил высокий прибой, и волны плескались о скалы очень высоко — давно уж так не поднимались.

И теперь

Тоскою сжимается сердце, когда вспоминаю

Высокие синие горы и низкие серые скалы,

Плеск моря. Я видел глаза твои странные. Руки, как бабочки.

И для меня поутру вспархивал птенчик с тимьяна,

И дети бежали купаться к реке – для меня.

Док закрыл книгу. Он слышал, как волны бьются о сваи, и слышал, как белые крысы мечутся в клетках и тычутся в брусья. Он пошел на кухню и попробовал остывающую в раковине воду. Он пустил горячую струю. Он сказал громко — раковине, белым крысам, себе:

И теперь

Я знаю, что главного в жизни отведал,

Пил из чаши зеленой, из чаши златой на

великом пиру,

И в дальнее то, мимолетное то и бессрочное время

Глаза мои полнились видом любимой,

Слепящего света светлейшим потоком.

Он утер ладонью глаза. А белые крысы топтались и метались в клетках. А гремучие змеи под стеклом лежали тихо и глядели в пространство тусклыми угрюмыми глазами.